

новая книга избранных
писем счастья **Дмитрия Быкова**
ЗА РАЗНЫЕ ГОДЫ С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ ПЕТРА САРУХАНОВА

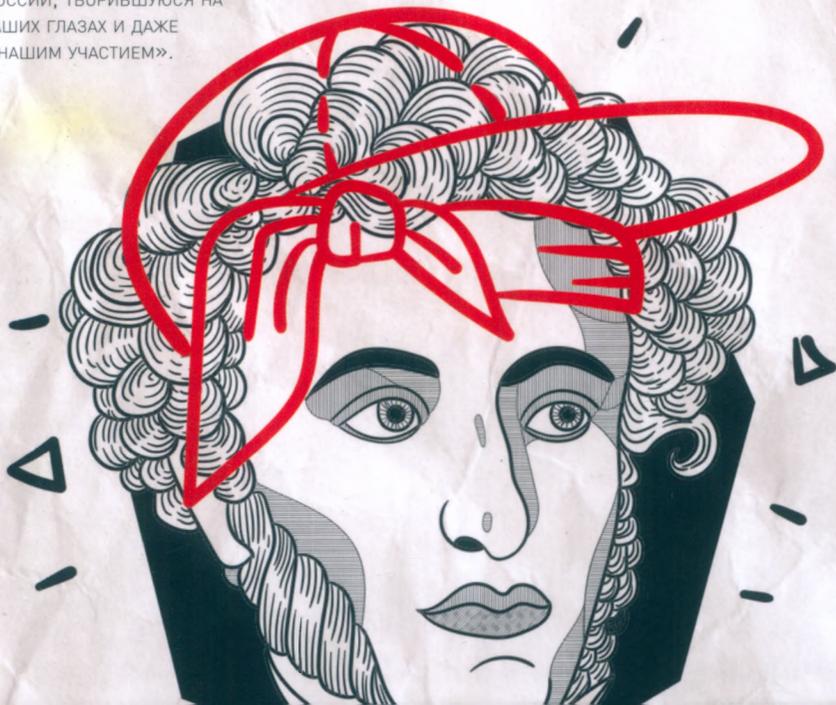

ДМИТРИЙ БЫКОВ

Заразные ГОДЫ

«Читая письма счастья, вспоминаешь
недавнюю и самую новую историю
России, творившуюся на
наших глазах и даже
с нашим участием».

Заразные
ГОДЫ

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

ДМИТРИЙ
БЫКОВ

**Заразные
ГОДЫ**

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б95

Художественное оформление обложки
Сергея Власова

Фото автора на обложке *Анны Артемьевой*

Во внутреннем оформлении использованы иллюстрации
Петра Саруханова

Координатор проекта *Екатерина Кевхиви*

Макет *Олега Лёвкина*

Быков, Дмитрий Львович.
Б95   Заразные годы / Дмитрий Быков. — Москва :
Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-101283-0

«Заразные годы» – новая книга избранных писем счастья Дмитрия Быкова за разные годы. Мало кто помнит, что жанр злободневной поэтической колонки начался еще в огоньковский период автора. С тех пор прошло уже больше 20 лет: письма счастья перекечевали в «Новую газету» и стали ассоциироваться только с ней. За эти годы жанр не надоел ни автору, ни читателям – что еще нужно, чтобы подтвердить знак качества?

В книгу «Заразные годы» войдут колонки последних лет и уже признанные шедевры: троянский конь украинской истории, приезд Трампа в Москву, вечный русский тандем, а также колонки, которые многие не читали совсем или читали когда-то очень давно и успели забыть – к ним будет дан краткий исторический комментарий.

Читая письма счастья, вспоминаешь недавнюю и самую новую историю России, творившуюся на наших глазах и даже с нашим участием.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101283-0

© Быков Д., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
ОГОНЬКОВСКИЙ ПЕРИОД	9
НОВОГАЗЕТНЫЙ ПЕРИОД	131
2009	133
2010	153
2011	202
2012	228
2013	250
2014	274
2015	302
2016	327
2017	346
2018	392

Название «Заразные годы» появилось случайно. Издатель спросил: вы хотите собрать последние тексты или за разные годы? Вот оно, подумал я. Самое точное определение прожитого двадцатилетия. И самое ужасное, что перезаразились не только все мы, но и значительная часть внешнего мира. Автор не претендует на изобретение антибиотика от этой заразы, но ему кажется, что он несколько облегчит читателю течение болезни.

Сочинять эти так называемые Письма счастья — ведь лирика всегда письмо о счастье и всегда в никуда — я начал в середине девяностых для «Собеседника», там они выходили под рубрикой «Герой недели». Потом перенес эту рубрику в «Огонек», оставив в «Собеседнике» героя. Наконец, после очередного реформатирования «Огонька», я попросился в «Новую газету», которую часто ругал, но всегда уважал. Спасибо им, они меня приняли и терпят до сих пор.

Естественно, эти стихотворные фельетоны подверглись отбору, но большинство из них, как я убедился, не устареет. Писать о Путине — кратчайший путь в вечность: любовь проходит, а Путин — никогда.

С годами эти стихи стали серьезнее и вообще все больше походят на лирику. В стихах органичнее получается эопова речь, там можешь сказать больше и точнее. Кроме того, чем пускать стихи в серьезную лирику, всегда лучше иметь отводной канал для политической. Вообще мне кажется, что реагировать на политику для поэта естественно: именно она — концентрированное выражение общественной морали. И еще — эти еженедельные (иногда и ча-

ще) поэтические экзерсисы держали меня в тонусе. Чтобы писать время от времени настоящие стихи о смысле жизни, неплохо бывает накачивать мускулы, тренироваться и вообще время от времени вызывать вдохновение. Врут, что его нельзя вызвать. Если у вас дедлайн и каждые десять минут зовет ответсек — вдохновение хочет не хочет, а явится.

Эту книгу составила и прокомментировала Катя Кевхишвили, спасибо ей за это. Последние стихи мы оставили без комментариев, ибо поводы еще свежи в памяти. Спасибо Юрию Пилипенко и Дмитрию Муратову, которые все это терпели, печатали и никогда ни в едином слове не цензурировали. Будем надеяться, что наши нехитрые радости в эти заразные годы помогли нам дожить до незаразных — и даже слегка приблизить их.

ДМИТРИЙ БЫКОВ

ОГОНЬКОВСКИЙ ПЕРИОД

Июнь 1999 года. Двухсотлетие Пушкина.

Виват! Пред славным юбилеем
Страна трудилась день-деньской.
Залит отборнейшим елеем
Кумир зеленый на Тверской,
Кумиру чистят бакенбарды,
Палят из пушек, жгут петарды,
Над кучерявой головой
Виется дым пороховой,
И всё родное Хаммурапи —
Дядья без правил, голь, ворье,
Семья и присные ее, —
Повисли на одном арапе:
Вцепились с воплем «Погоняй!»
И мыслят ехать прямо в рай.

**И с кепкой мэр, и Лебедь Саша,
И первых вице череда
Кричат: он наше все! он наше!
Все, да не ваше, господа.**
И мэр, и нищий в переходе
Равно чужды его природе;
И от братка, и от бомжа
Он отвернулся бы, дрожа.
И русопят, и гордый горец,
И воин, что пред ним дрожит,
И профессиональный жид,

И самоучка-жидоборец —
Все чернь. А впрочем, белизна
У нас не менее грязна.

Но наш поэт, любивший славу,
Не отказался б от венка.
Ему, я думаю, по нраву,
Что треплют лавры старика,
Что не на нужды жизни низкой
Собирают денежку подпиской,
А на издание плодов
Его михайловских трудов,
Что новое запомнит слово
Юнец, который в двадцать лет
Знал только слово «Интернет»;
И наконец, что не Лужкова,
Не Коха, не Бородина
Так пышно чествует страна.

Прости, поэт. Но если после
Всех этих воплей и пальбы
Души, коснеющей в коросте,
Коснется жар твоей судьбы,
И тот, кто был тупой скотиной,
Запомнит только звук единый,
И слово сможет уколоть
Его жиреющую плоть,
И тайным веяньем иного,
Таинственного бытия
Строка единая твоя
Иль хоть единственное слово
Смутит царей, проймет псарей, —
Не зря и этот юбилей.

Пока вокруг опасности таятся
И вся страна дежурит до шести,
Министра чрезвычайных ситуаций
Хочу воспеть и к власти привести.
Но так как я придумать рифму к «Шóйгу»
При всем своем таланте не могу,
То вместо установленного «Шóйгу»
Я буду называть его «Шойгú».

**Отечество мое, как идиота,
Приходится спасать сто раз на дню.
Здесь есть одним спасателям работа —
Все прочие давно пошли ко дну.**
Упал ли дом, нашли в крупе взрывчатку,
Жарою выжгло тундру и тайгу,
Без топлива оставили Камчатку —
Везде спешат спасатели Шойгу!
Старик забыл, где выход из сортира,
Ребенок ли объелся творогу,
Открылся свищ, закрылась ли квартира —
К тебе спешат спасатели Шойгу!
В моей стране, где даже к честной власти
Относятся как к злейшему врагу,
Исправить ситуацию отчасти
Способны лишь спасатели Шойгу!

Поэтому пора, не отлагая
До будущего лета этих дел,
Избрать его, Отчизна дорогая,
Чтоб он один тобою овладел.
Его ребят я не устану славить,
Его бойцам — приветствия писать...
Америкой, быть может, можно править,
Но Родину давно пора спасать.

Битва титанов

Октябрь 1999 года. Информационная война Гусинского с Березовским, Семьи с ОВР, «Итогов» с «Программой Сергея Доренко».

На авансцену выходит Сергей Доренко с противотанковым ружьем. Следом за ним из-за кулисы Евгений Киселев выкатывает тяжелую шарманку.

Доренко (*аккомпанируя на противотанковом ружье*)

Лужков — супруг своей жены,
Он муж Батуриной Елены,
И все Батурины страны —
Его семьи огромной члены!
Никто доселе не раздул
Разоблачения такого!
Мне кнопку бросили на стул,
И это происки Лужкова!

Киселев (*заводя шарманку*)

А Ельцин старый и больной,
Он стал посмешищем для мира,
Четвертый год рулят страной
Его семья и два банкира!
Один — Роман, другой — Мамут,
Татьяна их гоняет шваброй...
Меня, наверное, убьют
За то, что я ужасно храбрый!

Доренко (*стреляя в воздух*)

Лужков привык грозить Кремлю,
Прикрывшись честною личиной!
Его я в Африку сошлю,
Переодев его мужчиной!
Лужков и Пакколи — друзья.
Мэр не сказал о том ни слова.
В Испании объелся я,
И это происки Лужкова!

Киселев (*крутя шарманку*)
А Ельцин старый и больной,
Системный кризис абсолютен,
Правитель нужен нам иной,
И до весны сгодится Путин,
А там «Отечества» отцы
Народ возглавят очумелый...
Боюсь, что мне придут концы
За то, что я ужасно смелый!

Доренко (*разражаясь градом выстрелов*)
Лужков — чудило из чудил.
Кот испугался попугая!
Сначала дело возбудил,
За клевету меня ругая,
Но после двух недель возни
Его закрыли бестолково.
Я на свободе, черт возьми,
И это происки Лужкова!

Киселев (*вертя ручку*)
А Ельцин старый и больной!
Он говорит с ужасным хрипом!
Помимо всяких параной,
Он третий год болеет гриппом!
Отшибло ум у старика,
Он разгребает хлам бумажный...
Меня убьют наверняка
За то, что я такой отважный!

Доренко (*стреляя*)
Лужков — пахан и крестный дон!

Киселев (*играя*)
Дьяченко — в роли кардинальши!

Доренко
Услать Лужкова за кордон!

Киселев

Отправить Ельцина подальше!

Доренко

Московской мафии — капут!

Киселев

Семья к отплытию готова!

Меня убьют! Меня убьют!

Доренко

И это происки Лужкова!

Наказанное

корыстолюбие, или Блудный отец

---

*Нравоучительная драма XVIII века,
писанная в зарождающемся ХХI.*

Действующие лица:

Блудный отец — мужчина с характерной внешностью, лет пятидесяти. Быстрая речь, бегающие глазки.

Добродетельный сын — мужчина лет сорока пяти с губастым, открытым и честным лицом.

Блудный отец

Внемли, жестокий сын моих мохнатых чресел!

Почто ты на меня ярлык врага навесил?

Почто не обратишь губастого лица

Ты в сторону меня, несчастного отца?

Добродетельный сын

Нет, ворон, я не твой! С упрямством ишачиным

Меня, главу страны, ты называешь сыном.

Дитя я органов и доблестной Семьи,

Но эти органы, папаша, не твои!

Блудный отец

Помилуй, дитяtko! В семье признали сами —
Я создавал тебя вот этими руками!
Ты плод моих трудов, моих костей и жил,
А сколько долларов в тебя я заложил!

Добродетельный сын

Ты деньги на меня давал по доброй воле.
А чем ты нажил их? Трудом полезным, что ли?
Спасибо же скажи, что я еще слегка
Даю тебе давно уместного пинка.

Блудный отец (*бурно жестикулируя*)

Нет, вы послушайте! О боже, боже правый!
Не я ли год назад вскормил тебя «Андавой»?
Не я ли, сколотив «Единство», сбился с ног?
О да, я воровал — но для тебя, сынок!
Кристалльный, как Прудон, расчетливый, как Струве,
Я все, что добывал, тащил тебе же в клюве!
Я первые твои купил тебе штаны,
А ты меня теперь погонишь из страны!

Добродетельный сын

Ты мне купил штаны помимо всяких правил,
А скольких россиян ты без штанов оставил?
Ужели веришь ты, что за твои штаны
Все власти потакать тебе обречены?
Беги, ты мне никто! Скажи еще спасибо,
Что ты наказан днесь не стройками Запсиба
И не Чукоткою, как твой дружок Роман,
А выслан за рубеж и прячешься в туман!

Блудный отец (*глумливо*)

А если рассказать стране и правосудью,
Как я тебя кормил вот этой самой грудью?
А если я скажу ликующей толпе
Всю правду про тебя, про Таню и тэ пэ?
Когда ты не вернешь мне прежних предпочтений,
Я столько соберу таких пресс-конференций,

Что книги Коржика, чтоб был он так здоров,
Тебе покажутся укусом комаров!

Добродетельный сын (с достоинством)

Да, это аргумент расчетливый и скотский.
Но помнишь — за рубеж был выслан некто Троцкий?
Он тоже был хитер и временами груб,
Однако на него нашелся ледоруб!

Блудный отец

О, нечестивый сын! Кому грозишь ты плахой?
Куда, куда меня ты посылаешь?!

Добродетельный сын

К черту!

А вы запомните, блудливые отцы:
Вас тоже могут ждать подобные концы.

Разбор полетов

Июнь 2001 года. Арест Владимира Гусинского после недавней истории с таинственным исчезновением и столь же таинственным обнаружением Андрея Бабицкого.

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина. Путин нервно ходит по ковру. На ковре перед ним — вызванные на разбор полетов Рушайло, Патрушев и Устинов.

Путин

Это что же вы творите, сукины сыны?
В США и в Лондон-сити все потрясены!
Говорят, что я свободу прессы удушил
И российскому народу хавальник зашил!
Я ж велел вам только прессу мягко уломать,
Не теряя политесу, шлеп же вашу мать!
Вы ж Бабицкого ломали, как тайфун — тростник!
Нешто вы не понимали, резник и мясник?!

Силовики (хором)

Ну, пускай наполовинку пережали пресс —
Нам же все-таки в новинку этот политес!
Не чуждайся нашей дружбы и не обессудь:
Мы ведь все ж таки спецслужбы, а не кто-нибудь!

Путин

Ну, Бабицкого прошу хоть. Но налет на «Мост»?!
Я же вас просил прошупать, потянуть за хвост,
Но устроить маски-шоу посреди Москвы —
Это, братцы, по-большому мне наклали вы!
Можно было компроматом рожи им намять,
Но нельзя же автоматом, шлеп же вашу мать!

Силовики

Ну допустим, ну а фиг ли? Тут же враг кругом!
Мы же, Вова, не привыкли цацкаться с врагом!
Так что мы не виноваты, зря не голоса:
Мы ж ведь все-таки солдаты, а не хрен соси!

Путин

Что же мне, раздать награды? Ручки вам пожать?
Ну Гусинского-то, гады, кто велел сажать?
Я ж сказал — пугнуть немного. Дескать, доконал.
У него ж, у демагога, собственный канал!
Тут про эту предварилку воеет целый свет!
Я ж сказал — «Загнать в бутылку», а в Бутырку — нет!

Силовики

Что он тут торчал, как цаца, грязью нас полив?
Пусть он едет издеваться на фиг в Тель-Авив!
Пред тобой, Вован, мы чисты, или нет, чисты,
Мы ж ведь все-таки чекисты, ровно как и ты!

Путин

Да, конечно, это суки, сволочи, враги —
Но ведь нам связали руки внешние долги!
Запад как о троглодите воеет обо мне!
Вы уж все-таки блюдите видимость вовне!

Чтобы мы хотя б снаружи, гляючи в упор,
Были все-таки не хуже, чем до этих пор!
Занимайтесь тут хоть сыском, жмите всю печать,
Но кончайте вы с Гусинским!

Силовики (*радостно*)

Стало быть, кончать?!

Путин (*с досадой*)

Да к чему же нам расправа, пытки и бои?
Эк у вас зудит-то, право, прыткие мои!
Пусть бы он на волю вышел, шлеп же вашу мать,
Пусть бы я о нем не слышал дней хотя бы пять!

Силовики (*с готовностью*)

Мы, быть может, грубоваты, выжжены в борьбе,
Но, однако, мы — солдаты, верные тебе!
И тебе даем мы слово: про него, жида,
Ты не будешь слышать, Вова, больше никогда!

Бросаются к Путину и отрывают ему уши.

Сдача

*Июль 2001 года. Югославия во главе с Воиславом Коштуницей
сдала Слободана Милошевича Гаагскому военному трибуналу.*

Члены правительства (*шепотом, Джинджичу*)

Смелей! Решайся, ренегат,
Ослица Буридана!

Джинджич (*неуверенно*)

Воислав! Вишь, какой расклад...
Мы сдали Слободана.

Коштуница

Ну, блин! Не жизнь, а волшебство.
Скандалы на скандале!
Кто согласился взять его
И что за это дали?

Джинджич

Да на него еще когда
Прислали нам бумаги!
Короче, мы сказали «да» —
И он теперь в Гааге.

Коштуница (бледнея)

Не может быть! Да ты в уме?!
Отдать в Гаагу Слобо!
Теперь мы все в таком дерьме!
И вы! А я — особо!

Джинджич

Ты знаешь, я подумал тут...
Он, знаешь, шизофреник,
А нам сказали, что дадут
За это много денег!

Коштуница

Ух, как взъярится большинство!
Скажи мне, ради бога:
Вы, значит, продали его?

Джинджич

Но денег правда много.

Коштуница (остывая)

Весь мир теперь остынет к нам...

Джинджич

Воислав, это враки.

Коштуница

Да он с собой покончит там!

Джинджич

Воислав, это вряд ли.

Коштуница

И как я мог не уследить?!
Мне что теперь — убиться?

Джинджич

Но не самим же нам судить
Народного любимца!

Коштуница (*с тоской*)

Теперь начнется крик, скандал,
И шум, и тьма кромешна...
Но я не знал! Ведь я не знал?

Совет министров (*хором*)

Не знал! Не знал, конечно!

Коштуница (*примиренно*)

Мне лишь Отчизна дорога!
Я чужд угрюмой злобы!
А денег много?

Совет министров

До фиги!

Коштуница

Но я не знал?

Джинджич

Еще бы!

Пара крутых

В октябре 2001 года Путин встретился с Бушем.

Буш

Мой друг Владимир...

Путин

Можно Вова.

Буш

Любезный друг, не всем дано
Понять друг друга с полуслова,

Но я-то понял вас давно.
Вступив на верную дорогу,
Вы сильно радуете нас.
Ведь демократия, ей-богу,
Всем надоела двадцать раз!

Путин

Любезный Джорджи!

Буш

Можно Жора.

Путин

И мы признаться вам должны,
Что доигрались до упора
В развале собственной страны.
Мог презирать любой узбек нас,
Про молдаван не говоря...
Какая, блин, политкорректность!
Россия требует царя!

Буш

Я знал, что мы пойдем друг друга.
Я знал, что мы друг другу в масть.
Народы наши от испуга
Хотят лизать любую власть.

Путин

И как тут, Жора, ни крутись ты —
Поверь общественной нужде:
Когда приходят террористы,
Страна нуждается в вожде!

Буш

Признаться, Вова, не пора ли —
Скажу, как русскому царю:
Нас очень вовремя избрали!

Путин

И я про то же говорю!

Настало время нашей роты
Творить активное добро.
Что, кстати, думаешь про ПРО ты?

Буш

Оставь, мой друг! Какое ПРО!
Тому залог мои седины —
Об этом я давно умолк.
Теперь должны мы быть едины.
Тебе не нужно денег в долг?

Путин

Не надо, справимся легко мы.
Страна не зря горда собой.
Нужны ль тебе аэродромы?
Бери, пожалуйста, любой!

Буш

Давай, мой друг, поднимем знамя
Защиты вольности и прав!
И кстати, Вова... между нами...
В Чечне ты был, похоже, прав.

Хором

Гордитесь Путиным и Бушем,
Вовсю выпячивайте грудь!
Весь мир исламский мы разрушим.
Кто был ничем — ничем и будь!

Подавившиеся лимоном

В июле 2002 года состоялся суд над Эдуардом Лимоновым.

Отечество судит писателя вновь,
Причем на закрытом процессе.
Писательство портит и нервы, и кровь.
Оно из опасных профессий.

Состряпанных белыми нитками дел
Немало в российских анналах:

Сидел Чернышевский, и Горький сидел —
Поэтому мир и узнал их.

Сидел Достоевский, и — горе уму! —
Бывал Грибоед под арестом.
Под стражей Тургенев задумал «Муму»,
Что стала его манифестом.

Кобылин сидел, и сидел Мандельштам,
Клеймивший опричников смело:
Он встретить бы мог и Шаламова там —
Писателей много сидело.

**Российский Парнас — это смрадный подвал,
Россия — страна неурядиц:
И Пушкин — вы помните — в ссылке бывал,
И Бродский сидел, туняец...**

Но судей Лимонов приводит в экстаз:
Всех прочих уделал Лимонов!
Писателей брали в России не раз,
Но брали, увы, без ОМОНов.

Должно быть, Лимонов — писатель крутой,
Не зря он попал на скрижали!
Зато уж Толстой — это полный отстой:
Его никогда не сажали.

Уж как он хотел посидеть, говорят,
Уж как он того добивался —
А все ж не попал в этот доблестный ряд,
Тогда как Лимонов — прорвался.

И ты не в обиде, российская власть,
И вы, доносители-шкуры:
Когда вам еще доведется попасть
В историю литературы?

В мае 2003 года в Россию приехал Пол Маккартни. И его принял у себя Владимир Путин.

Страна была поражена: в субботу Путин принял Пола. Там были Пол, его жена и скромный гид мужского пола. Ловила жадно вся Москва беседы важные детали, но только общие слова до русской прессы долетали. О чем был главный разговор — гадать могли бы до утра мы, когда бы благородный вор нам не представил стенограммы.

Путин

Привет вам, милые, привет! Давно хочу спросить у Пола — без телекамер, без газет и вообще без протокола: вас обожало большинство, и меньшинство любило прочно — ваш рейтинг больше моего...

Пол

Не может быть!

Путин (*хмуро*)

Проверил, точно. Мой — семьдесят, битловский — сто. Не веришь — спросишь у Суркова. И вот хочу спросить: за что? Чего вы сделали такого?

Маккартни (*чувствуя себя виноватым*)

Я ничего не делал, сэр! Мы просто музыку лабали! Я — на гитаре, например, а Ринго Старр — на барабане.

Путин (*начиная сердиться*)

Мы много книг про вас прочли! Не надо с нами, как с ослами! Не замирили вы Чечни, Березу в Лондон не послали, не поднимали ВВП, телемостов не проводили — а только шлялись и т.п. по этой вашей Пикадилли. Ну там концертик, ну другой... Но извини — у нас в России Газманов левою ногой писал бы песенки такие! А как Кобзон у нас поет? Включи любую передачу — и сразу видно: патриот! А вы что пели? Чушь собачью! Мне переводчик перевел — там слабо с уровнем моральным. Сравни ты эти

песни, Пол, с моим посланьем федеральным — легко поймет любой дурак, что я владею словом метким. А все же хлопали не так! Не так, как вашим шансонеткам! Я даже пенсии плачу, я в Грозном одержал победу, когда куда-то не лечу — так, значит, я куда-то еду... Кому ты пенсии даешь? Кому, скажи? Не прячь глаза-то! Ты все про йестеди поешь, а я — про радостное завтра! Так объясни же, отчето на всей земле на самом деле твой рейтинг выше моего?

Маккартни (*испуганно*)

Не знаю, сэр! Мы просто пели...

Путин (*задумчиво*)

Ну вот, поди теперь ответь, кого возносит случай шальной... Чего же мне теперь — запеть? Сыграй-ка, Пол! Споем, пожалуй!

Хором

Can't buy me love, yeah...

Послание к Ирине Хакамаде, как если бы она домогалась моей любви

---

*В январе 2004 года правые потерпели на думских выборах
катастрофическое поражение.*

Ты ни к чему, Ирина Хакамада,
У нас в степи.
Хотя тебе, наверно, хокку надо,
Но потерпи.
Тебе не будет никакого хокку,
И я клянусь:
Тебя не хочет ни с какого боку
Святая Русь!

Когда-то вы с Немцовым и Чубайсом
Пятнадцать лет
Имели нас по самое не бойся.
Тут рифмы нет,

Но мы народ простой, неприхотливый,
И мы вполне
Без рифмы вовсе можем обходиться,
Когда хотим!

Когда бы ты под действием порыва
Любви земной
Вдруг извиваться стала похотливо
Передо мной, —
Тогда б науку вспомнил я отцову
И поднял плеть:
Ступай к Немцову, милая, к Немцову,
А к нам — не смей!

Мы скифы все, мы евро-азиаты,
Нас тьмы и тьмы!
Вы тем уже пред нами виноваты,
Что вы — не мы!
Вы всё отнять хотите — от Тамбова
И до Курил.
Оденься, ты! — сказал бы я сурово
И закурил.

Но даже если б ты не уходила,
Нюня, стоя,
И мне сквозь зубы жалобно твердила
«Возьми меня», —
Я, может быть, к мольбам влюбленной гейши
Бы снизошел,
Но избирать тебя на пост главнейший
Бы не пошел!

Уже довольно Родина страдала
От правых сил!
У нас теперь ни правых сил не стало,
Ни левых сил!
Их никаких у нас теперь не стало —
Один патрон;
Теперь тебя нам только не хватало
Избрать на трон!

Езжай домой, Ирина Хакамада,
Езжай, и всё!
Там харакири, сакура, микадо,
Сумо, Басё,
Возьми с собою книги Мураками,
Саке, суши,
И впредь не трогай грязными руками
Моей души!

Какой ты!

Сцена изображает кремлевский кабинет Путина.
Перед ним стоит президент Южной Осетии Эдуард Кокойты.

Кокойты

Прошу, от паники устав:
Моих сограждан успокой ты!
Возьми нас, Вова, в свой состав!
Мы рвемся к русским!

Путин

Ах, Кокойты!
Забудь резню, оставь возню,
Мы все давно уже решили —
Ведь если я тебя возьму,
Мне не простит Саакашвили!

Кокойты

Володя, что тебе грузин:
Кто он такой — и кто такой ты?
Ему лишь пальцем погрозим —
И он отступит!

Путин

Ах, Кокойты!
Конечно, ты не из разинь —
Вцепился в трон, живешь богато...

Но он не просто так грузин!
За ним же Буш и все ребята!

Кокойты

Володя, слушай, что нам Буш!
На это все глаза закрой ты.
Мы все — нас двести тысяч душ —
Хотим в Россию!

Путин

Ах, Кокойты!
Оставь напрасные мечты,
Тебе придется наклониться!
Ведь не Россию любишь ты,
А контрабанду на границе.

Кокойты

Ну да, люблю. И что с того?
Кто первый встал, того и тапки!
Россию любит меньшинство —
Все остальные любят бабки.
Делиться, кстати, я готов.
Уже теряешь рейтинг свой ты:
Где Абашидзе? Был таков!
А он за русских!

Путин

Ах, Кокойты!
У вас там ногу сломит черт!
Тебе скажи, а ты раструдишь...
Не русских он любил, а порт!
А ты... тоннель ты Рокский любишь!

Кокойты

Люблю! Но, денег не любя,
Нельзя, Володя, миром править!
А также я люблю тебя —
Сильней, чем можешь ты представить.
Земля у нас сейчас ничья,

Ее, пожалуйста, прикрой ты —
Иначе новая Чечня вас ожидает...

Падает к нему в объятия.

Путин (потрясенно)
Ах, Кокойты!

Юбилейный разговор с товарищем Андроповым

К 90-летию со дня рождения.

Грудой дел отшумев и отхлопав, день отошел и угас вдалеке. Двое в комнате — я и Андропов — фотографией в родном «Огоньке». Светлым взглядом смотрит, как витязь, насквозь пронзая душу мою... Что вы сказали? «Прошу, садитесь»? Спасибо, не тревожьтесь, я постою. Товарищ Андропов, я вам докладываю. То есть закладываю, проще сказать. Товарищ Андропов, работа адовая будет сделана и делается опять. Это ничего, что я так разговариваю? Трудно выбрать достойный тон... Делают по вашему, в общем, сценарию: сначала — богатых, прочих — потом. Олигархи уже сидят у параша и тщетно ждут перемен в судьбе. Наверху уже, в общем, почти все ваши. Хотя не «КГ», но по-прежнему «Б». Все точно помнят вашу методику — сейчас дословно произнесу: «Можно отнять любую свободу, но надо сначала дать колбасу!» И вот я сижу с колбасой в обнимку — а также не голый и не босой — и рапортую вашему снимку, как хорошо мне тут с колбасой.

В России много умных и грамотных, кто вам посвящает восторг и пыл. В Петрозаводске поставлен памятник: лоб — как у Ленина, нос — как был, а выражение — как у Тютчева: мол, стой, Россия, на страх врагам! Все говорят — вы хотели лучшего, но не успели, хвала богам. Спасибо вам, что вы не успели! Не то бы я, как некий герой, давно в деревянной лежал постели, а то и просто в земле сырой. Неважно даже — чистки, война ли... Долго ли, в общем, найти заказ? Теперь вы, правда, меня догнали, но двадцать лет я прожил без вас.

Вы были правы, пресечь распад решив. Сегодня мы тоже не можем ждать. Так утверждает товарищ Патрушев, а он-то знает, что утверждать. Теперь во власти не паралитики, а сплошь спортсмены, сажень в плечах, но... Что касается внешней политики, эта область пока захла. **Мир стал какой-то однополярный. Чуть отпустили его — и вж-жик! Всем заправляющий Буш коварный ставит Ираком своих и чужих.** А впрочем, таких подбирает лбов он и так не щадит чужих потрошков, как будто при вас еще завербован, а может, он наш, полковник Бушков?

На свете нет таких телескопов, чтоб в них увидеть грядущие дни, но я боюсь, товарищ Андропов, что контуры как бы уже видны. Хотя и лежим под западным выменем, всюю уже машем своим жерлом, и вашим, товарищ, сердцем и именем думаем, дышим, боремся и живем. А так как я ни на шаг от правил и жизнь моя тут далеко не легка, прошу запомнить: я вас поздравил. По поручению «Огонька».

Песнь о вещем Владимире

В Киеве на выборах сперва победил, а потом проиграл Виктор Янукович.

Как ныне собирается вещей Вован
Поздравить вождя Украины,
Не зная еще, что Павловского план
Уже превратился в руины.
Он трубку виском прижимает к плечу:
«Я вас, Янукович, поздравить хочу!»

Польщен Янукович: не каждый премьер
С Вованом общается вещим!
Но как, не нарушив приличных манер,
Сказать, что поздравить-то не с чем?
Ероша хохол и кусая губу,
«Вы рано звоните», — он цедит в трубу.

«Да как это рано? — не понял ВВ.
— Ведь я же сказал, чтобы сразу!

Приказы мои исполняют в Москве,
Как только закончу я фразу!»
«Все так, — отвечает соседний глава, —
Но тут, к сожаленью, пока не Москва».

«Ну ладно, — бурчит недовольный ВВ
И в ярости трубку бросает. —
Пока они тянут и пилят лаве,
Поеду я лучше на саммит!»
Но с саммита снова звонит Януку
И хитро ему произносит: «Ку-ку!»

«Ку-ку», — говорит Янукович в ответ.
Тогда с выраженьем зловещим
ВВ говорит: «Принимайте букет.
Иль снова ты скажешь, что не с чем?
Поставил я подпись! Ты понял, чувак?!»
Но вновь Янукович ответил: «Никак».

Меж тем и общественность как-то бузит,
Не ждавши такого сюрприза.
«Ты с чем поздравляешь его, паразит?!» —
Шипит из угла Кондолиза.
«С днем ангела!» — ей говорит ВВП,
А сам понимает, что это ЧП.

Три дня пробежало. Российский вожак
Настроен все резче и резче.
Он снова звонит: «Поздравлять или как?» —
Но, слыша привычное «Не с че...»,
Швыряет любимую трубку с гербом
И в твердую стену колотится лбом.

«Ну как это можно? — он стонет в тоске. —
Он что там — кидает монету?!
Когда я кого назначаю в Москве,
Вопросов, как правило, нету!
Бывает, назначишь кого-нибудь, мнать, —
И сразу же можно уже поздравлять!»

Осенью 2004 года доллар продолжил падение. Многие россияне разуверились в нем.

Люблю тебя, хоть ты не обещаешь создать со мной классической семьи. Ты спишь со мной (в подушке). Воплощаешь в себе одном все ценности мои. Ты символ власти, доблести, свободы, уверенности, нежности, еды. В тебе храню я прожитые годы. В тебя я воплотил мои труды. Ты заслонил кремлевские рубины, не говоря про русские рубли. Вся жизнь моя ушла в тебя, любимый. Отсюда и накал моей любви.

Идеи — фетиш. Мне не до идей уж. Патриотизм развеялся как дым. Меня тревожит то, что ты худеешь, но ты мне даже нравишься худым. Мы связаны с тобой, как Холмс и Ватсон, как инь и ян, как горн и пионер, и как-то лучше падать вместе с баксом, чем подниматься с гривной, например. Толстеет рубль — теперь он весит много, но что мне проку от таких монет? Я на тебе читаю: «Верим в Бога». А на рубле читаю: «Бога нет».

Как опытный преступник — с адвокатшей, как модный галерейщик — с меценатшей, как эмират арабский — с эмиратшей, с тобой я свыкся. Ты мне не чужой. Ты падаешь — но с женщиною падшей приятней, чем с неопытной ханжой. С тобой резервы русского народа, я верю, будут в целостности всегда. Пускай к финалу будущего года ты сбросишь пять процентов — не беда! Конечно, это бьет по нашим шеям и поджимает наши животы, но мы с годами все не хорошеем, и радостно, что с нами вместе ты.

В стране, где пахнет водкою паленой, где разбавляют даже молоко, — мне нравится, что ты такой зеленый и что тебя подделывать нелегко. Что запретят тебя — мне думать больно. У нас ведь правят левою ногой... Но как люблю я чистый взгляд Линкольна! Что? Линкольна? Как скажешь, дорогой! Тебя мне не заменит Центробанк, блин! Как будто Центробанк Россию спас! Все хороши, но самый милый — Франклин. Он лучше Вашингтона в сотню раз.

Исчезнет евро — я стерплю потерю: ты перспективней, ясно и ежу. По-прежнему я все тобою мерю и все, что есть,

в тебя перевожу. Среди российской вечной круговерти лишь ты один — надежность и уют. Как ты стыдливо прячешься в конверте, когда тобой зарплату выдают! Надежная, проверенная суша, добытая в мучительной борьбе... Пускай я не люблю, допустим, Буша. Но Буша ведь и нету на тебе!

Пусть ценник, украшающий обменник, грустнеет с каждым днем календаря, — тебе я верен, как кавказский пленник был верен долгу, грубо говоря. И с гордостью, глотая ком соленый, я говорю российским господам: «Он будет стоить тридцать, мой зеленый!»

А если нет, то я его продам.

Инаугурант Буш

Джордж Буш-младший избран на второй президентский срок.

Голос Путина (в трубке)

Послушай, Джордж! Звоню тебе, как другу.
Есть несколько вопросов, но сперва
Хочу тебя поздравить с ина... угу...
Короче, с тем, что ты опять глава.

Буш (прочувствованно)

Спасибо, Вов! И я тебе, как другу,
Готов сказать, что ты мне всех родней...

Путин (перебивает)

Но ты толкнул какую-то речугу!
Я кой-чего не понимаю в ней!
Я уточнить хотел бы для проформы,
А то Россия тоже не поймет.
Вот ты сказал, что, делая реформы,
Не худо уважать бы свой народ.
А то иной берется слишком круто —
И вся страна в прогаре, почитай...
Ты, собственно, кого имел в виду-то?

Буш (испуганно)

Китай!

Путин (*успокоенно*)

И я подумал, что Китай.

Вот пара фраз буквально авантюрных —

Мы тут буквально все потрясены.

Мол, те, что кое-где томятся в тюрьмах,

Есть будущая власть своей страны.

А ежели тиран не верит в это,

То он недальновидец и дурак.

Скажи, кого ты держишь в голове-то?

Буш (*смущенно*)

Ирак!

Путин (*обрадованно*)

И я подумал, что Ирак!

Еще один вопрос — и я отстану.

Одна деталь меня буквально жжет.

Ты говорил, что есть на свете страны,

В которых власть свободу бережет,

Не жмет на кнопки, не ломает клавиш,

Но управляет, личностей ценя...

Ты, собственно, кого в пример-то ставишь?

Буш (*в отчаянии*)

Тебя!

Путин (*удовлетворенно*)

И я подумал, что меня.

Неправильная победа

Февраль 2005 года. Президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга высказалась о предстоящем юбилее Победы.

Недавно Вике-Фрейберга (она рулит покуда Латвией свободной) сказала, что она раздражена российской хамоватостью природной. Мы не вольны, промолвила она, внушить манеры русскому соседу. Пускай они там пиво пьют до дна за эту их несчастную Победу, пусть на газете чистят

воблин бок и, оторвав куски от рыбьей тушки, под рев гармонии шпарят назубок свои неэстетичные частушки — нам варваров исправить не дано. История загонит их в парашу. Мы будем пить не пиво, а вино, и не за их победу, а за нашу.

Простите этот вольный перевод, но суть сводилась к этому, ей-богу. Итак, латвийский доблестный народ не хочет пить за нашу Перемогу. Не мне Европу гордую учить — ее авторитет не поколеблен, — но Фрейбергу я должен огорчить. Она, похоже, будет в меньшинстве, блин. Не зря полки шагали на убой. Не только в Новом, но и в Старом Свете за ту победу станет пить любой, раскладывая воблу на газете. И англичане, дружно разложив на свежей Times бекон и чикен-карри, поднимут крепкий эль за тех, кто жив из тех, кто фрицам надавал по харе. Французы, разложив на «Фигаро» свои сыры и жирные паштеты, — о, как течет слюной мое перо, о, Франция упитанная, где ты! — поднимут тост среди парижских крыш за тех, кто в Resistance отличился, а вовсе не за тех, кто сдал Париж и под Виши от страха обмочился. И даже в Штатах, кажется, полно таких, что в память доблестного года свое калифорнийское вино закусят сочным лобстером Кейп-Кода — и, положив на «Вашингтонский пост» отваренного краба-исполина, возьмут его за ярко-красный хвост и скажут: «Ну, за взятие Берлина!» О Вайра! Я пишу вам из Москвы. Простите, я известный безобразник. Мы выживем, ей-богу, если вы в Россию не поедете на праздник. Пятнадцать лет мы, кажется, живем без Латвии — пленительной простушки, и нашу воблу жесткую жуем и распеваем грубые частушки. И пусть глава свободных латышей, угрюмая, как гордая гиена, разложит пару заячьих ушей на доблестном таблоиде Diena — оскалится, как нильский крокодил, который плачет, если безутешен, — и выпьет не за тех, кто победил, а за того, кто в Нюрнберге повешен.

В подмосковном пансионате 27 февраля 2005 года состоялся первый, строго засекреченный съезд новой молодежной организации «Наши». Инициативу ее создания приписывают главному пиарщику президентской администрации Владиславу Суркову.

О, новая радость детей, стариков и прочих насельников Раши! Ужасно мне хочется в «Наши», Сурков. Сурков, запиши меня в «Ваши»! Я знаю, ты вырос и в разум вошел в эпоху маразма и гнили, когда «Запишите меня в комсомол!» в четырнадцать лет говорили. Давно уже мне не четырнадцать лет (стареть неприлично поэту), и нет комсомола, и партии нет, а главное — радости нету! **Теперь-то, я верю, ты сразу мне дашь и денег, и счастья, и смысла. Мне радости нет, потому что не ваш. А с вами мне будет некисло!**

Ведь ваши теперь — побеждающий класс. Вы с каждой неделей краше. Ведь ваши купили «Юганскнефтегаз», и льготы оттяпали — ваши. Любимые наши! «Единство» ценя, ненаших погнали вы в шею. Похоже, что ваши имеют меня и все, что я лично имею. Хотите, я брошу стихи и статьи? Хотите, пинок мне навесьте, но только примите вот в эти, в «Свои», в идущие с нашими вместе! Хотите, я вызубрю ваш инструктаж и к черту пошлю своих Саш и Наташ, хотите, и сделаюсь тверд, как грильяж, и стоек, как шведская стенка, чтоб только сказал одобрительно «Наш!» любимец детей Якеменко.

Но, чтобы просить о приеме в ряды, не стоило пачкать бумагу. Сурков! Чтоб мои ты увидел труды, для вас сочинил я присягу. Чтоб вздрогнул при звуке ее малонер, чтоб скауты сжались кургузо, чтоб детям послышалась музыка сфер — «Хорст Вессель», допустим, «Рамштайн», например! Чтоб мог не стыдяться повторить пионер Советского, на фиг, Союза!

«Клянуся Перуном, четой, нечетой, клянусь Марракотовой бездной, клянуся бюджетника я нищетой, великой и малою Русью святой, клянусь диктатуры упругой пятой — резиновой, а не железной! Опричниной грозной, Потешным полком, петлею Ивана, Петра кулаком,

пенькою и лесом, икрой, балыком, нефтянкой, Лубянкой, нетленкой — и всем, что успел я всосать с молоком, детсадовским, с вечно пенкой! Клянусь Кольцевою твоей, о Москва. Клянусь оборонкой, что вечно жива. Клянусь автоматом Калашникова, Гагарина горним полетом — клянусь, повторяя святые слова: «Считайте меня патриотом».

Я буду страшнее, чем кузькина мать, и чище, чем сорок монашек. Я буду ненаших ногами пинать, где только увижу ненаших. Я буду любить доброту, простоту, я буду любить красоту, чистоту, ее защитит я за счастье почту, коль будет нуждаться в защите, — не всякую, братцы, конечно, а ту, которую вы разрешите. Я буду с хорошею книгой дружить, зимой закалять свое тело и нашему общему делу служить, не зная, что это за дело, я буду носить карабин, патронташ, хоть это не очень красиво, но чтобы с печатью и с надписью «Наш» была мне дарована ксива. За это я верю, правдой, добром, руками, ногами, пером, топором, погромом — коль будет вам нужен погром — служить обязуюсь, благу! Век воли не знать, разрази меня гром».

Вы примете эту присягу?

Не надо ни денег, ни новых портков, ни порции гурьевской каши, ты только одно объясни мне, Сурков: гожусь я теперича в «Ваши»?

Баллада о бедной армии

В апреле 2005 года Верховная рада Украины обсудила возможность введения в стране легального откупа от армии. В России как раз начинается весенний призыв. Как выглядела бы откупная армия в российских условиях?

Пришла весна. Настал призыв. Мясистый военком, юнцам сурово погрозив, бряцает кошельком: «Сдавайте деньги, кто богат, — я дам вам белый билет! А тот, кто беден, — пожалте в ад, плясать строевой балет!» И кто богат — вернулся домой, птичье пить молочко, а тот, кто беден, — отправлен в строй, в казарму драить очко, и чистить поверхность краников медных, и старшим стирать хэбэ... О армия бедных, армия бедных! Легко воевать тебе.

Солдатская жизнь наперед размечена, занятия — нельзя тупей. Терять нам нечего, нечего, нечего, кроме своих цепей. В казарме им сказали: «Что ж! Держитесь, салажье. Кто беден — пусть берет штык-нож, патроны и ружье. Сперва он будет маршировать, чтоб дрогнули все враги, а после дедам заправлять кровать и чистить им сапоги. А кто побогаче, вам говорят, — сдавайте кто чем богат, и вас запихнут в кухонный наряд, а может — на тихий склад». И кто наскреб хоть сто рублей — в столовую повернул, а кто оказался и тут бедней — пошел стоять в караул, ногами тонкими в голенищах окрестных ворон смеша. О армия нищих, армия нищих! Для нас и ты хороша. Мозоль засохла, нога подлечена, в желудке — пустые щи... Терять нам нечего, нечего, нечего, — Вселенная, трепещи!

Пришла война. Коварный враг напал на милый край. И командир промолвил так: «О рота, выбирай! Кто может сдать мне по рублю, по рублику хотя б, — того я крепко полюблю и командирую в штаб. А кто не может — пойдет в окоп, и пусть его вошь заест. Я всем обещаю бесплатный гроб, а также бесплатный крест». И кто наскреб хоть рупь, хоть пять — ушел с передовой, а кто победней, пошел воевать, рискуя головой. **И после пары сражений трудных испуганный сдался враг — ведь армию скудных, армию скудных нельзя победить никак!**

Терять нам нечего, нечего, нечего! Бояться ли нам огня?! Кого страна уже изувечила, тому и война — фигия.

Победа, граждане. Парад. Желанней нет поры. Над Красной площадью парят воздушные шары. Равняйся! Считайсь на первый-второй! Врага поверг во прах живых скелетов жалкий строй в дырявых сапогах. А в небе Бог проводит смотр погибших на войне, и молвит у райского входа Петр: «Богатые, ко мне! Кто здесь хоть чем-нибудь богат, входите без затей, а тот, кто беден, — ступайте в ад собою кормить чертей. У нас тут тоже хозрасчет — гоните хоть рупь, хоть шесть. А то и крыша в раю течет, и ангелы просят есть...» И вот на райских холмах пологих — те, кого Бог позвал, а самых убогих, самых убогих спустили в адский подвал.

Не плачь, шагая в адское печево! Россия — наша страна. Терять нам нечего, нечего, нечего! И пусть дрожит Сатана!

В Америке опять проснулся коматозник. Несчастливая семья изверилась вконец. Он был простой сержант, здоров, что твой колхозник, пожарник удалой, четырежды отец. Однажды он явил отвагу на пожаре, ударен балкой был (тому уж десять лет!) — и ровно десять лет врачи его держали в палате для таких, кому возврата нет. Недвижный и немой, лежал он на кровати. Порой к нему родня являлась на часок. «С ним можно говорить?» — врач отвечал: «Давайте», — но он молчал в ответ, ударенный в висок. Второго мая вдруг вернулся он из комы, позвал к себе жену, детей расцеловал — и тотчас попросил бутылку кока-колы: врач все ему давал, а колы не давал!

Сбежалась пресса вся — тут есть на что посмотреть им! Он хочет видеть всех. Врачи кричат: «Нельзя-с!»... Два года уж тому — году в две тыщи третьем — такой же случай был, но в штате Арканзас. Поехал я тогда писать про арканзасца, про Терри Воллиса (поселок Мантин Вью). Он двадцать лет назад с друзьями нализался, сначала громко пел, подобно соловью, в отцовский грузовик потом полез с друзьями, кататься захотел — и полетел с моста. Он три часа лежал в пятиметровой яме и в кому впал потом (друзьям же — ни черта). Он двадцать лет лежал недвижно в Арканзасе, врачи отчаялись, не прилагали сил, уже и дочь его была в десятом классе... Как вдруг очнулся он — и колы попросил!

Есть что-то странное в таком пристрастии к коле. Воистину, она у штатовцев в крови. Поэтому, когда они в глубокой коме не слышат никого (хоть в рупор их зови), когда они в бинтах от пяток до затылка лежат и видят сны, не мысля, не скорбя, — им чудится во сне заветная бутылка, и просят лишь о ней они, придя в себя. Потом им вспомнятся причастия, глаголы и прочие слова, но первые — о ней. Быть может, это все реклама кока-колы... Но я же видел их, очнувшихся парней! Я вообще люблю счастливые исходы. Мне нравится, когда пожарник или шофер, в неведомой стране пространствовавший годы, очнулся и семье объятья распростер! Надеюсь, медики простят меня, невежду, коль честно я скажу (хоть правда не в чести): когда гляжу вокруг, лелею я на-

жду, что может полутруп в сознание прийти! Моя любимая лежит сегодня в коме. Никто ее пока в сознание не вернул. Примерз Владивосток, и еле дышит Коми, и, кажется, покрыт коростой Барнаул, окраины горят и тихо отпадают, конечности гниют тому уж двадцать лет... «Опомнись! Отзовись!» — все родичи рыдают и пробуют будить, но им ответа нет. Варили кашу ей и за нее жевали... «Очнись! Ограбят ведь!» — орали сыновья. Теперь не знаю сам — жива ли, не жива ли... любил ли я ее — иль это бредил я... Боюсь, что даже врач, тупой, как жук-навозник, не лечит бедную, а яд вливает в грудь... Но если в Штатах вновь очнулся коматозник — то, может, и она очнется как-нибудь?

Откроет правый глаз, потом поднимет брови, припомнит, кто она, увидит белый свет...

Но вместо колы, блин, опять захочет крови.

Любимая моя, не просыпайся, нет!

Раздача осла

Уши от мертвого осла — вот что получит Латвия в ответ на свои территориальные претензии. Так и сказал президент Путин на встрече с редакцией газеты «Комсомольская правда», прошедшей 23 мая 2005 года.

Владимир Путин, братски посещая редакцию прославленной «КП», с коллегами распил немного чая, ответил на вопросы и т.п. Коснулись Белоруссий, Грузий, Латвий (все лезут на Россию, нашу мать, — и вскорости у нас не хватит лядвий, чтоб их передо всеми разжимать). Заспорили о договоре с Ригой: газетчиков давно волнует он. Согласьем мы ответим или фигой на просьбу сдать Пыталовский район? Взор Путина был деловит и светел. Едва «КП» вопрос произнесла, как он с большим достоинством ответил:

— Получат уши мертвого осла.

Мне нравится позиция такая. Не то чтоб я имперский троглодит, но гнусно усмехаюсь, представляя, как Фрейберге там в Латвии сидит, мечтает о Пыталовской распилке буквально двадцать третьего числа, а ей в кремлевской праздничной посылке приносят уши мертвого осла! При-

ятно мне достоинство ответа, решительного, как удар весла... Но главное, что радуется, — не это.

Пошла раздача мертвого осла!

Вот, нахватавшись штатовской заразы, почти целуя Бушевы следы, грузины изгоняют наши базы и обещают их лишиться воды. Мол, топайте домой еще до лета. Грузинская позиция ясна, продуманна — и скоро им за это вручат копыта мертвого осла.

Вот Украина. Мы теперь ей любимы, как сионисту мил антисемит. Там Тимошенко искривляет губы и нашим энергетикам хамит. Конечно, СНГ — давно руина, разводка никого не потрясла, но что ж нагнать?! За это Украина получает хвост от мертвого осла.

Давно — еще когда мы жили с Борей и гибели не видели в упор — китайцы ждали наших территорий и, кажется, хотят их до сих пор. Японцы тоже жмут на нас жестоко, кремлевская пресс-служба донесла... Желаящие Дальнего Востока получают попу мертвого осла.

И все, кто нами в чем-то недоволен, или обидит нашего посла, или не уважит наших колоколен, получают части мертвого осла. Все эти радикальные исламы, и натовцы, и прочая шпана... Вот раздадим покойного осла мы — и будет здесь нормальная страна.

Ведь все у нас так мерзостно и тупо — нехватка сил, упадок ремесла — лишь потому, что мы в плену у трупа, что мы под сенью мертвого осла! Он, разлагаясь, провонял нам воздух. Все сны и мысли отравляет он. Он расплодил избыток мух навозных и прочих паразитов легион. Одни зовут его проектом красным, другие же — империей, как Кох, но мне покуда остается ясным лишь то, что он осел. И что издох. Когда-то, в прошлом, в детстве беззаботном, пропахшем бодрой «Красною Москвою», он, может, был полезнейшим животным — но всем животным срок отпущен свой. И хороши мы были или плохи — чтоб Родина сама себя спасла, она должна задачей эпохи признать раздачу мертвого осла. Ведь потому-то наш союз ослаблен. Нас потому и бросит большинство, что мы горой за мертвого осла, блин... и все реанимируем его... Вот так я понял пугающее слово, истолковал его внезапный пыл.

Пора родить кого-нибудь живого.

Но не осла. Осел уже тут был.

Лето 2005 года. Глава МВД Рашид Нургалиев, выступая на заседании, приуроченном к Дню защиты детей, заявил, что страна переживает третью — после Гражданской и Отечественной войн — волну безграмотности. Сегодня в России два миллиона неграмотных подростков, сказал он.

Рашид Нургалиев (от чьих новостей читатели часто немеют) поведал, что два миллиона детей в России читать не умеют. Со дня окончания Второй мировой так много малюток с пустой головой и с памятью в виде провала в России еще не бывало.

Но стоит ли выть и прохожих кусать, подобно мультяшному волку? Пускай я умею читать и писать — а фиг ли от этого толку? Вот тут Ходорковский опять прогремел, он тоже немало имел и умел, и проку с такого умения? Судья, приговор и камень.

Страна наконец начала процветать, минуя капканы и мели. Здесь вечно умели писать и читать, а жить никогда не умели. Российские мальчишки, мать-перемать, две вещи умели — читать и взрывать: едва «Колобка» прочитают — и царства на воздух взлетают! **Читаешь — и думать уже ни о чем ни часу не можешь. Куда там! Булгаков остался бы классным врачом, и Горький — купчиной богатым, а Пушкин придворным закончил бы дни, когда бы читать не умели они. И Фета, и графа Толстого сгубило печатное слово!**

Российские новости — хвори лютей. Под нами бурлит преисподня. Как славно, что два миллиона детей узнать не сумеют сегодня о том, что в Кремле состоялся прием и Путин примазался к «Нашим» на нем, что снова подрались в Бишкеке (есть жертвы, а таюже калеки), что снова провален весенний призыв в армейской родной костоломке, что Путиной нравится русский язык (смотри интервью в «Комсомолке»)… Сказал же один замечательный дед: «Едите обед — не читайте газет! А лучше и после обеда не трогайте этого бреда».

Я часто жалею, что грамотен я, что азбука мною любима… Порою подумаешь — сколько вранья прошло бы, товарищи, мимо! Допустим, без всех этих азбук и школ «Му-

му» и «Каренину» я б не прочел, — но вспомню, хихикая жлобски, что я не прочел бы и Робски! Цветаева, думаю, все же права (бывают мудры поэтессы), сказавши достаточно злые слова о среднем читателе прессы. Тут все, понимаешь, летит под откос — а эти козлы обсуждают всерьез, пожара не видя пред харей, какой у откоса сценарий...

О вы, победительный будущий класс, не знающий грамоты сроду! Поспорить готов — вы замените нас к две тыщи десятому году. Помойка вам — стол, и коллектор — кровать, зато вы умеете так выживать, как мы, обойденные клеєм, уже никогда не сумеем.

Под спуном

Осень-2005. Правительство хочет создать электронное досье на каждого россиянина. Проект «Системы персонального учета населения» одобрен на прошлой неделе. Кроме обычной информации об уплате налогов и квартплаты база будет содержать сведения личного характера.

Покуда вся планета напрягает интеллект, способствуя прогрессу, ища увеселенья, в России запускают эпохальнейший проект «Система персонального учета населения». Ты дописался, Орвелл, на язык тебе типун, хоть со страной и датами проштрафился немножко. Система в сокращении зовется просто «СПУН» (по-русски это «соня», а по-английски — «ложка»).

Работы, прямо скажем, не на один семестр. Лет пять придется вкалывать, поскольку без изъятия все граждане Отечества включаются в реестр: фамилья, год рождения, судимости, занятъя. Там будет, вероятно, и пятая графа, и данные о браках, если кто семью бросает... Раздолье для фискалов, милиции лафа: допустим, спросит кто-нибудь: «А где Шамиль Басаев?» А вот у нас, пожалуйста, о нем отдельный лист. Такой-то год рождения, манеры инородца. Приметы: одноногий. Специальность: террорист. Место-нахождение: ночует где придется.

Сначала эту базу будут делать пять годков, в секретности, с защитами от кражи и прослушки. Потом сдадут

Фрадкову (коль останется Фрадков), и тут же она станет продаваться на Горбушке. Я там приобрету ее за небольшую мзду (за что платить-то, граждане? не больно интересно!), и познакомлюсь с девушкой, и в гости к ней приду: «Не представляйся, милая, мне все уже известно. Ты Маша Николаева? Смотри, секретов нет. Ты дочь простых родителей — врача и педагога. Окончила без троек, поступила в Первый мед, читаешь, любишь пряники, пьешь колу, веришь в Бога. Оценки позитивные, слегка капризный нрав, твои духи — «Провокатор», твой идеал — Пачовски... Однажды другу вякнула, что Путин был не прав, но точчас же поправила, что в выборе прически. Есть родинка на попе, вторая на губе. Партнеров было шестеро; куда же без соблазна... Поскольку все, что надо знать, я знаю о тебе, — без предисловий, Машенька, отдайся. Ты согласна?»

«Не будем тратить время на сближение, дружок, — ответишь ты улыбочиво, не дав закончить фразу. — Не скрою, знойной внешностью ты душу мне обжег, но я на всякий случай просмотрела ту же базу. Ты сын простых родителей и все-таки еврей, недавно бросил рыжую и заимел шатенку; конечно, ты срываешься порою с якорей и говоришь про Путина, но шепотом и в стенку. Твои произведения — ужасная фигня, но все-таки не худшее из вашей круговерти. Твоя зарплата белая убила бы меня, но есть еще и черная, которая в конверте. Ты вешишь сто одиннадцать, ты толст на первый взгляд, зато ты щедр с партнершами — жена ли, не жена ли... Короче, ты мне нравишься, хоть пять годков назад ты вел дурную рубрику в сомнительном журнале».

И, избежав формальностей (хождения в кино, рассказы о родителях, уловки, ахи, охи), — мы то с тобою сделаем, что делать суждено всем юношам и девушкам во всякие эпохи. По лежбищу раскинемся мы розою ветров. Мы будем положения менять ежеминутно. А сверху будет пристально смотреть майор Петров, у монитора верного пристроившись уютно. Он будет подхихкивать: «Ну блин! Ну потаскун!» Он будет все записывать, востря глаза и ушки, а после эти сведенья внесет в систему СПУН, чтоб мы ее назавтра же купили на Горбушке. Тебе, тебе, майор Петров, дарю я этот стих! Ты в том же самом перечне и тоже знаешь это. Ты сын своих родителей, гэбэшников простых. На левой пятке родинка — особая примета.

В открытых письмах важно не то, что написано, а кем они подписаны. Пятьдесят представителей общественности, спортсмены и деятели культуры, вспомнили о старой отечественной традиции и выступили летом 2006 года с письмом в поддержку приговора Михаилу Ходорковскому.

Чтоб растоптать вражину по праву старшинства, цепные псы режиму желательны сперва. Потом — для гигиены, чтоб нам не портил ряд, — шакалы и гиены его приговорят. Чтоб заглушить камлание прозападных сорок, имеется, каналья, обученный Сурок. Но надо опорочивать, а то кругом свистят... Тогда приходит очередь Придворных Поросят.

Заказ довольно тонок, условия непросты. Конечно, поросенок — не символ чистоты. Его считают хрюшкой, бранят за внешний вид... «Не гажу я, где кушаю!» — он гордо говорит. Чтоб разобраться с Западом, с идейною войной, нужна зверюга с запахом получше, чем свиной. Чтоб лучше огорошить идейного бойца, была б уместней лошадь, а может быть, овца, — но лошади, и козы, и весь рогатый класс бегут, как от угрозы, от слова «соцзаказ». Когда кого-то режут (а это часто тут) — они в ножовый скрежет свой голос не вплетут. **И только поросята в сплотившемся строю сдадут родного брата и даже мать-свинью.** «Ты прав, мясник достойный, и славою покрыт! — гремит их хор застольный от мисок и корыт. — Держи повыше знамя! Честна твоя стезя. Учти: иначе с нами, со свиньями, нельзя».

Но этот мир изваян со смыслом, по уму. И будет их хозяин ловить по одному и резать на котлеты законные свои, поскольку петь куплеты — не главный смысл свиньи. Мясник в привычном раже наделает котлет, не спрашивая даже: «Элита вы иль нет?», надежды их народца безжалостно поправ... А те, кто остается, споют: «Мясник, ты прав!»

Я этой скромной притчей, которой сотня лет, надеюсь тех, кто притчей, остановить... но нет. Духовная элита, державная попса рыдает у корыта на разны голоса. Так дружно не рыдали с передвоенных пор. «Отлично! Мало дали!» — неистовствует хор. Я вижу те же знаки в посла-

нии попсы — «кровавые собаки», «взбесившиеся псы»... Как быстро все забыто! Лет семьдесят назад духовная элита (не сплошь из поросят) кричала: «Больше казней! Пощады нет врагу!» — призывов безобразней представить не могу, — а после ту элиту порвали (се ля ви!), как Гумберт рвал Лолиту, да только без любви. Всех дочиста прижали. Погнали в ту же дверь. Но тем хоть угрожали расстрелом — а теперь?

Какая вышла свалка, какие имена! (Донцовой нету, жалко, — но, может, и она?..) Каким оценишь баллом письмо такой толпы? Буйнов и Розенбаум, духовности столпы, Кабаева Алина попалась на крючок — и здесь же балерина по кличке Волочок! И Говорухин тоже (ну он давно в беде), и Кадышева (Боже! А Коля Басков где?). И даже от Калягина — чтоб знали, ху из ху! — готовно накорябана каракуля вверху. Конечно, тут величья не стоил ни один; молчу про неприличье, про милость к падшим, блин... Но при такой элите, горланящей «Ату!», чего вы все хотите? Смотреть не вмоготу. Пусть даже Ходорковский — ужасный Карабас, но этот хор кремлевский его, по сути, спас. Теперь, на этом фоне, и полный идиот архангелом в хитоне в историю войдет.

О нынешней элите я спорить не хочу: коль скоро вы их чтите — вам надобно к врачу. Сначала поросьятам сказали: «Данке шён», но в царстве тридесятном их жребий предreshен. Я не об этом думаю. Смотрящий с высоты! Скажи, за что страну мою по кругу гонишь ты?

Ода борьбе

Политическая борьба в России есть — причем в буквальном смысле слова. Недавнее избиение «левых» (осень-2006) это доказывает.

Ликуй, Отечество! Нацбола избили битой для бейсбола, других — обломками трубы. Вломилась банда с криком «Суки!», двоим переломала руки, еще двоим пробила лбы. Всех отпустили на поруки. И эти западные злюки врут, что в российском царстве скуки нет политической борьбы!

Какой борьбы тебе, Европа? Ждешь перестрелки ты? Окопа? (Бойцы предупредили копа, чтоб их не трогал ни хрена.) Да, нет парламентского трепа (он принят западнее Чопа), зато со скоростью потопа грядет гражданская война! Читатель ждет уж рифмы «...». Ты прав, читатель, вот она.

Есть слух, что «Наши» виноваты и что футбольные фанаты, им пополняющие штаты, творили этот беспредел. Давно ль поэт, чья совесть смята, как форма старого солдата, к гражданским чувствам звал фаната?! Как в воду, умница, глядел. Открылась тайная изнанка, определился ход планет — у нас пошла такая пьянка, что равнодушных больше нет. За триста долларов на брата (грядет и лучшая оплата — сейчас возможности слабы) патриотичные ребята дотянут русского фаната до политической борьбы!

Когда-то сам геноссе Ленин, чей опыт нам поныне ценен, хоть партия его слаба, кричал, что пусть собака лает, пусть караван идет в парламент, а наш удел борьба, борьба! Политика — большая драка. Любой, кто думает иначе, при виде биты и нунчака не смея искушать судьбу, пусть уползает в позе рака и не суется к нам в борьбу!

Ты проиграл, отважный Жири. За дело надо браться шире. Теперь в Калуге и Кашире, на Селигере и Оке под знаком общей ностальгии растут политики другие — покатолые, тугие, с бейсбольной битой в руке! **Борьбы не знали до сих пор мы. Все это было так, фигня. Жизнь приняла другие формы, и это радует меня. Грядущее я вижу раем. Как все наглядно будет там! Мы оппозицию узнаем по гипсу, бланшам и бинтам.**

Нет, «Наших» трудно счесть ослами. Они сказали, что послали своих девчонок и ребят на митинг «Год назад в Беслане». Им не до драк, они скорбят. Тончайший ход, достойный Горби! Но, надорвав страданьем грудь, могли ж они в порыве скорби поколотить кого-нибудь! Любого встречного. Любого, кто нелояльно вел себя. И кто сказал бы им хоть слово? Они ж не так, они скорбя!

Страна, при помощи дубины нас защищают хунвейбины, храня высоты и глубины своей истерзанной земли. Скажи спасибо, не убили. Они, мне кажется, могли.

В самом решающем матче сезона-2006 сборная России по футболу сыграла вничью 0:0 с командой Словакии и не поедет на чемпионат мира.

Вот наши со словаками сыграли в Братиславе, и кто-то надрывается, что мы опять прос...ли. А я не понимаю таких сволочей! Я не знаю, что может быть лучше ничьей! Пусть нам теперь в Германии не светят медали — да фиг ли там Германия, чего мы не видали! Я вовсе не в обиде из-за этих нулей, я даже полагаю, что так веселей! Из-за того, что наши словаков не дожали, мы крайности ужасной успешно избежали. А то, что и словаки не сумели нас дожать, позволило ужасного соблазна избежать.

Когда б мы победили с перевесом ноль — один, мы тут же закричали бы, что всем зададим. Когда б мы победили с перевесом ноль — два, от гордости у нас бы закружилась голова. Когда б мы победили с перевесом ноль — три, мы грозно заорали бы: Америка, смотри! Когда б мы победили с перевесом ноль — четыре, мы сразу бы решили, что мы лучшие в мире. Когда б мы победили с перевесом ноль — пять, мы начали бы Запад поучать и страшать. Когда б мы победили с перевесом ноль — шесть, тогда бы мы решили, что у нас все есть. Когда б мы победили с перевесом ноль — семь, «Единая Россия» обнаглела бы совсем. Когда б мы победили с перевесом ноль — восемь, мы тут же заявили бы, что никого не спросим. Когда б мы победили с перевесом ноль — девять, сказали бы, что больше ничего не надо делать. Когда б мы победили с перевесом ноль — десять, то сразу бы решили Ходорковского повесить, поскольку сверхдержава, побеждающая так, не может церемониться с тем, кто ей враг!

Но мы не победили, нет, мы не победили. Ребята наши кисло в раздевалку уходили. Хоть мы и не в отчаянье (чего бы это ради?), зато уж и не думаем, что мы в шоколаде. **При нашем состоянии значительный грех — доказывать, что мы совершеннее всех. Хотя доказывать, что родина скучна и противна, — тоже, если честно, не совсем перспективно.**

Когда б мы проиграли со счетом ноль — один, мы друж-

но заорали бы, что Семина съедим. Когда б мы проиграли со счетом ноль — два, кричали б, что судейская бригада не права. Когда б мы проиграли со счетом ноль — три, мы тут же догадались бы, что враг внутри. Когда б мы проиграли со счетом ноль — четыре, мы наших демократов замочили бы в сортире. Когда б мы проиграли со счетом ноль — пять, мы дружно закричали бы, что нам хамят опять. Когда б мы проиграли со счетом ноль — шесть, военные бы начали обдумывать месть. Когда б мы проиграли со счетом ноль — семь, у нас бы обязательно кто-нибудь сел. Когда б мы проиграли со счетом ноль — восемь, мы всех бы припугнули, что бомбу сбросим. Когда б мы проиграли со счетом ноль — девять, то нам бы, вероятно, пришлось бы так и делать. Когда б мы проиграли со счетом ноль — десять, опять-таки решили Ходорковского повесить, поскольку за позорно проигранный бой хоть кто-нибудь же должен заплатить головой!

Но мы не проиграли, нет, мы не проиграли. И это соответствует сегодняшней морали. И если в государстве заправляют нули, не ждите, чтобы где-нибудь мы в счете вели!

Корабль «Электрон»

Осенью 2005-го береговая охрана Норвегии арестовала российский рыболовецкий траулер «Электрон», но экипаж судна отказался подчиняться приказу, сбежал из-под ареста и направился в сторону Мурманска.

Исполняется мужским хором под рев прибоя.

Четвертые сутки бушует циклон, забыв про пощаду и отдых. Врагу не сдается корабль «Электрон», в норвежских дрейфующий водах! Презревши норвежских тупых заправил, неделю как минимум третью наш траулер местную семгу ловил, но мелкочейистой сетью. За эту запретную мелкую сеть по зову норвежского трона три катера местных послали висеть на гордом хвосте «Электрона». Шумел неприятный норвежский прибой, размешивал водную кашу... Таможенник встал иноземной стопой на твердую палубу нашу. «Придется вам с нами проследовать в порт. Не

любят у нас иностранцев!» — «Должно быть, придется проследовать, черт», — ответил норвежцам Яранцев¹. И кротко к норвежским пошел берегам Яранцев, скрывая обиду... Но мы никогда не сдаемся врагам, их слушаясь только для виду! К радисту спешит «Электрона» вожак — докладывать четко, как робот: «Любимая Родина! Так, мол, и так... Норвежцы нас взяли за хобот! Нас катер таможенный нагло нагнал!», но замысел правильно понят, и Родина им посылает сигнал: «Спасайтесь! Вас не догонят!» — «Однако норвежцы у нас на борту! Везти их в Россию не дело!» — «Везите и их. Разберемся в порту», — отвечает Родина смело.

Яранцев командует: «Полный вперед! Россия на юго-востоке!» И курс на российские воды берет, оставив Норвегию в шоке. На чистом норвежском его матеря, краснея в напрасном задоре, за ним пограничные мчат катера — но где им в открытое море! Кричит альбатрос, и российский матрос от радости машет тельняхой. На винт «Электрону» накинули трос, но винт разрубил его к черту! Норвежцам никак не поймать «Электрон» — он в шторме спокоен, как в ванной. Российского флота незримый патрон, ликует Андрей Первозванный.

И траулер двинул к родным берегам по моря морщинистой коже. И семга его не досталась врагам, и пленные викинги тоже. Встречать его русские вышли суда, гудками сигналиа: «Здорово!» Норвежцы носились с угрозой суда, но грянул отлуп от Лаврова. **А пусть они нам не наносят урон, не толчут неписанных правил! (Есть версия, будто корабль «Электрон» с секретною миссией плавал, но версия эта, мне кажется, бред, ее основания хлипки. Секретов у нас от Норвегии нет. Нам попросту хочется рыбки.)**

«Победа!» — российский трубит патриот, хоть западник ноет брюзгливо. Российский корабль триумфально идет по водам родного залива. Он красную рыбу везет на засол и двух погранцов обалделых, и кисло роняет норвежский посол, что все это, в общем, в пределах... А то ведь могли засадить под арест! А лапу сосать не хотите ль? И рет на флаге Андреевский крест — российского флота спаситель.

---

¹ Яранцев — капитан «Электрона».

Суровое море вздымает валы и углое судно качает. На судне качаются наши орлы под крики восторженных чаек. Так пусть же запомнят и грек, и варяг, и галльский изнеженный кочет: врагу не сдастся российский моряк! И ловит что хочет, где хочет...

Развод

Очередной одиннадцатилетний цикл российской истории закончился — Алла Пугачева развелась с Филиппом Киркоровым.

Страну изрядно потрепало. Культуру бизнес обокрал. Звездой зовут кого попало и всех пускают на экран. Сейчас любой зовется ВИПом — артист, пиарщик, конь в пальто... Но Алла развелась с Филиппом, и стало ясно, кто есть кто.

Все темы отступили на фиг. Все — от еды до высших сфер: бюджет, преступность, наркотрафик, Мосдума, Мень, ЛДПР, Медведев, встреча с Коидзуми, «Нацизму — да!», «Нацизму — нет!» и миллион других безумий, какими полон Интернет. Расстались, значит. Доконались.

У всех — морщины по челу, весь политический анализ сменился дружным «почему?!». У них не ладилось с деньгами? У них запасы на нуле? Иные даже полагали, что это сделали в Кремле: как только слух донес приемник и подтвердил телеканал, про операцию «Преерник» никто уже не вспоминал. Теперь до будущей субботы другие новости в тени. Введи какие хочешь квоты, любые льготы отмени, закрой эфир телеканалу, начни цензуру новостей — все будут помнить лишь про Аллу и разводящегося с ней. Вот личность, что и впрямь бездонна. Вот неземное существо: ни Марадона, ни Мадонна так не тревожат никого. **И в нынешнем, и в прошлом веке, в равно дурные времена у нас какие были вехи? «Почем бухло?» да «С кем она?».** Лишь матушка Екатерина меняла так своих мальков: одних прилюдно материла, другим готовила альков.

Бытует мнение простое, я даже сам его имел: в России со времен застоя не так уж много перемен. Все оппозиции протухли, народ спивается давно, интеллигенция на кухне, по телевизору — вообще, и все дрожат, сглотнув обиду,

за свой убогонький уют, и лишь политбюро — для виду — администрацией зовут. Но хватит потешать планету. Я защищаю нашу честь: прогресса, может быть, и нету, но перемены все же есть! Я с ностальгирующим всхлипом могу сказать друзьям в пивной: «Еще когда она с Филиппом, я познакомился с женой!» В эпоху сбора чемоданов и общих бегств за рубежи там был какой-то Челобанов (куда он делся, расскажи?). А Болдин — при повторном путче: что только делалось в стране! Когда ж в России было лучше? Боюсь, при Вове Кузьмине... Кранты настали олигархам, у либералов бледный вид, а с ней, наверно, будет Галкин. Она его усыновит.

Итак, финал: Филипп уволен. Бог отомстил за Ароян. Но отчего я так доволен, таким восторгом обуян? Дела в России не ахти ведь... Но я утешен, господа: как видим, могут опротиветь они друг другу иногда. Не только нам, не только прессе, уже рехнувшейся слегка, не только телекритикессе, что обсмотрелась «Огонька»... Событие нынешней недели, что плавно движется к зиме, — «Они друг другу надоели!» Выходит, мы в своем уме.

Видать, не только мы устали от этих плясок на костях; от тех, что жирно тут блистали при всех режимах и властях, от тех, кто меньше год от года достоин прозвища Звезда...

Вот только с ними нам развода не даст никто и никогда.

Московский марш

На выборах в Мосгордуму «Единая Россия» одержала победу.

Еще я помню времена, когда — почти в другую эру! — замоскворецкая шпана дралась с таганскими, к примеру; когда сплоченною стеной, весьма далекой от идиллий, новогиреевцы войной против лефортовских ходили... Те времена прошли, увы. И я почти не верю в сказку, что, мол, любой район Москвы имел особую окраску. И политически они делились по причинам ясным: окраины в былые дни симпатизировали красным, за правых — Университет, интеллигенцией обжитый, Аэропорт, с советских лет пред-

почитаемый элитой, а также центр, само собой. Наш город густонаселенный был разноцветным: голубой, багряный, розовый, зеленый... Но, слава богу, есть предел. Уже давно, единством бредя, наш город радостно надел цвета российского медведя. И я, москвич, сегодня горд, что монолитно и сурово Таганка и Аэропорт, Новогиреево, Перово и Кремль — суровый господин над нашим несуразным краем — все голосуют как один. А кто «один» — мы тоже знаем.

Наш город наконец дорос до цельной, правильной элиты! Единоросс! Единоросс! В Мосдуму радостно иди ты!

Еще я помню времена, когда, посулы взяв на веру, за коммуниак была жена, а муж — за «Яблоко», к примеру; когда ходил на брата брат, крича в трагическом запале: «Продался, подлый демократ! Совсем страну разворовали!» Когда, бывало, сын и мать — она крута, и отпрыск грозен — могли и стулья поломать, решая, кто такой Рогозин. Любая русская семья делилась яростно и четко: с женой часами спорил я, на мать мою ругалась тетка... Теперь период не такой. Любые кошки стали серы. В России мир. В семье покой. Исчезли даже адюльтеры. Довольно, знаете, толочь водицу в ступе. Всем неловко. Сегодня вместе сын и дочь, сестра, сноха, кума, золовка и дед в сиянии седин (на коже — старческие пятна) — все голосуют как один. А кто «один» — и так понятно. Закрыт мучительный вопрос, и разногласия забыты. Единоросс! Единоросс! Во власть московскую иди ты!

Еще я помню времена — лет пять назад или четыре... И в организме шла война покруче даже, чем в эфире! От страсти плаваясь, будто воск, ища себе единоверца, «КПРФ!» — кричал мне мозг. «Нет, СПС!» — стучало сердце. Просил желудок срочных мер и предъявлял претензий тыщу: ведь при словах «ЛДПР» он извергал любую пищу... «За НБП!» — кричала пасть, ввергая родичей в досаду, а не скажу, какая часть просила выбрать Хакамаду; и лишь седалище (на грех, ему-то слова не давалось) голосовало против всех, поскольку всех равно боялось. Но, к счастью, кончился разлад, уже почти грозивший моргом. Сегодня органы стоят стеною, как единый орган. Теперь ищите дурака — о смысле спорить, как когда-то... Сегодня сердце, и рука, глаза, и печень, и простата, и мозг — суровый исполин,

весьма обрадованный этим, — все как один! А тот один — и сам из органов, заметим.

Могуч плечами, как колосс, лицом красивой Афродиты — встал над Москвой единокорос. И мы кричим ему: «Иди ты!»

Хотят и могут

Цитатой-2005 можно считать высказывание Владимира Путина после беседы с Робертом Кочаряном. «Тему «бархатной революции» мы не обсуждали», — заметил президент России. И объяснил почему.

Поговорив немного с Кочаряном, наш президент заметил, не темня, на радость всем российским графоманам и будто бы нарочно для меня: «Армения — в едином с нами стане. Пускай враги ярятся без стыда — мы революций обсуждать не стали: вы Ленина читали, господа? Он замечал, что революций молот фигачит человек, как котят, когда верхи как следует не могут, причем низы опять же не хотят. Совсем не в этой стадии Россия. Мы искупаем старые грехи. У нас низы хотят. Довольно сильно. И могут гармоничные верхи».

От этой идилической картины я заторчал, как Даниэла Стил. Действительно, среди тупой рутины я это счастье как-то пропустил. В моей стране, в ее огромном теле едва струились тощие рубли; низы уже забыли, что хотели, верхи уже забыли, как могли... Не сеяли, не выплавляли стали, совокуплялись вяло и грешно, но органы обвисшие восстали, и поглядите, как оно пошло! Уже и старцев голодом не морят, и рейтинг, словно статуя, застыл... Уже верхи настолько мощно могут, что бледный Запад прикрывает тыл! И ломаются витрины магазинов, и молодежь не косит от кирзы... Разинув рты и лядвия раздвинув, лежат и стонут пылкие низы.

Поэт глядит, восторженно икая, на Родину, познавшую отца, но мнит, что ситуация такая не может продолжаться без конца. Чем чаще нас целуют, обнимают и на диванчик радостно мостят, тем нижние яснее понимают, что не совсем того они хотят! Тем чаще раздается гнусный гогот,

тем чаще наблюдаем блеск слезы... Верхи все лучше могут, могут, могут — но все не то, чего хотят низы! Им требуется ласковое слово и более удобная кровать, им хочется чего-нибудь другого, они взывают: «А поцеловать?!» Потом им мало даже поцелуя, им хочется какой-то бутерброд... В недоуменье власть: «Какого черта еще тебе?!» — Безмолвствует народ.

Родная власть! Не раз ты нас уложишь, ведь темперамент твой неукротим; не раз еще покажешь, как ты можешь, уверенная в том, что мы хотим. Люби еврея, русско-го, нанайца, крестьянина, погонщика скота...

Но все же иногда предохраняйся!

Иначе подступает тошнота.

Кони привередливые

---

*Новогоднее обращение главного Лабрадора страны
в предыдущий — 2006 — год Собаки.*

Друзья и товарищи! Братья и сестры! Свободные члены собачьей семьи, чьи зубы, на страх нарушителю, остры, а лапы, к отчаянью дичи, сильны! Сегодня, в полночном таинственном мраке, когда и природа смирна и тиха, позвольте поздравить вас с годом Собаки и с тем, что собака прошла на верха.

Сначала поздравим того, кто в дозоре. Таких в новогодие несколько сот. Всех тех, кто сейчас, супостатам на горе, в ночи пограничную службу несет. Лакнем же сначала за тех, что кромсают преступное горло в неравном бою; кому дрессировщики палку бросают (собака подохнет за палку свою!); за тех, от кого у преступника в жилах вся кровь леденеет и бегаёт зрак! За наших дозорных, за наших служилых, за наших надежных элитных собак!

Теперь об итогах прошедшего года. Двуногий — собаке опора и друг. Большая заслуга собачьего рода — затишье в стране и порядок вокруг. Все лучше живет однородная масса. У каждого в миске хватает костей, иным достается к обеду и мясо, и в этом — большая заслуга властей. Конуры, подстилки становятся краше (не зря же качается нефть

из земли!). В истекшем году подопечные наши себя удивительно смиренно вели. Сейчас, со статистикой свежей знакомясь (она, как всегда, у меня на виду), хочу подчеркнуть: мой домашний питомец отлично работал в минувшем году! Порою мешаает ему проходимец, порой саботирует злой ротозей, но в целом скажу: мой домашний любимец — из самых надежных двуногих друзей! Люблю я побегать зеленой травкой, когда он гуляет со мной на лугу... А ты, оппозиция, лучше не твякай. Вам, может, на цепь захотелось? Могу.

Конечно, у нас остаются проблемы. Не всем еще нравится доблестный труд. Хватает бездомных (их видели все мы). Досадно, что их иностранцы берут, купив на посулы безоблачной жизни. Границы открыты, но я бы — ни в жисть! Мне кажется, лучше замерзнуть в Отчизне, чем где-нибудь сладкую косточку грызть!

Я думаю, братцы, вдвойне безрассудно сказать, будто жизнь наша — лучше нельзя. С двуногими сложно. С двуногими трудно. Капризные бесшерстные наши друзья. Страдают от голода, ноют от жажды, им жарко на солнце и сыро в тени, за сутки их надо выгуливать дважды — но все-таки нас забавляют они! Не станем, товарищи, спорить о вкусе — но как-то приятно на слух и на глаз, когда они нежно скулят: «Уси-пу-си!» и весело лают: «Апорт!» или «Фас!» **И каждый — задумчивый житель окраин, начальник Кремля иль охранник тюрьмы — в гордыне себя называет «хозяин», не зная того, что хозяева — мы!** Но эта проблема — из области вечных. Она к ним пристала, как мясо к кости. А тем, у кого еще нет подопечных, я все же советую их завести. Они развлекают, они забавляют, они доставляют нам «Педигри-пал» и с праздником все-таки нас поздравляют (а мой иногда меня даже купал).

Ну что ж, дорогие! Ночная природа — взгляните на жуковский мирный пейзаж! — затихла в предчувствии Нового года. И год, господа, не какой-то, а наш! Со всеми я мысленно чокаюсь миской и, скромную трапезу с вами деля, лакну за здоровье собаки российской и нежно повою на звезды Кремля!

По опросам ВЦИОМа, четыре пятых наших соотечественников хотели бы родиться именно в России.

С утра я словно солнцем осиян. По данным любопытного ВЦИОМа, четыре пятых взрослых россиян желали бы опять родиться дома. Казалось бы, страна — сплошной изъясн, а все хотят родиться в ней повторно! Пусть где-то много диких обезьян, и есть легализованное порно, и продается запросто трава, и обходить законы нету смысла, и даже есть гражданские права, с которыми у нас как будто кисло, — четыре пятых местных горожан предпочитают наши палестины (в отличие от скучных парижан — там патриотов меньше половины). И спрашивали, черти, не в глуши, опрашивали не провинциала, кому родные стены хороши, поскольку, кроме них, он видел мало; не кулика, который хвалит квас, поскольку никогда не нюхал колы, — нет! Питерцы! Москвички! Средний класс! Топ-менеджер! Дитя элитной школы! Окончили престижный институт, проводят уик-энды в Куршевеле — и все хотят опять родиться тут. Карякин бы сказал, что о...ели.

Я — не Карякин. Я скажу не так. Не мне кичиться гречневою кашей, но я в таком ответе вижу знак трезвеющей самооценки нашей. В окрестный сумрак взоры погрузи — и ты узришь ужасные картины: во Франции лютует Саркози, по пригородам снова жгут машины; в Израиле — едва живой Шарон, что может лишь мечтать о прежней силе (на этот раз простил его Харон, но фундаменталисты не простили); по Турции гуляет птичий грипп — в Анталии, должно быть, очень мило... Звучит все это, как последний хрип над нами потешавшегося мира. Мы вам казались дикарями, да? Вы, так сказать, плевали в нашу рану? Теперь у вас такая же банда, и даже хуже, судя по Ирану. Вам предстоит теперь сизифов труд — грозить исламу, сдерживать заразу... Нет, мы хотим родиться только тут! Где было это все, и не по разу! Зато теперь — ни гриппа не видать, ни новых войн. Ищите как хотите — в стране такая тишь и благодать, какую знают только в Антарктиде. Глядишь на Украину, например, где взбунтовалась избранная Рада, где

в третий раз меняется премьер, и думаешь: а на фиг это надо?! Не стоит и смотреть на эту гнусь, на этот хипеш, шабашу подобный... Родившись здесь, я как бы остаюсь в утробе, только более удобной.

А если говорить совсем всерьез (ведь новости не каждый день зловещи) — боюсь, в таком ответе на вопрос таится пониманье главной вещи. Ругая всякий день свою страну, страдая от тоски и неуюта, я одного признать не премину: что только в ней я нужен хоть кому-то. Отечество мне оказало честь, хоть не дало особых изобилий: я здесь гожусь таким, каков я есть. В другой стране давно б уже убили. Пусть мы на завтрак не едим бекон, пускай у многих нету туалета, но каждый нарушает наш закон, и Родина легко прощает это. Здесь можно, не умея ни хрена, усвоив грозный вид и тон приказа, за месяц получить мильон грина, а за год — половину нефтегаза. Здесь ни к чему ни мудрость на устах, ни к тайнознанью пылкое влечение, а вот рождение в правильных местах имеет здесь огромное значенье! Короче, тут не надо ничего, помимо свойств обычного солдата, чтоб лавром увенчать свое чело. Конечно, риск. Но все умрем когда-то! Поэтому поэты и менты, юристы и заслуженные воры, которые по-братски и на «ты» с правительством ведут переговоры, кретин, по благу влезший в институт, боец-чеченец, нож вложивший в ножны, — мы все хотим родиться только тут!

В других местах мы просто невозможны.

Моление о салe

В начале 2006 года Россия ввела запрет на экспорт украинских мясопродуктов.

Оглядываясь, вижу лишь руины большой страны, где рос когда-то я. Введен запрет на сало с Украины. Пусть торжествует русская свинья! Обидевшись на бывшего вассала, сперва Россия перекрыла газ, а вскорости ввела запрет на сало, сказав, что этим салом травят нас. Страшна ты, государственная воля! Добавил Минсельхоз, скрывая боль, что нет за салом должного контроля. Какой за салом должен

быть контроль?! Спецслужбы спят и видят — от кого бы еще спасти Россию, встав стеной... Вот, говорят, что в салe есть микробы. Какие в нем микробы — грипп свиной? С тоски включаю зренье тайновидца: **чем именно ослабленные мы могли от украинцев заразиться? Бациллами оранжевой чумы? Мы много в «Огоньке» о ней писали, она коварна, как злодей в плаще, но полагаю, что она не в салe. И не на Украине вообще.**

Страна не раз над бездной зависала, не первый год в глазах у ней черно, но столько лет мы ели это сало, и вроде не болело ничего! Порой случится в поезде попутчик, которого хохлом зовет кацап. Весь день его историями пучит, всю ночь он издает могучий храп — российская ментальность описала его не раз, вставляя в анекдот... Но вот он достает из торбы сало, бутылку самогона достает, и если не куркуль — то предлагает! И весело мы в поезде летим, и водка от микробов помогает... (Кто сало ест без водки, тот кретин.) А сколько раз душа моя скисала там, в армии! Но я там знал хохла, а у хохла в посылках было сало и даже небольшой запас бухла. Где это он хранил — непостижимо, но тот, кто водку пьет и сало ест в условиях тотального зажима, тот выражает этим свой протест! Ужели тот, кто нынче ест корейку, ведет себя в России, как герой, от оккупантов прячущий еврейку? К тому идет, мне кажется порой.

Конечно, поднатужась хорошенько, народ блокаду сальную прорвет: нельзя из-за какой-то Тимошенко друзьям перекрывать салопровод. Куда бы нас Отчизна ни бросала по прихоти команды удалой, мы вывезем из Украины сало — в консервах, в шоколаде, под поллой... С неистребимым страхом инородца я представляю: на рассвете, в шесть, в мое купе таможенник ворвется: «Наркотики, оружие, сало есть?!» А я ему отвечу: «Милый котик! Ужели ты не понял, лоботряс, что сало — и оружие, и наркотик! А впрочем, это верно и про газ...»

На киевлянке я мечтал жениться, с другою киевлянкой прожил год... Допустим, пусть таможня и граница. Меня граница, в общем, не *(волнует)*. Весь суверенитет — пустая фраза, и их, и наш. Мы все-таки семья. Я соглашаюсь даже в смысле газа... Но в смысле сала не согласен я! Друг друга не грешно ущучить в малом. Шутил я с киевлянами

не раз: «Стоп, газа не дадим, топите салом!» Они мне отвечали: «Жрите газ!» Я не хочу, как мерзостная птица, накаркать кучу мрачных перемен, но если впрямь подобное случится и прекратится наш салообмен, и мы во взгляде Путина усталом увидим вдруг нешуточную месть, они от холодов спасутся салом.

Но водку газом все же не заесть.

Желание быть двойным

На сайте ФСБ России, по адресу <http://www.fsb.ru/contact/contact.htm>, в феврале 2006 года было обнаружено следующее приглашение:

«Российские граждане, сотрудничающие с иностранными разведками, могут связаться с ФСБ России по телефону доверия, с тем чтобы стать агентами-двойниками. В этом случае денежное вознаграждение, получаемое такими агентами от иностранных спецслужб, будет полностью сохранено, и с ними будут работать сотрудники ФСБ РФ высочайшего класса. Телефон 914—22—22».

Желаю быть двойным агентом! Иметь профессию «двойник»! Желаю получать аргентум сперва у нас, потом у них! Сдавать британцам атом мирный, но чтобы знал об этом ФЭД. Иметь в России кличку Жирный, а в Альбионе — кличку Fat. О жизни этого накала я грезил весь четвертый класс, во дни просмотра сериала, где заявлял о чем-то ТАСС.

О, счастье быть двойным агентом! Озноб, горящее нутро, проход с секретным документом по гулким станциям метро... О, страха знобкая болтанка! О, риска сладостный ожог! Пароль: «Простите, где Лубянка?» — и отзыв: «Вот она, дружок!» Да, быть одним из миллиона, судьбу Земли держать в руке, оставить папку у шпиона или в секретном тайнике, а после, вымокши от пота и от удач захорошев, — туда, где главная работа, где главный долг и главный шеф. Вокруг бурлит людская масса, кипит, закручиваясь в жгут... Специалисты экстра-класса меня в секретном месте ждут. Весь в предвкушении пролезу в глухой

заброшенный подвал... «Ну что, вы передали дезу?» — «Товарищ Пронин! Передал!» И видя, как, покорно-смирный, я скромно перед ним стою, он скажет мне: «Спасибо, Жирный!» — «Служу Советскому Сою...»

Я верю телетайпным лентам: шпионов вновь у нас полно. Желая быть двойным агентом! Двойным я стал уже давно: разочарован в патриотах — но либералы мне враги; на двух работаю работах в упрямых поисках деньги. В совок я не хотел бы снова, но много взял бы из совка... Меня, мучительно двойного, заметь, родимая ЧК! В моей груди пылает пламень, не дай ему дотлеть в дыму. Хочу найти секретный камень и тайну выложить ему. Пусть знают, сволочи, в Нью-Йорке иль на Потомаке-реке, что говорили на планерке в секретном нашем «Огоньке»! Инфляцией замучен лютой (ее отнюдь не погребли), я получать хочу валютой, а от своих иметь рубли... Но я не жажду подаянья. С поэтом лучше не шутить. Хочу блаженство покаянья со страшной силой ощутить! Хочу сказать по телефону — смотрите номер наверху: «Я выдал «Огонек» шпиону! Все рыло у меня в пуху!» И скажет мне незримый Пронин, бессмертный, как Мафусаил: «Теперь ты будешь двусторонен. Благодарю, что позвонил».

Как Пиркс — герой рассказов Лема, я стал бы выдержан и крут... Но у меня одна проблема: меня британцы не берут, американцы не вербуют, кося под тихих простаков... Я говорю им: «Do it, do it!» — они в ответ: «Fuck off, fuck off!» Порой мне хочется по пьянке служить Лубянке просто так — но на фиг нужен я Лубянке, коль мной пренебрегает враг?! Уйди ты, скажут, не позорься. Пиши стишонки, праренек.

Ау, британское посольство! Пишите мне на «Огонек»!

Сам себе Горбачев

В дни юбилея первого президента СССР стало понятно: страна невзлюбила его за то, что он дал ей свободу.

По нашим меркам, юный и красивый, он потащил Россию на горбу и бросил все недюжинные силы на антиалкогольную борьбу. Тогда его роман с народной гущей явил

свою двусмысленную суть: он бросил пить (да он и был непьющий!), но прочие не бросили отнюдь. Вот так он ощутил себя в пустыне. Коварное свершилось волшебство: чего бы он ни затевал отныне — все для него годилось одного. Не выдумать проклятия лютее: Отчизны безраздельный господин, он сам платил за все свои затеи — и по своим законам жил один. Когда страна устала от старенья, властям уже в открытую грубя, он изобрел доктрину уско-ренья, однако смог ускорить лишь себя. В отличие от среднего министра, подобного медлительным теням, он быстро говорил, и думал быстро, и так же быстро кресло потерял. Как только перестройку он устроил, избавясь от дряхлеющих химер, он сам себя успешно перестроил на перспективный западный манер, отринул облик грозного генсека, сменил словарь, и шляпу, и пальто, но местного простого человека не перестроит, думаю, никто.

Когда он дал Отечеству свободу, являя неожиданную прыть, то вольница потребовалась сброду лишь для того, чтобы его урыть. Раздался мрачный гул из преисподней, ворвался запах серы и углей, никто не стал ни чище, ни свободней, но половина сделалась наглей. Он это все терпел — и тем потряс нас. Кричали: «Лжец! Иуда! Ренегат!» И вскорости исчерпывалась гласность лишь тем, что все могли его ругать.

Когда он отворил врата на Запад, как открывают пафосный отель, и публика почувствовала запах халявы, доносящейся оттель, и страстно, как Коперник к телескопу, припала к щели в каменной гряде, и устремилась в Азию, Европу, Израиль, Штаты, далее везде, балдея от свобод, от избытий, от фуа-гра и красного вина, — его по всей планете полюбили, а нас не полюбили ни хрена. Но, обижаясь или ерепенясь, признаемся, проныры и ввали: он вел себя как истый европеец, а мы совсем не так себя вели!

Устав от казнокрадов, казнокрадок и прочего родного бардака, он захотел ввести в стране порядок, прикручивая гаечки слегка. Чтоб усмирить врагов и разгильдяев, он грозно посмотрел из-под очков — и на олимпе выросли Янаев, железный Пуго, Павлов и Крючков. Он был бы вправе ожидать идиллий, он думал, что смирится большинство, но никого они не посадили, а заперли в Форосе

лишь его. Оплеванный в освобожденной прессе, покинутый народом, так сказать, он стал один объектом всех репрессий, которые грозился развязать. Потом промчалось меньше полугода — и стал другой хозяином в доме. Добавим, что законность и свобода понадобились только одному: не прибегая к жалобам и стонам, покинул он родное шاپито, уйдя в отставку строго по законам, и больше так не уходил никто. Родная героическая фронда привычно улюлюкала вослед. Он ничего не взял, помимо фонда (а если честно, то и фонда нет).

Его не понимаем до сих пор мы. И не поймем, должно быть, никогда. Одно понятно: все его реформы лишь для него годились, господа. **Россия же верна своей природе, как то у нас водилось испокон... Лишь он один умеет при свободе не воровать и соблюдать закон, с уверенностью русского де Голля с трибуны говорить почти полдня — и делать это все без алкоголя, чего не вышло даже у меня.** Пускай заря пылает кумачово, пусть демократы смотрят веселей, поздравим с юбилеем Горбачева, он заслужил народный юбилей! И хорошо, что, «**муж суров и правед**», без земляков, охраны и ЦК он в наше время лишь собою правит.

Мы до него не доросли пока...

Божий спирт

Астрономы при помощи телескопа MERLIN обнаружили в нашей Галактике облако метилового спирта протяженностью 463 миллиарда километров. Возможно, именно в этой области рождаются новые звезды.

В небеса гляжу — и мне не спится. Выхожу курить, надев доху. Облако метилового спирта тихо проплывает наверху. Сбрасываю скуку и усталость. Не сидится в четырех стенах. Вот что Маяковскому мечталось в эпилоге «Облака в штанах»! Знать, не зря поэты всех народов, лучшие земные голоса, рассекали толпы пешеходов, воздевая очи в небеса. Небеса задумчивы и грозны. Мокнет крыш ржавеющая жесть. Но не зря мы все глядим на звезды, повторяя: «В небе что-то есть!» Что-то есть. Оно насущней хле-

ба и важней рабочего стола. Заболтавшись, ветренная Геба половину кубка пролила. Видимо, Господь, творя умело наши кособокие мирцы, тоже уважает это дело, как и все реальные творцы. **Выхожу один я на дорогу (или с кем-нибудь иду в кусты), наливаю и пеняю Богу: «Господи, чего наделал Ты?» Глядя на серебряную реку весело мигающих светил, Бог глотает звездный свой метил и в ответ пеняет человеку: «Ну а ты чего наворотил?»** Так мы выпиваем вместе с Богом, спирт Его течет по бороде, пьем себе и говорим о многом: «Есть ли Ты? И если да, то где?» Хоть людей метиловые пьянки превращают запросто в калек — Богу можно вылакать полбанки, потому что Он — не человек.

Млечный Путь — серебряная спинка древней рыбы средь небесной тьмы... Здесь, в России, кто ж не любит спирта? Кто ж его и любит так, как мы? Уроженцы города, села ли, белый викинг, смутный азиат... Не за ним ли Юру посылали сорок пять годков тому назад? Как бы он такой полет осилил, если бы, как светлое крыло, над полуразрушенной Россией облако такое не плыло? Нет, не MERLIN, электронный разум, славный в государстве островном, — это невооруженным глазом разглядел российский астроном. И среди мучительного быта, в вечной неурядице, в грязи космонавту дал наказ Никита: «Долети туда! И привези!» Впрочем, мне фантазии хватает и не на такой еще рассказ. Может, там, в Галактике, летает русский стратегический запас? От врагов спасаючи заклятых, что грозили русским, как орда, может, мы его в пятидесятых вывезли на спутниках туда? Он сияет там, смущая прочих, недоступный для бандитских НАС. Это мы, я знаю этот почерк. Так никто не может, кроме нас.

Или, может, низкая доходность привела давно уже к тому, что вспорхнула русская духовность и снялась в космическую тьму? Может, средь космического флирта Марса и Венеры, не спеша, облаком метилового спирта пролетает русская душа? Тяготят объятия грехов нас, грустно нам на крайнем рубеже... Ищем, ищем: братцы, где духовность? А духовность в космосе уже...

Отражаясь в Черном и Каспийском, медленно скользя по зыби вод, облако, пропитанное спиртом, по родной Галактике плывет. Наполняет негою и праной наши беспо-

койные умы. Понимаю: мог бы только пьяный замутить такой проект, как мы! Мы, от инфузории до лося, от лианы до полезной ржи... Боже, если столько пролилось, сколько же Ты выхлебал, скажи! О, насколько нам тебя хватило бы, ледяное звездное вино!

Впрочем, если бы он был этиловый, мы его бы выпили давно.

Подражание Вознесенскому

Член Общественной палаты при президенте России Евгений Велихов направил Борису Грызлову письмо с предложением штрафовать чиновников за употребление слов «евро» и «доллар». Это, по его мнению, повысит авторитет российской валюты.

Я не знаю, как это сделать, но прошу, товарищ ЦК, снять названия чуждых денег из русского языка. Стыдно нам, прожившим десятки не особенно легких лет, слышать в долларах сумму взятки. Что, русской валюты нет? Предлагаю публично высечь, как всегда велось на Руси, тех, кто требует десять тысяч евробаксов. В рублях проси! Я не враг самой взяточдачи — здесь безрукий и то берет. Так бери, раз нельзя иначе, но хотя бы как патриот!

Я двумя руками за Велихова. Я люблю боевых мужчин. Поощрить бы на самом деле кого — так его, за лучший почин. Я просил бы без спора долгого эти штрафы ввести в стране: брать за «доллар» — в размере доллара, а за «евро» — в компрене¹. И тогда мы в случае лучшем, контролируя наш бомонд, всех от импортных слов отучим! Ну а в худшем — треснет Стабфонд.

Пусть Губенко воюет с матом и с картинками неглиже — с этим вызовом мелковатым разбирался я тут уже. Но такого, братцы, шедевра от мыслителя-чудака, как запрет на доллар и евро, мы не видывали пока. Чтоб упрочить здесь гигиену и очистить родимый край, я еще запретил бы йену — лира ладно, лира пускай. А еще мне очень про-

---

¹ Vous comprene — вы понимаете (фр.).

тивно, добавляю комплекта для, украинское слово «гривна», ибо гривна больше рубля.

Как поэт, я считаю долгом заявить в стихах, господа, что противного слова «доллар» не любил вообще никогда. Я желал бы добавить гневно, что и к евро я не добрей: в неприязненном слове «евро» «невро» слышится и «еврей». То ли дело родимый рубль! Это врут, что он невелик. В нем мне слышится слово «бублик», слово «облик» и слово «блик». В нем и привкус котлеты рубленой, и трубы водосточной жуть, и от русской жизни загубленной в нем пронзительный призыв есть...

Пусть Госдума выше возденет этот велиховский призыв: уберите Франклина с денег, пальцем Западу погрозив. Наша фирма не вяжет веников и не любит западных слов. Пусть на долларе будет Велихов, а на евро, скажем, Грызлов. Это больше иранской бомбы удивит заграничный люд.

Баксы делать из этих лбов бы — тверже не было бы валют!

Памятник

Петербургские пенсионеры требуют восстановления памятника Сталину в городе или области.

В столице на Неве (хотя товарищ Сталин ее и не любил за непокорный нрав) хотят, чтоб памятник тирану был поставлен. Я думаю, народ на самом деле прав. Их много в Питере — раздетых, пеших, конных, и львов, и Кировых у каждой проходной, атлантов, и лепнин, и завитков балконных — не рухнут небеса из-за еще одной. В былые времена (тому годов и ста нет) вождь гробил питерцев, как некий фараон... Но если б Сталин знал, чьей родиною станет сей город на Неве, его берег бы он!

Я в принципе за то, чтоб жаждущим в угоду расставить по стране советских заправил. Вон Ленин-то стоит, а он небось народу не меньше Сталина за жизнь передал. Не верю, что народ когда-то был свободным: он статуи взрывал, от страха трепеща. Все это делалось не мне-

нием народным, не волей бунтарей, а манием Хруща. Реформы русские обычно мимо кассы. Что демократия! — не грабили хотя б... А вот вернуть вождя как раз желают массы. Пусть массы сделают, чего они хотят. Воспитывать грешно, витийствовать довольно. Другого нет у нас наследия отцов. Пускай страна в ярмо влезает добровольно: ей будет некого винить, в конце концов. Чтоб статую вернуть, у всех свои резоны. Не должен отвечать за всех один грузин! По всей родной стране разбил бы я газоны и в центре каждого по бюсту водрузил. Отечество мое! Ты от Гайдара ноешь, на Грефа сетуешь с утра до темноты, а вот тебе Ежов, Вышинский, Каганович: сравни, любезное, кого терпело ты! Вот наше прошлое. К чему язык эзопов? Вся карта — памятник мучительных годин. Я Рыбинск бы назад переименовал в Андропов: рыб множество в стране — Андропов был один! И чтоб на постамент — цитаты, бредни, фразы: не из учебников, а подлинные, те! На то и памятник, чтоб помнили, заразы. А то забыли все и просят о кнуте.

Да! Вижу в этом я не вызов, не угрозу — примету времени. Вертись же, колесо! Не знаю лишь пока, какую выбрать позу и антураж какой для грозного Сосо. Какой бы жест найти достаточно победный? Весь Питер в статуях, не свергнутых пока. На медном скакуне воздвигся Всадник медный, и руку протянул Ильич с броневика; вот Катька в садике, на молодежь глаза, торчит среди кустов, построенных в каре; вот Пушкин ручкою у Русского музея как будто пробует — не дождь ли на дворе. На что бы водрузить тебя, герой отважный, телами подданных мостивший нашу гать? На лошадь, может быть? — но ты ездок неважный: ты ездил лишь на тех, кто не умел лягать. Поставить бы тебя на небольшую площадь в холодном Питере, раз Питер захотел, но вижу под тобой не броневик, не лошадь, а упомянутую груды мертвых тел. Вот славный постамент. Вернись сюда, скиталец, двукратно свергнутый, и обрети покой, Отечеству большой показывая палец (на демонстрации я помню кадр такой). Все, дескать, правильно! В порядке варианта — не палец будет пусть, а с той же пленки нос. Вот будет памятник — тебе и нам приятно. И точно, главное. Прими мой первый взнос.

В столице начался сезон отключения горячей воды.

Три недели профилактики — и вы взглянете на жизнь по-новому.

О счастье! Не стало горячей воды. Вот, значит, и лето настало в державе. Незримое РЭУ взялось за труды, а мы, как обычно, побудем моржами. Всегда коммунальщики после зимы воды нас лишают. О власть ностальгии! Теперь уже ясно, что это не мы, не мы, не жида, а другие, другие! Зачем профилактика — сам не скажу. Не знаю. Тем более — на три недели... Но людям на пользу, понятно ежу, чтоб мы без горячей воды посидели. Полезны лишенья и тяготы — раз. Нам надо понять с прямою предельной, что жизнь незаслуженно балует нас. Вон Пушкин в Михайловском жил без котельной! **Я, может быть, способом этим простым решил бы вопрос поколенческой связи: почувствуй себя Достоевским, Толстым... Наташи Ростовы, и Мышкины-князи, и все, кем культурные люди горды, поэты, мыслители, архиереи — все жили тогда без горячей воды! И даже без, блин, паровой батареи.** Я, может, порой отключал бы и газ, и свет иногда, профилактики ради, — почувствуй себя, как трудящийся класс! Как воин в окопе! Как Питер в блокаде! Как пахарь, пустые хлебающий щи, как В. Маяковский, творивший в разрухе... А счастья источник в себе отыщи — не в пошлых удобствах, а в творческом духе.

Замечу второй утешительный плюс. Обычно нечасто я вижусь с друзьями, а тут — постоянно к друзьям тороплюсь: «У вас отключили? Помыться нельзя ли?» У нас коммунальные службы мудры. Звонит моя дочь, молодая девица: на Ленинском все раскопали дворы, зато на Мосфильмовской можно помыться! И вот с полотенчиком едешь к друзьям — на Курский, Тишинку, на площадь Свободы, — и телу тепло, и на сердце бальзам. А так бы еще не увиделись годы.

Опять же и третье добавлю в разряд пленительных плюсов, отмеченных нами. Стихийные бедствия как-то роднят, особенно если они не цунами. «Грядет расслоенье! — кликуша орет. — Разрушена нация! Будет, как в Чили!..» А в мае мы снова единый народ. «У вас отключили?» — «У нас отключили!» Хрущоба и башня, крепыш

и больной, богач и бедняк, депутат и путана себя ощущают единой страной, вздыхая при виде горячего крана. Пускай не торопятся трубы разрыть, пусть вовсе не чинят (и это не чудо)... А главное, можно посуду не мыть, а есть с одно-разовой. Тоже посуда.

Ликуй, детвора! Закаляйся, страна! Учись лишь одним обходиться из кранов — от этого станешь бодр и сильна, как учит учитель Порфирий Иванов. Смеясь, под холодной струей стою. Советскому жителю нет переводу. О, как мы горячую пустим струю, когда возвратят нам горячую воду!

Коэльо едет

Весной 2006-го бразильский писатель Пауло Коэльо совершил поездку от Москвы до Владивостока и нашел много общего у России и Бразилии.

Коэльо едет по России. Он повторяет: «Ай лав ю», с улыбкой кроткого мессии распределяя интервью. Как фат, собравшийся жениться, он быстр. Глаза его остры. Он едет, словно Солженицын, но не в Москву, а из Москвы. Его на всех вокзалах толпы качают, встречею горды. Ему несут в подарок торбы матрешек, ягод и еды. Всяк умоляет: «Дай автограф!» Ведут и в баню, и в сельмаг. Судачат местные: «А кто, брат, такой приехал?» — «Светлый маг!» Дождливо накануне лета. Сухого места не найдешь. «Коэльо, блин! Ты воин света!» — кричит из лужи молодежь. Однако ма-га что-то гложет. Смирная собственную прыть, он шепчет под нос: «Быть не может». Кричит во сне: «Не может быть!»

Коэльо едет по Сибири. Над ним охранник держит зонг. При встречах лыбится все шире его встречающий бомонд. Администрация готова припасть к руке его, к ноге; все повторяют слово в слово: «Мы любим вас у нас в тайге!» Коэльо всюду слышит крики: «Нигде вас лучше не поймут! Мы без ума от «Вероники» и чтим «Одиннадцать минут»! Нам ваше каждое изделие на память просится само!...» — «Не может быть!» — кричит Коэльо. И повторяет: «Быть не мо...»

Коэльо едет вдоль Байкала. Его вагон широк, как дом. Он пьет из тонкого бокала сок апельсиновый со льдом. Ме-

няют блюда и подносы, подносят киви и хурму, а пресса задает вопросы, как надо жить и почему. Все умоляют: дай ума нам, спаси, останови развал! А шарлатаном, графоманом никто ни разу не назвал! Никто не рывкнул грубым матом, дурных намерений — ни в ком, владивостокский губернатор в порыве чувств назвал братком... О нем одном страна судачит, о нем одном мечтает Русь. «Не может быть! — Коэльо плачет. — Сейчас в Бразилии проснусь! Пора назад, в родную келью!» — бормочет, запахнув пальто...

Но тут доносят, что Коэльо желает видеть Кое-кто. И приглашает с этой целью на площадь, главную в стране. «Отлично! — думает Коэльо. — Уж он-то правду скажет мне».

Выходит он из самолета в Москву, в сияющую тьму. Во тьме к нему подходит Кто-то и провожает к Кой-кому. С повадкой вежливой и плавной слегка испуганный мудрец ему речет: «Ты самый главный. Открой мне тайну наконец! Но только честно, кроме шуток. Я честно знаю свой шесток. Я, как король, двенадцать суток в вагоне ехал на Восток, я интервью давал вначале и сигнатуры без конца, меня как гения встречали и провожали как отца, — везде, трюизмы изрекая, я обращался к небесам... Но я посредственность такая, что это знаю даже сам! Ужели обкурилась дури на это время вся страна? Ведь всей моей литературе в базарный день пятак цена! Слова пустые, разум птичий, идеи девственно просты... Ужель у вас такой обычай — богов творить из пустоты?!»

И Кое-кто, скользнув расческой по бледно-русым волосам, ему сказал с усмешкой жесткой:

— Да. Это так. Проверил сам.

За всех!

Госдума в первом чтении проголосовала за отмену графы «Против всех».

Снимаются последние вопросы. Все громче, заразительнее смех. И вот еще восторг: единороссы расстанутся с графой «Против всех». Пристойно только пьяному по-

эту, пропившему патриотизм и честь, мечтать о том, чего в России нету. Учись голосовать за то, что есть!

Как следует вдохнем и громко скажем, чтоб слышали и в Штатах, и в ЕС: «Кто против всех, тот хочет саботажем сорвать демократический процесс».

Прошла эпоха ангелов и пугал — отныне мы реальность избежем. Россия вечно ищет пятый угол. Пора уже привыкнуть к четьрем.

По «Против всех» давно цензура плачет. В самой формулировке — смертный грех. Когда ты против всех, то это значит, что ты и против этих... то есть тех... короче, тех, кого никто не против! Они хранят наш общий каравай! А ты бормочешь, рожу скоротив: мол, мне еще кого-то подавай... Другой пример. Заходишь в ресторан ты и требуешь, не проглядев меню, уху из осетровых, виски, манты, сациви и компот из ревеню. К тебе толпой бегут официанты, а ты, в плохой работе их вина, все требуешь свою уху и манты и кислый свой компот из ревеня... Чего ты смуту пестуешь, раскольник, наносишь заведению урон? Ведь сказано тебе, что есть рассольник и порция ослизлых макарон! И жирный нож, и грязная посуда в расчете на простого едока. Ты против макарон? Иди отсюда. Мы никого не держим тут (пока). Ступай к бигмаку, к ростиксу, к фастфуду, где на еде — растления печать, и получи бумажную посуду, и там права попробуй покачать! А мы открыты кротким и покорным, которым хоть хаами, хоть плюй в глаза. Кто против макарон — того не кормим. И по нечетным кормим тех, кто за.

Любой демократический инспектор поймет, что мы блюдем свои права: у нас же, блин, представлен полный спектр! Брюнет, блондин, шатен и лысых два! Все разное — от роста до работы. Пускай народ спокойно избежит. А то, что все по взглядам патриоты, — так кто у нас теперь не патриот?

Короче, несогласный, вон отсюда. Да здравствует единство без прорех. А я хочу, для довершенья чуда, ввести еще одну графу: «За всех». Я этого потребую прилюдно, поскольку лозунг — в духе наших дней. Все так мило, что даже выбрать трудно. Так уж назначьте сами. Вам видней.

Госдума разрешила вывешивать государственные флаги всем, кто хочет. Причем не только в праздники, но и в будни!

В слезах обнимаются внуки и деды. Все в шоке. Замри, злопыхатель, и ляг. По случаю всякой российской победы теперь разрешается вывесить флаг! Еремин-герой, Крашенинников-гений пробили решенье. Такие дела. Ведь у государственных лишь учреждений всегда привилегия эта была! Бывало, по случаю роста Стабфонда хотелось мне вывесить флаг из окна, чтоб знала российская кислая фронда, как наша мошна перманентно полна. Хотелось воскликнуть: «Отечеству — слава!», гербом двухголовым украсить балкон... Но этого чистого, гордого права нас прежде лишал устаревший закон. Уж как мы от этого выли, бедняги! Бывало, у нас на восьмом этаже всем хочется вывесить русские флаги, мы даже и флаги пошили уже, — не вывесить знамени, сколько ни сетуй. Не выкрикнуть: «Слава Отчизне родной!» Другие проблемы в сравнении с этой казались нам попросту жалкой фигней. Да, был я бесправным, нагим и босым был, щетинисто-колким, подобно ежу, а нынче любой государственный символ достану и запросто всем покажу! Пою, не жалеючи данных природных, чтоб слышал и Запад, и весь закордон: «Союз нерушимый республик свободных!» — простите, ошибся, опелся, пардон: «Россия — священная наша держава, Россия — любимая наша страна!» И флаги полощутся слева и справа, и гордость всеобщая обострена.

Как поводов много для вывески флага! Бывало, ругали мы наших вождей, а нынче любое решение — благо, и даже не знаешь, какое важней. ХАМАС ли в Кремле принимают со славой, отменяют отсрочки для юных салаг, грузинские вина объявят отравой — немедленно хочется вывесить флаг. Рамзана Кадырова сделают главным, коварному НАТО покажут кулак, Устинова снимут решением плавным — немедленно хочется вывесить флаг. Объявят Андропова белым-пушистым, великим проектом объявят ГУЛАГ или антифашиста объявят фашистом — немедленно хочется вывесить флаг! Строптивный ли Киев поссорится с нами, толкает ли Чейни речугу свою — опять-таки хочется вы-

весить знамя, чтоб знали, как я за Россию стою. В глазах закипает умильная влага, теснится в сознании лозунгов рать... А ежели кто-то не вывесит флага — всем ясно, что можно являться и брать.

Не знаю, дождемся ли мы, бедолаги, решения Госдумы короткой строкой, что можно вывешивать разные флаги — кому по характеру ближе какой. В походе за счастьем, крутом и тернистом, мы многое знали на нашем веку. Достанется красное пусть коммунистам, а «Роджер веселый» — налоговнику... А тем, кто устал от российской бодяги, безвыходно длящейся тысячу лет, пора бы вывешивать белые флаги.

Авось пощадят.

Но похоже, что нет.

Девиантная рота

Деградация призывников, а вовсе не дедовщина — вот истинная причина многочисленных самоубийств солдат-срочников в железногорской воинской части. После проверки было решено часть расформировать.

Близ Красноярска, под Железногорском, стоит большая воинская часть. Она на положении изгойском: Господь, не приведи туда попасть. Вся армия — не сахар для народа: там голод, дедовщина и т.п., но здесь страшнее. Здесь с начала года уже случилось десять штук ЧП. Съезжались компетентнейшие лица: чего случилось? Все же не война. Один солдат пытался удавиться, другой недавно выпал из окна. Быть может, командиры жестковаты? А может быть, продслужба стала красть? Короче, в Красноярске депутаты задумали проверить эту часть. Ведь ежели здоровые мужчины, которым жизнь покуда дорога, бегут и даже мрут от дедовщины — что будет от реального врага?

Чтоб в веру укрепились маловеры и чтоб от церкви был реальный толк, задумали принять крутые меры — и освятили невезучий полк. Чтоб прекратились образом волшебным побегу, самострелы и бардак — в проблемный полк отправились с молебном священники при белых боро-

дах. Они молебен чинно отслужили, святой водой казарму окропив, — и, повинувшись православной силе, нечистый было сделал перерыв, чтоб неповадно было прессе живой кричать, что наша армия больна! Но через месяц юноша-служивый опять случайно выпал из окна. А что ж он думал? Служба не для слабых! Но он в живых остался, как на грех, и объяснил: деды желали бабок. А он никак не мог достать на всех.

Как это понимать? Дошло до верха. Созрела исполнительная власть, и скоро прокурорская проверка отправилась в таинственную часть. Обследовала кухню, вход и выход, проверила казарму, фас и тыл — и вскоре обнаружила вывод, который всех утешить должен был. Как оказалось, все не так уж горько. Нет дедовщины в части боевой. А попросту в район Железногорска ссылали тех, кто болен головой. Деды, быть может, есть, но только горстка. За этим в части пристально следят. А главная беда Железногорска — преобладанье рехнутых солдат.

Ну слава богу! Нету дедовщины. Идет себе нормальный ратный труд. Неясно, правда, для какой причины несчастных психов в армию берут? Чтоб угрожать расслабленным Европам? Мол, вот ликует русская орда, ложитесь все! Но почему их скопом засовывают именно сюда? На пользу ль им железногорский климат — целебная вода, сухой песок? А может, психи армию поднимут — ведь дух у них, как водится, высок?

По крайней мере, красноярский гений, пославший в часть проверку из СибВО, нам предложил одно из объяснений, способное утешить хоть кого. В родном экономическом пейзаже в последние четыре сотни лет все навевает мысль о саботаже и даже о вредительстве — но нет! Министры, ФСБ, экономисты, весь интеллектуальный фонд страны — вы полагали, на руку нечисты? О нет, они психически больны! Солдаты, кандидаты, депутаты, крутые отмыватели лаве, братки, менты ни в чем не виноваты. Им не хватает масла в голове. Ведь все — от нервов. От такой работы. От страшных снов (по Фрейд-старика). А так они, конечно, патриоты. И профессионалы. Но ку-ку.

И если вам покажется когда-то (случается крошиться и кремню), что я пишу порою резковато, а иногда и попро-

сту хамлю, не возглашайте, братцы, с колоколен, что Быков — враг прогресса и труда.

Я, может быть, и сам душевно болен, и вы ничем не лучше, господа!

Анафема

В 2006 году Мадонна впервые выступила в России. Ее приезд, конечно, был обставлен многочисленными скандалами.

В Россию движется Мадонна, чья совесть очень нечиста, самонадеянность бездонна, а бабок просто до черта. Она брильянтами блистает, и дразнит публику свою, и миллион условий ставит — иначе, дескать, не спою. Перед концертом — свежих вишен, среди концерта — апельсин, убрать из номера кондишен (она несовместима с ним), на ужин — мед, на завтрак — пудинг, в постели — черное белье. И чтобы лично принял Путин на Красной площади ее!

Мы помогли бы ей с белишком, дадим и йогурта, и мед, но чтобы Путин — это слишком! Пускай, когда она поет, визжат, от радости икая, все нимфоманки на земле, но, братцы, кто она такая, чтоб принимать ее в Кремле? Она певец срамного низа, нечистой совести певец! Она не Буш, не Кондолиза, не Блэр, не ванна, наконец! Едва ли наша власть упрочит авторитет в ее лице. К тому же этого не хочет и ФСБ. И РПЦ.

Уже народные мессии, объединенные в союз «За возрождение России» (боюсь, сограждане, боюсь!), решили выразиться ярко, испортить девушке житье — и попросили патриарха предать анафеме ее. А с ней, для полного концепта, чтоб устрашилось большинство, и устроителей концерта, и посетителей его. Посланье, страшное по тону, приятно русскому уму: предать анафеме Мадонну не удалось никому.

Меня отчасти ободряет и утешает, например, что РПЦ не одобряет подобных радикальных мер. Едва ли нам прибавит веса проклятье в адрес поп-звезды. Нас не поймет родная пресса, чьи руки потны и грязны. **Но сколько б суф-**

фиксов и флексий ни громоздил писучий люд — однако патриарх Алексей насчет Мадонны очень лют. Он избежал проклятий явных, чтоб не запугивать приход, но призывает православных Мадонне объявить бойкот. Пакет духовного попкорна отсюда должен быть изъят! И православные покорно билеты возвращают взад и говорят, сложив ладони: «Чикконе, хватит срамоты!», и шлют послания Мадонне: «Приедешь, дрянь, тебе кранты! Ты строишь из себя крутую? Возьмись за разум и остынь. Кто с чем придет на Русь святую — тем и накроется. Аминь!»

О да, Мадонна в самом деле — не ангел, Господи прости. Но будь я Путин — в самом деле не знал бы, как себя вести! Страна больна и тяжело бредит. Играют кто во что горазд: одна без Путина не едет, другой анафеме предаст... Однако, в свете новой моды на церковь и святых отцов, есть вариант, который мог бы устроить всех в конце концов. О Путин! Действуй необычно, как некий доблестный джедай: прими в Кремле ее — и лично ее анафеме предай!

Грызуны

Главный санитарный врач России Онищенко заявил, что одна из главных бед современной России — небывалое засилье грызунов. Так вот в чем дело!

В России очень много грызунов. Подобный инцидент для нас не нов, привычен нам, и мы к нему готовы. Во всем у нас виновны грызуны (иначе, население страны, подумаете не то вы). Онищенко, наш общий поводырь, вчера озвучил свежую цифирь, пугающую, как порывы ветра: мы замерли на страшном рубеже. Один грызун приходится уже на каждых два квадратных километра! Да, тут система, а не эпизод. Повсюду кто-то что-нибудь грызет. От скрежета закладывает уши. Амбар изгрызен, склад продуктов пуст. Куда ни кинься — всюду слышен хруст, стоящий над восьмою частью суши.

Покончить с грызунами не пора ль? Взгляните: кем изгрызена мораль? Кто по ночам, от страха холодея, но тем жадней нацеливаясь есть, ворует нашу совесть, на-

шу честь? Кем сгрызена и русская идея? Идешь на рынок, в баню или гальюн, в кино, в метро — везде сидит грызун. Источены зубами верх ли, низ ли... Грызун страшнее сотни анаконд. За этим и выводится Стабфонд, чтоб паразиты здесь его не сгрызли! Зайдешь в парламент — крысы там и тут: разъелись — аж трещат и все растут... Откроешь прессу — всюду писк мышинный. Когда бы не засилье грызунов, уже давно Сергей бы Иванов решительно покончил с дедовщиной! Уставши беспредельничать и красть, грызутся оппозиция и власть и «Родина», чей рейтинг очень низок. Вон, челоусти держа наперевес, безжалостно догрызли СПС, от «Яблока» оставили огрызок... Казалось бы — живи себе, страна! Нефть дорожает, денег до хрена... Ликуй да пой хвалы, пока никто тебя не перегрыз! Но в государстве, где избыток крыс, от всякого прибýtка мало проку. Под звуки перегрызенной струны отгрызены окраины страны — живой укор российскому бессилью. Все сгрызено: свобода мыслей, слов и творчества. Остался лишь Грызлов, пощаженный, должен быть, за фамилию.

Бывает иногда — поймашь мышь и на нее в смущении глядишь: ужели этим неказистым тельцем и зубками, что день и ночь грызут, и СМИ разрушены, и суд, и все, что сдали Горбачев и Ельцин? Они грызут трубу и провода — и вымерзают наши города... Вся наша жизнь — один привычный вывих. В Отечестве воруют искони, но неужели это все они?!

Они, они, Онищенко, лови их!

Китайский синдром

Китайские власти предложили свои трудовые резервы Нижегородской области, где пустуют тысячи га земли. Губернатор Шанцев вроде бы не против, но общественность встала насмерть.

Здрате, здрасте, тетя Рая! Как здоровьечко у вас? К вам посылка из Китая, в ней сидит рабочий класс. Он приехал из Китая, чтобы здесь начать с нуля, обрабатывать желая ваши русские поля. Будь земля у них в Китае — так они бы, по-

читай, никогда б не покидали свою родину Китай. Уезжать всегда несладко, это знает даже еж, но у нас людей нехватка, а у них хоть попой ешь. Вариант ничем не страшен — совместить бы нам всерьез свой избыток нив и пашен с их избытком китаез! Но трудягам желтоватым пальцем Новгород грозит. Пахнет штурмом и захватом их непрошенный визит. Не толкайте нас, ребята, в адской пропасти жерло. Ведь просьемся мы когда-то, а кругом желтым-желто!

— Дорогой товарищ Шанцев! — раздаются голоса. — Не пускайте иностранцев в наши русские леса. Русский волк и русский заяц — все животные, прикинь, говорят: уйди, китаец, убирайся в свой Пекин! Да, у нас стоит работа. Да, по горло мы в грязи. Хочешь к нам везти кого-то — гастарбайтеров вези! Им открыты наши двери, их и так полно везде, их держать, по крайней мере, научились мы в узде, их готовы взять до кучи мы гурьбою и гуртом... Но китайцы — это ж круче! Их не выведешь потом! Это хуже, чем цунами. Нам давно они грозят. Ни судами, ни скинами их не выгонишь назад! Что тут будет, посмотри сам, призадумайся, прошу: будут лопать мясо с рисом и китайскую лапшу, обустроятся шикарно, скажут семьям: «Приезжай», будут впахивать, как Карло, получая урожай, от заката до рассвета, не бросаючи труда... И окажется, что это — их земля. А нам куда?!

— Мне ваш пафос ясен, дети, — Шанцев рек, невозмутим. — Но ведь вы пахать, как эти, не хотите?

— Не хотим! Но уж лучше мы в болото превратим Отчизну-мать, чем допустим хоть кого-то нашу Родину пахать! Лучше сгинем друг за другом и друг друга загрызем, чем дадим китайским плугом пачкать русский чернозем! Разверни ты их скорее, отчий край обереги! Мы привыкли, что евреи — наши главные враги, что они нас вечно душат, травят водкой, застыят свет... Это ж нам баланс нарушит, понимаешь или нет?! Мы привыкли жить с евреем, принимаем с ним на грудь и с кавказцами умеем, но с китайцами отнюдь! Будут жить у нас, как дома, в нашем Нижнем дорогом... Ты китайского погрома, что ли, хочешь? Мы можем! Ты и сам подумай, Шанцев, землю так не раздают. Их запустишь, голодранцев, дашь им почву и приют, дашь им трактор, культиватор, все условия для труда... ведь китайский губерна-

тор будет в области тогда! Это ж, блин, не вечер танцев — это сдача наших мест!

И, смирясь, поставил Шанцев на своем проекте крест. И китайцы спозаранок — только чашечки бренчат — похватали китайнок и забрали китайчат. В направлении Китая едут, зависть затая.

И земля стоит пустая.

Но своя зато, своя!

Чуянка

В России появится дешевая народная водка — «Пшеничная», «Ржаная», «Кедровая», «Солодовая»... Росспиртпром намерен отпускать ее по цене 53 рубля и верит, что это покончит с отравлениями некачественным спиртным.

Объявлена новая водка, ура! Я думаю, это серьезное благо. Как, скажем, чернила нужны для пера, так нам обязательна крепкая влага. Довольно страну суррогат поморил. Мы скоро себя безнадежно зароем. И так-то уж пили «Момент», «Поморин», шампунь, эликсир для борьбы с геморроем... Чтоб смыть первородный с Отечества грех, лакаем бальзам для очистки стекла мы — и сделались чище поверхностей всех, какие являются в кадрах рекламы. Мы сделались так несравненно чисты, что в темных глубинах народной утробы спеклись аскариды, острицы, глисты и вымерли все остальные микробы... Прозрачными, звонкими стали тела, любой россиянин разгульно-беспечен, а нация все оставалась цела и даже имела какую-то печень! Но враг, как известно, ни часу не спит. Нам так бы и пить, наслаждаясь житухой, — но вышел какой-то неправильный спирт, от коего все заразились желтухой. Теперь, опасаясь, что все перемерем, оставив без граждан Сибирь и Чукотку, для среднего класса погнал Росспиртпром дешевую водку, народную водку! Четыре проверенных вида — даешь! Отечество в шоке от этого факта. И стоит при этом фактически грош. Осталось, ребята, назвать ее как-то, чтоб гордое имя на глади стола сверкало под звуки восторженных криков. Вот «Рыковка», помню, в двадцатых

была — ее, разумеется, выпустил Рыков, глава Совнаркома, любивший кирнуть. Помянем его благодарной строкою. В ней было, конечно, не сорок отнюдь, а тридцать, но время-то было какое! Здесь водка своя на любом рубеже, все мерится ею, оставьте укоры. «Андроповку» помню. За нею уже меня, школяра, посылали спецкоры... Потом «Горбачевка» — часочков по шесть за нею стояли в преддверии рынка... Как эту назвать бы? Ведь «Путинка» есть... «Фрадковка»? «Онищенко»? «Грефка»? «Кудринка»? **Народ наш, хотя и обобран, и пьян, всегда выражается метко и ярко. Уж коль Росспиртпром возглавляет Чуян, пусть новая водка зовется «Чуянка»!**

Иной оппонент недоволен и кисл: теперь уж сопьемся, честнейшее слово... Мгновенье — и я объясню ему смысл и водки такой, и названья такого. Твой выбор каков, перекатная голь? Фальшивым ответом башку не дури нам: иль будешь дешевый хлестать алкоголь, иль дальше травиться дурным «Поморином». Так пусть уж «Чуянка»! Надежней она. В ней даже названье любезно поэту. А так, чтобы вовсе не пить ни хрена, — тогда вам в другую страну. А не в эту. Мы водкой мороз побеждаем легко (нельзя же на холоде пить молоко!), мы ею душевную смуту врачуем, с ней можно забыть президента и Ко... А главное — с ней мы чего-нибудь чуем. Какую-то ловим незримую нить, какой-то намек, истолкованный ложно, который нельзя никому объяснить, — но верить, как водится, нужно и можно! Иначе зачем я планету топчу, в России торчу и с женою ночую? Налейте мне, братцы, — почуять хочу! Ну, ваше здоровье.

О Боже! Я чую!

Даешь!

Счетная палата обнародовала сумму взяток и откатов, полученных российским чиновничеством в 2006 году. Она превысила 3 миллиарда рублей.

Товарищи, сегодня буду краток. Мы обогнали Штаты и Китай. На три миллиарда выявлено взяток — сто миллионов долларов, считай. Всю жизнь мою (себя я помню с детства) идет борьба с коррупцией в стране — но если честным

быть, то эти средства чиновником заслужены вполне. Он вообще достоин пьедестала, а вы ему — какие-то рубли... Ведь лучше стало жить? Ведь легче стало?! Прикиньте бегло, сколько мы смогли: у нацпроектов — суперперспективы, трещит от нефтедолларов казна, и Русский марш, и левый запретили (зачем идти на поводу у зла?), строительство шурует полным ходом, инвесторы давно вошли в азарт — страна, как рана, смазанная йодом, рубцуется буквально на глазах. Стремительно, как пушечные ядра, несемся мы в сияющую даль — и это все за жалких три миллиарда? Да полноте, берите, нам не жаль! Смотрите все — Америка, Европа ль, — как платит весь народ своим добром за нефть, за оборонный комплекс «Тополь», за Центробанк, «Газпром» и автопром, за наше динамичное развитие, за тот неутихающий аврал, которого устроить даже Витте никак не мог — поскольку меньше брал! Москва буквально стала плавать в жире. Да, в девяностых хапали не так — но в девяностых так ведь и не жили, кроме того, простите, был бардак. Я думаю, мы всей страной играем в особый государственный заем — и если жизнь еще не стала раем, мы просто недостаточно даем.

Поэтому давайте сбросим маски, откроем для чиновника кредит и наконец забудем эти сказки о том, что нам коррупция вредит. **Мы люди прагматического склада, мы так живем с рождения до седины, вы нам скажите прямо — сколько надо? Мы сколько надо, столько и дадим. Не надо только скромничать, чиниться — берете не чужое, а свое. К примеру, сколько надо на больницы? А сколько — на дешевое жилье? На чистый суд, на умную Госдуму, на Пенсионный фонд с другим главой? Мы только просим: назовите сумму. А скидываться русским не впервой. Когда-то мы в одном порыве жарком собрали денег, как заведено, на ополчение Минина с Пожарским — и где поляки? То-то и оно! Нам скидываться — главная отрада. Единый наш порыв — помочь властям. Вы нам скажите просто: сколько надо. А то ведь хвост не рубят по частям. Мы четко понимаем: это зерна грядущих благ и будущих конфет. Давать и брать в России не позорно. Давали Пушкин, Лермонтов и Фет, давали Абрамович и Потанин, и Фридман, очень строгий господин...**

Четыре миллиарда — мы потянем.

А скажут пять... Поплачем и дадим.

19 декабря 2006 года исполнилось 100 лет со дня рождения Леонида Ильича Брежнева. В память о генсеке вышли не только многочисленные воспоминания, но и телесаги, и даже эта колонка.

Вождей не любит русский люд, хотя и гнет пред ними спину. Кто слишком слаб, кто слишком лют, кто лют и слаб наполовину... Любой из доблестных отцов нам непременно ставит клизму — а делать что? В конце концов, откуда взяться гуманизму на этом режущем ветру, в глухих лесах, во тьме морозной? Нам были все не по нутру: и грозный Петр, и Ваня Грозный — и только Брежнев Леонид, бровями темен, духом светел, под пенье мирных аонид свое столетие отметил. Страна, кряхтя, залезла в ларь, его реликвии достала... «Вот идеальный русский царь! — она промолвила устало. — Он был всему народу мил и до, и после перехода в загробный мир. Борец за мир и друг рабочего народа!»

А что? Действительно просвет на фоне прочих наших батек. В восьмидесятом, спору нет, он был отчасти маразматик, а весь его ареопаг был очень глупое начальство и при ходьбе качался так, как поздний Ельцин не качался; в торговле правил беспредел, все разучились делать дело, при этом Марченко сидел, и Новодворская сидела, везде процвел холуйский стиль (начальник — Бог. Подите троньте!), и в Горьком Сахаров грустил, а Солженицын жил в Вермонте, и были жуткие трусы, и много черного металла, и не хватало колбасы (хотя когда ее хватало?), но уточнить не премину: хоть он и правил в темпе вальса, зато любил свою страну. И в том никто не сомневался. Пусть либералов тонкий слой замрет от дерзости подобной, но было видно: он не злой. Хотя не очень сильно добрый. Он как-то сдерживал развал, но не давил авторитетом; он жить умел — но жить давал и даже помнил меру в этом. Превознесенный до небес (превыше было божество лишь) — он был не ангел, но не бес. Он был не светоч, но не сволочь. Он в чем-то был такой Лужков (хотя Лужков суровой, что ты!)... И я, в компании дружков о нем травивший анекдо-

ты под самый первый свой стакан, — я, сочинитель дерзких басен, смекал, что этот старикан мне не особенно опасен. Я понимал, что он устал и не набросится, затопаив. (Да, был еще Афганистан... Но это настоял Андропов.)

Привык я жить в его стране и о другой не думал сроду. Потом свободу дали мне, и вот за эту-то свободу — чтоб ею пользовался всласть и потерять ее боялся — демократическая власть меня держала, как за яйца. И главари, и блатари сводили мир к простым идеям: свобода есть? — Благодарю! А мы куда все поделим. Да, был развал — а стал обвал. Топили нас, как Атлантиду. Иной по Осе тосковал, а я скучал по Леониду. Пусть он безвкусно был одет, и еле вякал, и качался — он все же был невредный дед. Так я скучал. И доскучался.

Господь сказал: «Прием! Прием! Вас слышу. Укрепись, держава». И стало, в общем, как при нем, и даже нефть подорожала, и вновь мы боремся за мир, друзья ХАМАСа и Аббаса... И возрождается кино, доселе вязнувшее в блуде; а телевизора давно не смотрят грамотные люди... В извечном нашем шапито на новый круг пошла лошадка. Но как-то это все не то. Все как-то призрачно и шатко. А принцип, в сущности, простой: друзья, посмотрим правде в глаза! То был застой, теперь отстой, а остальное все как было.

Некуршевель

В январе 2007 года на французском горнолыжном курорте Куршевель французская полиция задержала нескольких представителей российского бизнеса.

Как хорошо, что я не в Куршевеле, что не поехал, блин, к святым местам! Путевки в этот раз подешевели, я б мог себе позволить, но не стал. Не стал кричать: «Карету мне, карету!..» Как сообщил бесстрастный Интернет, во-первых, в Куршевеле снега нету. В России нет — и в Альпах тоже нет. И будь ты олигарх из олигархов, владелец всей Самары или Читы, но, голову задрив и небу гаркнув: «Давайте снег!», чего добьешься ты? Есть то, чего не купишь, слава богу. Тепло сгубило весь видеоряд. Уже медведь, покинувши берлогу, пошел гулять на трассу, говорят... Не бу-

ду Куршевель ругать облыжно, но в оттепель с горы не заскользишь. Хотя летят туда не ради лыж, но порой, в конце концов, и ради лыж!

Но главное — французы обнаглели и во главе с циничным Саркози устроили облаву в Куршевеле! Хоть девочек с собою не вози! В закрытый клуб ворвавшись без спроса (что странно для порядочных людей), они нашли владельца «Интерроса» в объятиях ликующих... «Злодей!» — воскликнули они в обычном стиле (ведь русских обижают все подряд!), все это сутенерством окрестили и оскорбили термином «разврат». **Не видели вы, жалкие, разврата! Тут не разврат, а отдых от забот. К тем временам позорным нет возврата, когда в России не было свобод. У нас свои манеры и закуски. Нам ни к чему барокко-рококо. Мы наши деньги делаем по-русски и трагим их по-русски — широко. Мы будем всех и спереди, и сзади, нам не знакома ханжеская грусть, и если олигархов любят Нади, Наташи, Маши, Люси — то и пусть! В Европе все козлы, на самом деле. Им этак отдыхать не по плечу. Как хорошо, что я не в Куршевеле — и здесь, в Москве, гуляю с кем хочу! Могу смотреть «Жару» назло Европе, могу валяться пьяненьким в грязи и с Воробьевых гор съезжать на попе, и никакого, на фиг, Саркози!**

А сверх того — на этой же неделе, устав смотреть на русский наш общак, о грязной атмосфере в Куршевеле сказала даже Ксения Собчак. Не ведаю, какие там резоны сподвигнули ее признаться вслух, что эти наши русские сезоны серьезно омрачают русский дух. Сам Лебедев заметил: неужели нельзя поменьше пить за рубежом?! Как хорошо, что я не в Куршевеле, что я в Москве! В Москве мы так не жжем. Как хорошо, что русская элита — бомонд и олигархи без числа — на праздничные дни свое корыто подалее от нас перенесла! Отправлюсь по Москве бродить без цели — как воздух чист! Ей-богу, волшебство! А это потому, что в Куршевеле — все те, кто отравляет нам его. Ликуют сосны, тополя и ели, и лица у людей порозовели; вчера я верил в счастье еле-еле, а нынче счастье, кажется, вблизи...

Ах, если б их оставить в Куршевеле!
Ты можешь задержать их, Саркози?!

Православные священники собираются обратиться к Богу с молением о снеге, но отмечают отсутствие специальной молитвы. О дожде — есть, а о снеге — нет. Может, им поможет опыт Булата Окуджавы?

Пока страна обижается, что доля ее тяжка, Господи, дай нам, пожалуйста, хотя б немножко снежка. Достала нас слякоть тающая: прикинь, конец января! На лыжах не покатаешься, о санках не говоря. Естественно, потепление — рай для моих мослов, но это же отступление от самых прочных основ! В печали гляжу на небо я, в тоске кусаю усы. В России многого не было — то джинсов, то колбасы, то гласности, то безопасности, то права читать печать (про мелочи и про частности лучше вообще молчать), могли пропадать напитки, бывал рацион несвеж, но снега было в избытке. Буквально чем хочешь ешь. Господи, мой Боже, зеленоглазый мой, неужто и снега тоже ты нам пожалел зимой?

Прости мне, жалкому гномику, что хочет пожить в снегу, — понять твою экономику, всесильный, я не могу. Ты, верно, решил жестоко, ладони прижав к челу, что раз у нас нефти столько, то снег уже ни к чему. Ногой на меня не топай! Быть может, в твоих глазах мы стали почти Европой? Китаем? Штатом Канзас? Мы смотрим кино о Бонде, у нас мобилы у всех — и нам при таком Стабфонде отныне не нужен снег? Господь, прости остолопа, хамьем меня не считай, но мы совсем не Европа, мы даже и не Китай; игрушечна наша фронда, безграмотен наш бомонд, и кстати, что до Стабфонда, то кто тут видел Стабфонд?! В расцвет мне как-то не верится, признаюсь исподтишка... Пока Земля еще вертится, Боже, подсыпь снежка!

Дай гаишнику душу, беженцам дай дома, дай президенту Бушу хотя б немного ума; художникам за искания пошли высот и глубин; Френкелю дай раскаянье, коль он и вправду убил; дай милосердия органам, прибавь хотя бы на треть! Чекистов побалууй орденом (ведь могут и подобрьеть)! Сокурову дай Арабова, арабам отдай ислам, народу отдай Зурабова (что будет — увидишь сам)... Когда ж

еще и помолишься?! И сколько насущных тем! Чукотку дай Абрамовичу (желательно насовсем), и чтобы дойти примерно до выборных рубежей — Первому дай преемника, а то ведь оба хуже! Дай передышку Немзеру (писателей грех хулить) и много здоровья Невзлину (чтоб все на него валить)! «9 роту» — «Оскар», хоть Федя и не Кар Вай... Свободу дай Ходорковскому (но «Юкос» не отдавай)... Да что я тебе советую, задрав башку к небесам?! Боюсь, со странною этою ты разберешься сам. Как подобает Богу, посмотришь сверху на всех — и всем раздашь понемногу...

Но не забудь про снег.

Черта личности

По опросам Левада-центра, 75 процентов россиян снова уверены, что у России особый — не европейский и не азиатский — путь.

Вхожу ли я в метро или автобус, читаю сыну, ем ли суп грибной — я все острее чувствую особенность всего происходящего со мной. Не то чтоб я смотрел с тупою злобой на прочих граждан в средней полосе, но все они просты, а я особый. Какой-то не такой, какие все. Да, я готов обняться с целым светом, мы некоторым образом родня, но пусть законы физики при этом распространяются не на меня. Хочу не знать ушиба, растяженья, старения, стояния в строю, хочу свою таблицу умноженья, а также гравитацию свою... Чужие нормы мне — тюремной робой. Сосед по коридору, этажу, по офису — запомни: я особый. На том стою и изредка лежу.

Я не приемлю общего закона, тяжелого, как ход товарняка. Любой стремится вниз, упав с балкона, а я наверх взлечу наверняка. Быть белою вороной, альбиносом, чуть что не так — хвататься за топор; объевшись фруктов, не страдать поносом, а получать мучительный запор; любить не то — картины, книги, баб ли, — что любят все. Бежать привычных троп. Так умудряться наступать на грабли, чтоб ударили в попу, а не в лоб. Расположить бассейн в автомобиле, брильянтами оклеить телефон, и чтоб в прилич-

ном обществе любили за то, за что других попросят вон. Чтоб остальных, как надоевших кукол, швырнули вон с высокого крыльца, но чтобы я, допустим, громко пукал, а все кричали: «Браво! Молодца!»

Мне многое не нравится в Адаме. Мне скучно продолжать Адамов род. Не приближаюсь к зрелости с годами, а более того — наоборот! Мне будничность противней манной каши, мне ваши нормы — сорная трава, мне ни к чему обязанности ваши и неприятны куцые права, не буду ногти стричь и мыть посуду, не буду вежлив с тухлым старичьем! Я всеми признан, изгнан отовсюду, от жажды умираю над ручьем! Мне скучен ваш регламент безобразный, ваш буржуазный сытенький покой. Я разный, я натруженный, я праздный, но не такой, ребята, не такой! Иному обязательно для счастья шуметь на общей ветке, как листу, — а я хочу настолько отличаться, чтоб люди обходили за версту. Чтоб я, допустим, пил чаек со сдобой, сверкая взором, как жилец вершин, — а за стеной шуршали: «Он особый!» И чтобы общий спрятали аршин. Я — новый сорт, таинственная ересь, я мощь превыше ваших киловатт. В меня, ребята, можно только верить, а кто не верит — я не виноват. Я ваше оправданье, ваша совесть, я пастырю подобен и врачу — хоть сам не знаю, в чем моя особенность, и париться особо не хочу.

Мы все пожремся общею утробой, как пожирают пищу на пиру, — но, может быть, раз я такой особый, то я еще, глядишь, и не умру. Раз так я исключителен и странный, раз я такой загадочный мужик — помрут грузин, испанец, молдаванин, американец, чукча и таджик, и друг степей калмык, и ныне дикий тунгус, метеорита лучший друг, — а я, с моей особенностью безликой, останусь вечен, граждане. А вдруг?! Останусь тут. Переживу планету. Во мраке ледяном создам уют. Ведь там, где жизни нет, и смерти нету!

Да здравствует особенность!

Все встают.

Однажды собралась Мосгордума узаконить использование детектора лжи при приеме на работу...

Прогресс расширяет свои рубежи. Растут ипотеки, дома, гаражи, а самое главное — что на работу начнут принимать по детектору лжи! Детектор изящен и сдержанно-крут. Ведь каждому ясно: в отечестве врут, и врут ежечасно. А лживые люди едва ли способны на доблестный труд.

И вот я иду, зеленее травы, в какой-то из офисов в центре Москвы. Меня подключают к электромашине и в лоб вопрошают: «А пьете ли вы?» И сразу же проигрыш, в первом бою. Я мог бы, конечно, ответить: «Не пью», но самый доверчивый русский детектор ни в жисть не поверил бы в честность мою. Потом, проверяя процент чистоты, меня вопрошают: «Воруешь ли ты?» И если я честно скажу: «Не вору», то это опять-таки будут кранты. Будь честным мое радикальное «нет», я вряд ли бы дожил до этаких лет, и всякий детектор и всякий директор сочли бы обманом подобный ответ. Потом, заглянув подозрительно в рот, меня вопрошают: «А ты патриот?» И что я отвечу? Что власть не приемлю, но страстно люблю свой язык и народ? Так ты эти вещи поди раздели, особенно если грозят звездюли. И снова детектор меня завернул бы, в графе «Откровенность» рисуя нули.

А после вопросов пяти или шести, от коих мороз пробирал до кости, меня бы спросили: «Ну, это понятно. Но можете ль вы дисциплину блюсти?» И что я отвечу, горя от стыда? Наверное, ляпну, что, в принципе, да, но если она не по бзизу начальства, а ради успешности в смысле труда. Тогда бы последовал новый вопрос: «Допустим, над вами имеется босс. Способны ли вы на почтение к боссу — почтенье до дрожи, до колик, до слез?!» И что я отвечу, поморщившись лбом? Что враг быдловатости в боссе любом? Что трудно себя называть либералом, а в офисе быть безответным рабом? **Тогда бы допросчик, филер, фараон спросил бы: «А вы не английский шпион?» И что мне ответить? Сказал бы: не знаю. Сегодня с утра я как будто не он. Но знаете, с этой нашей трубой весь мир раздираем такую борьбой... Ведь если страна назначает шпионом, шпионом становится, в общем, любой... И видя,**

что даже на этот вопрос герой не способен ответить всерьез, детектор бы, кажется мне, задымился, а работодатель бы к стулу прирос.

Тогда бы, уже выбиваясь из сил, несчастный начальник меня бы спросил: «Скажите, а вы здесь хотите работать?» И мой бы ответ их опять подкосил. Что сделаешь, мне не четырнадцать лет. Хочу я работать? Естественно, нет. Мне нравится, в общем, лежать на диване, стишки сочинять, попивая кларет, бродить по Москве, наслаждаясь весной, с подругой, окончившей курс выпускной, а после обедать рассольником, скажем, его заедая котлетой мясной. Но так как за все это надо платить, а я не магнат и не киллер, етить, то мне и приходится где-то работать, хоть я бы давно предпочел прекратить. Должно быть, какой-то в стране перекося, далече от цели нас ветер занес — раз нет у людей однозначных ответов на самый простой однозначный вопрос. Люблю ли я Родину? Жажду ль труда? Блюда ли законы? Естественно, да. Но стоит увидеть все это в реальности — и все мои «да» улетят в никуда.

Короче, Московская дума, скажи свое «Не позволим!» детектору лжи. А то никого не возьмут на работу. Смирись с этой данностью и не жужжи.

Понаеза

Российские антропологи после многолетних раскопок установили, что в Москве с самого начала не было коренного населения: с VI века на месте будущей столицы вместе жили вятичи, кривичи, хазары и даже странное племя с явно негроидными чертами.

Спор историков длится и длится. Оказалось, что тысячу лет собирает приезжих столица — коренных, как доказано, нет. По итогам последних раскопок в населении древней Москвы было много скуластых, раскосых и негроидных даже, увы. Приезжали сюда, не робея, пировали в московских бистро... Если ж взять ритуал погребенья — все выходит и вовсе пестро. **Против истины, брат, не попятишь. На Москву, не стесняясь ничуть, наезжали и кривич, и вятич, и мордва, и хазары,**

и чужь; торговали, торгуясь до хрипа, и женились, и сплывались так, что единого нет генотипа, а обычный московский бардак. То есть в этом, как сказано, звуке сразу было всего до черта. И построил ее Долгорукий — понаехавший тут лимита. Был он сам из глубинки российской, где промучился несколько лет, и приехал в Москву за пропиской: приезжает — а города нет. Лишь поместье боярина Кучки: скромный дом, небольшая кровать... Долгорукий, дошедший до ручки, был обязан Москву основать. И дружина без лишнего слова стала строить ее, захватив. Дело в том, что он был из Ростова — хоть Великого, но никакого в плане денег, карьер, перспектив... И построил Москву Долгорукий, и устроился в ней, как влитой, и его обнаглевшие внуки стали прочих честить лимитой. Чуть позднее, сверкая глазами, воцарился в Москве Калита: из орды, из Твери, из Рязани устремила к нему лимита, хоть не вышедшая генотипом, но активная, как актимель, — и недаром прирос к нему титул собирателя русских земель. Гастролера, купца, иностранца не отпугивал местный мороз. Кто пришел воевать — и остался, кто пришел торговать — и прирос... Так возвысился пыльный и дымный (как еще в нем деревья растут?) всеместительный, странноприимный, дивный град понаехавших тут, город-хаос, почти без проекта, город-выставка, город-штурвал. Коренными считаются те, кто раньше въехал и больше урвал. Город вечно грома и гула, где на улицах — зимняя соль... Чем их только сюда притянуло? Что тут, медом намазано, что ль? Что гнало сюда толпы народа, привлекая бойцов и купцов? Ведь не ради же водопровода, ведь не Рим же, в конце-то концов! Приезжали торговцы и девки и родню вызывали письмом, не музеев с театрами ради — их же не было в веке восьмом! Заварилась великая каша из пера, топора, cetera... Чем их манит округлая наша, ненасытная наша дыра?! К ней, сравнительно, в общем, неблизкой, миновавши Смоленск и Торжок, сам Батый приходил за пропиской (не сумел получить — и поджег). Что ж вы едете, дурни, в Москву-то, генотипы везете свои? Ведь у нас то пожары, то смута, то погромы, то ДПНИ! Чем вам нравится небо стальное и дороги под коркою льда?

Просто, видимо, все остальное не годится совсем никуда.

*Российско-украинская газовая война вдохновляет
на интимную лирику.*

О, как мы любили друг друга! Как все умилялись во-круг! Мы мучались лишь от испуга, что все это кончится вдруг. Мы нежились на сеновале, бродили по россыпям рос... Друг друга слегка ревновали, но это слегка, не все-рьез. С утра, не жалеючи пыли, я вкалывал (не клеветщи!), а ты мне галушки лепила, варила мне сталь и борщи... Борща незабвенного запах поныне внушает восторг... Но ты все косилась на Запад, а я все смотрел на Восток. Нет, я тебя сроду не гнобил, не мучил (сошла ты с ума?!). Тебе я подставил Чернобыль, но ты виновата сама! Но жен-ской походкой зовущей ушла ты налево с тоской, и мы Беловежскую пущей развод обозначили свой. **Над миром дру-гая эпоха взлетела, крылами плеща...** Но мне без любви твоей плохо, хочу я тебя и борща! Ты ходишь в оранжевом, стильном, с красавцами польских кровей, — а я с вожделием сильным люб-ви домогаюсь твоей. Бывало, по целой неделе честил твою Раду и ВЦИК: свобода твоя — в беспределе, твоя незави-симость — цирк! А ты на Майдане плясала, назло распах-нув малахай... И я запретил твое сало! И ты мне сказала: «Нехай!» Ты в жар меня снова бросала и наглым румянцем цвела, и я разрешил твое сало! Но ты лишь плечом пове-ла. Ты держишь меня за дебила, ты стала тверда и горда... Да может быть, ты не любила меня вообще никогда? Со злобой бессильного старца я вижу себя без прикрас. Умри! Никому не достанься!

И я перекрыл тебе газ.

Нет, я не тиран, не зараза. Все наши разборки — фигня. Я думал, без этого газа ты снова полюбишь меня. Что де-лать! Я раб этих черт ведь, мне так на них сладко смотреть! И я перекрыл лишь на четверть, потом — постепенно — на треть... Во всех этих сварах и драчках я тихо мечтал, трепе-ща, что ты приползешь на карачках с огромной кастрюлей борща, — и после естественной дани мы снова пройдем по росе... Но ты все поешь на Майдане с оранжевой лентой в косе, свою репутацию губишь, поденно теряешь очки, —

и так меня сильно не любишь, что в НАТО вступаешь почти! Задумчивый, как шизофреник, гуляю постылой Москвой... Ну хочешь, я дам тебе денег? Язык разрешу тебе твой? Забуду любую обиду, скажу, что Майдан — не беда, — ты просто хотя бы для виду со мною ночуй иногда! Готов я и с Польшею ладить — ты только являйся в кровать, чтоб мне тебя изредка гладить и кончик косы целовать. Начнем, если хочешь, сначала! Ведь я тебе «да» отвечал, и ты мне «ага» отвечала, когда нас Богдан обвенчал! Пойми, я иллюзий не строю, у каждого свой каравай, — зовись суверенной страной, но будь, ради Бога, со мною, иначе я все перекрою!

И ты отвечаешь: «Давай».

Я злобу на ближних срываю, клянусь я твое колдовство — и газ тебе то закрываю, то вновь открываю его... Заметь, я при этом ни разу тебе не давал звездюлей! Я думаю — может, без газа я все-таки как-то милей? И, раз ошибаясь за разом, все жду я заветного дня и думаю: может быть, с газом ты снова полюбишь меня... Но ты мне в глаза посмотрела и молвила, словно врагу:

— Коханий! Не в вентиле дело!

А что я еще-то могу?

Большая элегия Анатолию Чубайсу

Анатолий Чубайс покидает госслужбу в связи с упразднением РАО «ЕЭС». Теперь, по его словам, он намерен «два года отсыпаться».

«Джон Донн уснул, уснуло все вокруг...»

И. Бродский

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Его враги невольно оробели: под шум листвы, под вой рублевских вьюг он крепко спит в хрустальной колыбели. Он помещен в особый мавзолей, лишь через пару лет назначен вынос... Пока не спал он — было веселей, но вот уснул — и все остановилось. Морфей его в объятьях приласкал. Горит ночник, включенный для уюта. Вертелось все, покада он не спал: росла национальная валюта, дошли до пика цены на сырье, качалась нефть — хоть пей, хоть умывай-

ся... Порою омрачала бытие коррупция — но супротив нее боролись все, включая и Чубайса. Крутились деньги. Делались дела. Простой народ стонал от монополий. Короче, при Чубайсе жизнь была — но хочет спать железный Анатолий.

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Всех сон сковал — снотворного не надо. Уснул Немцов, его курчавый друг, и рядом с ним уснула Хакамада; олигархат под одеяло влез и засопел, притихнув в общем шуме. Спит малый бизнес. Спит РАО «ЕЭС». Спит СПС и видит сны о Думе. Но спит и Дума — толку ли в грызне? Никто давно не верит в силу слова — и голосует все-таки во сне под руководством спящего Грызлова.

Закончился великий разогрев. Спустилась ночь. Все кошки снова серы. Спит с рупором Анпилов, не успев договорить: «Чубайса на галеры!» Медведев спит, и видится ему почти неопишное чудо — что Путин тоже спит в своем доме, и можно сделать оттепель покуда... Уснул Лужков, Батуриной храним, и видит сон, что мэром Сочи стал он — и в Сочи переехали за ним все жители столицы, всем составом. Уснул Билан, и тоже видит сон (победы в нашем обществе чреватые), что вследствие своей победы он — почетный член общественной палаты, что вся страна от радости звенит, взираючи на эту эпопею, а вместе с ним в палате — весь «Зенит» и сборная России по хоккею. Спит производство, менеджмент и сбыт. Спит молодежь — от голубых до красных. Каспаров спит. Илларионов спит. ОМОН во сне гоняет несогласных. Спит интеллект (хотя уже давно), спят честь и совесть (хоть и прежде спали), спит зритель, глядя новое кино, хотя и так привык кемарить в зале... Упав на стол лохматой головой, спит журналист, и спит под ним страница. Не спит, похоже, только часовой, да и ему, похоже, это снится.

Чубайс уснул, уснуло все вокруг. Другие страны ропщут: что такое? Ни проблеск мысли, ни единый звук не нарушают общего покоя. Спят с бабами, забывши страх и стыд. Спят и старик, и отрок желторотый. Коррупция — и та как будто спит: воруют полусонно, с неохотой. Устав от многолетнего труда, Россия спит. Чубайс устроил это.

Но вот он отоспится. И тогда...

Тогда уже кранты тебе, планета.

Депутат Верховной рады Украины Мустафа Джемилев предлагает закрыть российские консульства на территории Крыма, чтобы они не выдавали крымчанам российских паспортов и не создавали тем самым предлога для аннексии республики по югоосетинскому сценарию. Да-да.

Россия, отпразднуй главный успех. Соседи закроют пасть пусть. Я вижу, снова пугает всех гербастый российский паспорт. Величья истинного черта! Держава — не фунтик с кремом. Где мы раздаем свои паспорта — там сразу крутой экстремум. Стремясь расширить свой оком горами, морем, лесами, — сперва мы, значит, их раздаем, а после приходим сами. Орудья наши сотнями жал нацелены с видом пасмурным: а кто, скажите, тут обижал ребенка с российским паспортом?! **Врага сминает праведный гнев, и участь его — параша. Земля, где живет гражданин РФ, уже в потенции наша. Просты и решительны, как «Спартак», чисты, как звезда востока, мы мир утопить в своих паспортах готовы: у нас их сто-о-ока!** По всей планете прошлась пята, по многим морям поплавала. Я волком бы выгрыз все паспорта, где нету орла двуглавого.

Во дни, которые бардов рать успела внести в скрижали, наш паспорт в руки боялись брать: действительно уважали! «Берет, как бомбу, берет, как ежа», — Маяк говорил, не хвастая, пока пограничник держал, дрожа, серпастое-молоткастое. Прошли года крутых мешанин, мы встали с колен, натужаясь — и вот достаем из широких штанин, и Рада кричит от ужаса! Трясись, Джемилев, у себя в Крыму: ты видел уже нередко, что если паспорт дают кому, то это черная метка.

Мы в поле действуем правовом, блюдя дружелюбный имидж. Мы всех вокруг за своих порвем, лишь сделаем всех своими ж. Сгодится хоть элин, хоть иудей... Запомнить всем не мешало бы, что мы защищаем своих людей при первом признаке жалобы. Тогда, при своем миролюбье всем, при звуке угроз, при виде ли, — мы тут же по косточкам разнесем страну, где наших обидели.

Поэтому мир, что при шаге каждом все ближе к пропасти движется, к себе неохотно пускает граждан с орластою

красной книжицей. Когда я мчу в чужие края посредством летного транспорта — в глазах таможни читаю я смущенье при виде паспорта. Их руки потеют. Их мозг раздут каким-то тревожным бредом — как будто танки сейчас войдут за этим паспортом следом. Да вы не бойтесь! Я так, плебей, мне по фигу ваша горница. Меня хоть дрыном сейчас побей — в России никто не дернется. Таких, как я, у нас до черта. Ресурсы у нас не считаны. Вот если б вашим дать паспорта, то сразу была защита бы.

А если б, заметить не премину, мы вышли из рамок узких и стали бомбить любую страну, где власть обижают русских, — тогда, об участии их скорбя и взяв в свидетели Бога, боюсь, пришлось бы начать с себя. Нас здесь обижают много. Любезный друг, укажи обитель, окинувши глобус наскоро, где так бы мучился предьявитель клювастого-головастого. Боюсь, за местную нашу боль Россия нам — не ответчица.

Друзья! Отправиться в Ялту, что ль?
Спасай же меня, Отечество!

Welcome!

За 2008 год число российских предприятий, управляемых западными менеджерами, возросло почти вдвое. Эффективность их после прихода импортных специалистов растет еще быстрее.

Отставить, товарищи, взгляды косые: покрылись заслуженным глянцем мы. С минувшего года величье России пошло прирастать иностранцами. Когда-то нас жизнь добивала жестоко — теперь мы лидируем запросто. Отныне мы недра качаем с Востока, а менеджмент тырится с Запада. С Востока, из края сибирского кедра, мы гоним на Запад сокровища, — а Запад за наши роскошные недра нам деньги дает и спецов еще. Им хочется выехать в наши пампасы из скучных и пресных обителей. Меняем свои нефтяные запасы на грамотных их потребителей!

Мы встретим их нежно и денег предложим. Любезно российское небо им! Есть вещи, которых мы делать

не можем: для них мы приезжего требуем. России всегда самовластье во благо, и чтоб государство поправилось — мы править собой призываем варяга. (Был также грузин. Не понравилось.) Мы равных не знаем в посеве, в покосе, в питье, в маршировке шеренгами, — но строить к нам едут Растрелли и Росси, бегут Монферраны с Кваренгами! Напрасно такими гостями корят нас. Мы вольные люди, по Пришвину. Где надо умеренность и аккуратность — мы лучше доверимся пришлому. У нас это дело поставлено — что ты! Пришельцами нас не пугайте вы. Хорош гастарбайтер для черной работы, рулить же должны остарбайтеры. Вот так создаются условия для роста. Живем с настроением утренним. А нам, кореным, остается бороться с противником внешним и внутренним.

Езжайте, любезные, это не kidding¹. Мы примем и Буша, и Чавеса. Ведь правит футбольною сборною Хиддинк — и видите, как получается! И сколько я эту загадку ни рою, все сводится к выводу честному: рулит иностранец — и легче порою ему подчиниться, чем местному. Вам это покажется признаком бреда, но это же, граждане, классика: смешно в управлении быть у соседа, ровесника и одноклассника. На этом бы месте бы мог бы и я бы! Нашли же бездарного, тусклого... Особо мучительно, ежели бабы. А ежели немец, то пусть его. Во мне этой придури нет и в помине — но я б умилился заранее, когда бы носил бы фамилию Ниппу² редактор родного издания! Мы редко пред нашими шляпы снимаем. Они же нам кажутся быдлами! А если бы нами рулил марсианин, то было совсем не обидно бы.

Конечно, порою совместные группы кончают, как «British Petroleum», — но прежде мы были наивны и глупы, а нынче-то все под контролеум. Недавно уже наградили Ширака, хоть многие русские морщатся... Короче, мы были подобьем барака, а стали открытое общество! Открытое, акционерное, братцы, и всем объясняем до одури: сотрудничать с нами не надо бояться, вы вспомните только о Шредере. К нам можно теперь повернуться спиною (хоть

---

¹ Обман (англ.).

² Лошак (англ.).

лучше бы все-таки мордою). Полезно привлечь к управлению страной Китай и Америку гордую! А ежели вспомнить парижские зимы, что всем показались тяжелыми, — на месяц могли бы позвать Саркози мы: пускай разберется с поджогами! Мы многих бы взяли на главные роли, снабдив гонорарами щедрыми. Зовите политиков к нам на гастроли: мы тут же расплатимся недрами. В России хватает и денег, и плоти. Вы здесь огребете навару. А ежели вы, натаскавшись в работе, кого-то из наших взамен заберете, — так мы и приплатим, товарищи.

Мы тоже способны к распилке бюджетов. Не ведали вы до сих пор еще?

Работал же в Штатах Тимур Бекмамбетов. И вышло какое дозорище!¹

Наша жена

Гитарист «Rolling Stones» Ронни Вуд бросил жену и четверых детей ради восемнадцатилетней русской официантки Кати Ивановой, с которой познакомился в баре на Лейстер-сквер. По этому случаю он бросил пить и активно занялся живописью.

Женился на москвичке Ронни Вуд, решивший в шестьдесят родиться снова. Ее по-русски Катей зовут, фамилия ж подавно Иванова. Работала она на Лейстер-сквер, в обычном баре, в лондонском притоне. Спросила: «Вы меню хотите, сэр?» — «Тебя, тебя!» — в ответ воскликнул Ронни. Он попросил сначала двести грамм, откушал их и снова хряпнул двести. Потом он поднял скромный тарарам, но так всегда бывает в этом месте. Тогда он снова выпил двести грамм и после перерыва — снова двести. Сперва он стал хватать ее за срам, но скоро к ней отнесся как к невесте. Он попросил у Кати двести грамм, а после заказал последних двести — и в тот же миг, послав семью к чертям, в Ирландию уехал с нею вместе. Его жена была раздражена, просила отпустить его, хмельного... «Отныне

---

¹ Фильм «Особо опасен», вышедший в русский прокат 21 июня.

буду я его жена!» — сказала гордо Катя Иванова. «Опомнись, ты связалась со старьем! Вы кончите отчаянным раздраем!» — но мы в России если что берем, то никогда потом не выпускаем. Теперь в своем поместье Ронни Вуд рисует Катюню, на сельском фоне, и говорят — они почти не пьют. По крайней мере так считает Ронни. Он стал лечить свой голос пропитой, он стал играть, как встарь они играли, считает Катю чистой и святой и хочет с ней вступить на путь морали. Да, собственно, уже и в старину — о чем вести случилось разговор нам — иметь в хозяйстве русскую жену считалось делом крайне плодотворным. Вот был, к примеру, Сальвадор Дали, и он в Париже встретил половину — живущую от Родины вдали российскую красавицу Галину. Ее лица пленительный овал, лукавый взор, фигура экстра-класса... Он бросил пить и так зарисовал, что стал богаче всякого Пикассо.

Ах, если бы забросить русских жен, питомиц наших кротких колоколен — ко всем, кто против нас вооружен, ко всем, кто нами вечно недоволен! Случилась бы очистка грязных душ, раскаянье и слезы в русском стиле, войну в Ираке не разжег бы Буш, на Монику не посмотрел бы Билли; Ольмерт, сейчас замаранный в грязи, додумался б, что взятки брать негоже; на радостях простил бы Саркози всех мусульман (и Прохорова тоже)! Лежит на лучших женщинах печать духовной силы, кроткой, как корова... Саакашвили смог бы промолчать в ответ на обвинения Лаврова. Планета вся сейчас напряжена, и лишь в России тихо, гладко, чисто. Все потому, что русская жена у всех — от президента до чекиста. И если вы хотите жить, как мы (а нынче все об этом попросили) — вам нечего терзать свои умы: берите замуж женщин из России.

Сначала надо выпить двести грамм, а если хватит сил — то снова двести, и тут же так духовно станет вам, что вы навзрыд расплачетесь на месте. И снова надо выпить двести грамм, и сразу, продышавшись, снова двести, — и вся Россия, от мужчин до дам, предстанет как оплот ума и чести. А если после выпить двести грамм, а следом одолеть последних двести...

Она вам скажет яростное «Хам!» и бросит неприступное «Не лезьте».

Международный праздник левшей 13 августа прошел в России почти не замеченным — вероятно, потому, что у нас и прочие дни мало от него отличаются.

Не то чтоб повод слишком светел, но все застолья хороши: вот мир в который раз отметил международный день левши. Читатель мой пожмет плечами: кто это выдумал, чувак? А я отвечу: англичане. Им трудно выпить просто так. А нам и повода не надо для заливания души, но этот праздник — нам отрада: у нас все время день Левши. Завидуй, косная Европа, и вечно помни, ху из ху: ведь наш Левша без мелкоскопа ковал английскую блоху! Блоха английского металла, косым подкована Левшой, конечно, прыгать перестала — но это минус небольшой.

Вы в этом выводе подвоха не усмотрите ни хрена, но — хорошо ли это, плохо, — Россия левая страна. Не только в августе — и в марте, и в декабре наш рок таков: мы государство левых партий и одиноких леваков. Не нужно сводок и докладов, чтоб убедились враг и друг: мы средоточье левых взглядов, и левых ног, и левых рук. Одни мы дрыхнем или с девой — но, поручусь за большинство, с ноги встаем мы только левой и вечно злимся оттого. Как псы под окрик караульных, на службу тянемся рекой, засевши в «Ладах» леворульных, что левой сделаны рукой. **Наш труд нелегок и несладок. Что для приезжего бардак, для нас — единственный порядок. Ведь мы работаем не так, как надо было бы для дела или обидней для врага, а только так, как захотела начальства левая нога.** Срывая плод запретный с древа, пугливо ежась на ветру, мы от жены идем налево и возвращаемся к утру... Вот так проходят наши годы — а чтоб никто не доглядел, живем на левые доходы от непонятных левых дел. И пусть, как змеи перед Евой, пред нами вертится весь свет, — а мы их всех одною левой! Поскольку правой просто нет.

Увы, не в силах объяснить я, — дивится друг, смеется враг, — но опыт правого развития всегда кончается никак: режим, казалось бы, свободен, — но, веря принципам своим, идем налево — песнь заводим, идем направо... и стоим. Наш долгий опыт неизменен. Мы не по-

рочны, не грязны — но, как еще заметил Ленин, больны болезнью левизны. Дерутся кланы и анклав, гаишник просит левый штраф, — дерутся все, и все неправы, а приглажусь — и я неправ... Зато в словесности мы шарим — ведь наша нация жива активным левым полушарьем, что отвечает за слова. Европа, как ее ни гневай, терпеть готова наш поход под крики «Левой, левой, левой!» — и никогда наоборот.

Зато другие сверхдержавы и их гаагские суды всегда, во всем пред нами правы, и правотой своей горды. Пускай мы выгладим коряво — нас это сроду не скребло. У них повсюду правит право — у нас же лево и бабло. Страшны российскийские забавы для их разжиженных кровей. Они и в том, и в этом правы. Чем мы левей, тем все правей. И как бы мы ни огорчались — все отвернулись, как на грех, а с нами только Уго Чавес. Он вообще левее всех.

Нам это все давно приелось. Так почему ж, спросить дерзну, никто не любит нашу левость, не ценит нашу левизну, и мы со всею нашей славой бредем одни, как конь в пальто?

Все потому, что Боже — правый.

А левый — угадайте кто.

Нянчить!

В Михайловском прошел слет «мамушек и нянюшек», посвященный 250-летию со дня рождения и 180-летию со дня смерти Арины Родионовны Яковлевой. Тянет на символ эпохи.

В честь Родионовны под Псков слетелись няни — опора Родины, живая соль земли. Они в Михайловском собрались на поляне — и стали опытом делиться, как могли. От плясок их дрожал смиренный палисадник, их песни над землей звенели, чуть заря... Без няни Пушкина — какой бы «Медный всадник», про сказки всякие уже не говоря? Ведь что за жизнь была: цензура, страх, наружка, то ссылка, то надзор, то школят, то гнетут... В отчаянье поэт воскликнет: «Где же кружка?!» — и Родионовна с сосудом тут как тут. Он много уплатил невозвратимой дани подругам

юных лет и обществу кутил, — однако, думаю, без добродушной няни он много больше бы им дани уплатил. И я не просто так по clave барабану, недаром мой Пегас кусает удила: когда бы к каждому могли приставить няню — какая б лирика, какая б жизнь была!

Естественно, поэт взрослеет год за годом — но всякому ростку потребен агроном. Ведь няня добрая — не просто связь с народом, а вдумчивый пригляд за бойким шалуном. **От гения б, глядишь, осталась половина, его бы погубил разврат в конце концов, когда б его сперва не нянчила Арина, а после Энгельгардт, а после Воронцов...** А после Бенкендорф с добрейшим Николаем, Жуковский, Вяземский, толпа других друзей — ведь мы ж не просто так! Ведь мы ж добра желаем, как те, кого собрал Михайловский музей. Шагнул налево — кнут, шагнул направо — пряник. Голубка дряхлая на всех путях стоит. В российском обществе нельзя прожить без нянек. Особенно таким, как этот наш пиит. Мы нашу Родину уже видали разной: то завучихою с прической накладной, то грозной мачехой, чужой и безобразной, то бабкой жалкою, то матерью родной. Теперь случилось так, что после всех камланий, бесплодных поисков идеи и души, — нам видится она простой и строгой няней: про это не читай, про это не пиши... Непросто шалуну рассчитывать на ласку: здесь был либерализм, но он не проканал. Захочешь новостей — тебе расскажут сказку: по Родионовне завел любой канал! Сегодня Родина добра и таровата — ведь няня ласковей и мамы, и жены... Нет, не решеткою, не кладкой каземата — мы ватною стеной теперь окружены. Но нянька верная следит за каждым шагом. Она привязчивей кинжала и плаща. И то, что для тебя она считает благом, ты будешь принимать покорно, не ропща. Прошла пора стелить или подачки кланчить у фондов западных, как десять лет назад. В надежных мы руках. Теперь нас будут нянчить, Россию превратив в один большой детсад. Сменилась офисом убогая лачужка. Заглушит позитив тоску родных полей.

А ежели с тоски воскликнешь: «Где же кружка?!» — так в этом нет греха. Аринушка, налей!

*Войсковой атаман Центрального казачьего войска
Валерий Налимов объявил о строительстве казачьей станицы
на 30 000 семей в Ступинском районе Подмосковья.
Казакам выделен участок в 118 гектаров.*

Наша древняя столица не ударит ликом в грязь: наконец своя станица у столицы завелась. Подмосковные казаки — запорожским не чета: брюки, фраки цвета хаки — наша главная черта. Челки, усики и баки — украшение наших морд. Мы — гламурные казаки, мы — казачества бомонд! Степь подходит прямо к Дону. Удалые казаки разгулялись не по Дону, а по берегу Оки. Бродишь этак с папироской, агрессивный, будто еж... Вместо Сечи Запорожской — Подмосковную даешь! Среднерусские туманы расступились, смущены. Мы — Рублевки атаманы, славной Жуковки сыны!

От кого пошли казаки? Вечно длится этот спор. Враки, версии и драки не стихают до сих пор. По науке объясняли, что когда-то в старину типа беглые крестьяне поселились на Дону. Разгулялись на просторе, как гласит народный стих, ибо рабство крепостное не устраивало их. Много всякого народа устремилось им вослед — на Дону-то ведь свобода! С Дону выдачи-то нет! Большинство, само собою, — я вам точно говорю, — отдавало дань разбою, но служило и царю. Все хотели, право слово, этой доблестной судьбы: быть опорой престола, но отнюдь не как рабы! **Я уверен, что и ныне много доблестных мужчин — по причине ли гордыни, от других каких причин, — утомившись жить богато, бросив нажитый уют, убежали бы куда-то в край, откель не выдают. Скучно, скучно жить без риска! Закусите удила: наша Русь — авантюристка и всегда такой была. Все сбегут, кто нынче ярки (или правильно — яркиИ?). Журналисты, олигархи подадутся в казаки... К нам отправятся, воспрянув, сразу сделавшись бодрей, Абрамович, и Касьянов, и Колесников Андрей, все кумиры миллионов, все, в ком виден Божий дар, — и Парфенов, и Лимонов, и Потанин, и Гайдар, все, кого теперь прижали (чисто русская судьба), кто готов служить державе, но не в качестве раба! Новодворская-казачка подковала мне коня;**

С. Доренко, крикнув смачно, чаркой потчует меня; не желая в мире подлом всех лизать и жить по лжи, «Огонек» в составе полном спит над пропастью во ржи... Этот образ жизни лаком! Этим миром я влеком! Я желаю быть казАком. Или надо — казакОм?

Будем плеткой-семихвосткой робким женам угрожать и риторикою жесткой Запад в ужасе держать. Напиваться будем грубо, распуская языки, и кричать все время: «Любо!» — али мы не казаки? Нашим громом и блистаньем будет Родина горда. Совершать набеги станем на другие города, нагонять на них испугу поведением своим... Тверь, Владимир и Калугу снова присоединим... Все, в ком жив покуда вольный, непокорный русский дух, — будем жить в станице стольной, драться, спать и пить за двух, будем, глотки водкой вымыв, петь о гордом меньшинстве, — а врунов и подхалимов всех оставим на Москве. Уважать друг друга будем — хучь ты русский, хучь ты жид...

И тогда, похоже, Путин вскоре к нам перебежит.

Великий пост

Духовность набирает силу, являя рост во всей красе. Великий пост идет в Россию, Великий пост! Постятся все! Стократ суровой мясопуста, он вывел роскошь на корню. В Кремле — картошка и капуста, в Госдуме — постное меню; в программе «Время», столь похожей на выпуск дряхлых новостей, сановный диктор с постной рожей читает текст, еще постней; постится клерк, в престижном банке не разгибающий спины, постятся геи, лесбиянки, неонацисты и скины. Постятся дружно мент и киллер, являя преданность кресту. Постится Греф. В Газпроме Миллер постится на своем посту. Постятся, связанные словом (хоть что им, в сущности, слова?) Малахов, Познер с Соловьевым и финалисты «Дома-2». В рот не беря ни мант, ни плова, ни рыб, ни крупного скота, — постится Алла Пугачева, хотя она и так свята. Все визажисты-массажисты постятся, строги и чисты. Постятся буйные ЖЖИсты¹, постя

---

¹ Авторы сетевых «живых журналов». Читается «жежисты».

пространные посты. Давно покинув двор московский, уйдя в другой видеоряд, постятся Дубов, Березовский и даже Невзлин, говорят. Гремя костями с голодухи, почти забывши вкус еды, постятся доблестные «духи» — за их постом следят деды! Постятся люди разных станов, наевшись масляных блинов: Каспаров, Патрушев, Касьянов, Фрадков, Медведев, Иванов, народы севера и юга, смиренный вятч, гордый жмуд — хотя привычно жрут друг друга, но больше ничего не жрут! Ликует зверь, ликует птица — им ежегодный отпуск дан! И лишь Кадыров не постится. Кадыров держит рамадан. Зато Чубайс, Сурков и Сечин, и сотни прочих местных звезд...

Но ведь Великий пост не вечен! Не все коту Великий пост! Не зря худеет Дерипаска, не зря Собчак устала есть... Придет апрель. Настанет Пасха. Услышит мир благовую весть. И дед, и «дух», и частный пристав, и теледиктор, и диджей, ряды чекистов и ЖЖистов, нацистов, клерков и бомжей, и «Наших» лающая стая, и член ЦК КПСС начнут лобзаться, восклицая:

— Христос воскрес! Христос воскрес!

Парадиз

Лютеранский приход Св. Михаила предложил 27 мая 2007 года не допустить в Москве гей-шествия и провести вместо него 1 июня, в День защиты детей, парад нормальной семьи.

От геев аморальных спасая нашу честь, парад семейств нормальных задумали провести. Сидите, геи, дома, не сейте здесь чуму — нам филиал Содома в столице ни к чему. Ни передом, ни задом я к вам не повернусь. Пускай пройдет парадом семейственная Русь! Пускай она шагает по улице Тверской, а геев пусть шугает пудовой доской. Построим против геев заборы и ежи! Презренный Алексеев¹, замри и задрожь.

О, как я вижу четко парад семейный тот. Гламурная красотка к нему не подойдет. **Не приближайтесь, фрики, бегите, пачкуны! Пора увидеть лики простых людей страны — всех тех,**

---

¹ Инициатор московских гей-парадов.

кто составляет простое большинство и гордо заставляет взахлеб любить его. Опора всех опор мы, гроза для меньшинства. Пройди парадом нормы, нормальная Москва! Пускай глядит из окон, шепча себе «Молись!», испуганный Сорокин¹, чьи ужасы сбылись.

Из спального района потянется, жуя и глядя умиленно, нормальная семья. Пройдет довольный папа, отрада здешних мест, чьего густого храпа боится весь подъезд. А следом мать семейства несет кастрюлю щей (смеяться неуместно над силою вещей), и дочь, надежда клана, упругое бедро, поклонница Билана и группы «Серебро», и сын, фанат футбола, дополнит их набор (его боится школа, но уважает двор), и братец, краснолицый от счастья и питья... Идет, идет столицей нормальная семья! Пройдут при дедках, бабках, при тетках и дядьях, пройдут в халатах, тапках, иные в бигудях... Пройдут, себя не пряча. Наш образ жизни крут. На выходные — дача, по будням — честный труд. Урок окрестным странам и тунеядцам бой. И телик с Петросяном пускай несет с собой.

Вот офисная пара, урвав свободный час, шагает вдоль бульвара, улыбками лучась. Пусть смотрит вся столица на этот светлый путь: умеют потрудиться, умеют отдохнуть. Два клерка позитивных в кашемировых пальто — подтянутых, спортивных, лояльных, как никто... Они идут, балдея, и меж собою трут. По выходным — «Икея», по будням — честный труд.

А вот идет чиновник, потратив выходной, — причина и виновник стабильности родной. А с ним идут к победе (ведь он не одинок!) изысканная леди и оксфордский сынок. Идет, идет элита, пришла ее пора. За ней шагает свита, шоферы, повара, и гувернер (для детства), и даже мент в плаще... По выходным чудесно, по будням — вообще! Заслуги их реальны. Им не знакома ложь. И все они лояльны — и натуральны сплошь.

Защита всем защитам, всеобщий хеппи-энд — те, на кого рассчитан текущий наш момент. В их парус ветер дует, им посвящаю стих. Я, что ли, не люблю их? Да я же сам из них. Мне хочется забраться в их общий ареал. Меня пу-

---

¹ Автор романа «Норма» (1985).

стите, братцы! Я тоже натурал! На вашу я платформу влезаю сорок лет. Ужели в вашу норму никак мне ходу нет?! Но меж московских стогнов проходит их парад, опять меня отторгнув.

А как я был бы рад!

Ода симметрии

---

*Британское правительство в ответ на невыдачу
Андрея Лугового выслало четырех российских дипломатов.
Что нам придумать в ответ?*

Высылают наших граждан из Британии (четверых, хотя грозились до шести) — вероломно, не сказавши им заранее, сувениров им не дав приобрести! Им британская разведка все испортила — и теперь они спешат в аэропорт, не простившись, не купивши «Гарри Поттера», не узнавши, чем там кончил Вольдеморт! Что ж, прикажете мириться с беззаконием? Как умыть тебя, британский кабинет? Оскорбление бы это смыть полонием — но ведь столько и полония-то нет... Уваженья никакого нету к ближнееньким. Не желают нас любить и понимать. Мы ж когда-то их застукали с бульжником, но не выслали же их, едрена мать! Мы-то честно соблюдаем принцип базовый, тут порядочность у каждого в крови. Приходи сюда с бульжником за пазухой: мы бульжник отберем, а ты живи!

От такого унижения публичного вся щека моя красна и горяча. Нет у Родины ответа симметричного, кроме разве что Онищенко-врача. Где Онищенко — забудь о поражении, о российском утеснении забудь. Сколько раз он в безнадежном положении умудрялся замутить чего-нибудь! У Молдавии, у Киева и Грузии, выходявших на майданы неспроста, были, помнится, какие-то иллюзии — но Геннадий указал им их места! Он ответил им изящно и изысканно и Отечество мое увел в отрыв — сразу импорт прекратив вина грузинского и оранжевому салу путь закрыв. Но и здесь нам повредили силы тайные, злые рыцари с кинжалом и в плаще, — вин британских, как и сала из Британии, нет в российском антураже вообще. Все заранее просчи-

тано и понято, все продумано у главного врага... Правда, есть у них бекон, но что в беконе-то? Мы ж его не покупаем ни фига! Представляю, как наш доктор в стены тычется: на каком еще пути закрыть рубеж? Можно выслать «Джони Вокера» и «Тичерса», но кому мы хуже сделаем? — Себе ж! Мы настроены весьма патриотически, за Отечество у всех душа болит, но представишь эти высланные «тичерсы»... и в душе уже любой — космополит. Мы ответим и грузинам, и эстоникам, и соседям на днепровском берегу, но претензии медслужбы к джину с тоником не могу себе представить. Не могу! Чем ущучить нам вражину, змея липкого? Все запутанней, чем прежде, и мудрей... Отказаться, например, от чая «Липтона», но какой тогда останется? «Эрл Грей»? Это что же, и чайку с утра не выпьете? Пить прикажете парное молоко? Нет продукции в британском нашем импорте, от которой отказаться бы легко. Кто-то может сделать так, но я не сделаю. Я без виски не сумею никогда. Это вам не «Ркацителю» с «Изабеллюю» и тем более не сало, господа. Я не знаю, как без эля и без портера, но без чаю я опять же не жилец. Что такого запретить? Того же Поттера? Но ведь школьники восстанут, наконец! Взвоят девочка озлобленной гиеною, мальчик выстроит на площади редут... И потом, санитария с гигиеною вряд ли в «Поттере» чего-нибудь найдут.

Что же делать? От ментального усилия у Онищенко небось слеза из глаз. Может, все-таки британская фамилия станет поводом для высылки у нас? Едут, подлые, с сигарями и бачками — у себя-то не решаются курить! Вон, грузин же выслали — прямо пачками (жаль, что мало. Надо будет повторить). Мудрой практики такой не помню в мире я: подобраться, ухватить за волоса — и, увидев, что английская фамилия, выслать в хладный Альбион за полчаса! Но ведь наши горожане, люди мирные, в тот же миг начнут доказывать ментам, что у всех у них английские фамилии и поэтому их место только там! И потянутся туда еще до выборов, бачки вырастив и выстроившись в ряд, англичане Ivan-off, Petr-off и Sidor-off и McAgov (из шотландцев, говорят). Не пугаясь наречья непривычного, джентльменскую осваивая статью...

Так что нет у нас ответа симметричного.

Разве Диккенса куда-нибудь послать.

Заместитель генерального прокурора Сергей Фридинский предлагает закрыть журналы «Cool», «Cool girl» и «Молоток», которые, с его точки зрения, внушают молодежи аморальные понятия и пропагандируют нездоровый образ жизни. Так начинается в России очередной виток борьбы с коррупцией.

Когда, бывало, в годы оны (хоть что сменилось с этих пор?) заболели фараоны болезнью грустною «запор», — начальник стражи, скорбью ранен, придворных кликал лекарей: один был скромный египтянин, другой — заносчивый еврей. Охрана, склонная к садизму, ввела несчастных в тронный зал, и египтянин молвил:

— Клизму!

— Кому? Не мне ли? — царь сказал.

— Тебе, — ответил врач. — Кому же?

— Ах так?! Казнить его скорей!

Но фараону стало хуже, и к трону призван был еврей. Еврей привык к феодализму и понимал закон в стране. Он осторожно молвил:

— Клизму.

— Кому? Не мне ли?!

— Что ты, мне!

Царь оценил его идею, велел внести большой клистир, его поставил иудею, и наградил, и отпустил. Когда еврею ставят клизму — легчает лидеру слегка. Я рассмотрел сквозь эту призму закрытые «Cool» и «Молотка».

Замечу ради политесу: не так уж сильно мы грешим. У нас всегда карают прессу, когда вопрос неразрешим. Когда случился ад в Беслане, страна желала громких дел. Силовиков тогда не сняли, но Раф Шакиров полетел. Как за Басаевым ни рыскай, Басаев до сих пор не взят — за это платится Бабицкий, его тиранят и язвят. Какой у нас еще вопрос там смущал умы родной земли? За ситуацию с «Норд-Остом» Бориса Йордана смели... В «Парламентской газете» Котов смещен с привычного поста — по представленью патриотов, чья голова полупуста... В родной реальности несладкой опять переворот в гробу: теперь ведут борьбу со взяткой, но безуспешную борьбу. Решив с чиновничеством

сладить и не управившись чуток, хотят из памяти изгладить журналы «Cool» и «Молоток». И не сказать, что я балдею. Такой исход привычен мне. Поставят клизму иудею — и полегчает всей стране.

«Cool girl» — журнал предельно пошлый, подобный глянцево́й звезде; еще до Чайки, в жизни прошлой, я говорил о том везде. Но мне забавны эти прятки, пальба в пространство «молока». Ужель в стране исчезнут взятки, когда не станет «Молотка»? Зачем пускать по прессе сдуру родной асфальтовый каток? Мне странно, что прокуратуру так возбуждает «Молоток». Увидят два фривольных вида, оценят женские тела — и возбуждается Фемида, и возбуждаются дела... Но может быть, на самом деле уместна с пресою вражда, и сути мы не углядели, и роль закона нам чужда? Глядишь, закрытие «Кулгерла», к какому я давно готов, возьмет коррупцию за горло, раскроет тайну «Трех китов»... Разоблачит бюджет хреновый и новый выстроит бюджет закрытие «Российской», «Новой» и «Независимой» газет. Я не приветствую посадку — возможен мягкий вариант. Пускай на смену «Коммерсанту» придет газета «Коммендант» — писать о позитиве всяком, бороться типа с нищетой, и можно тоже с твердым знаком — как символ твердости крутой. Все знают высшие мессии, а нам, глядишь, и невдомек, какой настанет рай в России, когда закроют «Огонек».

Конечно, этому закону страна подвластна не всегда...

Но ведь легчало фараону?!

Несите клизму, господа!

Правоправила

В Краснодарском крае введены новые, православные правила дорожного движения. А не лучше ли распространить их на всю страну?

Постыло жить — в глуши, в Москве хоть... Житье — обуза, а не дар. О, как мне хочется уехать в веселый город Краснодар! Он уважать себя заставил не лютой яростью в труде, а сводом православных правил, придуман-

ных ГИБДД. Их, как и заповедей, десять. Их будет знать любой патруль. Водитель должен крест повесить себе на грудь, садясь за руль. Когда машина закипает, молитву кротко сотвори. Когда дорогу уступают — сигналом поблагодари. А пешим всем необходимо простое правило блюсти: увидя, что спешит водила, его смиренно пропусти. Захочешь перейти дорогу — перекрестись, и в добрый путь! Я б эти правила, ей-богу, хотел внедрить когда-нибудь в Москве, в Саратове и Нижнем, в Самаре, далее везде... «Диктуется любовью к ближним», — добавило ГИБДД.

Я тоже веру уважаю. Я без нательного креста уже давно не выезжаю в родные дачные места. Кругом летят такие джипы, всюю разбрызгивая грязь, а в них сидят такие випы, что едешь, только помолясь. Когда ж меня своим приказом внезапно тормозит ГАИ, как грешник, вспоминаю разом все прегрешения свои. «Спешите?» — спросит грозный витязь. «Но мне казалось — я тащусь...» — «Когда вам кажется, креститесь», — промолвит он. И я крещусь. Когда-то, помню, спорил сдуру, теперь, уже без лишних драм, покорно достаю купюру, привычно жертвуя на храм. Я стал водитель православный, везде — в столице и в глубинке — осуществляя принцип главный: смиришься, терпи и всех люби.

А что, вы скажете — не прав я? Пройдя сквозь несколько горнил, я б этот кодекс православья у нас на все распространял. Смиренье красит человека, будь старый он или молодой. Идя к чиновнику из ЖЭКа — кропи себя святой водой: а то ведь всяческая нечисть с улыбкой хищной на устах, на первый взгляд очеловечась, сидит у нас на всех постах... Крестись движением знакомым, просясь под Божий патронаж. Идя на встречу с военкомом, тверди сквозь зубы «Отче наш». Поскольку Русь — замечу снова — отторгла нравственный прогресс, смиренно пропускай любого, кто мчит тебе наперерез. Молись, купив себе сарделек, и «слава богу!» повторяй. Когда ж, допустим, смотришь телек — какой настал повсюду рай, — крестись при этом раз по сорок, читая вслух стихи псалма, и, может статься, душевный морок не тронет твоего ума.

Нехитрым обращением этим мне вправить хочется мозги не только взрослым, но и детям, веселой стайке ме-

люзги. Российский мир устроен строго, усвойте это наперед. Здесь можно верить только в Бога. Конечно, Он суров немного, зато уж честен без подлога, не врет и взяток не берет.

Читай!

---

*В России принята программа поддержки чтения
и литературного дела.*

Какая б ни была эпоха под этой бледною луной, Россия со времен Гороха была читающей страной. Как говорил святой Савватий, у нас холодная страна. Ни для каких других занятий не приспособлена она. Рискованное земледелье, глухие, топкие места, от пьянства дикое похмелье (поскольку водка нечиста), трактиров мало (чай, не Дублин), рулит сатрапский фаворит, и восемь месяцев в году, блин, зима жестокая царит. Сегодня минус двадцать девять, на завтра минус тридцать пять... Чего еще в России делать? Залечь в берлогу — и читать!

И коль учесть расположение Россией правящих планет, так это лучшее вложение ума, талантов и монет. Будь ты талантливый и смелый, имей кураж и меткий глаз, — но все, чего ты здесь ни делай, быть может отнято на раз. Живем как будто понарошку. Пускай крестьянин в свой черед удачно вырастит картошку — придет солдат и отберет. Допустим, кто-то строит бизнес — но рэкетир подкрался, тать, и ты, жестоко дербалызнясь, идешь, естественно, читать... Допустим, ты построишь виллу, но побеждающий ревком уже прислал к тебе гориллу, вооруженную древком: «Отдай! (Здесь это всем знакомо.) Уйди, ей-богу, далеко! Здесь будет здание ревкома». И тычет, стало быть, древком. Допустим, ты откроешь прииск — придет посланник от вождей и станет брать тебя на привязь: начальству прииски нужней. Отнимут все: богатство, имидж, галдя при этом вразнобой... И только книгу не отнимешь. Что ты прочел — навек с тобой.

Да как и жить, скажи на милость? Уж коль метафору дожать, то все здесь надвое делилось: одним — сидеть, другим — сажать. Пу-

скай хоть в новом поколенье не будет этаких засад. Введем другое разделение: «Одним — читать, другим — писать!»

И если статус мой повысят, вручат погоны и доху — как мало от меня зависит! Здесь все решают наверху. Больших иллюзий не питаю: другие пилят капитал, а я лежу себе читаю, как с детства, помнится, читал. Талантам проявляться негде. Я ничего не ухватил. Добыча газа или нефти — удел немногих воротил. В Госдуме — клоуны и клоны, и, поглядев на эту власть, моих сограждан миллионы туда раздумали попасть. Россия велика, обильна, известна газовой трубой, но так сервильна, так стабильна и так любит себя, Сибирь вот-вот уйдет Китаю, таланты гибнут на корню... А я что делаю? Читаю. Лицо хотя бы сохранию.

Да, господа! Признаем честно (не потому, что я злодей): у нас в России нету места трем четвертям ее людей! «Читай! Роман — замена жизни, — я посоветую любя тому, кто хочет жить в Отчизне, при этом сохранив себя. — Читай! Для нас одна отрада — в пространстве как бы полусна прорваться в мир, где все как надо: любовь — бесплатно, жизнь честна, чего-то стоит благородство, и все чисты и не грубы, и можно, главное, бороться — не предreshен исход борьбы!» О ты, который дружен с книгой! Тебе спасение дано: чуть что не так — немедля прыгай в ее волшебное окно!

И я иду в библиотеку и там сижу до десяти.

Порядочному человеку в России есть куда пойти!

Трудармия

Исполняется на мотив «Последнего троллейбуса». Депутаты Свердловского областного законодательного собрания выдвинули законопроект о привлечении безработных к неквалифицированному труду вроде подметания улиц. Отказников могут лишить пособия по безработице. Скоро эту инициативу рассмотрит Госдума.

Когда-то со всех моих здешних работ, насытись моим эпатажем, меня обязательно кто-то поперет — по возрасту, скажем. Спущусь по ступенькам в потертом пальто,

пойду, озираясь бесправно... И в двадцать сегодня не нужен никто, а в сорок — подавно. Сегодня без повода может любой лишиться зарплаты и выгод, и даже теснейшие связи с трубой — не выход, не выход... Сегодня неважно, насколько ты крут, поскольку при смене расклада в мгновение ока тобой подотрут что надо, что надо... И вот побредешь неизвестно куда — маршрута потом не упомянешь, — пока не очнешься на бирже труда, в надежде на помощь.

Без нас обойдется великая Русь, на газовой базе воспрянув. Работы лишились Береза и Гусь, и даже Касьянов, десятки героев бегут за рубеж, мечтая о мести и путче, хотя всемогущими слыли допрежь, — а чем же ты лучше? **Я так нас и вижу: большая орда, где каждый эпохой отторгнут... Подходят сотрудники биржи труда — и просят автограф.**

Однако Госдума, в заботе о нас склонившись к придонному слою, не прочь обеспечить поверженный класс метлою, метлою! Чтоб стала гламурнее наша страна и вид обрела бы товарный, готова использовать опыт она трудармий, трудармий! Как будто вокруг не две тыщи седьмой, а бурный, допустим, двадцатый, чтоб классовый враг поработал зимой лопатой, лопатой! И вправду, пора приобщаться к труду, корячась, кряхтя при замахе — как снег расчищали в двадцатом году монахи, монахи... Подтаявший лед разбивать по весне, листву разгребать, если осень, — и чувствовать дружно, что нашей стране мы пользу приносим. Мне видится снегом присыпанный лед и наши веселые рожи: гребет Шендерович, Иртеньев гребет, Колесников тоже... Не стоят вниманья ни слезы жены, ни взгляды прохожих косяе. Теперь наконец-то мы точно нужны России, России. Сурова к изгоям всеобщая мать, подобно тамбовскому волку. Зачем безработным работу давать? Им лучше метелку. Пускай они дружно ломачи гремят, напрасно мечтая о чуде: ведь те, кто не впишется в новый формат, — не люди, не люди.

А что нам? Наш житель воспитан борьбой, привычен к кирке ли, к лопате ль...

Вот там мы и встретимся, верно, с тобой, читатель, читатель.

В преддверии «Русского марша», намеченного на 4 ноября, патриотическая общественность, как обычно, раскололась.

Столпы Отечества пройти желают маршем, но снова мучатся: кого назначить старшим? Таганку ли пройти, Васильевский ли спуск, — но главное, решить, кто по понятиям русск. Чуть замаячит марш — в перипетиях сложных дробятся русские на истинных и ложных, критерий истины ища под фонарем. «Мы этих не берем!» — «И этих не берем!» Насколько легче вам, счастливые евреи! Вам только прикажи собраться поскорее — и тут же, как один, сорвутся с якорей единым шествием. Ведь ясно, кто еврей! Насколько легче вам, счастливые грузины! Какою высылкою вам ни погрози мы — вас все еще полно, ваш стан не уязвим, и сван или мингрел — по-прежнему грузин! Насколько легче вам, любезные чеченцы! Будь вы кадыровцы иль горно-ополченцы, набит ли ваш карман деньгой или ничем, в Москве иль в Ботлихе — ты все равно чечен! **А русский монолит — расколотая льдина. Им как-то не дано собраться воедино. Чуть сходку соберут, как сразу заорут — и дружно в русские друг друга не берут.**

— Ты штатовский наймит! — Ты путинский опричник! — Ты молишься Христу! — Ты мерзостный язычник! — Ты любишь Ленина! — Ты требуешь царя! — Ты гнусный либерал, по чести говоря! — Ты вообще жидок: я видел паспорт теткин! — Какой-то ты брюнет. — А ты какой-то Поткин! — Возьмем ли мы шкура? — Мы не возьмем шкура! Быть русским, в сущности, — ошупывать слона: вот хобот, вот нога, вот пара глазок милых, но что такое слон — сказать никто не в силах. И все цепляются за органы свои: одним — ЭР О ЭС ЭН, другим — Дэ Пэ Нэ И.

В московской мэрии одна пресс-секретарша сказала, что пройдет четыре русских марша. Но мне-то кажется, Господь, меня прости, что надо собирать не менее шести, а то и более. Не надо рамок узких! В России множество разнообразных русских, от нищих до владык, с пеленок до седин, и каждый думает, что русский он один! Была тенденция — для нас она не внове — тех русскими считать, кто

больше хочет крови; критерий, может быть, действительно хорош, но их и на один проход не наберешь. Так пусть же по Москве в российский день единства десятка два колонн, чтоб каждый убедился, как волны к берегу, как войско на прорыв, идут с хоругвями, движенье перекрыв. Одни поют псалмы, другим хватает плачей, одним поет Кобзон, другим же хор казачий; одни, советский гимн горланя в три горла, несут багряный флаг, другие же — орла; одни хотят царя, другие же — парламент, и к Родине любовь во всех очах пылает, и каждый думает, горланя русский гимн, что Родину свою не даст любить другим! Не нужно посягать на русскую свободу — но важно, чтоб они не встретились по ходу: ведь русским русские, привычно всех деля, по-русски русского навесят звездюля! Другьям Отечества угрюмо-низколобым легко меня назвать презренным русофобом, — но, думаю, Гомер, Алкей, да и Сафо б носили бы у них отметку «русофоб».

А лучше бы всего — чтоб больше не просили — всем русским бы раздать по собственной России, чтоб каждый там рулил, не видя чуждых рож...

Но жалко, что Россией на всех не наберешь.

Богатство

По подсчетам «Форбс», русская законодательная власть — самая богатая в мире. Среди депутатов обеих палат русского парламента — 12 миллиардеров (из зарегистрированных в стране).

Говорят, что власть у нас богата. Это очень правильно, ребята. Ей к лицу заводы и дома. Мы иначе думали когда-то, но у нас прибавилось ума. Власть должна работать идеалом, презирая бедность, как чуму, и не знать отказа даже в малом, чтоб тянуться было нам к чему. Власть народу служит эталоном, подражанья высшим образцом. Власть нельзя поить одеколоном и кормить соленым огурцом. Нужно, чтоб всерьез, без бутафорства депутат народный был богат, чтоб слюной завистливою «Форбса» подавился западный магнат. Мы не зря на мир гля-

дим с хитриной. Мы скромны, но это все пока-с. Депутаты служат нам витриной, выставленной миру напоказ. Пусть косятся Брауны в испуге, пусть в досаде Буш кусает рот: если так живут народа слуги — как живет избравший их народ?!

Прекратите речи о расплатах. Зависть социальная — пустяк. Бедным людям сладок вид богатых: бедных навидались мы и так. Отчего заходишься в тоске ты? **Счастье есть, оно перед тобой! Слава богу, были тут аскеты — прежде лысый, а потом рябой. Правила страной, как фараоны (а порой значительно лютей). Тратили при этом миллионы — но, увы, не денег, а людей.** Он, тиран, иначе не умеет. Он на мир взирает из дыры. А богатый все уже имеет — стало быть, богатые добры. Только в кадре явится Керимов (первый номер в перечне «Форбса») — сразу слышишь пенье херувимов, серафимов слышишь голоса! Он уже не хочет дрязг и шуму, и его политика мудра. Я когда смотрю на эту Думу — просто страшно, сколько там добра!

Кто из вас богатого осудит? Экстремист? Фанатик? Либерал? Слава богу, он и красть не будет, потому что все уже украл. Бедный же пускай свою потерю так и носит дальше на горбу. Как же я страны судьбу доверю тем, кто проиграл свою судьбу?! ВВП не сможешь ты удвоить, нацпроекты сгубишь, размазня: если ты не смог себя пристроить — как устроить можешь ты меня?! Вечно будешь, мрачное пророча, биться лбом в трибуну, инвалид... А взгляни на депутата Скоча: крепкий Скоч, и видно, что рулит! Не ругай его неосторожно. Лучше избери его, любя. Для себя он сделал все что можно — дальше будет делать для тебя.

До чего сладка любовь к богатым в ожиданье пламенных щедрот! Нам осталось к этим депутатам подобрать бы правильный народ, чтобы, как жена при сытом муже, что прилично пьет и сладко ест, выглядел как минимум не хуже и входил бы в форбсовский реестр. А пока Россия ищет брода к счастью на заветном рубеже — депутаты смогут без народа.

Да и могут, собственно, уже.

Индийские Великие Махатмы со времен Николая Рериха вдумчиво следили за Россией и направляли письма ее правителям. Последнее заявление Владимира Путина — о том, что после смерти Махатмы Ганди ему как истинному демократу не с кем поговорить, — вызвало горячий отклик мудрецов Тибета.

Нам донесли из путинской Москвы, что вам, товарищ Путин, одиноко. Хотя мы все не местные, увы, — склоните слух к трудящимся Востока! Поскольку вы известны на Земле правленьем неизменно аккуратным, совет Махатм, сидящий в Шамбале, имеет честь причислить вас к Махатмам. Вы славитесь умом и добротой, хотя проблем у вас в России — кучи. Теперь, по нашим меркам, вы святой. Вы как Махатма Ганди, только круче.

Рулить Россией — не курить бамбук, а власть — не чаепитье на веранде. Такие ли проблемы, милый друг, досталось тут решать Махатме Ганди? У нас тут, прямо скажем, не Москва, где правят конкуренция и злоба. У нас гораздо меньше воровства, да и украсть-то нечего особо. Опять же, население наше — рай: кругом непритязательные люди. Хоть палкой тресни, хоть чалму сдирай — а он сидит и думает о Будде. Не надо ни ботинок, ни пальто — избыток фруктов и прелестный климат. У вас же, милый друг, совсем не то! Не все снесут, не всякого и примут. **Всем хочется и денег, и свобод, хотя росли на сталинской баланде. Чего им надо, хрен их разберет. Тут ногу сломит сам Махатма Ганди. Когда он был вождем индийским встарь, он неизменно ровен был и весел, а если бы он был московский царь, то пол-Москвы уж точно бы повесил. Франциск Ассизский и Тереза-мать, с рождения не склонные к погрому, там живо стали руки бы ломать и ставить клейма каждому второму! А вы призывали действовать добром. И славно! Ваш пример — другим наука-с. Устроен был всего один погром, и жертвой стал какой-то скучный «Юкос». За восьмилетний президентский срок вы проявились очень адекватно — из всех Махатм никто бы так не смог. Товарищ Путин, вы большой Махатма!**

Проблем у вас в России — до хрена (мы овладели русским, вам в угоду). К примеру, Ганди жил во времена, когда британцы дали нам свободу. Была пуста казна, скудна мощна, однако вольность все-таки полезна. Британия тогда от нас ушла, а к вам, наоборот, она полезла! Вербуют и вербуют без конца, в агенты тащат каждого второго, шифровками по книге Гришковца измучили Андрея Лугового... Во все углы пролез британский смог. Европа вас не переносит на дух. Махатма Ганди точно бы не смог рулить страну при таких раскладах. Не в нефти дело и не в колбасе. Россия нынче — в окруженье змиев. Нас, Индию, всегда любили все — а вас не любит самостийный Киев.

И наконец — страшнейшая из мук! Мы в Индии — противники насилия. Подумайте при этом, милый друг, как с этим соотносится Россия! Хоть мы порою грызли удила, но, в общем, все сходило как по маслу: у Ганди хоть традиция была — не лить индийской крови понапрасну. Вы ж, вопреки традиции родной, не рушите церквей и колоколен, башки не оторвали ни одной, да и Зурабов даже не уволен! Хотим кричать: Россия, пробудись! Тобою правит истинное чудо! Вы вегетарианец. Вы буддист. Нам кажется порой — вы просто Будда. Благословляем ваш пресветлый ум, лобзать готовы след от ваших пят мы. Большой привет. Ом мани падме хум. Июнь, Тибет, Великие Махатмы.

Икона

«Имя России» всесветно расхвалено:
Каждый наглядности рад.
Требует канонизировать Сталина
Питерский электорат.

Некий священник из Стрельны, что в Питере,
Сделал гораздо умней:
Вывесил в храме икону, чтоб видели.
Сталин с Матроной на ней.

Мирно беседует Сталин с Матроною,
Трубку зажавши в горсти.
Он вопрошает ее, умудренную,
Как бы Россию спасти.

...Ах, если б вождь заглянул на мгновение
К нищей пророчице той —
Вряд ли он вызвал бы благоговение
У православной святой.

Так что на все его просьбы и жалобы
В сорок проклятом году
Наша заступница честно сказала бы:
«Быть тебе, Ося, в аду.

**Смертью закована, снегом завалена
Вся подневольная Русь.
Всех отмолить обещала — а Сталина
Благословлять не берусь.**

Деспоты каются, это как водится,
Я ж тебя знать не хочу:
С давних времен не велит Богородица
Ироду ставить свечу».

Что б после этого стало с Матроною —
Сам себя каждый спроси.
Я бы другою, другою иконою
Храмы снабжал на Руси:

Там бы Матрона, отважная старица,
Дивно чиста и бела,
Сталина лично и всякого сталинца
Прочь бы из церкви гнала.

Всех — с младороссами, с новодзержинцами,
Властной и твердой рукой...
К этой иконе и я приложился бы,
Да не напишут такой.

Испанская пресса утверждает, что русская мафия подкупила «Баварию», чтобы та проиграла «Зениту» 4:0.

Наша Родина, сколько ни славь ее, не по нраву другим сторонам. Говорят, что российская мафия весь подъем обеспечила нам. Вот Испания — плюнуть бы в харю ей! — в наглom подкупе русских винит: мафиози, мол, спелись с «Баварией», чтоб она пропустила «Зенит». «Миллионы подкинули евро ей!» — «El País» нагоняет пурги. С тем, что русские — самые первые, не желают смириться враги. Вот такая пошла порнография — недоверье к великим делам. Это, может быть, русская мафия — евровидцев убравший Билан? Вот, планета, твоя эпитафия: Русь отныне тебе не лакей! Это, может быть, русская мафия победила канадский хоккей? Русь опомнилась. В угол не ставь ее: мы любому теперь погрозим. Это, может быть, русская мафия аж до Гори теснила грузин? Это наша с тобой биография, суверенной судьбы феномен: это, может быть, русская мафия поднимает Россию с колен? Башня Спасская, башня Кутафия, солидарность толпы и элит... Это, может быть, русская мафия превратила страну в монолит? Наша Родина... Только представь ее — кто бы справился с этой страной? Это, может, российская мафия управляет ценой нефтяной? Не объеду ни в тачке, ни в плавь ее — хоть с востока, хоть с юга начну... Это, может быть, русская мафия навсегда замирила Чечню? Пугачева, и Галкин, и Сафина¹, Бекмамбетов и «Камеди клуб» — это, может быть, русская мафия возродить нам культуру могла б? Не стыдись за Россию, поздравь ее, даже если ты внутренний враг. Это, может быть, русская мафия в США загоняла Ирак? Пусть беснуется Запад-анафема, пусть гордыню смирит, паразит. Это, может быть, русская мафия экономику Штатов разит? Словно ризы святого Евстафия², мы сияем на горе врагу... (Тут кончаются рифмы на «мафия», но заткнуться еще не могу.) Это, может быть, русская ма-

---

¹ Алсу.

² Имеется в виду св. Евстафий Сербский.

фия потрясла Куршевель и Давос? Это, может быть, русская мафия олигархов втоптала в навоз? Это, может быть, русская мафия производит нам «Тополь» и ПТУРС?¹ Это, может быть, русская мафия голосует за избранный курс? Это, может быть, русская мафия покорила ТВ и печать? Это, может быть, русская мафия научила нас чаще молчать? Это, может быть, русская мафия Бахмину одолела в бою? Это, может быть, русская мафия мне диктует поэму мою? Это, может быть, русская мафия реставрирует ядерный щит? Это, может быть, русская мафия коллективные письма строчит?

Не даю злопыхателям спуска я. Не уйдет безнаказанным зло. Это, братцы, не мафия русская. Это русское время пришло. Заграница терзается, мать ее, увидав небывалый расцвет!

Если ж все это русская мафия, то прекраснее мафии нет.

Happy birthday!

---

20 декабря 1967 года родился автор этих стихов, а за 50 лет до этого, 20 декабря 1917-го, Владимир Ильич Ленин подписал Указ о создании ВЧК. Празднуем!

К негодованию внутренних врагов, взирающих на нас недоуменно, по прихоти таинственных богов мы родились с тобой одновременно. Нас разделяют пять десятков лет — за это время рушилась Европа, дрожал Китай... и все ж различья нет, хотя бы с точки зренья гороскопа. Привычно в день двадцатый декабря делить с тобою именинный торт нам. Мы бросили с тобою якоря в пейзаже зимнем, русском, некомфортном, где снег колючий, и вороний грай, и ветер, соответствующий жанру, — чтоб оживить собою этот край. Добавить интересу, пылу, жару! Чтоб посреди российской мерзлоты зажечь костер и озарить берлогу... Так зажигать, как зажигаешь ты, — я не могу. И, может, слава богу.

---

¹ Противотанковый управляемый ракетный снаряд.

Что говорить, любезная ЧК, — я не гонюсь за красотой слога: ты не нашла во мне ученика, но сходства между нами очень много. Мы бескорыстны. Нам не нужен куш — мы в этом смысле истинные россы. Мы оба, в общем, инженеры душ. Мы оба любим задавать вопросы (я хитростью беру, ты — сапогом, но мы об этом никому не скажем). Мы с внутренним сражаемся врагом: я — с совестью, а ты — со шпионажем. Интеллигентской нету в нас гнильцы: нас бесит декаданс и злит упадок. Вдобавок оба мы с тобой Стрельцы (хоть ты стреляешь лучше на порядок).

Мне радостно, что мы в таком родстве. Пусть у меня специфика иная — порою сладко думать, что в Москве стоит твоя избушка лубяная. Ты не смыкаешь бдительных очей, просвечивая мысли и деньжищи. Пусть сердце у меня не горячее и мозг не холоднее, но руки чище. Ты, правда, провела своих во власть: твой отпрыск восемь лет баранку крутит, а мой пока не смог туда попасть... но, знаешь, чем в России черт не шутит! Он выучит немецкий, вступит в брак, приобретет профессию вторую... Сейчас он, правда, мстителен не так, но я его еще потренирую.

Я рохля, как меня ни укоряй: мешает добродушие тюленья. Но помнишь, что заметил Николай, когда задумал Третье отделение? Вручая Бенкендорфу свой платок, он смог теоретическую базу подвести под исторический виток — и выдал историческую фразу: «Не нужно дурно думать ни о ком. Сатрапствовать мы вовсе не хотели. Чем больше слез отрешь ты сим платком, тем более моей послужишь цели». С тех пор мундир небесно-голубой всегда считался символом угрозы... Но дело-то одно у нас с тобой: нам дан платок! Мы осушаем слезы! И кто же виноват, что свой платок, врученный для решения задачи, накидывать ты любишь на роток, а я его использую иначе?

Спецслужба дорогая, пью за нас, за наше сходство. Выразусь короче: мы родились с тобою в темный час, в холодный вечер самой долгой ночи. Не стану проливать на нас елей, не развожу привычные кажденья — но факт, что мир становится светлей буквально после нашего рожденья. В окне цветут морозные цветы, но день продлился — значит, лето скоро! Кто этот свет прино-

сит — я или ты? Конечно, ты. Я уступлю без спора. Я стар, а ты все так же молода. Мне кажется, для моего же счастья с тобой не надо спорить никогда, а лучше бы и вообще не встречаться. Нам в день один родиться привелось под матовым, ущербным лунным диском, — но думаю, что жить нам лучше врозь, как типа близнецам в кино индийском. Не говорить. Не спорить ни о чем. Пока я не больной и не убитый, хочу я быть с тобою разлучен, как памятные с детства Зита с Гитой. Я как-нибудь стерплю разлуки боль, ничем тебе по жизни не мешая... Поздравить наконец тебя позволь. Что мне сказать тебе? «Расти большая»? Но ты и так, сказать не премину, на зависть всем другим спецслужбам в мире, давно уже размером со страну, а если с резидентами, то шире... Какое счастье — жить в такой стране, в такой большой, родной каменоломне...

Будь весела. Не думай обо мне — и, если можно, адреса не помни.

Некрасовское

По данным конца ноября 2008-го, около четверти российских офисных работников, финансистов и юристов ищут работу в реальном секторе экономики. Но кого-то этот процесс не коснется.

Москва прибабахнута легким морозом. Газон под ногами хрустит, как стерня. Топ-менеджер, занятый частным извозом, в московскую школу подвозит меня. Покуда в финансах царит неизвестность (весь мир не ответит, какого рожна), в детей я вбиваю родную словесность, а пресса уже никому не нужна. Напротив бывшие работники банка таскают пахучие с хлебом лотки: им служит оплатой ржаная буханка — деньгами сегодня платить не с руки. А вот и юристка, расставшись с конторой, дублинку сменив на искусственный мех, идет крановщицей на стройку, с которой погнали домой гастарбайтеров всех. Естественно, кризис — большая проверка, но русским любая работа легка: я вижу, как два обаятельных клерка несут продавать папи-

росы с лотка... В лесу раздается топор дровосека: то бывший тимбилдер спасает семью. Семья-то большая! Лишь два человека еще не теряют работу свою.

Весь бизнес российский просел на ступеньку: начальство заделалось средним звеном, а среднее — низшим, хотя помаленьку спасения ищет в занятии ином: кто грузит, кто возит, кто учит детишек... Признаемся искренне: в нашей стране давно наблюдался банкиров излишек, и это ужасно не нравилось мне. Покуда цвела нефтяная халява, крутой профицит утекал в решето. Бывало, посмотришь налево-направо — и видишь: работать не хочет никто! Но нефть дешевет, и страны ОПЕКА в графе, где убытки, рисуют нули. Россия в движенье. Лишь два человека, которые к этому нас привели, которым за то, по идее, и платят, чтоб кризис не всех додавил до конца, — своих должностей никогда не утратят, и это нам несколько греет сердца.

Сображдане! Нам не впервой, обалделым, свои расширять многоумные лбы, спасаясь простым утомительным делом от новых изломов российской судьбы. Мы можем летать на Гоа и Ривьеру, омаров особым ножом разрезать, мы даже порой принимаем на веру слова о стабильности, страшно сказать, бродить по крутым переулкам Кордовы, гигантам Нью-Йорка дивиться до слез, — но втайне, естественно, все мы готовы вернуться в разгрузку и частный извоз. Живей позолоту с себя соскребайте: финансовый кризис для нас — не кошмар. В любом олигархе сидит гастарбайтер, в юристе — бомбила, в туристе — клошар. Стране не нужна никакая опека — добудем и пищу, и скудный удой... Нам главное только, чтоб два человека остались не тронуты общей бедой, чтоб даже в тяжелые эти недели, когда беспардонно смешались слои, они на привычных местах усидели — а мы без проблем потеряем свои! Закроются банк, магазин и аптека, уйдет население, исчезнет Москва...

Но если останутся Два Человека — то будьте спокойны: Россия жива.

Выступая в программе «К барьеру», ведущий В. Соловьев и писательница М. Арбатова дали понять, что кампания в защиту Светланы Бахминой небескорыстна.

Долгие годы народ обрабатывая, вы получили крутую страну: в шоу «К барьеру» писатель Арбатова просит в застенке держать Бахмину. Интеллигенты, довольствуясь кухнями, пишут маляву в защиту ворья. Нету сомнений, что все мы подкуплены. То есть и блогеры. То есть и я. Можно понять эту отповедь желчную, все солидарны, кого ни спроси: чтобы бесплатно вступить за женщину — этого нечего ждать на Руси. Помню, когда-то я был помоложе, но нынче в стране победил троглодит. Раз посадили, то, значит, положено. Если положено — пусть посидит. Это российское новое правило: все оправдания ваши — фигня. Раз посадили, то, значит, ограбила. Если ограбила, значит, меня. Сладко нам быть персонажами, куклами, спать, как медведь, и не чаять весны... Все, кто о милости просит, — подкуплены. Все, кто о зверстве мечтает, — честны.

То-то душа моя так озадачена! То-то в последние несколько лет я себя чувствую как-то проплаченно (денег при этом по-прежнему нет). Кто-то мне платит за это усердие. Думаю, граждане, что Бахмина. Фиг бы я стал проявлять милосердие, если бы мне не башляла она! Что я, наймит капитала проклятого? Что, мне приятна сословная спесь? Фиг ли я буду просить за богатого, даже когда он беременный весь? Если такое случилось приятное — баба из ЮКОСа села в тюрьму, — стану ль просить снисхождения бесплатно я? Значит, подкуплен, но чем — не пойму. Я ведь известен корыстью и жадностью. Чем же мне платят-то, ек-магарек? Книгопечатностью? Рукопожатностью? Правом пороку писать в «Огонек»? Правом ночами не спать до полпятого, в номер кропаючи строк до хрена? Видимо, плата — что я не Арбатова. Да, это сильно. Мерси, Бахмина.

Если ж серьезно, то эта кампания — явственный знак для огромной страны. Видимо, время сказать «До свиданья».

ния» мысли, что все феминистки умны. Если в стране правосудья басманного стали басманны акулы пера, милая Родина, что же тут странного? Я-то давно говорил, что пора. Были у нас Пастернак и Ахматова, был Эренбург — беспокойный еврей... Нынче российский писатель — Арбатова. Как говорят, по мощам и елей.

Впрочем, чего это жалуясь небу я? Мало ли их — не встававших с колен, воя взახлеб и восторженно требуя всех расстрелять, как волков и гиен? Всех их я помню — некстати ли, кстати ли; все они каялись, кстати, потом... Все они были опять же писатели, вскоре пошедшие тем же путем. Все они думали, будто понравились власть держащим в родном шапито... Так что, когда они следом отправились, их не жалел абсолютно никто. Что тут валить на тирана проклятого? Сами же вызвались, душу губя...

Помните их, дорогая Арбатова?

Мой вам совет: берегите себя.

Разочарованный

Для наблюдения за кризисом 2008-го «Огонек» командировал меня, поэтического обозревателя, в США.

Друзья! В разгар распада и растраты, на собственную совесть и на страх, ваш верный летописец прибыл в Штаты, чтоб лично засвидетельствовать крах. Внушили нам кремлевские авгуры, что станут крепче долларов рубли, что младшего уж Буша авантюры страну на край уж бездны привели, что бедствуют Канзас и Алабама, что тысячи банкиров не у дел, что почернел от ужаса Обама и что Маккейн от горя поседел, — и я, поняв, как это все непросто, искал глазами — раз такой сезон — топ-менеджеров, с Бруклинского моста вниз головой сигающих в Гудзон. Мне рисовалась бедственная зона эпохи наших кризисных годин — однако на поверхности Гудзона утопленник не плавал ни один. Бомжей не видно, сколько ни катайся. Спокойны все, кого ни опроси. На тротуарах — желтые китайцы, вдоль тротуаров — желтые такси... Полно, как

встарь, упругих и дебелих. Шумя, Бродвей бежит наискосок. И даже в продовольственных отделах никто не убивает за кусок! Не ожидал я этакой подлянки. Я думал, что пипец неотвратим. Я говорю: хотите хлеба, янки? Нет, говорят, спасибо, не хотим. По телику о голоде — ни звука, и главное, погода, как в Крыму! Сперва я думал — эта показуха устроена к приезду моему, а в прочих регионах гложут корки, опивки допивают, как лакей, — но пригляделся: вроде я в Нью-Йорке, а в Сан-Франциско тоже все о'кей! Я и туда заехал, хоть неблизко, и в Анджелес — такая же фигня... Не могут же они и Сан-Франциско откармливать в расчете на меня! Не могут же они в одном припадке впрягаться в это общее тягло! Выходит дело, все у них в порядке.

И знаете, от сердца отлегло.

Да, кое в чем они недоглядели, но доллары пока не по рублю. Америка! Ведь я на самом деле к тебе привык, а изредка люблю! И то, как ты бодришься непокорно, и то, как ты храбришься испокон, и вообще ты родина попкорна, а где б мы были, если б не попкорн?! **Кому-нибудь, естественно, досаден твой строгий нрав и твердая рука, а все-таки ни кризис, ни Бен Ладен с тобою не покончили пока. Проехали, как молвил бы Гагарин. А главное — боюсь смущать умы, но что, коль мир бы стал однополярен и полюсом его бы стали мы?! У нас, конечно, два стальных кумира, и нефть, и газ, но если по уму — не пожелал бы я такого мира ни Бушу, ни Усаме, никому.**

Конечно, уши все еще прижаты, но пик страстей как будто позади, и я боюсь отныне не за Штаты. Другая боль живет в моей груди. Я думал побывать уже на тризне, но главный наш соперник не добит — и вот не знаю, как у нас в Отчизне переживут случившийся кульбит. Настроили таких великих планов, насочиняли яростных стишков... И как теперь оправится Проханов? Как выживут Леонтьев и Пушков? В сообществе родном высоколобом уже давно сидели начеку, готовились приплясывать над гробом — а между тем покойничек ку-ку!

При этом я уверен, что Россия свой кризис одолеет как-нибудь: собой она гордится, как Мессия, а символы ее — медведь и путь, куда мы ни наступим — там по-

беда, мы всыпем всем по первое число, — но как нам пережить, что у соседа на этот раз, похоже, пронесло? Что общий крах, значительно приблизясь, на этот раз наступит не на всех?! Мы гордо одолеем всякий кризис, но как нам пережить чужой успех?! Мы сами ни на чем не обожжемся, резервы наши все еще тверды, но подскочивший индекс Доу — Джонса страшнее нам любой своей беды. Казалось бы, уже совсем немного... Но вновь солгал намеченный маршрут.

Товарищи! Держитесь, ради бога! Зато тут скоро негра изберут!

НОВОГАЗЕТНЫЙ ПЕРИОД

Синоптическое

Зима на улице. Но и она закончится, наверно.

Все это скоро кончится: зима, рассветы в полдень, скользота, сугробы, и вечная, сводящая с ума, родная смесь бессилия и злобы, и недосып, и утренняя дрожь, и грязный транспорт — с давкой без единства, — и пакостная мысль, что хошь не хошь, а вытерпишь, поскольку здесь родился. Об этом, брат, написаны тома: в других краях меняется погода, а здесь полгода — русская зима, и страх перед зимой — еще полгода. Оглядываться в вечном мандраже, трястись перед пространством заоконым... Но, кажется, повеяло уже каким-то послаблением незаконным. В причины углубляться не решусь, но ясно, в чем на улице ни выйди, что у зимы закончился ресурс поддерживать себя в суровом виде. Она опустошила закрома. Уже медведю капает в берлогу... Подчеркиваю: это все зима и никакой политики, ей-богу!

Почуялся какой-то перелом. Попутчики взглянули друг на друга, как будто их сейчас задел крылом беспечный ангел, следующий с юга. **На миг забылась уличная стынь, и голый парк, и ледяная крупка, — повеяло естественным, простым, и стало ясно, как все это хрупко: и страх, и снег, и толстые пальто, и снежные, и каменные бабы...** Циклическая жизнь имеет то простое преимущество хотя бы (тому порукой круглая земля, коловращеньем схожая с Россией), что где-то начиная с февраля все делается чуть переносимей. На всем пространстве средней полосы пройдет смягченье воздуха и быта: не будет страха высунуть носы на улицу, что снегом перекрыта; коварство чуть присыпанного льда прохожему внушить уже не сможет, что это жизнь,

что будет так всегда, что век наш скудный так и будет дожит, и что любой, кто колет этот лед, пространство отвоеывая с бою, — проплаченный, ничтожный идиот, рискующий другими и собою. Удастся всеми легкими вздохнуть, от свитера освободивши тело... Нет, я не о политике, отнюдь. Политика давно мне надоела. Что проку — добавлять еще мазок в картину обоюдного позора? Могу я о природе хоть разок? Тем более что скоро, скоро, скоро...

Конечно, как весну ни приукрась, она грозна и несводима к негам. Я знаю сам, что это будет грязь. Что все дерьмо, которое под снегом, запахнет так, что мама не горюй; что птичий гвалт не улаживает слуха; что кроме первых трав и вешних струй на свете есть и слякоть, и разруха; что чуть поддастся снег, а хрусткий наст покроется незримой сетью трещин — как первая же оттепель предаст высокий строй, который ей завещан. Я слыхивал весенний первый гром. Я знаю — всем отплатится по вере: ведь зло не побеждается добром, а худшим злом (у нас по крайней мере). Но эта влажность! Эта череда словес о сладкой вольности гражданства! Кто раз вдохнул апреля, господа, тот все-таки уже не зря родился. Мне тоже ведом этот дух свиной, навозный дух весенней черной жижи — но все-таки! Но хоть такой ценой! И это время ближе, ближе, ближе...

Я менее всего хочу прослыть фельетонистом, тянущим резину, и как мне вам, упрямым, объяснить, что это не про власти, а про зиму? Идите строем в красную звезду — борцы, сатрапы, русские, евреи...

А то, что вы имеете в виду, закончится значительно скорее.

No escapan¹

Без повода.

Единственный сколько-то ясный итог скандалов на почве кино, которые вышли на новый виток, хоть все обнажилось давно; всех этих собраний, «приду — не приду»,

---

¹ Они не уйдут (*исп.*).

еще в декабре — январе, всех этих тусовок в Охотном Ряду, точнее в Гостином Дворе, всех этих потешных покуда боев и драк в исполнении звезд, борцов, стукачей, стариков, холуев, — суров и достаточно прост. Припомним шумиху последних недель, и ложь, и визгливую лесть: пред нами наглядная, в общем, модель Отечества как оно есть. Гордясь до истерики, выпятив грудь, искусно себя разозлив, оно триумфально вступило на путь, в финале которого взрыв. Еще далеко неизбежное дно, не сдался последний редут, не пахнет разрухой, но ясно одно: что сами они не уйдут.

Свой лоб расшибать, как об стенку баран, — наш метод с начала времен. Был лозунг в Испании — *No pasaran*. Теперь он слегка изменен. В России в избытке имеется газ, о нем голова не болит, но не было, нет и не будет у нас ротации местных элит. **Вот так и вертелось у нас колесо последних веков десяти: начальники могут практически все, однако не могут уйти. Диктатор, пока он во власти сидел (гарантии тут не спасут), наделал таких сверхъестественных дел, что если уйдет, то под суд; на троне сменивший его либерал, которому жизнь дорога, такого наделал и столько набрал, что если уйти — то в бега; вояка, пришедший на смену ему, являлся таким смельчаком, что если уйдет — то уже не в тюрьму, а просто в петлю прямиком. А ежели после годов тридцати, не внемля чужим голосам, он все же однажды захочет уйти, поскольку устанет и сам, уйти без оглядки, неважно куда, свободно, как дикий нарвал, — его никуда не отпустит орда, которую он же набрал. Они окружают его плотным кольцом, как самая липкая слизь, и будут кричать перед царским крыльцом: «Родимый, казни, но вернись!»**

Воистину глуп, кто смущает умы мечтою о смене простой. Они доведут до войны, до чумы, до сладкого слова «застой», до скуки, что тянется дольше веков, до бури, что выбьет окно, до дна, до террора, до большевиков, до смуты, до батьки Махно, они доведут, наконец, до того, что туже сожмется кольцо, что взрослые все и детей большинство им будут смеяться в лицо, их будет в анналы вносить Геродот, атаку задумает Брут, они попадут в саркофаг, в анекдот, в поговорку — но не уйдут. Они водрузят купительный крест, безжалостно выморив нас; они проведут разделительный съезд, свежая представителей масс, они призовут благодарную рать, являя нежданную прыть,

наймут матерей, чтобы громче рыдать, и нищих, чтоб жалобней ныть, псарей, чтобы громче кричать «Загрызу!», попов, чтоб явить чистоту, — и взвоят, и вовремя пустят слезу, и вовремя крикнут «Ату!», и вновь, на посмешище прочих сторон, пошлют нас на бой и на труд, и задом вгрызутся в завещанный трон, и кончатся. Но не уйдут.

Тут сломит башку аналитик любой, очкастый знаток теорем. Так воин врага забирает с собой, так с шахом сжигают гарем — для них унизителен выход иной, он просто немислим, верней. Они согласятся уйти со страной, со всеми, кто мается в ней, — они приберут стариков, дошколят, горланов и преданных звезд, но лишь уничтоживши то, чем рулят, покинут насиженный пост. Отчизна очнется на том рубеже, где вновь продолжается бой. Мы можем их скинуть, так было уже, — но, кажется, вместе с собой.

А нам остается утешиться тем (другой компенсации нет), что в случае гибели сложных систем широкий останется след, что будет потомков презрительный смех и высший предсказанный суд, от коего, при ухищрениях всех, они уж никак не уйдут.

Мадагаскарское

В Мадагаскаре изнуряющее политическое противостояние: самопровозглашенный глава государства, лидер оппозиции Андри Ражуелина пытается отнять власть у законного президента Марка Равалумананы.

UPD. Для тех, кому интересно, чем все это кончилось, сообщаем, что под давлением перешедших на сторону оппозиции военных президент Равалуманана подал в отставку.

Меня томит судьба Мадагаскара. Полиция расстроила ряды. Мне страшно от кровавого оскала бесстыдно разгулявшейся орды. ООН бесславно губы поджимала, пока, под крики ярости слепой, законный лидер Равалуманана сражался с разъяренною толпой. Не перечать подробностей ужасных. Польстившись на зеленые лавэ, там буйствовала кучка несогласных с Андри Ражуелиной во главе. Естественно, смутьянам там — малина: ОМОНа нету, в головах

туман... Я сразу понял, что Ражуелина обрушит все, что Равалуманан с соратниками создавал годами. Он верный путь к спасенью отыскал. Он четким курсом, стройными рядами к стабильности повел Мадагаскар; он нищету уменьшил вполонину, он подобрал послушный кабинет, — но было видно, что Ражуелину все это не устраивало. Нет! Разнузданный корсар с серьгой в ухе, он тьму головорезов приласкал, он заскучал, он захотел движухи, он к хаосу ведет Мадагаскар! Народ доволен, сыт — ему все мало. Он, видимо, грустит по старине. Он обвиняет Равалуманана, что нету демократии в стране. Ему судьба народная близка ли? Мулата не отмоешь добела: где видел он, чтоб на Мадагаскаре когда-то демократия была?! Цветет мадагаскарская долина, в ней поспевают финик и банан — однако им не рад Ражуелина. Он говорит, что Равалуманан, чьи преобразования в разгаре, устроил натуральный произвол, коррупцию развел в Мадагаскаре! Когда ее там не было, козел?! Ты посмотрел бы, что в сухом остатке: в столице — дым, в провинциях разброд... Уж лучше процветание и взятки, чем нищета и видимость свобод! Теперь в Мадагаскаре полный финиш. Разнузданно ликует пироман. Вот так всегда, когда всерьез не примешь борцов с режимом, Равалуманан. Давно уже известно из анналов: не стоит церемониться с врагом. Сперва бунтуют десять маргиналов — а после рраз, и буйствует кругом подобная весеннему разливу, сносящая и честных, и блатных, калечащая Антананариву цветная революция цветных...

Покуда Русь ликует, строит, кроет, ведет сквозь кризис строй народных масс — Мадагаскар нас так же беспокоит, как прежде беспокоил Гондурас. Пора спасать народ Мадагаскара, не дожидаясь высшего суда. Послать туда российского фискала, российскую милицию туда! У нас бы никакой Ражуелина не вылезал из водометных струй. У нас ему сказали бы: иди на — окраину и там помитингуй! У нас бы, посягнув на статус царский и дерзко спровоцировав аврал, Каспаров этот, блин, мадагаскарский давно бы в зоне в шахматы играл. Попавши в климат пасмурный московский, уверен я, за первых пять минут мадагаскарский этот Ходорковский уже забыл бы, как его зовут. Задолго бы до бурного финала — когда столица мечется в дыму — от нашего бы Равалуманана послали б метку черную

ему. Дивимся мы неслыханному диву — как допустили, кто позволил, блин?! Зато уж в нашей Антананариву не будет никаких Ражуелин. Мы не допустим выборов и бунта. Мы доведем до самого конца, чтоб им накрылись власть, министры, хунта, народ и обитатели дворца. Мы так и сгинем — вместе, заедино, но ничего не будем тут менять!

Ты понимаешь нас, Ражуелина?

Не понял, гад? Да где тебе понять...

Повапленное¹

К неюбилейному Дню Победы стране сделали подарок: культовый фильм «Семнадцать мгновений весны» вышел в цветной версии.

Мы в новом мире очутились. В нем полноправно правит цвет. Раскрашенный Исаев-Штирлиц спасает крашеную Кэт. Страна, от старца до плейбоя, глядит, махнув на все рукой: какое небо голубое! А Мюллер розовый какой! А краски — словно от Диснея! Герой предстал во всей красе и врет, нимало не краснея: в разведке так умеют все. Эффект покуда не изучен. Какие планы, боже мой! Давайте Чаплина озвучим, а то ведь бегаёт немой... Зачем смотреть благоговеино на купола-колокола из кинофрески Эйзенштейна? Покрасить их, и все дела! Желаем зрителю добра ведь: чего он пятится во мрак? И кстати, Грозного поправить, а то одет незнамо как. Пускай его причешет Зверев, российской моды ветеран, и зритель купится, поверив, что Грозный стильный был тиран. Увы, краситель сериала забыл (его ли в том вина?), что фильм Лиознова снимала уже в цветные времена. Мы упустили между делом, маркетингом увлечены, что он задуман черно-белым, каким был мир в конце войны: там многоцветие не в моде, лубочных красок не видать... И коммунисты даже вроде хотят на это в суд подать — но не получают перевеса. Родная партия, прости: навряд ли на пути прогресса барьер возможно возвести. Тут поле мощное такое, что дела хватит на века: к примеру, есть «Каприччос» Гойи — их не покрасили пока; расцветим в будущем для пробы, не опасаясь суда,

---

¹ Покрашенное (церковнославянск.).

офорты Рембрандта? Еще бы! Гравюры Дюрера? О да! Кто пожелает нос расквасить, трудясь на новом рубеже? Гораздо проще перекрасить то, что имеется уже. И что мы скромничаем, братья, свой имидж втаптывая в грязь? Детей любимое занятие — игра полезная «Раскрась». Раз в десять лет, по зову сердца, мы перекрашиваем всласть бывшие доблести и зверства из черной — в розовую масть, давно устав дивить планету, устав искать благую весть... Раз ничего другого нету — давайте красить то, что есть. С одной догадкой нету сладу — пусть я за это огребу: мы все давно — лет тридцать кряду — живем в повапленном гробу. На нем, как прежде, надпись «Russian», внутри отделка из Европ, он лакирован, он подкрашен, в нем нефть и газ, но это гроб. Соседи плят без опаски глаза бесстыжие свои. На нем лежат различной краски несовместимые слои: он черным был и краснокожим, он примерял защитный цвет... Его мы только красить можем, но переделать — нет и нет. Страна моя! Я твой поклонник. Но почему передо мной лежит накрашенный покойник, моей зовущийся страной?! Отсюда, верно, наша злоба, скопившаяся в тайниках, — что из повапленного гроба нам всем не вылезти никак. Раскрашен фильм, озвучен Чаплин, родная нефть идет в трубу, престол незыблем, гроб поваплен, и в нем стабильно, как в гробу. ...А впрочем, есть у этой меры резон, придуманный давно: коль все вокруг настолько серы — пусть краски будут хоть в кино. Я был ребенком оробелым, но суть вещей открылась мне: был телевизор черно-белым, а мир вокруг — цветным вполне. Отчизна, выцветшая снова, в который раз за тыщу лет! Лови хоть Штирлица цветного, раз ничего цветного нет.

Фальсификация

Президент России Дмитрий Медведев решил создать государственную комиссию по противодействию фальсификации истории.

В России нынче бдительность утроили. Желает коллективный Саурон карать фальсификацию истории, Отчизне наносящую урон. История... О, как должно икаться ей, ед-

ва в стране наметится развал! Что станут называть фальсификацией? Медведев пригрозил, но не назвал! Наука изыскания ускорила, стирая наши бывшие грехи... Я понимаю, почему история сегодня озаботила верхи. Не то чтобы в стране иссякли ценности, но кризис прет в Россию напролом. Не стоит говорить о современности: уместней оттоптаться на былом. Поднимем наконец до райских куц его! Мы жили в исключительной стране. Да, мы не в силах изменить грядущего — но прошлое подвластно нам вполне. В конце концов, накоплен опыт ретуши и навык пропаганды боевой. На нем и так живого места нет уже — но ничего, потерпит, не впервой.

Тем более для процветанья вящего и наведенья шмона в голове фальсификациями настоящего исправно занимается ТВ, и от его камлания истошного краснеют все, кто не лишен стыда, — но все-таки о чем-нибудь из прошлого поспорить можно было иногда. О Византии, помнится, поспорили, о Ржеве Пивоваров снял кино... Теперь уже, глядишь, и об истории два мнения иметь запрещено. Возможность пересмотра проворонена. Бдит агитпроп, нацелясь сотней жал. Мне даже как-то страшно за Солонина¹ (Суворов, как вы помните, сбежал). Историк не забросит больше невода: за ним следит особый легион. Что было, а чего, простите, не было в истории — теперь решает он. А то, глядишь, соорив рожки постные, нас очерняет всяческая слизь... Уже не помню: были девяностые — иль сразу нулевые начались? Не стану вас забрасывать цитатами, — ей-богу, ситуация смешна: две тысячи восьмой с восьмидесятыми сливается практически без шва. Двадцатилетья не было проклятого! Чуть зашатался душный наш Эдем, как сразу после во-семьдесят пятого устроился спасительный тандем, и океанская, заокеанская когорта получила по рукам... А для дискуссий есть война Троянская: Россия не участвовала там. Оспорьте все, что было до Московии, — упрек не воспоследует ничей!

...Когда-нибудь с учебником истории ко мне заглянет внучек-книгочей:

---

¹ Марк Солонин, специалист по истории Великой Отечественной войны.

— Скажи мне, дед, сияющая лысина, — он скажет, усмехнувшись на бегу, — вот тут у нас в учебнике написано, но я поверить в это не могу... Неужто в трудный час, в разгаре кризиса, когда страна вздохнула от этила, ваш лидер на историю окрысился и в прошлом разбираться запретил? Неужто было это время странное, ни разу не бывавшее допрежь, когда носили только иностранное — и постоянно кляли зарубеж? Вранье звенело, как коровье ботало, и все в душе смеялись над враньем; притом ничто, как надо, не работало, и это выдавалось за подъем; сидела без работы вся провинция, а силовик жирел, как василиск; в сравнение с анекдотами про Вицина культура деградировала вдрызг; страна спала, нимало не разгневана, верха пилили сырьевой барыш... Скажи мне, это было или не было?

И я отвечаю: не было, малыш.

Ты мог заметить: не люблю трепаться я. То время было страшно и смешно, и под названием «фальсификация» оно теперь в историю вошло.

Наценочное

Премьер-министр Владимир Путин неожиданно зашел в супермаркет «Перекресток», посмотрел цены и остался ими недоволен.

Наша Родина — вечный подросток — верит на слово только царю. Я недавно зашел в «Перекресток» — очень дорого все, говорю! Вы бы тактику, что ли, сменили — с населением надо добрей: килограмм охлажденной свинины продается за двести рублей. И хоть я не Гайдар и не Ясин, и умом недостаточно крут — механизм до обидного ясен: перед нами торговый накрут. Опустите вы цены, ребята, на холодных своих поросят, некошерную плоть, как когда-то, продавая по сто пятьдесят! Продавщица, не праздная труса, отвечает, горда и тверда, что пошел бы я в «Азбуку вкуса», а могу и подальше куда. И потопал я, солнцем палимый, напевая трагический марш: ведь не будут же с Быковым Димой согласовывать цены на фарш! Пусть он пишет, румян и беспутен, в окружении муз и харит...

Но потом к ним отправился Путин — очень дорого все, говорит! Мы же в крепости, блин, осажденной, нас не любит никто, хоть убей, а свинины кило охлажденной продается по двести рублей! Улыбаясь, как внешний разведчик, что попал в разработку к врагу, Кобаладзе как главный ответчик отвечает: «Понизить могу!» Поглядев на исправленный ценник, как глядят на поганую слизь, удивительный наш современник дал команду: «Пожалуйста, снизь». Покупатели крикнули немо, их глаза заблестели от слез: половиною лучшей тандема был решен наболевший вопрос!

Тем же вечером, в ритме форсажа, чтоб не сделалось худшей беды, в «Перекрестке» была распродажа уцененной премьером еды. В магазине толпились до света, раскупая дешевую снедь: большинство понимало, что это — ненадолго и надо успеть. В одобрении были едины даже те, что в Инете тусуют. Килограмм охлажденной свинины продавался по сто пятьдесят.

Внешний мир после кризиса жёсток. Я, однако, грущу об ином: почему он пошел в «Перекресток», а не в наш, например, гастроном? Есть товаров значительный список, что особенно нравятся мне, — я успел бы молочных сосисок оторвать по премьерской цене... Но не ради же собственно мяса от обычных занятий своих я отвлекся, в течение часа сочиняя пронзительный стих? **Километры о первом лице ведь сочинил я рифмованных строк: почему он сумел обесценить, что никто обесценить не смог? Я в правительство камня не кину, но оно бесполезно вполне; он же только взглянул на свинину — и она потеряла в цене!**

Тут серьезным открытием веет. Я открыл социальный закон: почему-то всегда дешевлеет все, к чему прикасается он. С девяносто девятого года, по расчетам моим — с сентября, обесценились жизнь и свобода, уж о принципах не говоря; да и слово нисколько не весит, и доверье к чужим голосам... Не скажу, что меня это бесит, ибо я обесценился сам. Сколько мышью по Сети ни кликай, не накликаешь вести иной. Мы заснули довольно великой, а проснулись дешевой страной. Что ни скажешь — все будет едино, что ни сделаешь — будет мертво...

В общем, что ему, братцы, свинина? Это семечки после всего.

Президент Соединенных Штатов Америки Барак Обама планирует рабочую поездку в Россию. Думаем, небольшой путеводитель ему не помешает.

Привет тебе, Барак Хусейн Обама, иль попросту Барак, для простоты. Прости, что я на «ты» вот так вот прямо. Ты тоже можешь быть со мной на «ты». Мы в курсе, что у этих ваших Штатов — куда я скоро в гости соберусь — имеется довольно много штампов насчет страны с названием кратким «Русь». Чтоб ты представил быт далеких россов, я подготовил список из пяти обычно задаваемых вопросов и правильных ответов. Захвати. Где нервы вам империя трепала — сейчас разверзлась черная дыра. У вас о русских судят как попало, а все сложнее раза в полтора.

Начнем с того, что злобные соседи разносят слух (Европа ли, Орда) — как будто здесь на улицах медведи. На улицах — отнюдь, а в Думе — да. Не верь, однако, их ужасной славе, о коей все кричат наперебой: у вас слоны сражаются с ослами, у нас медведь един с самим собой, и по всему Тверскому околотку бежит в испуге мелкое зверье... Вот штамп другой: у нас тут любят водку. Не любят, нет. Но как тут без нее? Не усмотри, пожалуйста, лукавства или насмешки в пьяном кураже — мы пьем ее, как горькое лекарство, а то с ума бы прыгнули уже. От многих советологов ученых доносится и вовсе ерунда — что будто бы у нас не любят черных. Своих не любят, нет, а ваших — да. В любом своем прорыве и провале, в бесчисленных страстях родной земли за то, что ваших негров линчевали, мы снова уважать себя могли. Ты будешь ощущать себя как дома, все будут сострадать тебе притом — у нас тут все жалели дядю Тома, живя стократ страшней, чем дядя Том.

Наверное, среди переполоха российских либералов меньшинство успеет крикнуть: «Здесь ужасно плохо». Так ты не верь. Все, в общем, ничего. Конечно, этот кризис бьет по нервам, и кое-кто попал под колесо, но, знаешь, по сравнению с сорок первым (а с ним у нас тут сравнивают всё) любая ситуация бледнеет. Наш социум устроен по уму: элита никогда не обеднеет, а прочие привыкли ко всему. Стабфонда, может, хватит на

полгода, воды у нас опять же по края... Ты, может, спросишь: где у нас свобода? Свобода есть, у каждого своя. У нас — свобода лаяться свободно о власти, о кинжале и плаще; у них — свобода делать что угодно: и с тем, кто рот открыл, и вообще. Такой свободы даже слишком много, тут ею все буквально залито, — а то, что телик врет, так ради бога. Его давно не слушает никто. С тревогой подхожу к другой проблеме, воистину проблеме всех проблем. Тут говорили, что у нас в тандеме старшой — злодей, а младший — не совсем. Оставь свои наивные идеи, задумайся о чем-нибудь ином. Они в тандеме оба не злодеи, и сам тандем, признаться, не бином. Наверное, иной застынет немо, но ты поймешь. Усвой себе одно: у нас тут все по принципу тандема, поскольку у всего двойное дно. Страна глупа, но в ней ума палата; не ценит слов — но ценит сильный жест; страна бедна — однако так богата, что никогда никто ее не съест; страна слаба — и все ж непобедима; страна плоха — и все же хороша; и наш тандем, не будь я Быков Дима, — орел и решка одного гроша. На аверсе у нас орел двуглавый, на реверсе — практический расчет, но ты не обольщайся громкой славой, что между них конфликт проистечет.

Ты давеча заметил о премьерe — мол, в прошлом он стоит одной ногой, но борется с собой по крайней мере и в будущее топает другой. Премьер не стал глотать твою подначку и солоно заметил, как всегда, что мы стоять не можем враскорячку — одной ногой туда, другой сюда... Не стану подражать ехидным рожам, что прекословят лидерам своим, — но на ухо шепну, что очень можем, и если честно — вечно так стоим. В ней наш ответ на вызовы, угрозы, на вражеские шашни и клешни... Устойчивее шаткой этой позы мы ничего покуда не нашли. Раскусишь эту главную задачу — и все предстанет ясным, как пятак. Ты не сумел бы править враскорячку — а здесь, в России, можно только так.

Услышав краткий мой путеводитель, который я вручить не премину, — ты скажешь нам: ребята, не хотите ль покинуть эту странную страну? Ведь это не Отечество, а бездна, болотный газ, беспримесная жесть... А я скажу, что нам она любезна, причем такая именно, как есть. Какая ни утрюмая,

а мама. Так любят невезучую семью. И Родину свою, мой друг Обама, мы б не сменяли даже на твою. Мы любим наши розвальни, разливы, расхристанность, расплывчатость в судьбе, и сверх того мы очень терпеливы. Но если скажет кто-нибудь тебе, что будет вечным это время срама, разврата и бессмысленных потерь, — то ты не верь, пожалуйста, Обама. И я не верю, брат, и ты не верь.

Десять лет спустя

Десятилетие правления Владимира Путина.

Я невесел с утра по какой-то причине — назовем ее левой ногой. И пока все кричат об одной годовщине, я хочу говорить о другой. Я и рад бы чего сочинить веселее, а не в духе элегий Массне, но хочу говорить о другом юбилее — «Десять лет пребывания во сне».

После долгих интриг, катаклизмов подземных и скандалов у всех на виду — в августовские дни утвердился преемник в девяносто девятом году. Он кого-то пугал, он тревожил кого-то, а иных осчастливил сполна... Только мною на миг овладела зевота: я решил, что от нервов она. И покуда чеченцам грозил его палец под корректное «браво» Семьи, — почему-то глаза мои плотно слипались, и боюсь, что не только мои. И покуда мы дружно во сне увязали — ни на миг не бросая труда, он все время мелькал пред моими глазами: то туда полетит, то сюда... **Всем гипнологам практики эти знакомы, хоть для свежего взгляда странны. Это было подобье лекарственной комы для больной, истомленной страны, — ей казалось, ее состояние такое, что лечение пытке сродни, что она заслужила немного покоя и долечится в лучшие дни. И заснула, как голубь среди воню и гула, убирая башку под крыло... Помню, что-то горело, а что-то тонуло, — но я спал, я спала, я спало. В этом сне перепуталось лево и право, ложь и истина, благо и зло, — а когда началась нефтяная халява, так меня и совсем развезло.**

Что мне снилось? Что здесь завелись хунвейбины (не за совесть, а так, за бабло); что кого-то сажали, кого-то убили, но почти никого не скребло; тухловатый уют в сырьевой сверхдержаве расплзался, халява росла, много врал,

я помню, и сами же ржали — но ведь это нормально для сна! И начальник — как Оле Лукойе из сказки, но с сапожным ножом под полой, — создавал ощущение твердой повязки на трофической ране гнилой, и от знойного Дона до устья Амура все гнила она в эти года — под слоями бетона, под слоем гламура, под коростой грязи и льда, и пока нам мерещились слава и сила, вширь и вглубь расплзлось гнилье, и я чувствовал это, но все это было, как обычно во сне, не мое. Позабывшись давнишние споры и плачи — вспоминались они, как кино. Я не верил уже, что бывает иначе. Если так, то не все ли равно? Я не верил уже, что на этом пространстве, где застыла природа сама, — задавали вопросы, не боялись остратки, сочиняли, сходили с ума; все наследники белых и красных империй в густо-серый окрасились цвет; я не верил уже, что бывает критерий, и привык, что критерия нет. Так мы спали, забыв о ненужных химерах, обрастая приставками «лже»... Между тем он работал, как раб на галерах, — или нам это снилось уже?

Иногда, просыпаясь на самую малость, — полузверь, полутруп, андрогин, — я во сне шевелился, и мне представлялось, что когда-то я был и другим; видно, так вспоминают осенние листья, что шумели на майском ветру, — но за десять-то лет я отвык шевелиться, так что сам говорил себе «тпру». Я не верю, что дело в одном человеке, но теперь его отсвет на всем: я смотрю на него, и опять мои веки залепляет спасительный сон.

Словно старая пленка, темна и зерниста, словно старая кофта, тесна, — длилась ночь, и росла моя дочь-озорница, и тоска моя тоже росла; рос мой сын, — и ему уже, кажется, тесно в этой душной всеобщей горсти; рос мой сон, и росло отвращенье, как тесто, но никак не могло дорасти, не могло дотянуть до чего-нибудь, кроме обреченной дремоты ума, потому что достаточно пролито крови, а других вариантов нема.

Десять лет я проспал. И все чаще я слышу отдаленный, томительный гром — то ли яблоки в августе бьются о крышу, то ли все-таки дело в другом. Десять лет всенародное Оле Лукойе крутит зонтик, не жалея труда...

А когда я проснусь, то увижу такое, что уже не засну никогда.

Август. Авария на Саяно-Шушенской ГЭС.

Помнишь песню о празднике общей беды? В прошлой жизни ее сочинил «Наутилус». Утекло уже много не только воды; это чувство ушло, а точнее, превратилось. Эту песню, как видишь, давно не поют, — устарелость ее объясняется вот чем: нас когда-то роднил тухловатый уют в заповеднике отчем, тогда еще общем. Мы стояли тогда на таком рубеже, что из нового времени видится еле: наши праздники разными были уже, мы по-разному пели, по-разному ели, нам несходно платили за наши труды — кто стоял у кормила, а кто у горнила, — но тогда состояние общей беды нас не то чтобы грело, а как-то роднило. Загнивал урожай, понижался урожай, на орбите случалась поломка-починка — это все еще виделось общей бедой, а не чьей-то виной и не подвигом чьим-то. Было видно, что Родина движется в ад, и над нами уже потешалась планета; в каждом случае кто-нибудь был виноват, но тогда еще главным казалось не это. Над Советским Союзом пропел козодой, проржавевшие скрепы остались в утиле — стал Чернобыль последнею общей бедой, остальные уже никого не сплотили.

Двадцать лет, как в Отечестве длится регресс — череда перекупок, убийств и аварий. Все они — от Беслана до Шушенской ГЭС — повторяют сегодня единый сценарий. И боюсь, что случись окончательный крах — и тандему, и фонду, и нефти, и газу, — перед тем как гуртом обратиться во прах, мы сыграем его по последнему разу. По Отчизне поскачут четыре коня, но устраивать панику мы не позволим, и Шойгу, неразумную прессу кляня, многократно напомнит, что все под контролем. Госканалы включатся, синхронно крича, что на горе врагам укрепляется Раша; кой-кого кое-где пожрала саранча, но обычная, прежняя, штатная, наша. Тут же в блогах потребуют вывести в топ («Разнесите, скопируйте, ярко раскрасьте!»), что Самару снесло и Челябинск утоп, но людей не спасают преступные власти. Анонимный священник воскликнет «Молись!» и отходную грянуть скамандует певчим; анонимный по-

явится специалист, говоря, что утопнуть Челябинску не в чем... Журналисты, радетели правозащит, проберутся на «Эхо», твердя оголтело, что в руинах Анадыря кто-то стучит. Против них возбудят уголовное дело. Не заметив дошедшей до горла воды и по клавише лупя в эпицентре распада, половина вскричит, что виновны жида. Эмигранты добавят, что так нам и надо. Населенье успеет подробно проклясть телевизор, «Дом-2», социалку и НАТО, и грузин, и соседей, и гнусную власть (кто бы спорил, всё это и впрямь виновато). Будет долго родное гореть шапито, неказистые всходы дурного посева. Пожалеть ни о ком не успеет никто. Большинство поприветствует гибель соседа. Ни помочь, ни с тоской оглянуться назад, — лишь проклятьями полниться будет френд-лента; ни поплакать, ни доброго слова сказать, ни хотя бы почуять величье момента; ни другого простить, ни себя осудить, ни друзьям подмигнуть среди общего ора... Напоследок успеют еще посадить догадавшихся: «Братцы, ведь это Гоморра!» Замолчит пулемет, огнемёт, водомёт, оппоненты улягутся в иле упругом, и Господь, поглядевши на это, поймет, что флешмоб, если вдуматься, был по заслугам. Но когда уже ляжет безмолвья печать на всеобщее равное тайное ложе, — под Москвой еще кто-то продолжит стучать, ибо эта привычка бессмертна, похоже. Кто-то будет яриться под толщей воды, доносить на врага, проклинать ино-родца...

Ибо там, где не чувствуют общей беды, — никому не простят и никто не спасется.

Тарифное

Коммунальные тарифы снова подняли, и ощутимо.

Вот тут кричат, что подняли тарифы на ЖКХ, на воду и на свет, и все клюют правительство, как грифы, а я его за это клюну? Нет. Теперь тарифы вырастут на четверть, так порешили властные слои — но требует признать простая честность, что их расходы выше, чем мои. «Давайте все поддерживать корону!» — воскликнет государственник-поэт. Им надо, например, на оборону. А нам на оборо-

ну надо? Нет. Мы требуем от Родины мачизма. Дрожи, сосед, и в ужасе глазей. В кольце врагов живет моя Отчизна, а я, наоборот, в кольце друзей. Мне надо, чтобы денег ей хватало, и чтоб она всегда была права, и чтоб хоть через раз над ней взлетала экстримная ракета «Булава». Пусть увеличат хоть наполовину тарифы эти в пять ближайших лет. Им нужно, например, на медицину. А мне на медицину надо? Нет! Подобно древнеримскому герою, я помощи подобной не хочу, я сам себе скорее вены вскрою, чем сдамся участковому врачу. Его глаза прицельные нелживы. Он аспирин мне бросит, как врагу, и мысленно взревет: «Зачем вы живы?!» — и я ему ответить не смогу. Я лучше как-нибудь самолечением — отварами, настоями, драже... И кстати, точно так же с обучением: оно нужнее им, а я уже.

Иной еще, конечно, скажет сауру, что жаль отдать заветных пять монет, — но государству нужно на культуру. А мне на это дело надо? Нет. Им надо патриотов настоящих воспитывать, чтоб социум крепчал, им надо миллиард на зомбоящик, а я его забыл, когда включал. Политика — отдельная отрада, хоть от нее, похоже, только вред: на выборы им тоже денег надо, а у меня и выбора-то нет. Мне были бы колбаска, сыр, заварка, заветный микояновский овал... Я позабыл, когда голосовал-то, и не пойму, зачем голосовал. Им надо и на армию, зараза, на МВД, на ГРУ и ФСБ, на водный транспорт, на добычу газа (ко мне он сам приходит по трубе)... На все потребна звонкая монета, без этих служб не выстоять Руси, а мне-то разве нужно ФСБ-то? Совсем не нужно, боже упаси! Опять же инновации, да нано, да корпораций жадная орда, — а мне-то это нано разве надо? Его я и не видел никогда... Я отдавал бы пять шестых зарплаты, дойдя до состояния мощей: ведь у страны — немыслимые траты на тысячу бессмысленных вещей. О, эти ниши! Надо содержать в них — прошу заметить, в кризисном году, — бездельников тупых и кровожадных разнузданную жирную орду, от госпозарнадзора и до ФСИНа, и всем вручать кокарды и значки... А нам с женою — только дочь и сына, и то дочурка замужем почти. Мы вам отдать последнее готовы: зарплату, кухню, спальню, кабинет... Юстицию мне эту на-

до? Что вы! Милицию мне эту надо? Нет! Все это надо вам, налогосборцам, вы это для себя и завели, — а я доволен чаем, разговорцем, родным автомобилем «Жигули», супруги понимающей ухмылкой, романом, что дорос до трех частей... Порою гости явятся с бутылкой — но я могу и выставить гостей! Потребности у нас давно немноги, пускай гламуром балуется гнусь: утройте все тарифы и налоги — я вам за это в ноги поклонюсь. Возьмите все. Оставьте мне за это привычный стол, двуспальную кровать и сколько вам не жаль воды и света (при этом газа можно не давать). Пускай кровать поскрипывает ржаво, пускай на плитке хлюпает омлет...

Вам надо делать вид, что вы держава.

А у меня такой проблемы нет.

Пирамидальное

К очередному дню рождения И. В. Сталина.

Мне
снился сегодня
Египет, пустыня, что пылью дымит,
отеля параллелепипед на фоне седых пирамид,
привычные увеселенья меж пляжей, барханов и гор,
но главное — все население втянулось в мучительный спор.
Один ко мне тоже прискребся, вцепился зубами, как мопс,
и спрашивать
стал про Хеопса: товарищ, а как вам Хеопс? На фоне
правителей юга, под пологом местных небес, он был,
безусловно, зверюга — ужасней, чем даже Рамзес;
славянства вожди и арапства пред ним — эталон белизны;
ужасное, знаете, рабство, убийства, растрата казны, утрата
товарного вида, забыты порядок и честь... Но все-таки
вот — пирамида! А что у нас кроме-то есть? Осталась
от этого гада и тешит туристам глаза. А то бы сплошная
Хургада. Вы против, камрад, или за?

Немного

помявшись для виду,

**я так отвечаю во сне: конечно,
я за пирамиду, но рабство не нравится мне.
Конечно, я против холопства, позиция, в общем,
проста — но это же время Хеопса, две тысячи лет до Христа.**
Неужто он так актуален, велик, справедлив и толков, что вы
из-за этих развалин беснуетесь тридцать веков? О да,
говорит египтянин, в ответ
предлагая вино. Наш спор для стороннего странен, но нам
он привычен давно.
Мы ляжем со временем в гроб все, придя и уйдя
нагишом, — а все-таки спор о Хеопсе останется
неразрешен. Как некая вечная оспа, Хеопс заразил
большинство. Одни у нас против Хеопса, другие убьют за
него. Покуда Египет не спекся, он тот еще был исполин, —
а собственно, кроме Хеопса, и вспомнить-то нечего, блин.
Любого спроси и уверься — историк тебе подтвердит:
ни больше подобного зверства, ни больше таких пирамид.
Туристы бегут с перепугу, узнав, что за этот предмет
терзаем мы глотки друг другу четвертую тысячу лет:
мы движемся в ритме рапида. Былая угроза грозна. Одни
говорят: пирамида! Другие: пустая казна!

Ведь
власть
не бывает плохой,
он все-таки был божество,
он принял Египет с сохой,
а сдал с пирамидой его, он вырастил
три поколенья, он справился с местным ворьем,
а что сократил население — так все мы когда-то умрем!
Оставь либеральную гниду томиться подсчетом гробов —
но где
ты видал пирамиду, построенную без рабов? Естественно,
каменоломни,
тесальщики, грузчики, ад, бесправие, казни — но помни:
лес рубят, а щепки летят.
Он видел сквозь годы и дали, забвения тьму разрубал...
Рабы, безусловно, страдали. Но было что вспомнить рабам!
И всюду, куда я ни сунусь — на пляж, в забегаловку, — опс!
Повсюду, из комнат и с улиц, — веселое имя «Хеопс». Идут

несогласные строим, в коросте от множества ран: одни обзывают героем, другие рыдают «Тиран!».

Запрусь ли я даже в удобства, в сортир, по-мужски говоря, — там надписи лишь про Хеопса, про грозного чудо-царя. «И как мне вас жалко, ребята, — кричу я, уставши от фраз, — что вас истреблявший когда-то вас так занимает сейчас! Довольно великого жлобства, довольно исхоженных троп-с, попробуйте жить без Хеопса — на что он вам сдался, Хеопс?!» Но стонут они от обиды: заткнись, о кощунственный жид! И грозная тень пирамиды на улицах тяжело лежит.

Проснулся я рядом с женою в квартире своей городской, томимый неясной виною и зимней холодной тоской, и думаю в утренней рани, на фоне редяющей тьмы: как славно, что хоть египтяне не так безнадежны, как мы!

Каникулярное

Хвала богам, настал конец каникул. Давно не помню времени трудней. Я весь декабрь мурлыкал и курлыкал, предчувствуя двенадцать пьяных дней, — и как же, братцы, были мы неправы! Метафорами мыслящий поэт, я вижу здесь метафору халявы, микромодель недавних тучных лет (одни считают — семь, другие — девять). И сам я был Отечеству под стать: мне было можно ничего не делать, а только жир копить и газ пускать. Прямое сходство: после долгих тягот, увязнув скопом в пьянстве и еде, мы празднуем, что стали старше на год (вот тоже повод! — но другие где?). Включили телик — сплошь родные лики: Боярский, Алла, Галкин в колпаке, — и президент сказал, что мы на пике, прозрачно намекнув, что мы в пике, и потекло шампанское в бокалы, и, утверждая празднество в правах, бокалы эти стукнулись боками, и долгий звон отдался в головах.

Три дня я пил. В гостях, а частью дома, а частью по кафе, где пьет бомонд, и щедро тратил, не боясь облома (за этот год я прикопил стабфонд). Я пил, как полагается поэтам, ловил стаканом пенную струю, неоднократно падал, и при этом казалось мне, что я с колен встаю. «Да, ты велик! — шептал мне пьяный демон. — Теперь мы впали в правильный режим!» Естественно, я ничего не делал, но полагал, что это заслужил: довольно мы страдали в девяностых в руках демократической орды — теперь пора отправить псу под хвост их. Долой труды, пора жевать плоды!

Три дня я ел. В гостях, а чаще дома. Уже остались щелочки от глаз, а в животе — подобие Газпрома. Я ел

и думал: «Вот, я средний класс». Я лопал в понедельник и во вторник. Все отдыхали. Мир был тих и пуст — порою скребся одинокий дворник, но он же гастарбайтер, так что пусть. Мне так и представлялась жизнь богатых! Включаешь телик, как заведено, — там новости, как все ужасно в Штатах, а также наше старое кино. Порой мелькал Медведев или Путин — их различать уже мешал живот, — и этот мир казался так уютен, что я уже задремывал. И вот...

Три дня я спал. Пусть кто меня пытал бы — не встал бы я. Мой принцип был таков. За окнами с утра рвались педарды, и мне казалось — я в кольце врагов, в опасности, как выражался Ленин, в осаде, блин! Я спал без задних ног и был во сне настолько суверенен, что разбудить меня никто не мог. Лишь на четвертый день, восстав с дивана, прокрался я по комнате, как вор: понадобились мне сортир и ванна, а вслед за тем я вырвался во двор.

Там снег лежал повсюду ровным слоем (уснул и дворник, гость чужой страны). Никто уже ни пением, ни словом не нарушал окрестной тишины. Ни замыслов, ни принципов, ни правил — лишь ровный снег, холодный белый лен. Я все проспал. Я где-то все оставил. Я был непоправимо обнулен. Эпоха докатилась до финала и замерла на новом рубеже — лишь цифра на часах напоминала, что нулевые кончились уже.

Да, кончились! Проевши, что заныкал, я осознал, от перепоя желт, что наконец пришел конец каникул, предел халявы, кризис и дефолт; что акции мои подешевели, что все соседи стряхивают сон, что если б я резвился в Куршевели — то смысла не прибавил бы и он; что кончилась эпоха карамелек и что моя родимая страна похожа не на телик, а на велик: когда не едет — падает она.

Проехал «МАЗ» и бодро забибикал, забегали троллейбусы к шести...

Товарищи! Пришел Конец Каникул.

Какое счастье, Господи прости.

В ювелирные салоны поступил набор истинного патриота: недорогой нательный крестик, образок (для «Мерседеса») и дорогой (золото, самоцветы) герб «Единой России». Сколько б мы символа ни искали — лучшего не воспеть: между иконами и крестами русский лежит медведь...

...зверь золотой под трехцветным флагом, толстый, но без хвоста, бодро идущий державным шагом в сторону от креста. Как не плениться такой картиной, не потеплеть душой? Правда, и стоит он пять с полтиной тысяч — но он большой. Я не полезу с тупым вопросом, не совершу наезд: может, и вправду единороссам ближе медведь, чем крест? В нем воплощается наша слава с доблестью пополам. Как-то он лучше подходит, право, к обликам и делам. Я и до этого думал часто, личный дневник ведая: что им носить на кресте гимнаста? Лучше уж медведя, чтобы с толпой ни в чем не сливался служащий госсистем. Это же все-таки знак славянства — можно сказать, тотем! Пусть бы у всех на груди маячил, всем подавал пример... Я б и молитву переиначил — версию для ЕР:

«Отче наш, иже еси в берлоге, истинный герб страны! Ты посылаешь нам бабки многи, вотчины и чины. Сделай же так, чтоб как можно доле наша тянулась власть, чтоб обитателям сей юдоли скалилась наша пасть, чтобы страна обожала папу — если захочешь, двух, — и безотрывно сосала лапу, и говорила: «Ух!» Чтобы дрожали вокруг соседи, наше слышав «Фас!». Чтобы остались одни медведи, и никого, кроме нас!»

Было бы правильно, чтоб в России, этот тропарь твердя, главные люди всегда носили толстого медведя. Грустно становится, если быдло молится, как аскет. Правду сказать, за Христа обидно.

А за медведя — нет.

На Гаити случилось крупнейшее землетрясение, унесшее жизни тысяч людей. По мнению некоторых наших соотечественников, все это произошло потому, что гаитяне исповедовали вуду.

На Гаити случилась беда. Я взираю на это с испугом, но нельзя не признать, господа, что частично она по заслугам. Если вдуматься — дело в грехах. Отвечать за грехи не пора ли? Напекают в церковных верхах, что причина — забвенье морали. Разберется и глупый малыш, если выживет там и спасется: ведь трясется пол-острова лишь. Половина отнюдь не трясется! Дело в том, что в Гаити бардак, невзирая на медь и кораллы (любопытно, что думают так и церковники, и либералы). Там закона и жалости нет, и сосед презирает соседа, ибо каждый второй — людоед (каждый первый — обед людоеда). Там ужасно упала мораль и полнейший зарез с плюрализмом, потому что их лидер Преваля с нарушениями страшными избран; там благою не слушают весть, и язычество правит повсюду (номинально католики есть, но при этом господствует вуду); грязь, упадок, всеобщий распад (хорошо хоть не знают о бомбе), верят в зомби — причем, говорят, там действительно водятся зомби... Нищих, кажется, тысяч пятьсот. Руководство приветствует взятки. Просто так никого не трясет: вся причина — в моральном упадке. Все мы камушки в Божьей горсти, не бывает страховки от ада. Вот Науру не будет трясти — там признали того, кого надо. Тут иные лицо покривят, но взгляните, коллеги, сравните! Ужасается сам Патриарх, до чего там дошло, на Гаити. **Может, если их сильно встряхнуть и дома покрушить, как посуду, — сразу встанут на праведный путь, а потом отрекутся от вуду? Ведь об этом писали тома — Августин, Кесарийский Евсевий, — все сходились на том, что ума прибавляется от потрясений!**

Одного я понять не готов — дорогие друзья, извините: неужели в погрязь основ больше всех отличилась Гаити? Изумляют меня, господа, эти ваши моральные трели: взятки — да, и коррупция — да, а вокруг вы давно не смотрели? В Интернет залезали давно, где безумцы кидаются калом? Да, у них каннибальства полно — и у нас людоедства на-

валом: чуть в Кремле побываешь в гостях у особо продвинутых змиев — так и слышишь, как кости хрустят. Удивляюсь, что спасся Шаймиев! Что до зомби, нормальных на вид, но по духу вполне настоящих, — так по самую крышку набит этой публикой ваш зомбоящик: приглядеться — Господь сохрани, называть поименно не буду... А в Госдуме сидят не они? А движение «Наши» — не вуду? Что до нищих — миллионов шести, — и бродяг, и сироток с бомжами... Если б нас за такое трясти, был бы шейкер у нас в сверхдержаве. А целитель, что любит мочу и глотает с утра по стакану? Про язычество я промолчу, про сектантство опять же не стану... Или мы — не у крайней черты? А почти истребленная пресса? А Кавказ? А садисты-менты в состоянии острого стресса — у ментов же проблемы свои, им приходится в грязном участке зарабатывать на две семьи, и притом они обе несчастны... Так что, Родина, трижды прости своего непутевого сына, — если б стали за это трясти, ты тряслась бы уже, как осина.

Но Господень всемилостив суд. Продолжайте грешить, как хотите. Почему ж нашу Русь не трясут, как несчастную эту Гаити? Или нас православье хранит, от стихии спастись помогая? Или крепок наш хладный гранит? Но боюсь, что причина другая: из болотистой почвы растут наши крепкие, стойкие люди. Ничего ты не вытрясешь тут, хоть гоняй их по всей магнитуде. Сколько весь этот край ни тряси при посредстве хоть бомб, хоть пластита — все пребудет как есть на Руси.

Для чего же тогда и трясти-то?

Оттепельное

О нет, Россия не циклична. Не правы были я и вы. Ей-богу, было бы отлично, когда б циклична, — но увы. Представьте только, что весной земля закатит пир горой — не свежей зеленью лесною, а прелью осени сырой; что осень явится устало, как баба нищая, пьяна: на чем зима ее застала, тем и продолжится она. Как после грязного ночлега, неприятятелен и стар, опять полезет из-под снега прокисший сор давнишних свар, и даже небо — точно вата из телогреек у бомжей. Нет, тут не

оттепель, ребята. Тут та же осень, но хуже. Опять история, паскуда, мешая изморось и грязь, возобновляется оттуда, на чем когда-то прервалась.

Прогресса нету никакого — сплошная рухлядь из мешков: Дьяченко против Коржакова, с Чубайсом лается Лужков; с вождем опять же не решили, его останками трясут — идет защита Джугашвили, по иску внука, через суд... **Вон атеист, краснея рожей, с попом орут, как испокон: преподавать ли в школе Божий или физический закон...** Пейзаж почти потусторонен — настолько он из тех времен: смирись, Кавказ, идет Хлопонин! Кавказ, выходит, не смирен? ОМОН гоняет образцово — спасибо, не по голове — толпу с участием Немцова, как на закате НТВ... Коммунистические дамы, прижавши к сердцу партбилет, бранят чернуху новой драмы, которой тоже десять лет... В работе швах, в зарплатах вычет, — еще спасибо, не бомблю... Все аналитики талдычат о росте доллара к рублю. Вернулась давешняя мода свободомысленных эпох: конец сулят не позже года, ну ладно — двух, ну ладно — трех... Опять кричит Проханов слева, неумоимо гоношист, а справа лезет дева Лера и говорит, что я фашист, — все та же гниль во всех канонах и то же горе от ума; не только тем не видно новых, но даже новых лиц нема! Опять приближен берег дальний, вернулась молодость, ликуй! Все, правда, стало виртуальней — а впрочем, не один ли *черт*? Сегодня мучить журналистов, их отрывая от забот, является не частный пристав, а скромный интернетный бот, — но нас волнуют результаты, а в этом перемены нет. Ответь мне, Родина: куда ты девала наши десять лет?

Ничто не делается сразу, не сразу строилась Москва — я часто слышал эту фразу, но мне, ребята, сорок два! О, эти штампы — не от них ли мы снова влезли под ярмо, надеясь, что, пока мы дрыхли, тут все устроится само? Ан нет, товарищ: много чести. Мы, истомившись в немоте, стоим на том же самом месте — да только мы уже не те. А то в газетах бы порыться — и можно в юном кураже решить, что мне едва за тридцать... Но дети взрослые уже.

А впрочем, что я волком вою перед читательской средой, тряся похмельной головою, еще покуда не седой?

Паситесь, мирные народы, среди коттеджей и трущоб, — но жил я все же в эти годы? Любил? Еще б! Писал? Еще б! Не слег, не скурвился, не смылся, не спился, не попал в псари... А смысл — какого, к черту, смысла? Что жив — спасибо говори. Какой тебе еще морали и от чего она спасет? Тут у Отечества украли не десять лет, а все пять-сот — в одном издании серьезном во весь опор, на всю страну идет дискуссия о Грозном и прочат дыбу Лунгину! В открытом, так сказать, режиме, чтоб видел потрясенный свет...

Но пять веков мы все же жили! Ей-богу, жили!

Или нет?

Мартовское

Этой весной уж очень сильно затянулась зима.

Множество весен я видел, Боже, во всероссийском нашем саду, но не припомню такой похожей на окружающую среду. Помню я гласности блеск наружный и рассопливившийся застой, но не припомню такой недружной, и половинчатой, и пустой. Радости мало в ее соблазнах, шаг ее вязок и взор погас — будто бы лидеры несогласных организуют ее для нас. Все в ней бесплодно и бестолково. Март ее — копия февраля. Температура, как у Суркова, ходит кругами вокруг ноля. Чуть на рассвете засвищет птица — прочие морщатся: «Что за бред!» — будто не могут договориться, следует выступить или нет. Только отвыкнешь зубами клацать — ночью прогнозы опять грозят: в полдень капель, а в ночи за двадцать. Шаг вперед, два шага назад. Вечером сладко, а утром кисло. Словно певец оборвал строфу: только поехало — и повисло, скисло, увязло, обрыдло, тьфу.

Страшно подумать, какие весны мы умудрились бы произвести — все они были бы судьбоносны и продолжались бы лет по шесть. Вроде бы ясно уже, что хватит: вымерзли нивы, гниет зерно, лыжи достали, санки не катят, дверь завалило, вставать темно. Мы деловито за стол садимся для резолюции «Не пора ль?!» — но не умеем достичь един-

ства, должен ли все же уйти февраль. Вроде бы должен, твердим за водкой. Он отмороженный. Он дрянной. Он промежуточный. Он короткий. Он не справляется со страной. Все подморожено, все зажато, он беспредельщик и аморал. Вы выбирали его, ребята? Я его лично не выбирал. Кто сомневается, тот собака, не диссидент и не джентльмен. Так что он должен уйти. Однако — кто, объясните, придет взамен? Надо сперва шевелить мозгами, вдуматься, сформировать словарь... Это на Западе март в разгаре. К нам же, возможно, придет январь. Слово жена при постылом муже, мы опасаемся все сломать. Ткнешься налево — и будет хуже, ткнешься направо — едрена мать! Социум вытоптан и расколот. Замер испуганно ход планет. Вроде бы лучше тепло, чем холод. Но ведь придется сажать... о нет! Вроде зима и сама не рада, вроде и чувствует, что кранты... «Выйдем на улицы!» — «Нет, не надо. Все-таки холодно и менты».

— Выйдем двадцатого! Хватит жаться! Выйдем, ведя стариков и чад, требовать оттепель!

— Страшно, братцы. Вдруг отопление отключат?

— Что ты здесь делаешь? Вас не звали. Здесь демонстрирует средний класс.

— Я бы за оттепель, но не с вами.

— Я не за оттепель, но за вас.

Время бы вишням уже и дыням — мы же по-прежнему длим расчет: «Ветра бы свежего!» — «Нет, простынем». — «Ливня бы теплого!» — «Протечет». Так бы тянулось оно годами. В Штатах качали бы головой. Всюду — в Берлине и Амстердаме — от потепленья стоял бы вой; мир утвердился бы в новом виде, дружно купаясь в волнах тепла, льды бы растаяли в Антарктиде и Атлантида бы вновь всплыла, стала бы вишня цвести в саванне, белыми ветками шевеля... Мы бы, как прежде, голосовали в замкнутом круге, внутри нуля.

— Оттепель лучше зимы?

— Да вроде... Но, понимаете, грязь, дерьмо!

Как хорошо, что пока в природе многое делается само.

Безвыборное

Два яблока лежат передо мной:
с которого начать? Не ем обоих.
Измучился загадкой, спал с лица.
Из двух – никак. А если бы из
кучи?! Варю себе на завтрак два
яйца – и не могу смекнуть, какое
круче.

Петр Саруханов - «Новая»

Лирическое

... когда вас типа Путин привезет,
ему скажите то-то вы и то-то...
Задача, непосильная уму, –
избавить от утопий и идиллий:
мы ни к чему, мы не нужны ему,
он так зовет, чтоб мы не приходи-
дили, и что б я мог сказать:
«В стране развал»? И много ль
толку от подобной встречи? То
вроде он совсем уже позвал –
а оказалось, так, фигура речи...

С Олимпийскими играми получилось не очень, а вот с Паралимпийскими — вполне!

Национальной нашей гордости питаться нечем двадцать лет: ракеты старше срока годности, в эстетике прорывов нет, в политике, похоже, курим мы, неважно делаем кино, Олимпиадою в Ванкувере гордиться тоже мудрено... Но нет! Не будем торопиться мы с паденьем в..., с походом на... Сегодня параолимпийцами России гордость спасена. Германцы бдят, Китай настроился, но им все это — курам смех: медалей разного достоинства они набрали больше всех. Теперь в Кремле их примут, видимо, с функционерами ЕдРа; теперь им будет щедро выдано — к героям Родина щедр: одним дадут коляски новые, другим — сверхновые очки... Когда б играли так здоровые, мы всех порвали бы в клочки.

Не стану попусту трепаться я, как это любит наш король. Нормальность — главное препятствие. Приставка «пара» — наш пароль. Со мною согласятся многие — мы очень парная страна: избыток парapsихологии, а психологии — хана. Напрасно я ногами топая — ученых мы не бережем: паранауки — ешь хоть попою, наука — вся за рубежом. Не стану корчить рожу хмурю — литература есть пока, но и паралитературою страна полна до потолка. Вторую тыщу лет без малого мы все нащупываем дно, нас мучит дефицит нормального — паранормального полно. Пора признать без околичностей, что это главный русский бич, и правит нами пара личностей: тандем, а проще — пара-лич. Немудрено, друзья российскийские, — об этом, собственно, и стих, — что игры параолимпийские для нас удобнее простых.

Смешны мы миру — знаем, плавали, душа об этом не болит... Но если чем гордиться вправе мы, то это русский инвалид. Он получает сумму жалкую, заброшен обществом родным и закален такой закалкою, что с остальными не сравним: умеет в очереди париться, о льготах зря не говоря, в метро спускается без пандуса, гуляет без поводья... А получение инвалидности? Медикаменты, наконец? Любой, сумевший это вынести, — сверхмарафонец и борец. Не может

хвастаться медалями традиционный наш атлет, но инвалида воспитали мы, какому в мире равных нет. Как просто это достигается! Надежней кактус, чем пион. Лиши всего, что полагается, — и перед нами чемпион. Простите эту мысль обидную — от глума Боже упаси! — но коль команду инвалидную собрать по всей святой Руси, чтоб победней, чтоб жизнь суровая, чтоб всяких хворей без числа, — канадцев сборная здоровая едва бы ноги унесла.

«Что делать?» — спросят наши лидеры и консультантов наглый рой. Боюсь, теперь они увидели, кто русский истинный герой. Каких бы сил и денег сколько бы, пиля бюджеты между тем, вы ни угробили на Сколково, свой силиконовый Эдем, каких бы денег мы ни кинули в бездонный сочинский провал, каких смешков — в лицо ли, в спину ли, — нам мир в ответ ни выдавал, каких бы фенек мы ни выдали, остатки роскоши деля, — мы можем только инвалидами спастись от полного ноля. Спасенье наше от стагнации — не оппозицию нагнуть, а взять бы всю элиту нации и всем отрезать что-нибудь.

Жалобная возвращенческая

Семилетнего Артема Савельева усыновила американка Торри Хансен, а через полгода отправила его одного обратно в Россию с письмом для Минобрнауки, в котором написала, что она отказывается от усыновления мальчика.

Хоть Америка нас и заверила в гуманизме исконном своем — нам вернули Артема Савельева с рюкзачишкой потертым вдвоем. Усадили — куда, мол, ты денесси? — и, в отместку его озорству, запузырили прямо из Теннесси в Вашингтон, а оттуда в Москву. Пролетел он дорогой неблизкою над просторами синих зыбей и вернулся в Россию с запискою от приемной мамы своей: не судите вы, дескать, запальчиво теннессийскую дерзость мою, но возьмите вы вашего мальчика и отдайте в другую семью. Проявлял он дурные наклонности, жег бумажки в приемном доме, понимание прав и законности никогда не давалось ему, оказался он нрава свободного и на бабке его выме-

щал, а сынишку природного, родного, за игрушку убить обещал; не мирился с домашней рутиную, не трудился полезным трудом и пугал свою маму картиною, где горел ее собственный дом. Напугалась мама из Теннесси, и найденышу дали пинка — чтоб спасти свои деньги и ценности, и сынка, и игрушку сынка. Всех измучить — исконная цель его, отклоненьям не видно конца... Если надо кому-то Савельева, тот пускай и возьмет сорванца.

А чего бы вам ждать, воспитатели, заполнители справок и граф? Он родился от спившейся матери, от лишенной родительских прав, от японца, а может, китайца, от еврея, а может, хохла; по приютам он с детства скитается, не имея родного угла. **Неприятны российские мальчики, потому их назад отдают, — но ведь им и не выжить иначе бы, коль они попадают в приют! Ознакомьтесь с местными нравами — и суровая эта среда вам представит святыми и правыми малолеток, попавших туда.** Наш пацан доведет до истерики, до наркотиков или вина не одну уроженку Америки, а десяток таких, как она. Это нынче страна им забредила — «У, пиндосы, креста на них нет!» — и слова президента Медведева тиражирует весь Интернет; это нынче на совесть и страх его полюбил блогписцев мильон, и внимание Павла Астахова привлекает усиленно он, и в больнице приличной подлечится, ибо всем его жизнь дорога, — а когда-то родное Отечество не нуждалось в нем ни фи́га.

Потому и печалью повеяло от его перелета домой, что сравнима дорога Савельева с одиссеей Отчизны самой. У меня темперамент холерика, так что прямо скажу, не таю: нас ведь тоже хотела Америка благодушно пристроить в семью — с занавесками и клавишинами, с кока-колой и жирным котом... Мы казались ей очень красивыми и несчастными очень притом. Много денег пиндосы потратили, воспитуючи наши умы... При такой-то, как Родина, матери, — мудрено ль, что неласковы мы? Но потом они к нам присмотрелись и увидели целый букет — от простого *delirium tremens*'а до продажи крылатых ракет; нашу душу увидели склизкую и бездонную нашу суму — и послали обратно с запискою: забирайте, а нам ни к чему. Гадкий мальчик! Хотели пригреть его — он же, сука, наклал на паркет... И теперь мы сидим в Шереметьево в окружение

крылатых ракет и поем свои песни недружные о заборной российской судьбе — никому абсолютно не нужные, и печальней всего, что себе... Бог молчит, и печать на устах его. Виснет в воздухе тщетный вопрос.

И кругом — никакого Астахова, чтоб хотя бы в больницу отвез.

Альтернативное

На фоне антиправительственных выступлений в Киргизии случилась революция.

Пока в столице судят Ходорковского, один бывлой соратник подсудимого, обжившийся в Кремле, где ценят лоск его, и там обретший статус невредимого, на съезде молодежного движения, где собрались лояльнейшие физии, явил толпе свои предположения на тему ситуации в Киргизии. Приметы положения киргизского сравнил он с местным, перечислив заново, и обнаружил много очень близкого: все продано, разложено и кланово. И там, и тут не видно демократии: на вид-то есть, да приглядишь, раздень ее... Никто не собирался укреплять ее, поскольку воровали без зазрения. Но, слава богу, есть покуда рыцари, чтоб новых бед могли не опасаться мы: строй карьеристов с розовыми рыльцами и первый зам главы администрации. Что будет, коль знаток оттенков серого посмотрит благодушно и рассеянно? Чуть отвернись — Немцов и Алексеева пойдут громить витрину Елисеева! В стране и так сплошные патологии, ее уже почти раскоммунизили, — и коль они уйдут, как просят многие, у нас немедля будет, как в Киргизии.

Все так, каких иллюзий ни вынашивай. Погрома, дескать, нет, но явен сдвиг к нему. Прием простой: не хочешь жить по-«Нашему» — пожалуйста, устроим все по-ихнему. Как пелось в песне у Егора Летова — по плану все. Анализ дня текущего подсказывал мне что-то вроде этого, но я не знал, насколько все запущено. Пора, похоже, запасти провизии... Но вот какая штука тем не менее: коль он уйдет, то будет, как в Киргизии, а не уйдет — и будет, как в Туркмении. Я поражен такой альтернативой, покуда, слава богу, приблизительной, — не то что совершенно некрасивой, но

главное, ужасно унижительной. Тут не поможет тонкое умение разруливать рутинные коллизии... И главное — что если как в Туркмении, потом опять же будет, как в Киргизии!

Не так уж трудно высчитать последствия, какой гульбой предчувствий ни развеивай. «Не то чтобы ему хотелось бедствия», как говорится в песенке Матвеевой, чтоб все благополучие экранное и все единомыслие красивое взлетели, словно облако вулканное, с одной попытки непрогнозируемое: нефтянка, телевизоры с Минаевым... Казалось бы, все есть — какого кия вам? Но так всегда бывает с несменяемым (условно назовем его Бакиевым). Исчерпаны последние иллюзии, что это будет розово, как в Грузии, а может, апельсиново, как в Киеве: такого не бывает при Бакиеве. Когда-то, в девяностые и далее, бороли нас несбыточные мании: мы думали, что будет, как в Италии, а если повезет — то как в Германии. На лучшее настроившись заранее, мы утверждались в скучном беззаконии — но думали, что будет, как в Испании, а если постараться — как в Японии. Нам рисовались всякие идиллии, однако получилось некрасивее — надеялись, что будет, как в Бразилии, а в худшем варианте — как в Боливии... Выходит, мы ошиблись многократно. Не фраер Бог, не отвести руки Его. Наш выбор — меж стабильностью Ниязова и толпами, погнавшими Бакиева. Одни лишь молгвардейские дивизии плюс ими заправляющие гении нас удержать способны от Киргизии — и сдвинуть в направлении Туркмении.

Конечно, есть какие-то условия, чтоб сделалось не так, а как в Москве...

Но так как жизнь в России все сурковее, то говорить об этом все рисковее.

Подражание Галичу

В стремлении скомпрометировать лидеров оппозиции было решено подослать к ним девушек, а весь дальнейший процесс снять на видео и выложить в Сеть. Как потом обнаружилось, девушка оказалась для всех одна и работала, так сказать, не покладая.

Новый выворот в судьбе оппозиции: появляются в Сети порноролики, где они в миссионерской позиции раз-

множаются буквально как кролики. Все столпы правосознания нашего, от Лимонова до пылкого Яшина, вытворяют с добровольцей то еще, и при этом все с одной и той же. Замечают в одобрительном тоне ей, что горды ее усердием видимым, и такой уж достигают симфонии, что не снилась и Госдуме с нацидером. Получают удовольствие явное, в сексуальных похождениях плавая, словно это не девчонка халявная, а гэбня под ними стонет кровавая. В Интернете говорят: ишь устроился! Тут и девушку, и кокса — вредитель, на! Отмечают их мужские достоинства — кто завистливо, а кто снисходительно; обсуждают приключения альковные, напрягают аппараты оральные — громче прочих голоса уголовные, но встречаются и просто моральные.

Я по первости не знал: что такого-то? В чем тут, в общем, компромат и марание? Это ж как бы не давало мне повода относиться к ним хуже, чем ранее. Оппозиция, как правило, славится тем, что женщинам, как правило, нравится. Я не вижу тут большого события, что мужчина соблазнился соблазнами: это те, кому не светят соития, утешаются борьбой с несогласными. Не по нраву тебе враг — так ударь его, а не ставь ему жучка возле фаллоса. Тем по нраву вертикаль государева, у кого уже своей не осталось. Это ж разве компромат на Лимонова, что у него в его года — все рабочее? Мы и так уже читали у жен его, что он в койке интересней, чем прочие. Уж на что я подозрительно-бдительный, а не вижу тут особенной вредности. Если это компромат — то сомнительный, да к тому ж еще свидетельство бедности: приезжали к нам спецы буржуазные — мы подкладывали баб в полной мере им, но хоть бабы были все-таки разные, а теперь всего одна, и та не Мерилин... И за что она страдает, ответчица, что ей пользуется целая троица? Мне тут умысел, читатель, мерещится. Он сейчас тебе, читатель, откроется.

Все мы знаем, что у нас оппозиция — несогласная во всем, разнолицая; два еврея, так сказать, четыре мнения, — а у нас их двадцать пять, и не менее. Нет единства меж вороной и зябликом, меж крапивою и травами прочими; нет единства меж Чубайсом и «Яблоком», а нацболы вообще на обочине. Как им можно защитить демократию, если каждый на любого — с проклятьями?

Вот и хотят их связать этой Катей, чтоб они себя почувствовали братьями. Прекратится бессистемная вольница: отношения порочные, прочные... Чуть заспорят, заорут — и опомнятся: «Да ведь мы с тобою братья молочные!» Я не вижу тут ни шуток, ни вымысла — это главный шанс страны, если кратенько.

Лишь бы Катя, так сказать, это вынесла.

Но ведь это же за Родину, Катенька!

Памяти сороковых

В этом году отмечается не только 65-летие Победы, но и 90-летие Давида Самойлова. Думаю, прежде чем читать этот скромный оммаж ему, читателю стоит вспомнить «Сороковые, роковые», которым я не чаял подражать, но попытался ответить из нашего времени.

О нулевые, сырьевые,
Качальные и буровые,
Где настроения погромные
И соглашения газпромные.
Глазенки выцветшие цепки.
Протесты западные робки.
Горят надвинутые кепки.
Дымят безвыходные пробки.
О нулевые, групповые,
Бездельные и деловые,
Где джамааты современные
И демократы суверенные!
Прогнозы завтрашние кислы.
Загляды в завтра — страшноваты.
Зияют вымершие смыслы.
Бренчат присвоенные даты.
О нулевые, тыловые,
Бессильные и силовые,
Халявные, недодержавные,
Бесправные и православные!
Где правда стала хуже бреда.

Где ничего не значит слово.
Где есть у всех одна победа
И, в общем, ничего другого.
Где с видом грозного занудства
Сосут пустеющее вымя,
И все клянутся, все клянутся
Сороковыми, роковыми.
Где в маске грозного юродства
Задолизатель и прогибщик
Всех непрогнувшихся берется
Судить от имени погибших.
Гуляет экспортная Раша,
Взлетает красная ракета —
Хотя война была не ваша,
Да и страна была не эта.
О нулевые, чуть живые,
Бесполье и половые,
Затраханые, бестолковые,
Малаховые, михалковые.
А это я на полустанке
Играю на своей шарманке.
Крутом стоят остатки нации
И мне бросают ассигнации.
Да, это я, ничем не лучший,
С шарманкой, виснувшей на вые,
И радуюсь, что выпал случай
Пожить в минуты роковые.

**Как это вышло, как совпало —
Тоска, трясина, тлен и глина,
Где все пристойное пропало,
А непристойное прогнило!
О, нулевые, грабовые,
Безмолвные и хоровые.
И ни войны, и ни России.
А мы такие никакие!**

8 и 9 мая на крупнейшей угольной шахте «Распадская» произошли два взрыва, имевшие катастрофические последствия.

После взрыва в шахте адской, взбудоражившего Русь (и не зря она Распадской называется, боюсь), после митингов с ОМОНОм, что всюю теснит народ, и с Тулеевым Аманом, что совсем наоборот, — часть российского народа (кто — терпя, а кто — руля) ждет семнадцатого года, что-то типа февраля. Все боятся, что воскреснет наше местное суро: где-то лопнет, где-то треснет — и покатится само. Гнев народный сдвинет горы, ибо все давно не то: там поднимутся шахтеры, там — водители авто, и критическая масса, сбросив морок нефтяной, против правящего класса встанет гордою стеной: обездолены, разуты — против наглого ворья... Кто боится русской смуты, кто приветствует ея. Утешаться больше нечем-с, перекрыты все пути... «Междуреченск, Междуреченск!» — раздается по Сети. Тут не кучка несогласных, разгоняемых в момент, — тут накал страстей опасных, пролетарский элемент! Схваток комнатных раскаты, скорбный плач, злорадный смех и бессмертные цитаты несостарившихся «Вех»: патриоты белой масти призывают в сотый раз поклониться парной власти, что хранит от бунта нас. «Горе вам, хотящим бунта! Это будет «Рагнарёк!»» — надрываются, как будто бунт и вправду недалек.

Я намерен вас утешить и толкнуть простую речь. Никого не будут вешать, ничего не будут жечь. Не очистит небосвода благотворная гроза: ни семнадцатого года, ни последовавших за. Мелковато, гниловато — а в семнадцатом году было что поджечь, ребята, чтоб горело, как в аду! Все покуда было цело — и столица, и село... Но сперва перегорело, а потом перегнило. Помутнела наша призма, недоступная лучу...

«Вы хотите катаклизма?» — спросит кто-то. Не хочу. Я бы, может, и не против — тухло жить, теснится грудь, — но, Отчизну заболотив, поджигать ее забудь. Не вернуться прежней силе ни на четверть, ни на треть. Всё давно перегноили. Стало нечему гореть. Не развеять нашу дрему. Мы на новом рубеже, ибо смерть грозит живому. Нам не страшно. Мы — уже. Звуки ленинского лая воспомина-

ет большинство: «Вот стена. Она гнилая». Да! Но гниль — прочней всего.

Мы уткнулись в это мордой и уперлись головой. Если честно, тихий мертвый хуже, чем любой живой. Пусть он бездарь и невежда и пути его кривы — у живого есть надежда, а у мертвого — увы. Можно сделать что угодно — не проснется спертый дух: хоть повесить принародно возмущающихся вслух, хоть воспитывать на розгах (в самом деле, дети злят), хоть ввести налог на воздух или штраф за дерзкий взгляд. Бойкость рыба, память птичья, перспектива коротка — ни развитья, ни величья, ни подъема, ни рывка, ни семнадцатого года, что пугает бедолаг как возможность перехода из чистилища в ГУЛАГ.

Никаких тебе пожарищ — тишь и нелюдь, волчья сыть. Апокалипсис, товарищ, тоже надо заслужить. Будет мирное схождение, вековой круговорот — для кого-то наслаждение, для кого — наоборот. Все в одной всеобщей луже, у планеты на виду.

И похоже, это хуже, чем в семнадцатом году.

Триумфальное

Сторонники «Стратегии 31», гражданского движения в защиту свободы собраний в России, проводят акции протеста на Триумфальной площади каждое 31-е число месяца, если такое число в месяце присутствует. Эти собрания традиционно не санкционируются властями, и вот что из этого бывает. UPD. Все эти несанкционированные попытки привлечь внимание к правам человека торжественно завершились такой же, но уже вполне мирной и санкционированной попыткой в мае 2015-го. Правда, в августе 2018-го была яркая, с горящими фаерами, попытка акцию возродить, но всех повязали. Так что R.I.P.

Если рассудок и жизнь дороги вам, держитесь подальше от торфяных болот в темное время суток, когда силы зла царствуют безраздельно.

Артур Конан Дойль

Есть еще на свете силы ада, тайные и темные места. Вечером ходить туда не надо, нас предупреждают неспроста. Всем распахнут город наш овальный, но молитесь, чтоб судьба спасла вас от Маяковской-Триумфальной в вечер тридцать первого числа.

Мне, признаться, даже интересно — что за точка, господи прости? Это зауряднейшее место, если в прочий день туда прийти. Слева Маяковский, справа «Суши» — никакого явственного зла; но спасайте, братцы, ваши души в вечер тридцать первого числа. Вас там могут разом изувечить, разорвав на пару половин; там кружится всяческая нечисть — то ли шабаш, то ли Хэллоуин! Там для них построили заказник, чтоб бесилась дьявольская рать. То затеют бал, то детский праздник, то нацистов свозят пороть... Местные поляне и древляне думают в испуге: мать честна! Почему у нечисти гулянье только тридцать первого числа? Что они там празднуют, по ходу, скопом, с января до декабря, каждый раз, во всякую погоду, на мороз и солнце несмотря? Нет бы им сойтись толпою плотной, хороводом праздничных элит, — где-нибудь на площади Болотной, как фольклор им, кстати, и велит, — и устроить праздник свой повальный: там и Третьяковка под рукой... Но они хотят на Триумфальной, в этот день, и больше ни в какой.

Врут, что жить в России стало пресно. Страшно жить на новом вираже. Даже говорить про это место в обществе не принято уже. Вот Шевчук решил по крайней мере разузнать, какая там байда, и спросил открыто при премьере, почему нельзя ходить туда. Замер зал. Премьер поправил галстук. У него задергалась щека. Он при этом так перепугался, что забыл про имя Шевчука. Все вокруг лишились аппетита. Спрашивает Юра: «Что за жест, почему нельзя туда пойти-то?» Тот в ответ: «Простите, кто вы есть?» Все смотреть боялись друг на друга, даже воздух в зале стал зловещ, — потому что дальше от испуга он понес неслыханную вещь, но уже не мог остановиться, глядя при этом все лютей: «Может быть, там детская больница? Для чего смущать больных детей? Или, может, дачник едет с дачи, хмурый, в прорезиненном плаще?» (Это он от стресса, не иначе. Дачников там нету вообще.) После он — от злобы, от испуга ль, хоть крепка нервишками

ЧеКа, — начал про коксующийся уголь, чем расстроил даже Шевчука. Что же там за ужас аморальный, что за апокалипсис финальный, если лидер наш национальный, нации отборный матерьял, при упоминанье Триумфальной самообладанье потерял?

Если ж вы решитесь в это время выдвинуться к точке роковой — что там с вами сделают со всеми? Например, приложат головой, или руку в двух местах сломают, чтоб прогулочный не мучил зуд, или просто за ухо поймут и в участок на ночь увезут, и продержат типа до рассвета — не за то, что совесть нечиста, а как раз за самое за это. Не ходите в темные места. Я б сказал, от храбрости икая и слезой невольной морося, что и вся страна у нас такая...

Но не вся, товарищи, не вся.

Гурзуфское

Что ж, Александр Сергеич, с днем рожденья! Испытанный «жигуль» перебув, за сутки непрерывного вожденья мы вместе с сыном прибыли в Гурзуф, где плещут волны, радостнее невских, где небо ясно триста дней в году, где вы когда-то в обществе Раевских писали про летучую гряду.

Прибыв на край славянской ойкумены, я счастлив в сотый раз, как неопит. Вы спросите, какие перемены? Огромные, а в общем, никаких.

Украину, как всегда, не успокоишь, то с Ющенко носились, как с дитем, теперь они горды, что Янукович пришел демократическим путем. От споров, как обычно, нету толка, напрасно я твержу, пожав плечом, что в нем демократического только вот этот путь, которым он пришел. Но им не привыкать дивить планету. «Завидуете! — мне они в ответ. — Ведь вы рабы, у вас такого нету», — и то сказать, у нас такого нет. В их новостях я дилетант отчасти, своих фантомных болей до черта, но главная примета новой власти — цветущая крутая благота. Везде шансон до белого каленья и призывк незабвенной хрипотцы, у нас повсюду Третье отделение, у них — отчизны крестные отцы. И те, и эти мне противны с детства, их не прогонишь, сколько ни рыдай, одна-

ко для меня, автовладельца, всего страшнее люди с бляхой «Дай»¹. Они распространились хуже тифа, образовали шумную толпу, при Ющенко они сидели тихо, а нынче снова вышли на тропу. Им вечно мало, сколько бы ни дал ты, узрят московский номер и тотчас... За весь мой путь от Харькова до Ялты меня остановили десять раз. Завидевши авто московской масти, они немедля требуют права, и я их проклял, как у вас в романсе, но дал им злата все-таки сперва. Теперь мне впору собирать бутылки, чтоб хоть черешней угостить семью. Вы б вовсе не доехали до ссылки при этаких поборах, зуб даю. Вам подорожных точно б не хватило, и вы б тогда в Украину ни ногой, а значит, про послушные ветрила нам написал бы кто-нибудь другой.

Вам интересно, верно, как там дома? Почти никак, а в общем, как всегда. И это состоянье нам знакомо, как небесам летучая грядя. Мне трудно говорить в серьезном тоне про нашу государственность и честь, вы спросите, конечно, кто на троне? На троне, несомненно, кто-то есть. Их даже двое, избранных на царство, и кто главней, гадает целый свет. «Ахти, какое низкое коварство!» — вы скажете, а я скажу, что нет. Один порою гладит нас по шерстке, другой чудит, оттаптываясь всласть... Ведь вы слышали про игру в наперстки? Все спорят, под каким наперстком власть. Нет мягкости во взгляде их холодном, но все ж эпоха вашей не чета. Кто не согласен, может ехать в Лондон, а Лондон, слава богу, не Чита. Рискую вызвать общую ухмылку и даже смех, но, думаю, сейчас вы тоже не поехали бы в ссылку, на вас бы положили, как на нас. У них же всё, а наши силы слабы. Ведь я у них трубу не украду? И в этом смысле тоже не судьба бы вам написать летучую грядю.

А в общем стало как-то очень сперто, от родины осталась типа треть, все стало до того шестого сорта, что неприятно в зеркало смотреть. Пииту неслужебныя породы пора отринуть всяческую слизь, сказать: «Паситесь, мирные народы», — и самому отправиться пастись. О чем еще поведать? Не о спорте ж, не о борьбе с начальником Мо-

---

¹ Державная автоинспекция.

сквы? Но есть и то, что все же не испортишь. К примеру, это море или вы. Могу еще сидеть и сочинять я, а надо мной летучая гряда внушает мне, что лучшее занятие — лететь из ниоткуда в никуда.

Мечтательное

Президент России Дмитрий Медведев назвал свою цель: сделать Россию «страной-мечтой».

Медведев на питерский форум недавно слетал, деловит, и лозунг изрек, о котором Россия вздохнул говорит: «В ближайшие годы, не скрою, мы будем стараться сполна, чтоб стала страной-мечтой родимая наша страна».

О, эта российская скромность! Она, опасаясь, вечна. Верховный правитель, опомнись: у нас и сегодня мечта, хрустальной любых Синегорий, шикарней, чем старый Париж, — хотя не для всех категорий: для самых мечтательных лишь.

Россия — мечта лежебоки, крестьянских утопий село лежи, а в известные сроки тут все происходит само. Трудящийся слишком активно смущает расслабленный фон, и выглядит как-то противно, и скоро сливается вон.

Россия — мечта держиморды, его вождельный приют: тут жители искренне горды, когда им по морде дают. Любимый из местных сюрпризов, привычный на местных ветрах: извне намечается вызов — внутри обостряется трах.

Россия — мечта идиота (здесь, в общем, не верят уму). Открыта любая работа и всякая должность ему, а если не сладится что-то и с грохотом с рельсов сойдет: наденешь армяк патриота — и будь хоть совсем идиот.

Россия — утопия Гейтса: он нынче раздать возмечтал на благо голодного детства компьютерный свой капитал. Призвал он акул капитала — торжественно, под «бетакам», — презренного, значит, металла излишки раздать беднякам. У нас же по первому зову любой доморощенный Билл, не жаждущий выехать в зону за то, что кого-то убил, готов на подобное действие, — и если страна позовет, он даст и поболее Гейтса на благо рублевских сирот.

Россия — мечта людоеда: жирей, разрастайся, мордей, подумывай после обеда, что все-таки любишь людей... Мечтай, растянувшись на пляже, а пища, в желудок скользая, подробно докажет сама же, что с нею иначе нельзя.

Россия степна и лесиста. Россия — мечта хомячка. Россия — мечта мазохиста, а также садиста мечта, блаженная пристань ничтожеств, выдавших законы в гробу, усвоивших «как же-с» и «что же-с», «так точно» и «всех зашибу». Россия — мечта белоручек, а также мечта «сапогов», и Мекка для всех недоучек и сдвухихся полубогов, за порцией денег и славы стремящихся в эти места; мечта прибрлатненной оравы и силы нечистой мечта. **Замечу — по этой цитате ль, по всякой ли речи иной, — что главный кремлевский мечтатель, похоже, доволен страной: все это покрытое серым пространство тоски и тщеты — мечта президента с премьером, которые, кстати, на «ты».** Им нравятся плесени пятна и хищные рыльца в шерсти. Иначе они, вероятно, нашли бы возможность уйти.

Ах! Судя по запаху тленья и массовым бегствам кругом — ведущая часть населения мечтает совсем о другом. С тех пор как открыли границы, сбежавших друзей не сочту. Летят перелетные птицы, мечтая другую мечту. Но сколько бы, встречных пугая, ни лез я в бессмысленный бой, — не бойся, моя дорогая. Ведь я остаюсь с тобой. По мощи, абсурду, напору, размаху дубья и ворья — ты в самую тухлую пору мечта для такого, как я. Боюсь, при текущем раскрое за десять отмеренных лет нас просто останется трое — премьер, президент и поэт. Мы так и застынем, как реки под слоем январского льда, — безальтернативны навеки!

О чем и мечтали всегда.

Преведственное

Президент России Дмитрий Медведев завел твиттер-аккаунт. Не прошло и часа, как на него подписались 1000 человек.

То, что власти глава исполнительной не свершил выдающихся дел, — это вывод довольно сомнительный. Их немало, но я разглядел. Незавидный назначился путь ему — я б назвал его даже крестом: неустанно прокладывать Пу-

тину триумфальный возврат на престол. Вероятно, он даже продвинулся, осторожно смягчая страну: вот из ЮКОСа кто-то откинулся, вот решили простить Бахмину, — чтоб вернувшийся в лидерской маечке, в обретенном опять кураже эти малозаметные гаечки завинтил безвозвратно уже. Возвращение главного лидера обозначится сменой век: этих избранных милуют, видимо, чтоб обратно размиловать всех. Главначальник вернется возжажданным, сокрушительно прям и жесток, — да. Но чем же запомнится гражданам переходный медведевский срок? Как-никак он царил не в Эстонии, а имел под собой Вавилон... Кем он будет в российской истории? Кем в потомстве останется он? Он в хоккейном позировал свитере, в камуфляже однажды блистал — но недавно отметился в «Твиттере» и немедленно тысячник стал. Это надо на мраморе высечь, нах, как распущенный дельвал Рим: он останется с титулом Тысячник — достижением главным своим.

Это может затмить и Осетию, и филиппики в адрес во-рья... Не сказать, чтобы этою сетью восхищался особенно я — я и сыну родному советую, и тому ж его учит жена: увлекаться бодягою этою, лишь уроки закончив сполна. Ты сперва за собакою вытери, подними свою детскую жэ, а потом и сиди себе в «Твиттере», коль читать не умеешь уже! Почитавши российские медиа, да и местную нашу печать, понимаешь, что есть у Медведева, что начать и за что отвечать, — уроженцы любимого Питера порезвились в родимом дому, так что, думаю, есть и без «Твиттера» чем досуги заполнить ему. Но российской затурканной живности не впервой в Интернете висеть — им осталось из прочей активности лишь бурчать в социальную сеть. Трудно взрослым, а детям тем более! Прав не видно, возможностей нет... Как при немцах сбегали в подполье, так сегодня бегут в Интернет. Тут не нужен наш голос встречающий, наши руки и наши умы: ничего мы не можем, товарищи! И Медведев такой же, как мы. Вот и сеть: он сбегает под сень ее, как сбегают в последний редут, — представитель того населения, что хотело бы, да не дадут.

Рад поздравить друзей его списочных, что решили его зафрендить: час не минул — а он уже тысячник. Всенародная слава, етить! Это много честнее, чем выборы — те, ко-

торых в Отечестве нет, потому что теперь они выбыли, как и прочее все, в Интернет. Не напрасно он, значит, старается, отдаляясь от взглядов вождя, понимая, что это карается, и, однако, на это идя. Все в порядке, и нечего крыситься: антипатия к власти — навет. Есть в Отечестве целая тысяча говорящих Медведю: «Превед!» Вот история нам и ответила, чем закончатся эти труды: мы не выберем больше Медведева. Но добавим его во френды.

Осьминогое

У осьминога Пауля из немецкого зоопарка обнаружилась удивительная способность предсказывать результаты футбольных матчей. Может, он сможет предсказать что-нибудь еще?

Я на футбол гляжу со стороны, но главное заметил, слава богу: эксперты наконец посрамлены, и верить можно только осьминогу. Живущий в Оберхаузене гад, бесчисленных пари катализатор, уже бы стал неслыханно богат, когда бы мог играть в тотализатор. Настолько усложнился белый свет, что знают все, от мала до велика: научным предсказаньям веры нет. Сейчас надежен только метод тыка. Мы все уже не знаем ничего, но знает Поль и прочие моллюски, — и я б нашел, о чем спросить его, когда б он мог понять меня по-русски.

Но опасуюсь — в том-то и беда ушедшего от нас десятилетия, что здесь из двух не выбрать никогда. У нас ни то ни се, а что-то третье. Никто не смог бы щупальцем попасть в простую букву верного ответа. Спроси его: где истинная власть? М или П? Ответ: ни то ни это. И будь ты хоть немыслимый талант — из этого тандема командиров не выбрать. Нужен третий вариант: Обама, например. Или Кадыров. Начнешь его просить: подумай, друг, три варианта щупальцем листая! Но он умеет только, блин, из двух. Он осьминог, животная простая.

Другой вопрос, волнующий сейчас и шефа, и последнего холопа: скажи, зверек, Европа тут у нас — иль Бирюковым названная жопа? Любой американский индивид

и европеец, числящийся в топе, с Россией как с Европой говорит, но думает при этом, как о жопе. Гламурная, рублевская страна, отечество Минаева и Робски, — по-европейски выглядит она, но пахнет и колыхнется по-жопски. Не привлекают наши рубежи инвестора, но радуют поэта: Европа или жопа мы, скажи? Но правильный ответ — ни то ни это. Мы Еврожопа, в сущности, сынок, хоть выглядим с годами все жопее. И задымился б жалкий осьминог, как робот из «Москвы — Кассиопеи».

И в третий раз спросил бы я его, застенчиво доставши из-под спуда вопрос, который мучит большинство, но вслух не сформулирован покуда. Куда свернет невидимая нить? Ткни щупальцем иль всеми напечатая: гореть мы дальше будем или гнить? Семнадцатый нас ждет или десятый, вулкан или болото впереди, трагедия иль фарс в конце куплета? А он в ответ свернется: уходи. Ни то ни се — точнее, и то и это. Который год, планету загрузив, твоя страна упорно вопрошает, что ждет ее — гниенье или взрыв? Пойми: одно другому не мешает. Припомни стародавний анекдот — украсишь им стишок, как астрой клумбу: матумба или смерть героя ждет? Герою светит смерть через матумбу.

Но осьминогу жалкому дано ль проникнуться родною скотобойней?

Сиди в своем аквариуме, Польша. Предсказывай футбол. Оно спокойней¹.

Температурное

Июль, крутой, как сверхдержава, Москву расплющил, как жену. Москва коробится от жара и в новостях клянёт жару. Давно ль претили ей морозы, надоедали холода, измученные жилкомхозы, ночных аварий череда? (Читатель ждал уж рифмы «розы», но обманулся, как всегда.) Теперь вам кажется нагрузкой жары полдневной торжество, но

---

¹ Автор просит учесть, что пишет эти строки до испанско-нидерландского матча (и сам болеет за Испанию). Так что, если осьминог впервые опозорился, это полностью дезавуирует все вышесказанное.

русский Бог на то и русский, чтоб было все — иль ничего. То сушь, то хлещущие воды, то зверь у власти, то клевет, то совершенно нет свободы, то ничего другого нет; и если просит гордый разум о снеге, вольности, деньгах — ему дается все и разом, в таком количестве, что ах: просил движухи — дали путчи, тепла — и тридцать пять в тени... Чтоб мы вскричали: было лучше! Верни, пожалуйста, верни! Москва слипается от пота, не хочет есть, не может спать... Господь услышит, скажет: «То-то!» — и станет мигнет тридцать пять.

А в общем — чай, у нас не Плимут, теперь мы даже не в Крыму: мы заслужили этот климат и соответствуем ему. **Еще Платон седобородый учил, на тумбу взгромоздясь: меж человеком и природой есть удивительная связь. Не зря череда землетрясений пророчит бунтов череда, недаром паводок весенний бурлил в семнадцатом году!** Увы, никто не мог бы сроду, хотя б и плавая в жиру, иметь туркменскую свободу и нетуркменскую жару. Нельзя на всех стучать ногами, соседей дергать за усы, иметь коррупцию, как в Гане, — и климат средней полосы! Мы, как индусы, верим в касты и в домотканых наших Шив, и наши отпрыски блохасты, а каждый третий даже вшив; приедешь, граждане, оттуда — и разница невелика! Дивиться ль, что температура у нас дошла до сорока? Нельзя, сограждане, believe me, жить в беззаконии крутом, в каннибализме, в трайбализме — и в мягком климате притом; при азиатской вертикали, при африканском воровстве, при православном Ватикане — но чтоб погода, как в Москве.

К причинам засухи добавьте, в тени на лавочке засев, что в наше время гастарбайтер уже работает за всех. водители из Киргизстана, из Кишинева маляры — других работников не стало, и это корень всей жары. Трудясь отчаянно и здраво двенадцать месяцев в году, они давно имеют право оптимизировать среду. Мы их призвали на подмогу — и разлеглись на простыне; но тот и делает погоду, кто что-то делает в стране! Нам сорок градусов — запарка, и мы спеклись за десять дней, а им нормально, если жарко, и если честно — им видней. Сама культура этот вызов принять решила от души: они включают телевизор — а там почти Туркменбаши...

Пусть РПЦ внушает чадам, а власти — гражданам в миру: кто стал Лаосом или Чадом, пускай не ропщет на жару. Нормальный климат здесь излишен, не заслужил его холоп; а для богатых есть кондишен — прохладный воздух из Европ. Они живут себе в Европе, где свежий ветер и дожди, а мы сидим в родном окопе (ты ждешь уж рифмы, но не жди).

Когда ж совсем закрутят гайки, как обещает Интернет, и вслух объявят без утайки, что больше оттепели нет, и мы подавимся обидой и вновь останемся скотом — тогда мы станем Антарктидой.

И Атлантидою потом.

Грабительское

В Интернете появился видеоролик, на котором идеолог и комиссар молодежного движения «Наши» Василий Якеменко раскрывает упитанному участнику форума «Селигер» идею нового проекта: человек, который ест больше, чем ему нужно, — обкрадывает страну и Путина в частности. Ведь Путин может все, но он не может похудеть за отдельно взятого человека.

В лагере на чистом Селигере, где ряды опричные стройны, Вася Я. открыл в своей манере новый путь к спасению страны. Озирая строй своих посланцев, он заметил, что в одном ряду юноша Никита Итальянцев слишком налегает на еду. Рыком заглушая скрип уключин, что прославлен блоковской строкой, он воскликнул: «Ты довольно тучен!» Да, кивнул Никита, я такой. Я люблю продукцию коптилен, мясо всякой птицы и зверья... «Если так, то ты неэффективен!» — с пафосом воскликнул Вася Я. В этот миг, томим расправы жаждой, он взорлил, как петел на насест:

— Ты ограбил Путина, как каждый, кто в России слишком много ест!

Эта фраза горестно итожит развлеченья селигерских масс:

— Путин может все. Но он не может похудеть за каждого из нас.

Думать о последствиях неловко. В тонкости я мало посвящен. Говорят, что Васина тусовка сбросила за сутки пару тонн; вследствие его протуберанцев, озаривших селигерский зал, злополучный тучный Итальянцев навсегда с тушенкой завязал; что, боясь глядеться несогласно, нынче каждый нашинский малыш отвергает сливочное масло и сосет касторовое лишь, вместо супа ест фосфалюгели, как их учит главный визажист...

Мне не важно, что на Селигере.

Я боюсь за собственную жисть.

Человек-то я по жизни мирный, скромный рыцарь прозы и стиха. В том, что я такой довольно жирный, нету перед Родиной греха. **Я люблю, конечно, запах теста, мясо коровенки и свиньи, но клянусь, что жру не в знак протеста: просто жру и просто на свои!** Но теперь я вижу: мы не шутим. В корень зрит нацистский легион: это я сожрал, а мог бы Путин. Это выпил я, а мог бы он. Сколько ни горю я на работе, на жаре, в торфяничном дыму, — половина сочной этой плоти, в общем, причитается ему. Вот она, расплата за котлетки, жалкий толстомясого удел... Станут на меня лепить наклейки: эта сволочь Путина объел! Станут клеить их на наши торсы, прикреплять к раздавшимся плечам... Скоро доживем, что всякий толстый сможет выйти только по ночам, пробираясь жалобно по стенке, глядя настороженно во тьму, чтобы люди Васи Якеменки попу не обклеили ему!

Вообще же «Наши» стали прытки. Вася вправду хочет за штурвал. Значит, все, что у меня в избытке, лично я у Путина урвал? Этот страх теперь ежеминутен. Только суну в рот колбасный кус — слышу крик души: «А как же Путин?!» Сразу колбаса теряет вкус. Покупаю пару «Абсолютин», скромное справляя торжество, — обжигает мысль: «А как же Путин?! Я же отрываю от него!» Лезу к бабе — надо ж с кем-нибудь им делать то, что вслух зовется «связь», — но вступает мысль: «А как же Путин?!» И восставший виснет, устыдась.

Братцы, представители элитки, отпрыски сурковская семья! Я бы отдал все свои избытки, все запасы лишние свои, все свои сосиски, макароны, мягкий сыр, поджаристый кебаб, соки, коньяки-наполеоны, собственный

курдюк и даже баб, я бы сбросил вес, ругаясь матом, — если б Путин, вдохновясь письмом, сделал то, что Черчилль в сорок пятом или Буш в две тысячи восьмом. Но, увы, фантазию стреножит мрачный, недвусмысленный ответ: сбрось хоть центнер я — а он не может.

То есть может все, а это — нет.

Полицейское

Милицию решено переименовать в полицию.

История внушает нам неложно: где сверхдержаву скрутит в рог бараний и ничего поделывать невозможно — там мания переименований. А впрочем, даже древние евреи, что в этом разбирались очень тонко, чтоб их дитя поправилось скорее, спешат переименовывать ребенка. Конечно, исцеляемый дитя до ужаса раздулся и разросся — но это лучший способ, сил не тратя, вернуть ему зачатки благородства. «Милиция» звучит довольно жутко. Мерещатся фуражка, труп и бирка, стул, протокол, зловонная дежурка, мигалка, кафель, взятка и дубинка. Полиция приносит дух Европы, другое семантическое поле: душистый газ, изысканные копы, стрельба в ночи, поимка Аль Капоне... **Быть жертвою расправы милицейской способен даже божь багрянолицый; когда ж тебя терзает полицейский — ты пребываешь как бы за границей!** А прошлое припомнить благодарно? У нас сидит в подкорке это слово: душистые подусники жандарма, любезный баритон городского... Милиция сегодня — символ быдла, не то что полицейай во время оно. Скажи: «Меня милиция побила» — и кто ты есть? Один из миллиона! Зато скажи: «Полиция скрутила», — и ты герой в роскошном фолианте, ты персонаж крутого детектива, бутлегер, хлыщ, профессор Мориарти! С милицией ты жалобен и тленен, но если мы полицию представим — то ты, сражаясь с нею, как бы Ленин, а если ты кавказец — даже Сталин! Страна литературная до жути досталась нам в текущем промежутке: в ней мало что меняется по сути, а лишь слова. И к ним мы очень чутки. Иная пара доказала делом, что в целом

стоит Пата с Паташоном, однако назови ее тандемом — и до чего в России хорошо им!

А если подходить к вопросу шире — хочу, чтоб власти выделили ссуду и в рамках этой акции решили на место «ми» поставить «по» повсюду. Уж если можно переменной слога милицию облагородить разом — везде его меняйте, ради бога, как нам диктует коллективный разум. Когда от жара мозг едва не вытек, когда прогноз «плюс тридцать» мнится песней, нет смысла говорить «пойдем на митинг». Пойдем на потинг — выглядит уместней. Язык проявит все со страшной силой, клянусь формалистической школой. Со слогом «ми» наш вождь ужасно милый, а замени — и он довольно польный! Текущий год черту подводит жирно: в Отечестве не все огнеупорно. Казалось, что вокруг довольно мирно.

А приглядишься всерьез — сплошное порно.

Незнайческое

Символом России на всемирной выставке, посвященной технологическому прогрессу, стал Незнайка, но президенту Дмитрию Медведеву это не понравилось. Он дал поручение переделать павильон.

Давеча разнес российский лидер на «ЭКСПО» российский павильон: инвестиционной не увидел, типа, привлекательности он. Истинный мотив поди прознай-ка! Главные претензии странны: лидеру не нравится Незнайка в гордой роли символа страны. Может, он собою некрасив был, может, нарисован без любви — но, по сути, он не худший символ нынешней российской се ля ви. Не доносит, родичей не гробит, денег не ворует, наконец... Это наш такой российский хоббит, солнечного Мордора жилец, может быть, начитанный не слишком, но у нас ведь честь не по уму... Может, принадлежность к коротышкам повредила несколько ему? Я гоню подобные мыслишки: рослость хороша, да толку в ней! Есть края, где только коротышки достигают высших степеней. Вспомним, наблюдательность утроив, — безо всяких дерзостей, клянусь, — кто еще из носовских героев выражает нынешнюю Русь? На кого правитель не возропщет,

кто полней являет наш Эдем? Может статья, Пончик и Си-ропчик — был такой заслуженный тандем? Впрочем, что нам дался этот Носов, спорный автор, прямо говоря? Чем не идеал единороссов — мощный образ «Три богатыря»? Зорко озирая даль столетий, выстроят электоральный ряд президент, премьер и кто-то третий (это будет Сечин, говорят). Взгляды суверенные кидая, защищают целостность страны — их оценят граждане Китая, верные Конфуция сыны.

Выверни мозги хоть наизнанку — прет потоком скучный суррогат. Почему я, в общем, за Незнайку? Потому что выбор небогат. Кто у нас? Герои «Ревизора», да Хоттабыч вечно молодой, да еще вампиры из «Дозора»: прочие отторгнуты средой. Даже если вновь закрутят гайки — гайками не скрепится кисель. Винтики, и Шпунтики, и Знайки — все давно уехали отсель. Если же в фольклор запустишь руку, из него получится извлечь лишь олигархическую шуку да мечту построить нанопечь.

Кто еще среди родных осин был? Если поглядеть немного вбок, мы увидим главный русский символ — круглый говорящий Колобок. Скромный, наметенный по сусекам, маленький, с кокосовый орех, — как он схож с российским человеком, бойко укатившимся от всех! Бабу с дедом кинувши жестоко, на любые козни не смотря, он ушел от запада, востока, Ленина, язычества, царя; в разные углы боками тычась, грязью и легендами оброс. Сбросил он любую идентичность, и куда он катится — вопрос. Прежде он лоснился, процветая, но усох, как почва здешних мест. Вот он докатился до Китая. Может быть, Китай его и съест.

Вообще же с символом проблема. Может, это я мозгами слаб — но какая все-таки эмблема выразить Отечество могла б? Что мы воплощаем, Боже правый, что с явлением нашим мир обрел, если даже наш орел двуглавый выглядит как комнатный орел? Горькая, медведь, матрешка, тройка, Сталин, диктатура, колбаса, спутник, балалайка, перестройка — всё уже пустые словеса. Все, кто не уехал и не спился, — вечное родное большинство, — видят, что ни в чем не стало смысла, и уже привыкли без него. Господа и мыслящие дамы, и бомонд, достигший степеней, — все не знают, кто мы и куда мы.

Так что пусть Незнайка. Он верней.

*Химкинский лес, над которым долгие годы нависала угроза
вырубки с целью дальнейшего строительства скоростной
автодороги, наконец спасен.*

Но пипочку,
но пипочку,
но пипочку сберег!
Дмитрий Филатов

В стране, довольно много имеющей от Бога, на глобусе занявшей значительный кусок, имелись огороды, леса, поля и воды, отдельные свободы и Химкинский лесок. Простые обыватели, строители, читатели, в спецовке ли, в халате ли, в веселье и тоске, — копали огороды, плевали на свободы и ели бутерброды в означенном леске.

Но тут на их обитель — хотите ль, не хотите ль — явился истребитель такого бардака: две маленьких головки, два хвостика-морковки, четыре бледных бровки и твердая рука. «Вы все погрязли в кале без властной вертикали, имущество раскрали, добро ушло в песок» — и отняли свободы, а также огороды, леса, поля и воды, и Химкинский лесок. «Спокойно! Меньше звона!» — сказали полдракона. «Но мы друзья закона!» — ввернул его дружбан. «С землю разберемся, свободой подотремся, а в Химках вместо леса построим автобан».

Захваченный народец не стал плевать в колодец: ведь собственная шкура привычна и близка. Он отдал огороды, и воды, и свободы, но — русская натура — им стало жаль леска! «Мы очень понимаем, что важный план ломаем, — их плач поплыл над краем, протяжен и высок. — Несчитанные годы мы жили без свободы, возьмите нефть и воды — оставьте нам лесок!»

«Дождетесь вы разгона, — сказали полдракона. — Еще во время оно вы отдали права. Верховное хлебало на вас теперь плевало!» — И важно покивала вторая голова.

От таких подколок ответный кипеж долог. Взволнованный эколог устроил марш-бросок, разбил в лесу палатки, устроил беспорядки, но отразил нападки на Химкин-

ский лесок. Сбежались журналисты, потом антифашисты, жежисты, анархисты, церковник с образком — одних арестовали, другим накостыляли, но третьи не давали разделиться с леском. **Страна у нас такая: владыке потакая, хоть два родимых края народ отдать горазд, но в споре о немногом он вдарит упрется рогом и скажет перед Богом, что это не отдаст.** Возьмите нефть и газы, сапфиры и алмазы, и прежние указы, и волю, и семью — и бабу, и бабульку, и рыбу барабульку, но малую фитюльку не трогайте мою! Легко и бестревожно мы сдали все, что можно, наружно, и подкожно, и дальше, до кости; нам не нужна ни пресса, ни призрак политеса, но Химкинского леса не отдадим, прости.

Дракон ногами топал, потом крылами хлопал, швырял вертушку об пол, катался по Кремлю — но, испугавшись рубки, поджал четыре губки, подумал про уступки и молвил: «Уступлю».

Не умаляю, други, я доблестной заслуги. На ваши я потуги взираю со слезой: и как, скажи на милость, мы так переменялись, так быстро провалились в глубокий мезозой?! И впрямь — ликуй, держава, чернея от пожара, отсчитывая ржаво бессмысленные дни, без права, без прогресса, без замысла, без веса...

Но Химкинского леса не отдали они.

Калиновое

Премьер-министр Владимир Путин решил своими глазами посмотреть, как живут люди на Дальнем Востоке. Он проехал по новой автодороге Чита — Хабаровск на новой Lada Kalina.

Мегалидер, который рулит королем, из Хабаровска едет в Читу за рулем по российской суглинистой глупи. Тот, кто верит мелодиям местных сурдин, может предположить, что он едет один, но имеется ролик в Ю-Тубе. Это ролик, что местным любителем снят: мужики вдоль обочин друг друга теснят (лица бодрые: тронешь — зареем) и с улыбочивым матом, с каким, говорят, выходил к поездам партизанский отряд, неотступно следят за кортежем.

А кортеж, доложу я вам, — это кортеж. По Сибири такой не катался допрежь. Так езжали, поди, богдыханы, да и те по сравнению с нами отстой. Для начала по трассе, с рассвета пустой, проезжает машина охраны. За охраной менты, за ментами спецсвязь (представляете, если б она прервалась? Все правительство — без властелина!). А за ними, под дружное «Ишь!» партизан, молодежная, желтая, как пармезан, мчит премьерская «Лада Калина».

А за ней — ФСБ, ФСО и ФАПСИ: если даже премьера комар укуси — он останется тут же без носу. Вслед за тем, в окруженье своих холуев, поспешают начальники местных краев, приготовившись бодро к разносу. Специально для них, разрази меня гром, едет несколько «Скорых» со всяким добром, от наркоза и до вазелина! И автобус ОМОНа, набитый людьми, чтоб не вышло избытка народной любви. И резервная «Лада Калина».

Вслед за ними, с брезентом на крепких бортах, — грузовик с населеньем, откормленным так, чтоб лицо благодарно лоснилось: сплошь простые крестьяне, от древних основ, затвердившие сотню пронзительных слов про верховную светлость и милость. Есть и жалобы с грустным качаньем бород: то дожди иногда, то грибов недород; три-четыре тревожащих факта, чтобы в ту же секунду вмешался премьер — детский сад, например, комары, например; но куда справляемся как-то. А за ними, мигалкою сплошь осиян, грузовик пирожков от простых россиян: их могло бы хватить до Берлина; а за ними, готовно собрав вещмешки, едет рота солдат — охранять пирожки; и еще одна «Лада Калина».

Вслед за тем — журналистов проверенный пул, разговаривать, чтобы премьер не заснул: скукота на пустующей трассе! Ни попутчиков, ни госсовета тебе, десять раз переслушана группа «Любэ» (группа «ЧайФ» выжидает в запасе). Телегруппа нацелила свой бетакам. Вслед за нею — охрана, чтоб бить по рукам, если местная грязь, или глина, или пьяный народ со своим пирожком в предусмотренный кадр забредает пешком. И четвертая «Лада Калина».

Будто мало охраны на каждом шагу — мчит отряд МЧС, возглавляем Шойгу, если вдруг чрезвычайное что-

то. Десантирован шефом в таежную гать, мчит отряд молодежи, чтоб лес поджигать и тушить его тут же, для фото. Вслед за ними отряд несогласных везут, несогласные в ужасе ногти грызут — в их автобусе едет дубина; это шоу развозят во все города — «вот что будет с решившим пойти не туда».

И контрольная «Лада Калина».

Боже, сон ли я вижу? Когда я проснусь? Едет вся бесконечная путинорусь, вся бранжа, говоря по-хазарски; растекается солнечный блик на крыле, позабытый Медведев скучает в Кремле — он остался один на хозяйстве. Едет питерских стая, ЛУКОЙЛ и Газпром; ровно столько народа, чтоб тесным кольцом окружать своего исполина и попискивать, теша его маскулин; и десяток проверенных «Лада Калин».

Что ни «Лада» у них, то «Калина».

А страна по обочинам — те ж, да не те ж, — наблюдает с ухмылкой, как этот кортеж заползает в таежную осень, и втихую картинку кладет в Интернет.

«Русь, куда же ты едешь?» — спросил бы поэт.

Мы же знаем куда. И не спросим.

Полубилейное

Ко дню рождения Дмитрия Медведева.

Сегодня президенту сорок пять. Шлю поздравление скромному титану. Хоть с полукруглой датой поздравлять не принято, но круглой ждать не стану. Поэты ведь не просто так свистят — мы в будущее смотрим глазами: боюсь, когда вам будет пятьдесят, поздравить будет некого и не с чем. В две тысячи пятнадцатом году — поверите ли, это очень скоро, — вы прочно обоснуетесь в ряду политиков не первого разбора. Я сам же ошибиться буду рад, но ошибаюсь редко, как Тиресий¹. Доверят возглавлять наукоград, пошлют послом — да мало ли профессий! И год-то будет, в общем, непростой. Я опишу его, не обессудьте. За оттепелью следует застой, но оттепели не было, по сути; уже Олимпиада

---

¹ Известный древнегреческий политолог и прорицатель.

позади, она была триумфом вертикали, и в море оползет того гляди все то, чего по Сочи навтыкали; но зрелище случилось — первый сорт. Весь мир смотрел, не отрывая взгляда. Бюджета нету — все ушло на спорт, — но населению, в общем, и не надо. Премьер вернулся на двенадцать лет, посулы громки, ожиданья жутки — виновником же всех народных бед объявлен тот, кто правил в промежутке: он либерал, он распустил страну, он блогеров избаловал и прессу, он отпустил на волю Бахмину и дал отсрочку Химкинскому лесу, пришла эпоха взрывов, буйных драк, потом он об Лужкова ноги вытер — при нем, короче, был такой бардак, что в Госсовете все ходили в «Твиттер»! Свобода, блин. Прикольно было жить. Державу до того поразрушали, что добровольцам изредка тушить горящие деревни разрешали, и вообще он ставленник Семьи. Боюсь в такую будущность смотреть я, но вдруг как годы лучшие свои припомню ваше я четырехлетье?! Земля суровой кажется подчас, но и она желанна, если тонешь. Глядишь, заностальгируем по вас. Подумать страшно, Дмитрий Анатольич.

А впрочем, что мы будем омрачать законный праздник? Вы-то в чем повинны? Вам сорок пять, вы ягодка опять, вы отрулили больше половины — и на просторах отеческой земли, послушавшись всеведущего змия, вы сорок пять бы раз уже могли такого начудить, что мама мия. Вы запросто могли пересажать — под хлопанье коричневых и красных — не всем известных двух, а сорок пять, и сорок пять виднейших несогласных. Вы Грузию могли бы закопать при бурном одобренье всякой грязи, и не одну войну, а сорок пять устроить на трепещущем Кавказе. При вас шпионов стали высылать, но выслали, по счастью, только девять — а ведь могли бы выслать сорок пять, и это бы нетрудно было сделать! Вы говорите умные слова, вы вроде бы чужды публичной злобы, при вас смешнее стало раза в два, но в сорок пять ужаснее могло бы. И я могу стишки про вас кропать, порхая над Отечеством, как птичка, — боюсь, когда мне будет сорок пять¹, подобное уже проблематично.

---

¹ Через три года.

Над миром тучи новые висят, но ничего на свете не фатально. И вы могли бы встретить пятьдесят совсем иначе — это не гостайна. Я не люблю дурное предрекать и тщетно плакать — я не Ярославна.

Но если кто не смог за сорок пять — за полтора не сможет и подавно.

Глава и кепка

Басня.

Однажды Кепку снять задумала Глава
И, мыслила, на то имела все права:
Носить по двадцать лет все то же нет резону,
Порою хочется одеться по сезону.
И так трясет, и сяк — ан Кепка приросла
До полного родства!

А что уж там под ней — поди вообрази ты:
В уютной темноте резвятся паразиты —
И вши, и комары, и пчелы без конца,
И пробки в три кольца.
И запах мерзостный, и что особо гадко —
У Кепки издавна имеется Подкладка,
И прямо за нее через особый свищ
Уходит много тыщ.
«Да ты засалилась! Да ты уже от зноя
Горишь, как в августе болото торфяное!
Ужели я, Глава, дана тебе в надел?!»
А Кепка сумрачно: «Не ты меня надел».
Глава за козырек — а паразиты хором:
«Ты издеваешься над головным убором!
К тебе лояльны мы — а ты, едрена мать,
Дерзаяешь нас снимать!»

Глава обиделась: «Уйми свою ты стаю,
Пойми, уж двадцать лет, как блин, тебя таскаю!»
А Кепка: «Старый конь не портит борозды.
Модернизация твоя мне совершенно неинтересна».

Глава разгневалась. Припомнивши анналы,
Она бросает в бой центральные каналы,
Спускает им заказ на грозное кино:
«Пчела-проказница», «Засаленная кепка»,
«Подкладка-хищница»... Но Кепка вгрызлась цепко:

Ей это все равно.

Вот головной убор! Он только тем и ценен,

Что не снимается, хоть ты осатаней.

Не думая, надел ее однажды Ленин —

Да так и помер в ней.

Глава задумалась, поняв вопроса цену:

Скоблит себя ножом, стучит собой о стену —

А Кепка мало что осталась на плаву,

Но хочет снять Главу!

«Не балуй, молодежь. Мы, старцы, духом крепки.

Законы общества в Отчизне таковы,

Что местный социум не может жить без Кепки,

Но может — без Главы.

Ужели для того я столько припасала,

Чтоб это потерять за несколько грешков?!

Не сможешь ты отнять ни пчел моих, ни сала,

Ни всех моих лужков,

Ни всех моих пушков!»

— Да, — думает Глава, — мне крепко надавали.

Коль Кепку мне не снять — Глава ли я? Глава ли?!

Бежит к другой главе

(их было две):

— Что делать мне, скажи! И так дрожу со страху!

А та в ответ: «Молчи! Серьезные дела:

Уже не первый год хочу я снять Папаху —

Да как бы нас двоих Папаха не сняла».

Пока они в слезах друг друга ободряли,

Папаха с Кепкою смеялись им в ответ...

Читатель, идиот! Ты, верно, ждешь морали?

Давно пора понять, что здесь морали нет.

Мэр Москвы Юрий Лужков отправлен в досрочную отставку президентом России Дмитрием Медведевым.

Россия — истинная школа: где повторенье — там успех. Мы всё узнаем про Лужкова, как узнавали всё про всех. Он культ выстраивал, а прессе устроил форменный зажим. Он помогал своей мэрессе. Он путал свой карман с чужим. Он был коварен, как пантера, и ненасытен, как Ваал. Он за спиной у тандема злоумышлял и мухлевал. Теперь, заслуженно опальный, разоблаченный на миру, за перекрытье Триумфальной, за аномальную жару, за воровство, за недоимки, за дорожающий батон, за гречку, кризис и за Химки перед страной ответит он. А если черт его направит в антикремлевский тайный пласт, и он чего-нибудь возглавит или чего-нибудь создаст, и станет ноги вытирать, нах, о дорогой дуумвират, — тогда, наверное, в терактах он тоже будет виноват. И вся его большая клика, все звенья кованой цепи, что заглушали силой крика любое жалобное «пи», заявят честно и сурово, поймав отчетливый сигнал, что так и знали про Лужкова (и это правда — кто ж не знал?). Его владения обрубят, лишат поместий, пчел, козлов, Борис Немцов его полюбит и проклянет Борис Грызлов. Зато уж, верно, станет Веник на «Эхо» звать сто раз на дню. Короче, всё ему изменит. И только я не изменю.

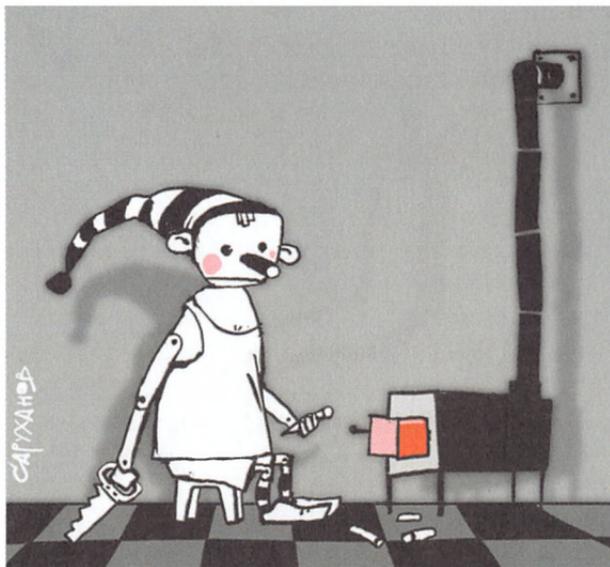
Как учит заповедь Господня, измена — худшая беда. Я не люблю его сегодня и не любил его тогда.

Пройдут года, на самом деле, и воцарится новый дух: мы всё узнаем о тандеме — про одного или про двух. Пути российские неровны, здесь трудно верить и жене. Они окажутся виновны и в Триумфальной, и в жаре. Был опорочен мэр московский по мановению Кремля. А вдруг еще и Ходорковский при этом будет у руля? А тут еще Олимпиада и сколковское шапито, а было этого не надо, а надо было то и то. Теперь они должны народу, взახлеб кричавшему «виват!», за несвободу и погоду, а сам народ не виноват. Все подголоски — их немало, такой предчувствуют финал. Элита, значит, понимала (и правда — кто ж не понимал?). Придет большая переменка, страшней московской во сто крат.

Сталинофильское

Верните же Родине Сталина – она заслужила его! Разбудим Отечество выстрелом, устроим ему пароксизм, он нами действительно выстрадан, как Ленин сказал про марксизм. К чему говорить о свободе нам? Она разлетелась, как дым. С него начинается Родина – а также кончается им.

Доказательное

И хоть мы противны целому свету, мы привыкли к жизни в такой среде. Доказательств, что это Россия, нету. Если нету в Штатах, то нет нигде.

Памяти падших

Вот и пишу сегодня оду не человеку, а рублю. Признаться, я не думал сроду, что всей душой его люблю. Пусть он совсем усохнет к маю, замрет на нижнем рубеже, – на бакс его не променяю. Да ведь и без толку уже.

Всё знали братья Якеменко, и суверенный демократ, и Жириновский длань возденет, и Запад всыплет ревеню, и вся тусовка им изменит, а я опять не изменю. Я буду стоек в местных бурях и не продамса по рублю: я и сегодня не люблю их, и потому не разлюблю.

Пройдут года. Моя Отчизна вернет себе величину, от суверенного махизма уйдя к неведомо чему. Не знаю, буду ль жив дотоле, но если нет — то не беда: страна в разливе вешней воли всё про меня поймет тогда. В году неведомо котором народ поймет, не в меру строг, что не был бойким щелкопером болтливый автор этих строк, что верен был стране и даме, а дар не тратил на говно...

Отчизна все поймет с годами.

Но не полюбит все равно.

В меня с рожденья это въелось без малодушного врашня. Люблю тебя за эту верность, страна холодная моя.

Фрикционное

---

*На устах у бомонда московского актуальнее новости нет:
обвинение для Ходорковского попросило четырнадцать лет.
Это ж, братцы, другая стилистика! Накатило неведомо что:
словно мы поиграли в три листика, а попали обратно в очко.*

*Уж от счастья успел нализаться я, от восторга на стену
полез — начинается модернизация, инновация, Химкинский лес!*

*Чуть в финансах наметилась паника, а в бюджете случился
изъян — как на первом сплошная Германика, в Академии —
Асламазян! И цензура частично забанена — задолбала, в конце-
то концов, — чуть в Москве утвердили Собянина, на экране
явился Немцов! До того изменилась риторика, что почти
испарился застой и явился, по мнению историка, пятьдесят,
извините, шестой: в тоне власти и в рокерском лепете мне
помстился призыв «Оттянись!» — но сидят Ходорковский
и Лебедев, и заткнись, дорогой оптимист.*

Уж казалось: довольно, о Господи. Вот и срока последняя треть, и уже невозможно без слез, поди, на позорище это смотреть. Адвокаты сменялись вахтенно, прокуроров приперли к стене; постепенно фамилия Лахтина

нарицательной стала в стране, и, от горького смеха постанывая, весь народ, до гламурных чудил, на судилище это Басманное как в Театр Сатиры ходил; собирались, болезные, затемно, чтоб на лучшее место пролезть... Отомстили вполне показательно, раздербанили ЮКОС как есть, потоптались быками на выпасе, а на Запад махнули рукой, — но теперь-то, казалось бы, выпусти, если ты прогрессивный такой! По словам преподобного Сергия, высший подвиг — в прощенье врага... Но смешно ожидать милосердия. Милосердия нет ни фи́га.

Я заметил, что местные паттерны повторением вечным грозят. Все возвратно — они поступательны: шаг вперед — и сейчас же назад. Оппозицию нашу опальную задолбало движенье светил: чуть Сурков разрешил Триумфальную, как Собянин ее запретил. Чуть свободой повеяло вроде бы — возрастает Володина прыть, а когда торжествуют Володины, то свободу забыть и зарыть. Неудобно в Отечестве хордовым: здесь не любят стволы и опоры. Но теперь, после случая с Ходором, я подумал — и, в общем, допер. Хоть подобное соположение вам покажется в чем-то срамно, где я видел такое движение? Для чего характерно оно? Для махания веткой омеловой? Для катанья на лыжах в снегу? Вроде сам его часто проделываю, а припомнить никак не могу... Только вроде просвет открывается — продолжается та же байда. Как же точно оно называется, если двигать туда и сюда? То поманят волшебные фикции — но ведь Ходор не Чепмен, не Бут. Эта вещь называется «фрикции», потому что нас с вами — ...

Но лгут эти пафосные аналогии! Наше время по кругу течет. И поэтому, думают многие, тут скрывается хитрый расчет. Если сроки начнут поглощаться там и четырнадцать будет второй, должен выйти в две тыщи семнадцатом нестигаемо стойкий герой. Это значит, что дата назначена и видна в непроглядном дыму; то, что Ленин проделывал начерно, надо набело сделать ему. И величье, что ныне затеряно, расцветет и утроится впредь — для того это все и затеяно.

Ради этого можно терпеть.

Владимир Путин приехал в Украину. Украинские журналисты заметили на его лице синяк. Наша пресс-служба уверена, что никакого синяка нет. Было высказано предположение, что такой эффект мог получиться из-за неудачного угла падения света.

Ужасный слух — как было встарь — растет как снежный ком: на Украину старший царь явился с синяком. Пресс-служба с криком: «Все не так!» усилила сюжет, сказав, что это не синяк, а просто падал свет. Весь пул — первой за десять лет — увидел в этом знак: не мог же падающий свет набить ему синяк? О, если б вправду был фингал у старшего из двух, для всех бы он героем стал, явив бойцовский дух! Страна, лежавшая окрест, забыла бы в один присест про михалковский манифест и Ходорковский суд — причем и первый, и второй, — и повторяла бы: герой! Такие, встав за нас горой, Отечество спасут.

Быть может, кто-то из гостей смутил силовика, назвав политику властей несдержанной слегка? Премьер воскликнул: «Ты дурак!» — презренного клеймя, и получил в ответ синяк, но отпустил с двумя! **Мы иностранцам не враги, тому порукой МИД, но врубим каждому с ноги, кто дерзко нахамит.** Когда бы, яростен, как слон, хоть с кем-нибудь подрался он, с любим, кто нашу благодать посмел критиковать, — то рейтинг бы его в стране (во всей без вычета, а не в лояльной Путину Чечне) был двести двадцать пять.

А может, как бывало до восшествия во власть, — на тренировке по дзюдо пришлось ему упасть? Он держит форму, он боец, со спаррингом знаком, — бойцу престижно, наконец, светиться синяком! У ног его — страна и мир, он весь террор загнал в сортир, уже он мог бы пить кефир и слушать пенье лир — а он, как прежде, любит спорт, что сопряжен с побитьем морд. Поймал фингал и этим горд. Какой мобильный, черт!

А может, некий экстремист, желающий в тюрьму, неадекватен и нечист, пробраться смог к нему? Вот Берлускони, например, богатство не спасло: не хуже нашего премьер, а получил в табло. Что говорить, синяк под глаз —

сомнительная честь, но оппозиция у нас, выходит, все же есть? Есть политический процесс, есть недвусмысленный прогресс, он вызывает интерес у Запада и Ко... А если всюду тишь да гладь, того гляди начнут стрелять, и за примером, так сказать, ходить недалеко.

А может, чем не шутит черт, — приглушим хохоток, — не драка это и не спорт, а бабий коготок? Вот он к кому-нибудь пристал, влюбившись горячо, и получил в ответ фингал: нормально же, а чё? Да он бы стал за пару дней — пиарщики, ку-ку! — по-человечески родней любому мужику. Когда работаешь, как краб, не покладая хищных лап, а сам при этом любишь баб и лезешь к ним порой, — то ты не просто ВВП, всеобщий лидер и т.п.: ты после этого ЧП действительно герой.

А может быть, он пил коньяк (не пьет? Господь с тобой!), пошел, упал, набил синяк, как делает любой? А может, ботокс закачал, чтоб нравиться стране, и получил за то фингал, естественный вполне? А может, просто о косяк ударился щекой — и вот, пожалуйста, синяк, загадочный такой? Тогда бы лучшие умы, от Бугульмы до Колымы, — «Он человек, такой, как мы!» — вскричат, разинув пасть. Болезни все обострены, врачи тупы или пьяны — но есть надежда для страны, где человекна власть!

Синяк светил бы, как маяк, манил бы, как побег...

Но, видно, это не синяк.

И он — не человек.

Сносное

Увы, проблемы родной столицы трагичны и велики. Устав покорно с ними мириться, Собянин сносит ларьки.

В Москве, к примеру, повсюду пробки — Собянин рушит ларьки, и их разобранные коробки увозят грузовики. В Москве обобранные старухи и нищие старики — чтоб их поддерживать в бодром духе, Собянин рушит ларьки. В Москве — террора рабы тупые и злые боевики. Чтоб бомб в ларьках они не купили, Собянин рушит ларьки. В Москве наценки, в Москве накрутки, правительству во-

преки, — но с новым мэром плохие шутки: Собянин сносит ларьки. В Москве чиновники взяточемки и жадны, как хомьяки, в бюджетной сфере царят потемки — Собянин сносит ларьки. Московский воздух грязнее смога, зловонней Москвы-реки — при новом мэре и с этим строго: Собянин сносит ларьки. В Москве разнузданные префекты, работать им не с руки, — их ждут суровые спецэффекты: Собянин сносит ларьки!

Смешно цепляться к невинной фразе, злорадства нету ни в ком, — но я не вижу особой связи меж пробками и ларьком. Мне даже как-то обидно трошки за нашу картошку-мать: иль после сноса «Картошки-крошки» тут взток не будут брать? Давно бы гражданам вслух сказали о том, что не кто иной, а ларь цветочный на Белвокзале инфляции был виной! **Что если враз, отдирая доски, в течение пары лет снести в Отечестве все киоски — преступность сойдет на нет! Что даже адская суть террора (он, впрочем, везде таков) на нет в России сведется скоро, когда не станет ларьков!**

В том, что Собянин, дозоры выслав, войну объявил ларьку, — искать не нужно особых смыслов: все смыслы давно ку-ку. Мне жаль чиновников новой власти, сумевших туда попасть: на чем бы им доказать отчасти, что это новая власть? Сполна бессилья они вкусили. Открытье — нельзя грустней: Москва — не остров, а часть России, и в анусе вместе с ней. Что сделать тут по-едино-росски, чтоб Запад остался рад? — снести в окрестностях все киоски да гей — разрешить парад. И было б, может, еще бодрее в бедламе нашем родном, когда б киоски сносили геи: действительно два в одном.

У нас начальство — давно для виду. Наш жребий, видать, таков. Куда ни еду, за чем ни выйду — все вьется во-круг ларьков. Все власти, коих не выбирали, нацелены на ларьки: их ставят местные либералы и сносят силовики. Да что здесь, в общем, умеют кроме? Историк, достань скрижаль: мерси на том, что еще без крови, ларьков-то почти не жаль...

А впрочем, братцы, допустим смело, — Собянин недаром рос; тогда, быть может, не без прицела и этот ларьковый снос. Идет, допустим, легко одетый студентик, всегда готов: идет он к бабе, как все студенты, и хочет купить

цветов. Цветов он хочет, но нет киоска, а только мусорный бак... «Ну что ж, плевать», — говорит он жестко и хочет купить табак. Ему желательна папироска, курить охота ему, — но раз табачного нет киоска, он хочет взять шаурму. Но нет ее! И тогда, в бессилье, отчаявшись ждать щедрот, студент поймет, что нужен России военный переворот! Ведь он не болен, не стар, не робок, не думец, не импотент...

Он сделает так, что не будет пробок.

Я верю в тебя, студент!

Кинологическое

Болгарский премьер подарил Владимиру Путину щенка болгарской овчарки. Имя собаке выбрали всей страной. UPD. Для тех, кому интересно, добавим, что собаку в итоге назвали Баффи, как предложил пятилетний Дима Соколов из Москвы.

Новый слух из компьютера вытек, облетел Интернет в полчаса: знаменитый российский политик озаботился кличкой для пса. Получил он овчарку-болгарку, симпатичную, полную сил, но название выбрать подарку добрых подданных он попросил. Гордый Запад презрительно лаает: демократии нам не дано! Губернаторов, мэров, парламент выбирать мы не можем давно, но имеем, подумавши здраво и других послаблений не ждя, несравнимо важнейшее право — озаглавить собаку вождя. Этот выбор прозрачен и равен и важнее других двадцати — ибо как мы ее озаглавим, так она себя станет вести. Я, наверное, даже ревную: хоть разбейся страна моя вся, настроенье его напрямую будет больше зависеть от пса. Как мы с вами хвостом ни виляем, как ни лижем хозяйскую дверь — мы почти ни на что не влияем, а собака влиятельный зверь. Даже тот, кто котлеты ей рубит, водит в парк, cetera-cetera... Дело в том, что собаку он любит. И кита. И еще осетра. И простите меня, забияку, — я не требую доли иной: посмотрите на эту собаку и сравните ее со страной.

Вот и думай, мыслитель-дубина: есть собака, рыжа и бела, — как назвать, чтобы крепко любила, и верна, и до-

вольна была? В блогах пишут: когда она сука (как и та, что имелась досель), — есть идея назвать ее Юка, или Юкосом, если кобель. Хвост отсечь, чтоб ходила бесхвосто, или груз привязать на конце б; ощущая свое превосходство, посадить ее в клетку, на цепь... Безусловно, она виновата: и порода, и норы, и статья. Но ее ведь придется когда-то, извините меня, выпускать? Как учил Ориген Диамантий, нет рецептов на все времена; и притом ни малейших гарантий, что собака вам будет верна.

Каждый помнит стишок без финала — про собаку, по па и про снесь, так что есть оснований немало обозвать ее просто «Транснефть». Это бренд перспективный, реальный, безоглядной успешности знак — раскрутил ее Леша Навальный, но в Кремле ее знали и так. **У собаки появится масса, что всегда украшает зверье, а кобель съест она лишнего мяса — поощрите медалью ее; приучите к печени, к варенью — для хорошей собаки не жаль, — но гарантий любви, к сожаленью, не дают ни жратва, ни медаль.**

Что еще предложить бы, родимый, чтоб попасть, извините, в струю? Любопытно назвать ее Димой. В чью бы честь? — да хотя бы в мою. Раз уж в тему мы так углубились, я, ей-богу, почел бы за честь, — но зачем вам домашний любимец с тем же именем, раз уже есть? Для чего его вешать на шею, где и так уж питомец один (нет, себя я в виду не имею — в этом мире достаточно Дим). И потом, назовешь ее эдак — и уже не спасешься, увы, от кудахтанья местных наседок: кто хозяин — она или вы? Кстати, жизнь нас уже убедила, что животные нашей страны, наделенные именем Дима, тоже, в общем, не слишком верны.

Утомленный вечернею грустью и томясь непонятной виной, предложу я назвать ее Русью, или, если хотите, Страной. Дрессируйте при помощи «фаса», ибо враг на родном рубеже; не давайте достаточно мяса, отбирайте и то, что уже; хорошо и побить (не до смерти), приучив ее к твердой руке. Чаще врите. Самой ей не верьте, на коротком держите поводке. О расплате оставьте тревогу: стоит только назвать ее Русь, как она вас полюбит, ей-богу. Объяснить этот факт не берусь. Сразу будете, как за стеною, в нашем общем щелястом доме. Решено: назовите Страную.

А для краткости можно — Муму.

Посвящение судье перед вторым приговором Ходорковскому и Лебедеву.

Я не юрист, а лирик, Ваша Честь. К кому я обращаюсь? К вашей чести. В детали дела я не склонен лезть, а просто так — порассуждаем вместе. Я не считаю, прямо говоря, что этот суд волнует все посольства, что во второй декаде декабря мы все, глядишь, в другой стране проснемся; уж кажется — чего тут только не! А между тем никто еще покуда не просыпался тут в другой стране, и нечего рассчитывать на чудо. Все те же царь, обслуга и народ, и тот же снег, и тот же лес раздетый — в другой стране проснуться может тот, кто соберется выехать из этой. Я не скажу — не стану брать греха, — что сильно повлияет ваша милость на участь ПЛЛ и МБХ: ведь их судьба давно определилась. Получат ли они новейший срок, мечтают ли о будущем реванше — они уже герои, видит Бог. Бороться с этим надо было раньше. В России лучший способ победить — достоинство. Скажу вам даже боле: не в вашей воле их освободить. Но их и обвинить — не в вашей воле. Не верят приговорам в наши дни, когда ментов бандитами считают. Что говорить: не ангелы они — но ангелов хватает, все летают! Все — ангелы: нацисты, например, приверженные строгому порядку, и те, что обживают Селигер, и те, что погромили Ленинградку, — так пусть хоть пара демонов пока нам оттеняет ангельские рыла. История пристрастна и жестка и к нимбам их уже приговорила.

Хочу отместь еще один соблазн — я сам бы в это верил, да немолод: весь Интернет глядит на вас, стоглаз, все знают всё, но ничего не могут; до всех запретных правд подать рукой, двадцатый век благополучно прожит, и оттепели нету никакой, и перестройки тоже быть не может. Каких орущих толп ни собирай, какого ни сули переворота — ты перестроишь дом, барак, сарай, но странно перестраивать болото. Суммарной мощью прозы и стиха не сделать бури в слизистом бульоне. Не будет здесь проспекта МБХ (а Лебедева — есть, в моем районе). Таков уж кодекс местного людя — мы всё теперь проглотим и покроем, и даже взбунтовавшийся су-

дья в глазах толпы не выглядит героем. Взревет патриотический кретин, и вззоет гопота в привычном стиле, что это вам Обама заплатил иль наши двое вам недоплатили, — и даже если, шуток окромя, вы все-таки поступите как витязь, но все же с подсудимыми двумя по святости и славе не сравнитесь. Эпоха наша скалится, как волк, и смотрит с каждым часом окаянной. Тому, кто нынче просто помнит долг, не светит ни любви, ни воздаяний. Один остался стимул — это стыд среди сплошной ликующей латуни. Как видите, мне нечем вас прельстить, да я и не прельститель по натуре.

Я не прошу пристрастья, Ваша Честь. Пристрастья ни к чему в судебном зале. Но просто, что поделать, правда есть, и хорошо бы вы ее сказали, всего делов-то. Выразюсь ясней: страна застыла в равновесье хрупком, и хорошо, коль больше станет в ней бесспорным человеческим поступком. Не посрамям российский триколор истерзанный. На этом самом месте не им двоим выносят приговор, а нашей чести, да и Вашей Чести. История не раз по нам прошла, но вновь сулит развилку нам, несчастным: ваш приговор убьет последний шанс — иль станет сам последним этим шансом. Вот выбор, что приравнен к жерновам, к колодкам, к искустельному змею... Я б никому его не пожелал.

А в общем, он завиден.

Честь имею:

Первоканальное

К юбилею Первого канала.

Есть в атмосфере Первого канала один микроб, живущий только в нем: чего бы к ним в эфир ни попадало — немедленно становится враньем. Его эффект настолько абсолютен, так властно обаянье прилипал, что, в гости к ним заехав, даже Путин под эту власть жестокою попал. Как мощный лев-самец, явившись к прайду, он грозно раскрывал премьерский рот — и виделось: сказать он хочет правду! Но выходило все наоборот, и триумфальным маршем из «Аиды» все снова покрывалось: трям-трам-трам! От Эрнста исходящие флюиды его гипнотизировали прям. Он и в начале встречи, и в финале хотел во всем признаться, как герой... но, боже, не на Первом же канале! Пошел бы он хотя бы на второй! Тут все равно — хоть лидер, хоть премьер вам: всех поглощает гибельный провал. Того, что есть, — нельзя сказать на Первом. Их Березовский так заколдовал, все это на глазах у миллионов, иванов и семенинов, кать и надь, — недаром он проклятьем заклеяменов, и познер в этом что-нибудь менять.

Когда они там Путина встречали, то даже стены излучали стыд. «Теракт раскрыт», — признался он вначале. На завтра мы узнали: не раскрыт. До явного юления унизясь и снова попадая в «молоко», он говорит: «Легко проходим кризис». А то он сам не видит, как легко! Сочувствие к простому человечку его не загоняет в магазин, не покупает он, допустим, гречку, не заливают в бак себе бензин, не видит очевидного бесславья, не чувствует разросшихся про-

рех, — но есть же президентское посланье о том, что мы просели больше всех! И чтобы вслух стране сказать про это, отстаивая собственную честь, он мог пойти на «Сити» и на «Эхо» — Газпром все тот же, но свобода есть, — и все бы благодарны были хором, как благодарны трезвому врачу... Но он пошел на Первый, на котором — довольно, повторяться не хочу.

Потом он выдал новую причуду, опять попав под Костины лучи: в эфире оппозиция повсюду и врет, какую кнопку ни включи. Допустим, он мотается по свету, пускай не видит местных телерыл, — но что ее нигде ни разу нету, ужель Сурков ему не говорил? Ведь он же рапортует об успехах: «Еще не вся зачищена печать, но от экрана мы отжали всех их, теперь и ящик незачем включать!» А то, что врут они, — чего ж такого, история же катится вперед: Немцов не врал, как видим, про Лужкова, быть может, и про Путина не врет, — так дай ты им сказать, врунам и стервам, дай отчитаться, не сочти за труд! (Но только, ради бога, не на Первом. У них на Первом даже стены врут.)

Но главное, что здесь меня пугает, — простите, если выйдет не в струю, — пускай он оппозицию ругает, пускай он хвалит партию свою, про это нам давно неинтересно, мы вот как насмотрелись этих див, — но, господа! Когда он хвалит Эрнста — он тоже был, выходит, неправдив?! Не может быть! Они ж варили кофе, к полуночи устроили аврал, и он сказал — вы умницы и профи! И тоже, получается, наврал?! А в паузе, опять хваля кого-то — мол, нам не страшно, если много дел, — «Мне нравится, — сказал, — моя работа». И так при этом странно поглядел, что если б дева, без угроз и криков, а глядя, как печальный крокодил, сказала вслух: «Ты нравишься мне, Быков», — на выстрел я бы к ней не подходил.

А впрочем, тут лукавить нет расчета. Себя давно не любит вся страна. Кому здесь, в общем, нравится работа? И Эрнсту-то не нравится она. Он сам бы — так я думаю — с восторгом не врал бы и себе не изменял, чтоб в кадре пахло жизнью, а не моргом...

Но он не может. Первый же канал.

И, отдых дав разгоряченным нервам, поздравлю Эрнста русским языком предельно честно — я же не на

Первом, я больше вообще ни на каком: будь счастлив, милый друг! Пари, как демон, не прерывай надсадного труда и будь уверен: то, что ты наделал, Россия не забудет никогда.

Женское

Вот тут ругают день Восьмого марта: ату, наследье цеткинских идей! Как будто мы какая-нибудь Спарта, где женщин не считали за людей! Не понимаю этой укоризны. Какие б ни настали времена — я праздную его как День Отчизны. В моем сознание женщина она. (Во избежание схваток, стычек, чисток и прочих помутнений головы скажу, что не приемлю феминисток, я их считаю глупыми, увы; мне карьеристки нравятся и стервы, но у фемин особенная статья, и чтоб не напрягать больные нервы, им лучше дальше просто не читать.) Не грозный маршал, не начальник штаба — а женщина, с женою наряду. Поняв однажды, что Россия — баба, я правильное с ней себя веду. Не ждите сострадания от тещи, не ждите снисхожденья от жены — но женщину любить мне как-то проще, чем пацана, — простите, пацаны.

Вам может подтвердить любой историк (психологу, боюсь, еще ясней) — что с женщиной нельзя серьезно спорить; и я уже давно не спорю с ней. Вся ветер, а не вектор; ей немало сегодня то, что нравилось вчера; услышала меня, потом забыла и в сотый раз по кругу начала... У нас в России ценится работа, тут стыдно над дебатами потеть. А если ей не нравится чего-то — ты сразу и алкаш, и импотент, плохой отец и не приносишь денег; и, развивая тактику свою, она легко хватается за венник, а то за уголовную статью. Пускай она своим упьется бредом — не поверну упрямой головы. Ей аргумент осмысленный неведом: лишь переход на личности, увы. Узнали и Бердяев, и Киркоров, и Чаадаев, славный философ, что женщины даны нам не для споров: они не слышат наших голосов.

Знакома ей уныния услада, мечтательность, а изредка вина, — но знаю, что жалеть ее не надо. Не понимает жалости она. Не стоит тратить нежности и пыла питомцу легко-

мысленных харит: ей нравится, по сути, только сила, чего там вслух она ни говорит. Ей нравится надежность и защита, и спутник, понимающий в сырье; ее способны тронуть слезы чьи-то в романе, в сериале — но в семье?! Я, вероятно, так и околею, повсюду чуя тайную вражду. И я ее особо не жалею и, что важнее, жалости не жду.

Как женщина, она давно привыкла — удобней так и телу, и уму — и жить, и рассуждать в пределах цикла; как все мужчины, я привык к нему. Политкорректность глупую отбросив, я верю только в круг, а не в прогресс; не поднимаю дерзостных вопросов, когда страна вступает в ПМС... По сути, если мы глаза разуем и справимся с раскатанной губой, такой сюжет не просто предсказуем, но более комфортен, чем любой.

Я лишнего не требую от Бога, не трогаю чужого, словно тать... Что можно делать с ней? Довольно много. Особенно приятно с нею спать. И вот я сплю, не парясь, не меняясь, не вспоминая, где и как живу, привычно и заученно смиряясь с тем, с чем нельзя мириться наяву, я разучился связан изъясняться, отвык от рефлексии и труда...

Но, Господи, какие сны мне снятся!

Как видим, даже в рифму иногда.

Природное¹

Поглядишь репортаж Си-эн-эна — и подумаешь: благословенна наша Русь, согласитесь со мной. Китежанка, Христова невеста! Удивительно гладкое место нам досталось в юдоли земной.

У японцев бывает цунами, их жестоко трясет временами, регулярно колотит Хонсю — магнитуду поди сфокусируй! — а недавно еще Фукусимой напугало Японию всю. Разумеется, наши мудрилы понимают, что все — за Курилы (мы не выдадим их наотрез), за сверканье на нашеском фоне «Мицубиси», «Тошибу» и «Сони», и вообще за излишний прогресс.

---

¹ Автор просит не упрекать его в кошунстве и напоминает, что у всякого текста есть лирический герой.

Или в Штатах бывает торнадо: разумеется, так им и надо — за фастфуд и тотальный захват, и за наши несчастья, пожалуй: ведь и в летней жаре небывалой Мексиканский залив виноват! А восточные земли, в натуре? Там бывают песчаные бури, что верблюдам страшны и ослам, да и людям губительна пасть их; и во всех этих местных напастьях виноват радикальный ислам. **Всем вокруг — от чучхе до иракца — есть на свете за что покараться, все достойны огня и чумы. Нет проблем лишь у нашей державы. Разве только лесные пожары, да и те ведь устроили мы.**

Как посмотришь на эти пейзажи, где и птица летящая даже представляется новостью дня, как посмотришь на эти просторы, что, покорны, добры и нескоры, засосут и тебя, и меня, как посмотришь на отчие сени, где торнадо и землетрясений никакой не видал старожил, — потому что не любит прогресса, ни к чему не питал интереса и с прибором на все положил... Это вы до того осмелели — бьетесь, верите, ставите цели; нас же сроду никто не потряс. Снег, равнина да месяца ноготь! Ни трясти, ни кошмарить, ни трогать мирозданию не за что нас. Ведь и трус¹, что шатает твердыни, послан вам от излишней гордыни, чтоб напомнить, где Бог, где порог, — мы же в этом и так убедились: наши почвы в кисель превратились, а мозги превратились в творог.

Богоданная наша равнина! Не опасна, не зла, не ревнива и на всем протяжении равна, безразлична, стабильна, послушна, ко всему глубоко равнодушна — от добра до бабла и говна! Тучи пухлые, тихие воды... Но немилостей ждать от природы мы не можем, бессильно скорбя. Если бедствия брезгают нами, то в отсутствие всяких цунами истребляем мы сами себя; от торнадо хранимые Богом, постоянно, под всяким предлогом, круглый день, от зари до зари, под лазоревыми небесами мы усердно гнобим себя сами.

И справляемся, черт побери.

---

¹ Землетрясение (древнерусск.).

К церемонии вручения национальной кинематографической премии «Ника».

Ну что, коллеги, минул год. Мы, как жена при пьяном муже, все время ждем: прибьет! убьет! А между тем бывает хуже, и в целом — множество причин предаться радостному крику. Вот «Дождь» нас, скажем, замочил, и мы отправились на «Нику». Тревожит, собственно, одно среди довольства и покоя: у нас не то чтоб нет кино, но как-то мало и такое, что стало стыдно награждать, ругать смешно, смеяться подло... Да и чего бы, в общем, ждать, когда всего осталось по два? Распад, забвение азов... Права Европа, нас отторгнув. Не видит импортных призов несчастный наш кинематограф. Мы на скамейке запасных, и это грустная скамейка. Причина есть, о ней и стих: мы все живем внутри ремейка. Все киноведы морщат лбы: новейших тем для фильма мало! Ремейк «Иронии судьбы», ремейк «Служебного романа»! Меняем золото на медь. Я сам ремейк — мамуль, скажи же!¹

Короче, все теперь ремейк: труба пониже, дым пожиже. Наш модус нынешний таков — сплошной простор для балагуров: ремейк «Кубанских казаков», каким бы снял его Сокуров. Где некогда дымились щи — теперь вода с листом капусты. И декорации нищи, и диалоги безыскусны, и накрывается прокат, и всем пустые залы прочат, и палачи играют так, что жертвы им в лицо хохочут... Причины долго объяснять. Важней понять — без слез, без стопа: ремейк чего сегодня снять, чтоб как-то выглядеть пристойно, чтоб видом этого кина дивить окрестную планету? Допустим, «Клятва»: ни хрена. Артиста нет, статистов нету, лишь рабство прежнее, на ять, но никакой Чиаурели не смог бы Сталина сваять из этой падали и прели. Чего б изысканней найти, чтоб интеллект, душа, свобода? Ремейк, допустим, «Девяти» тех дней из роммовского года — но где сегодня физик наш? Его, увы, не видно близко — есть только сколковский муляж и программисты в Сан-Франциско. «Кавказской пленницы» ремейк сегодня делать страшнова-

¹ Это Ефремов придумал.

то — нас превратят за это в стейк бойцы крутого шарията, поскольку там большой процент успешных в прошлом командиров, а на сааховский акцент, глядишь, обидится Кадиров... В истекшем, собственно, году имелся ряд поползновений устроить, к общему стыду, ремейк «Семнадцати мгновений», про все шпионские дела. Могла бы быть икона стиля, чтоб Чапман Штирлицем была и там по Родине грустила, — и я бы мог, забывши стыд, поверить в то, что Чапман — Штирлиц, но что по Родине грустит... Пардон, ребята, вы ошиблись.

Какой еще придумать фон для наших грустных опасений? Вот есть «Осенний марафон»: назвать его «Смартфон осенний» — и выдать, сохраняя дух, кино о новых блудодеях: как муж метался между двух и наконец послал обеих. Его и я сыграть бы мог, но нет: прокатчик смотрит хмуро. Тут политический намек увидит новая цензура. Вот если б он, могуч и лих, закончил бой души и тела, женившись сразу на двоих... Но это будет слишком смело.

Иные, радостно оря, хотят движухи и раскачки — ремейк, допустим, «Октября» иль, для начала, той же «Стачки». Добра не ищут от добра, порочить классику неловко — но для ремейка «Октября» нужна огромная массовка. Сегодня правда такова, что наш народ почти бесплотен — массовки същется едва на Триумфальной пара сотен, ОМОНа больше в десять раз: кулак и вот такая пачка... А что до «Стачки», так у нас уже давно, по сути, стачка: набрали воду в решето и носят с труженицким видом... Здесь не работает никто. Но вы не бойтесь, я не выдам. Здесь получился бы один — как мощный дуб среди поленниц — ремейк «Великий гражданин», точнее, «Великий иждивенец». Уж коль мы ищем образцов, боюсь, на данной фазе цикла — у нас же цикл, в конце концов! — мы все живем в ремейке «Цирка»: герои, душу веселя и честно радуясь друг другу, «Мы едем, едем, ву-аля!» — поют и носятся по кругу. Надежды сводятся к нулю, арену тихо подминая... Но я по-прежнему люблю тебя, страна моя родная, любовью верного сынка, который зол и неприкаян, хоть ты не так уж широка, и он уже не как хозяин. А я б еще в виду имел — прошу запомнить эту фразу, — что после «Цирка», например, была «Весна».

Хотя не сразу.

России нужна люстрация грузинского образца — согласен, хочу признаться я, впервые и до конца. Отлично они решили, по совести говоря. Начать бы с Саакашвили, как зама секретаря — хоть школьного комсомола, но это, как ни скажи, была неплохая школа насилья и мелкой лжи. А впрочем, боюсь соваться я в подробности их житья. России нужна люстрация — не ихняя, а своя. У нас без нее фрустрация, бессилье и свальный грех. Недавно была ка-страция — но это же не для всех! Люстрация, всем люстрация: трепещет чекистский клан! Уже разработал, братцы, я ее пошаговый план.

Начнем с коммунистов мерзких, их отпрысков и родни — естественно, в бедах местных виновнее всех они. ГУЛАГ, коллективизация, войну — и ту пожурим. Люстрация, всем люстрация — покойникам и живым! Давая окрестным странам публичный урок стыда, пока убивать не станем — хоть стоило б, господа. Достаточно в массы ложь нести: гуманны мы и чисты. Введем лишь запрет на должности, профессии и посты.

Продолжим о девяностых с кровавою их борьбой: доныне зловонный хвост их таскаем мы за собой. Разруха, приватизация, поруганный русский дух... Люстрация, всем люстрация! Чубайсу — не жалко двух! С утра смеюсь, как обкуренный, представив такую месть Лужкову, его Батуриной (и ближним, сколько их есть), предавшим заветы Берии сотрудникам ВЧК — и всей петербургской мэрии эпохи А. Собчака.

А вот нулевые годы, агрессия простоты: гламурные корнеплоды, зажавшиеся кроты. Потраченный зря избыток, растраты, свищ на свище, разгул милицейских пыток, коррупции и вообще; экспансия Селигера, Кадыров, нефть до двухсот, слепая, тупая вера, что как-нибудь пронесет, таинственное палаццо на солнечном берегу... Люстрация, всем люстрация! Простил бы, да не могу. В итоге из всех сокровищ, союзов, кланов и братств останутся Шендерович да, может, еще Альбац — с крутыми ее манерами, с любовью к вождю грузин... Но были же пионеры-ми! Ходили же в магазин! **Не надо доводов рации — рассудок**

во вред стране. Люстрация, всем люстрация. Под корень. И мне? И мне. По первому же предлогу умолкну: главлит, ликуй! А то я устал, ей-богу: все пишешь, а толку *нет*.

Боюсь, залог благоденствия, законности и щедрот — запрет на любые действия любому, кто здесь живет. Промышленность кинуть за борт, культуре вручить шесток, призвать для правленья Запад, для прочих трудов — Восток. Похоже (боюсь признаться я) сегодня в окошко глядь — а в нем уж и так люстрация.

И что изменилось, ...?!

Античное

Ода на отказ партии «Парнас» в регистрации.

Из тьмы забвенья темно-серой античный миф дошел до нас — о том, как Зевс с упрямой Герой не регистрируют Парнас. Конечно, родственные узы, он тем же солнцем опален — но там сомнительные музы и несогласный Аполлон. Волна и берег, кровь и лимфа — и те поспорят порой... Война Парнаса и Олимпа! Гора не сходится с горой! Пора певцам за ум приняться. Неладно в Греции и так. Не пустим гордого парнасца в пристойный свой ареопаг.

— Вы что, ума лишились, парни?! Я тоже бог, в конце концов! — воскликнул дерзко Феб опальный, кудряв и строен, как Немцов. — Вы утвердились на Олимпе, избравши свой, особый путь, вы до того к нему прилипли, что вас уже не сковырнуть, в густой коррупции коснея, вы там прогнили от и до, вы приковали Прометея и не простили по УДО, — за вас мне стыдно, боги, боги! **Вы нагло грабите народ, связали Терпсихоре ноги, заткнули Мельпомене рот, поддались логике пацанской, изгнали истину как класс, и кроме, блин, войны Троянской, не стало ценностей у вас!** Позор, позор тебе, Эллада! Один Гомер, — добавил Феб, — не видит этого распада, поскольку он давно ослеп. Пред всеми смертными раздеться — и то приличней, срам воздев-с! Я не хочу такого Зевса.

— Да я-то что? — ответил Зевс. — Давно узнала вся Эллада — я страж закона и труда. Зарегистрируйся как на-

до — и выбирайся хоть куда! Мы ваших планов не разрушим, у всех богов широкий вкус, но мы не верим мертвым душам. Вы заявили девять муз, а их на самом деле восемь, а кое-кто считает — шесть...¹ Не обижайтесь, мы попросим их персонально перечесть. Мы знаем Фебову манеру прикалываться от души. Он пишет: Талия, к примеру. Еще ты задницу впиши!

Не ждав подобного конфуза, стремясь в истерику не впасть, воскликнул Феб:

— Но это муза!

— Нет, это туловища часть. Об этом знает вся Европа, сходи хотя бы в Интернет... Еще ты пишешь: Каллиопа. Такого слова тоже нет. Спроси хоть немца, хоть француза, хоть «Википедию» смотри... Мы, кстати, знаем группу «Муза» — так их там, знаешь, только три...²

— А знаешь что? Пошел ты в жопу! — воскликнул Феб, суров и прав, прижавши к сердцу Каллиопу и ниже талии обняв. — У нас бессмертие в запасе, а ты валяй, рабовладель... Мы обойдемся на Парнасе без регистрации твоей!

...Поблекла Зевсова харизма, всегда пугавшая врагов. Суровый век монотеизма подвинул греческих богов. История — подобье лифта: то вниз, то вверх, то фу, то фас, — и актуальнее Олимпа с годами сделался Парнас. Он символ воли и покоя для многочисленных певцов, юнцов, борцов и все такое.

Не регистрируйся, Немцов!

Жирное

В прошлом году, когда на Селигере на примере Никиты Итальянцава принялись бороться с полнотой — пустота традиционно ее ненавидит, — автор уже вступался за столь близкие ему права горизонтально ориентированных людей. Сегодня нетерпимость к инакометаболизму достигла критической черты, и после безобразной эскапады министра Нургалиева мы вынуждены вернуться к этой теме.

---

¹ По разным источникам, число муз варьировалось от 6 до 9.

² Состав культовой британской группы «Muse».

Вновь повеял реформы запах, вновь рыбалка в мутной воде: ликвидацией всех пузатых озаботились в МВД. Эта мера многих заденет. Я не верю, я долго жил. Неужель, как Ленина с денег, уберут с полиции жир? Умоляю вас ради Бога я: затопчите эти ростки! Это ж, собственно, то небольшое, что смотрелось в них по-людски!

Никому не в радость полиция, не подарок — незванный коп, но уж лучше пусть круглолицая, с милой пухлостью рож и поп! Полагаю, что коп подобный возвращает душе уют. Если толстый, то, может, добрый. Может быть, не сразу убьют. Я хочу спросить Нургалиева: разве так защищают честь? С виду робот. А оголи его — тоже, может, живое есть?

И еще спрошу Нургалиева: в аттестации нет вреда, вот он, толстый, а удали его — и куда он пойдет тогда? Оказавшись в глубоком дауне и в критической полосе, что затеют? Пойдут куда они? Если в банды, вешайтесь все. Вы себя ощутите маленькими и обиженными слегка, если встретят с такими навыками вас в подъезде три толстяка.

И вообще, Россия, скажи мне — извини за вопрос под дых, — почему ты не любишь жирных, но приветствуешь голубых? В блоге высказал Коля Троицкий гей-параду скромное «нет», и куда он теперь устроится, получивши волчий билет? Мимолетно тоску развеяв, он сегодня и сам не рад. А ведь толстые лучше геев — и не ходят на жир-парад! Что ж, одно меньшинство в избытке, а другое — угнетено? Ведь и толстые любят пытки и подпольные казино!

Я хотел бы закончить тостом. Я хочу, для блага элит, Нургалиева видеть толстым, да и всех, кто сейчас рулит. Колобками в цивильном платьице, шаровиднее всех планет...

Был бы шанс, что они укатятся.

А сегодня и шанса нет!

Духовной жаждой обуян, в пустыне мрачной я влачился, и шестиногий таракан на перепутье мне явился. Я был измучен, гол и бос, страдал от жара, тихо бредил — мне представлялся как бы Босх, осуществлялся типа Брейгель. В моих ушах гремел «Пророк», звуча размеренно и строго. Пред тараканом брел сурок, крича: «Идет посланник Бога!» Я замер, ужасом томим, при виде этой пантомимы. Ты ждал, что будет Серафим? Теперь такие Серафимы! «Ты обезумел, сукин сын, — я повторял почти в отключке. — Проект «Поэт и гражданин» совсем довел тебя до ручки!» — но был небесный барабан, курился дым среди развалин, и был реален таракан, и был сурок при нем реален.

Перстами тяжкими, как сон, моих зениц коснулся он — и перед ними засияла картинка Первого канала. Исчезла низменная жесть, картины гнили и распада — я бросил видеть то, что есть, и начал видеть то, что надо. Ушей коснулся таракан — и их наполнил Петросян, и юмор нашего сортира, и обрезаний череда, а остальные звуки мира ушли неведомо куда. **Я слышал неба содроганье, дыханье ночи, гулы дня — прикосновенье тараканье всё отрубило от меня, и мир мой стал убог и сужен, и сам себе я стал не нужен, — но неизвестно почему я не был нужен и ему!**

Томясь тягучим пустолетьем, я думал, робкий ученик, что он довольствуется этим, — но он к устам моим приник, ногами бешено затопав, к восторгу злобного сурка, — и мне вложил язык эзопов взамен родного языка. Настал конец моих исканий, моих мечтаний и сатир. К картине мира тараканьей я применился — и затих. Он хохотал, меня измуча. Настала глухота паучья — через «Пророка», как тамтам, звучал забытый Мандельштам, цитата вроде из «Ламарка», который вовсе ни при чем... Но тут мне стало вовсе жарко, и он мне грудь рассек мечом.

Я замер, сдерживая ругань. Какого черта, наконец? Не то чтоб там таился уголь — но хоть не камень, не свинец! О да, я стал глупей и суше, но не утратил хоть стыда! Коль он вложил такое в уши — чего ж он сунет мне туда?

Он ничего туда не сунул — о милосердия зарок! Он посмотрел туда и плюнул. И расчихикался сурок. И вот под

взглядом, под которым могли бы выцвести цветы, — я содрогался под напором неумолимой пустоты, она росла, она воняла, она мне душу заполняла и в мозг вонзалась сотней жал...

Как труп в пустыне я лежал.

— Ползи! — инсект промолвил строго и сверху лапу возложил. — Ты понял? Я посланник Бога. Другого ты не заслужил. Вы утомили старикана, вы распустились тут внизу — и вам послали таракана. Ползи, пророк!

И я ползу.

Чадолюбивое

Как много стало педофилов! Как расплодился, черт возьми! Уже их ежедневный вылов достиг шести... семи... восьми! Они ворвались батальоном (я продаю, за что купил). Уже и в фонде пенсионном, глядишь, таился педофил! Он был вчера публично пойман, спасибо доблестным ментам; геронтофила я бы понял — но педофил откуда там?! Уже глава Совфеда Торшин проникся, судя по глазам. Когда он был на «Эхе» спрошен про бойню в Осло, то сказал: «Повсюду дьявольские силы. Сплотимся против их клешней! У нас тут, скажем, педофилы, и непонятно, что страшней». Как из бездонного колодца, они попрыгали на свет. Мой бог, откуда что берется? Пока не борются — их нет. **Но власть, отвлекшись от распиллов, вдруг озаботилась борьбой, взяла мишенью педофилов — и педофилом стал любой! Давным-давно, во время оно, пересажали миллион, назначив главным злом шпиона, — и каждый третий стал шпион; акын слагал Ежову оду — воитель наш, защитник наш! Там столько не было народу, как севших тут за шпионаж. Хрущев-то был еще из лучших, хотя и карлик по уму, — но померещился валютчик угрозой главной ему, и он прицелился, как лучник, а с ним гэбэшная орда, — и каждый третий стал валютчик (и тунеядец иногда). Российский метод знаем все мы: заходит о маньяке речь, когда от истинной проблемы вниманье надобно отвлечь. У нас и так сейчас нечисто, и жизнь довольно дорога, — врагом избрали экстремиста, и как их стало до фига! Так скрутят каждого, пожалуй, к какому благу ни стремишься;**

уже и я, тишайший малый, потенциальный экстремист, — и кстати, борзописцам милым, ловящим, так сказать, струю, меня представить педофилом нетрудно: я преподаю. Зачем бы? В школе мало платят, труды учительства тяжки, и неужели мне не хватит того, что платят за стишки?! Разграничение очень тонко — я тут и книжечку прикупил: любой, кто смотрит на ребенка, — потенциальный педофил. Такие темы хоть нечисты, но живо отвлекут страну (как полагают экстремисты, давно идущую ко дну).

И вот, укрывшийся под сенью московских пыльных тополей, — я прозреваю путь к спасенью угрюмой Родины моей! И подскажу вам, ради бога. У нас особая страна: в ней почему-то очень много того, с чем борется она. Такому вняв соотношенью, мечтаю, хитрый иудей: провозгласить бы нам мишенью простых порядочных людей! Найти бы их в российской фронде, в больнице, в школе, cetera — и даже в пенсионном фонде, глядишь, найдется полтора! Пускай их ловят очень строго, высматривают сквозь очки — тогда их сразу станет много.

Как педофилов.

Ну почти.

Тарасовское

В Киеве перевернули новую страницу: посадили пани Юлю в смрадную темницу.

Криминальный Янукович, равнодушный к праву! Знали мы, что ты готовишь наглую расправу. Всю Европу растревожишь, рейтинг свой изгадишь — но ведь ясно: если можешь, все равно посадишь. Пани Юля так и знала все об этом цикле: вам, таким, победы мало — вы топтать привыкли! Где ж понять совкоророжденным рыцарства науку, научиться побежденным протягивать руку! Прежде хоть щадили даму люди правил старых... Как-то встретишь ты Обаму с Юлею на нарах?! Плачут хлопцы и юницы в Виннице и в Ницце: сидит девица в темнице, и коса в темнице... А в России увидали — и довольно квакнут: начиналось на Майдане — кончилось вот так вот.

Но не празднуй, Янукович, легкую победу! Не копи себе сокровищ к тайному побегу. Время мчится, точно пуля, с ним никто не сладит, — помни, выйдет пани Юля и тебя посадит. Будет править самовластно и тоталитарно — хоть сейчас она несчастна, но всегда коварна. Я уже и на Майдане, либерал-ботаник, понимал, что эта пани далеко не пряник. Ведь не век тебе, как ныне, быть козырной масти — надоест же Украине благота у власти! Юля — пани непростая и сравнить-то не с кем, а за ней такая стая, что куда донецким, — и когда взлетит высоко, стоит захотеть ей, и взамен второго срока ты получишь третий¹. Не сойти Украине с круга из-за этой пары. Так и будете друг друга упекать на нары. Пожениться бы вам, дети, не мотать бы срок бы — против вас никто на свете устоять не смог бы; но никто не верит ныне в пользу коммутаций. Все равно что Украине с Русью побрататься.

Вот и понял я случайно, слава тебе Боже, почему у вас Украина — не Россия все же. И от вас, дивя планету, лучшие съезжают, и у вас свободы нету, а врагов сажают, понимающих лажают, дураков ласкают... Но у нас, когда сажают, то не выпускают. И у нас бы Тимошенко сделала карьеру, подольстившись хорошенько к нашему премьеру, и резвилась бы, как серна, и цвела, как вишня, — но у нас бы если села, то уже б не вышла. Если ж кто у нас и выйдет — никого не судит, потому что плохо видит и почти не ходит. Впрочем, Бог располагает, помнит дебет-кредит: русский долго запрягает, да уж как поедет! Зашумит, заколбродит — и за две недели одновременно выходят все, кто здесь сидели. Радость с гибельным оттенком, с запахом пожара — ибо вместе с их застенком рухнет вся держава, накрелятся все оплоты, упразднятся боги — тут уж не свести бы счеты, унести бы ноги, ибо всех — отнюдь не тайна — ждет большая дуля.

Нет, Россия — не Украина.

Возвращайся, Юля.

---

¹ Виктор Янукович имел в молодости две судимости, впоследствии снятые.

Как обещало, не обманывая, и это лето сходит в Лету, и бури ожидаю заново я, но, слава богу, бури нету. Еще тепло, и щетка трав густа. В лесу сатир пугает нимфу. Всегда мы ждем беды от августа (Маяк бы похвалил за рифму). Но эти страхи я повыветрю. Не бойтесь, граждане, вылазьте! Нас обступили по периметру от нас сбежавшие напасти. В Европе — вал погромов форменных, мигранты бесятся с обжорства, везде — паденье рынков фондовых: Насдак упал на Доу Джонса. А вспомни, что творится в Сирии! Везде бесчинствует военка, и только мы сидим красивые и выбираем Матвиенко.

Чужие страсти русским похрену. Страна тиха не по сезону, все в полусне, и только Прохоров войти мечтает в еврозону. Европе впрыскивают камфору, а мы ликуем, мы газуем! Читатель ждет уж рифму «амфору». Читатель, как ты предсказуем!

Как обещала, не обманывая, пришла стабильность. Кризис прожит. Страна банановая, нановая, уже и рушиться не может. Умолкли все, о нас жалеющие, волнуясь об иных державах, и лишь составы проржавевшие порой слетают с рельсов ржавых.

Как глаз устал от этой рухляди, познавши все ее оттенки! Я не хочу, чтоб нечто рухнуло, но чтобы двигалось — хотел бы. А помнишь, как бывало ранее? Годами нет конца раздраю.

Живут Америка, Германия, и только мы как я не знаю. Все августы грозили путчами, а то пожар дивил планеты... Зато теперь мы стали лучшими, поскольку нас, по сути, нету.

А как ругались, как мы крысились, как кости собственные грызли! Теперь кругом чужие кризисы, но кризис — это признак жизни. Мы стали пустошью великою, где правит мелочность и злоба. Боишься ты, что я накликаю?

Не бэ, читатель. Я не Глоба.

Из многих новостей доступных в одной мне видится запал: мы запустили мощный спутник, и он немедленно пропал.

Он был мощнее всех в Европе, в нем было связи до фуя — и вот космические топи его сглотнули, не жуя! Заметьте, мы не так богаты — швырять рубли на баловство. Его нашли как будто Штаты, но оказалось — не его. Среди небес дождливосмутных, чертя привычный их пейзаж, летал другой какой-то спутник — и не крупнейший, и не наш. Как это, в сущности, жестоко! Но в этом логика видна, что наша Русь, по слову Блока, «всегда без спутников, одна». Насмешки циников прожженных все беспардонней, все грязней... Мы — тот несчастный медвежонок, что все искал себе друзей — придите, типа, меду выдам, я весь культурный, я в штанах! — но так пугал их внешним видом, что все кричали: нах-нах-нах. Когда-то было время, братцы, до всяких этих перемен, — имел он спутников пятнадцать, потом четырнадцать имел, и мы неслись, антенны пуча, в холодной, пасмурной нощи — но разлетелись после путча, и всё. Ищи теперь свищи. Ушли в невидимые выси, о прежней дружбе не стоя. Где Киев, Таллин, где Тбилиси, где, извините, Астана? И как мы их пустили сдуру в суровый, непонятный мир? Один наш друг — атолл Науру да броненосный Ким Чен Ир и тот смотрит на нас со смехом, коммунистическая знать... Я слышал, он опять приехал. Мощнейший спутник, что сказать. Финал могучего проекта: медведь досчитывает медь. Теперь нас любят только те, кто хотят остатки поиметь. **С друзьями, впрочем, очень туго не сотый, не двухсотый год: имелись два любимых друга — своя же армия и флот, они исправно помогали, но нынче, Родина, глазей: ты, может, справишься с врагами, но берегись таких друзей.** Когда посмотришь трезвым глазом на этот дружный легион... Теперь мы дружим только с газом, но погоди — уйдет и он.

Средь звезд, навеки неприступных, в далеком, млечном их дыму, когда представишь этот спутник — как хорошо сейчас ему! Как он летит в свободном небе, неуловим, неутомим... Страна моя! Не лучший жребий — быть веч-

ным спутником твоим. Вот он летает в темпе вальса среди других небесных тел. Как счастлив тот, кто оторвался — но ни к кому не прилетел! Агу, голубчики, ловите. Твой спутник в бездне голубой летает по своей орбите — вокруг тебя, но не с тобой, из всех твоих реестров выбыл, нигде не числится строкой... Ей-богу, это лучший выбор. В конце концов, я сам такой. Не помню, что со мною стало, — должно быть, сделалось само: хоть я из твоего металла, на мне стоит твое клеймо, на мне печать твоих Евразий, твоих полковников и Ко, но между нами нету связи.

И я лечу. И мне легко.

А ты загадочно блистаешь, в своей песочнице резвясь.

Когда ты вновь собою станешь, я первый вылечу на связь.

Безвыборное

Расстроился мой ум, смутился дух, в душе творятся всякие бесчинства: я разучился выбирать из двух (из многих-то я раньше разучился). Страдаю, говорят, не я один, но остальные мучаются немо. Вот тут Волошин, мудрый господин, сказал, что есть проблема у тандема: хоть выборы нацелились в упор и драм в стране — не разгрести лопатой, а эти двое медлят до сих пор, не в силах сделать выбор небогатый. И сам я понимаю не совсем, рассматривая вызревшие фиги, — что за различье между П. и М.? Но ищем, раз уж нет другой интриги. Вон Юргенс до сих пор являет прыть: в который раз он данные итожит, твердя, что М — большое Можетбыть, а П есть полный П без всяких «может»; и я стоял бы на его тропе, когда б не верил, вслед единороссам, что лучше уж беспримесное П, чем тот же П, нависший под вопросом. Боюсь, что вся предвыборная рать, не видя мотивации и смысла, настолько разучилась выбирать, что вся страна в коллодии зависла. Господствует бессмысленная лесть, веселья в ней — как в мертвенном оскале... Тут Прохоров решил было влезть — так и его немедля обыскали, без повода, но в назиданье всем: не рыпайтесь, ребята, не беситесь! Хоть он, по сути, — те же П и М: в его инициалах явлен синтез.

Вся жизнь моя зашла в тупик срамной, она проходит в вечных разнобоях. Два яблока лежат передо мной: с которого начать? Не ем обоих. Измучился загадкой, спал с лица. Из двух — никак. А если бы из кучи?! Варю себе на завтрак два яйца — и не могу смекнуть, какое круче; чтоб избежать навязанных дилемм и не казаться понятным превратно, варю их три и Прохорова ем, а остальные два кладу обратно.

Допустим, на работу я иду, с утра в душе апатия и снулость — зане проблема эта, на беду, теперь физиологии коснулась: чтоб нарезать привычные круги, из дома надо выйти, вот дилемма! — но не могу понять, с какой ноги. Опасно справа, неприлично слева. Держу тревожно руки на весу, надеясь внять разумному совету — какой рукой поковырять в носу? (У нас теперь другой работы нету.) Чтоб осадить поднявшуюся муть, потребен мне кремлевский агитатор... Каким глазком девице подмигнуть — и то не знаю: *tertium non datur*. Что мозга полушарье, что рука — я непрерывным выбором издерган, и как приятно все же, что пока есть у меня непарный важный орган! Раздвоены и зад, и голова, — лишь этому чужда моя хвороба. А будь их у меня хотя бы два — без дела бы, боюсь, болтались оба.

Какое это счастье, господа, что можно им гордиться, как державой, и властно двигать им туда-сюда...

Туда?

Или сюда?!

О, боже правый.

Ящичное

На следующий за медведевским президентский срок решил баллотироваться Владимир Путин.

Что прежний лидер к нам вернется скоро — не новость. Если новость, то мелка. А новость то, что Юргенс — шеф ИНСОРа — теперь мне должен ящик коньяка. Тому назад два года с половиной он мне давал большое интервью и там с улыбкой хитрой и невинной доказывал позицию свою: медвед не вечно будет чистоплюем, без-

молвен и с хозяином един; повестка есть, харизму нарисую, поддержка есть, концепцию дадим... Стабильность в прошлом. Брошен новый вызов. Старшой его провалит, запоров, поскольку он в плену у жополизов, душителей, а в сущности — воров. Он стал на время символом единства — иначе не сплотилось большинство б... — он для начальной стадии годился, достаточно, спасибо, хватит, стоп. Сегодня переписываю это, вдыхая тот задор, как анашу, — и странно: вот же, выписка, газета, — а выглядит, как будто доношу. Я выхожу суров и неподкупен, поскольку в том же самом интервью ответил: Игорь Юрьич, будет Путин. Ей-богу, будет Путин, зуб даю. Он истинный царек, к нему привыкли, фигурка у преемника мелка, команды нет... И мы тогда — а фиг ли? — поспорили на ящик коньяка.

Политик Юргенс здравый и здоровый. Недаром же в манере пацанов, с дозволенною наглостью дворовой, ему хамил Виталий Иванов. А Юргенс — человек из настоящих, и я, чем ближе делался финал, ему напоминал про этот ящик, а он при встречах мне напоминал. ВВ рулил, как кардинал заправский, М. выглядел несчастнейшим из Дим... Я говорил: согласен на молдавский. Он отвечал: посмотрим, поглядим... **Чего глядеть?! Писал же Христо Ботев, что разума не слушается власть! Он возражал: но Запад очень против. Я возражал: на Запад им покласть. Сравнили, понимаешь, кость и хрящик. Надежды — утешение юнцов. И вот в одну субботу в этот ящик сыграли все мечты, в конце концов.** Туда же — нанобогги, микроблоги, айпод, модернизация элит, развал Москвы... Признаемся в итоге, что ящик вышел очень невелик. Хоть пару бы иллюзий заваливших, а то сплошные фетиши висят... Боюсь, что это будет наноящик с бутылочками грамм по пятьдесят, и я пойму стратегию ИНСОРа. Обидно, если ставки взлетят. Понятно же: масштаб предмета спора не может не влиять на результат. Была б уместней баночка повидла, изюма горсть, соленые грибки... И кстати — всё настолько было видно, что этот спор похож на поддавки. И Юргенс, с первых дней почуяв это, — чтоб не почувать, надо жить не здесь, — решил утешить пылкого поэта и подсластить подкравшийся п...ц, затем и предложил настолько жестко азартный спор в давнишнем интервью, —

но подсластить не вышло, вот загвоздка. Я вам забыл сказать, что я не пью. Но спор еще не кончен, братцы, — хрен там! Мы спорили, планируя маршрут, о том, что Путин будет президентом. А вдруг его еще не изберут?! Вдруг он решился, к собственному горю, — а рубль меж тем сорвался, изувер, и пала нефть, и я тогда проспорю, а победит Явлинский, например?! Тогда — игроцкой честности образчик, медийных провокаций режиссер — я им куплю такой ответный ящик, в который бы вместился весь ИНСОР, машину деревянную такую, чтоб сколотить из дюжины щитов... Мне кажется, я мало чем рискую. Но если так и будет — я готов!

Разногласное

Представители местных элит, чьи надежды опять оскудели, утверждают, что надо валить. Я боюсь, это слово недели. Сам Кулистиков, морща чело, президента спросил нелюдимо: если всё у вас тут решено, на фига мы тут делаем, Дима? Знатоки полускрытых вещей, прозревальцы великого в малом, что с каких-то неведомых щей филиала зовут либералом, — как-то враз перестали хвалить этот символ грядущих идилий и согласны, что надо валить, и храбрейшие вслух подтвердили. Предлагается всё обнулить. Даже дети, что прежде робели, вместо «Мама!» взывают «Валить!», уссываясь в родной колыбели. Чуть заглянешь в какой-нибудь чат, где ведут разговор о руслите, — эмигранты «Валите!» кричат, патриоты им вторят: «Валите!» **Даже те, что привыкли рулить и считаются мыслящим классом, — втихомолку внушают: «Валить», обращаясь, естественно, к массам. Я считаю, что лучше налить, закусить и продолжить сугубо, — но за всем этим воплем «Валить!» кто расслышит совет жизнелюба?**

Впрочем, те, что хотят отбелить нанопару властителей грозных, тоже стонут, что надо валить. Все валите! Очистится воздух! Неопрятен, криклив, бородат, неумыт, некрасив и неловок, сортировщик латинских цитат, сочинитель капустных колонок; государственник-поцмодернист, завсегда с сектантских молелен, что внутри и снаружи

дерьмист и притом тошнотворно елеен; воспитатель кремлевских волчат, испускатель зловонного пота, — все «Валите!» синхронно кричат, полагая, что купится кто-то. Только я продолжаю шалить, не страшась белоглазого взгляда, повторяя: «Не надо валить».

— Почему же, — ты спросишь, — не надо?

Почему, если воздуха нет, если ширится праздник гиений, если участь двенадцати лет решена без малейших сомнений, если худшие стали стеной, под симфонию криков вороньих, и притом их противник иной поужасней, чем даже сторонник; если, чувствуя время свое, в этой ячнево-кирзовой каше заведется с годами зверье пострашнее, чем наци и наши, и начнет в поперечных палить, и топтать несогласных часами, — объясни, почему не валить?

Потому что повалятся сами.

Революционный этюд

Очередная годовщина Великого Октября старательно замалчивалась всеми СМИ, как если бы ничего не было.

Читатель! Откровенно говоря, свой пафос я считаю обреченным. Сегодня красный день календаря считается почти повсюду черным. Не мне хвалить совдеповский содом, но все же видно, граждане, чего там, — никто не должен помнить о седьмом, и все напоминает о четвертом. Четвертое покуда грубый шарж на празднество народного единства, — но сверху терпят даже русский марш, чтобы седьмого плебс не возбудился. Неукротимой злобою горя, начальство нам внушает оголтело, что не было седьмого ноября. И главное, не будет, вот в чем дело.

Согласье чистоплюев и деляг — поистине сомнительное благо. Где дали власть народу — там ГУЛАГ, а то бы сроду не было ГУЛАГа. Как Гершензон, что плохо знал матчасть, заходятся сегодня в том же плаче: нам следует терпеть любую власть и даже уважать ее, иначе... Иначе нас, конечно, не простят, отправят в лагеря, поставят в угол все

те, кого намеренно растят, чтоб вырастить величественных пугал. Мне кажется, уже напрасный труд — их убеждать, как неусыпный кочет, что пугала однажды оживут и Франкенштейнов первыми замочат. Их аргументы выстроились так, что их не расшибет словесный молот: коль не они, то сразу же ГУЛАГ, хотя ГУЛАГ они и сами могут. Случись опять седьмое ноября — здесь будет только пушечное мясо, ни целой черепушки, ни ребра, кровавая, бессмысленная масса. Еще порою вякнет меньшинство — из робких, от кого не ожидаешь, — «Да если с вами больше ничего не сделаешь?» — но это разжиганье ж! Мы тут же им в ответ наворотим набор страшилок, не теряя прыти: хотите вы разрухи? — «Не хотим!» Хотите пообедать? Так терпите! Уже сломались лучшие умы, не в силах отмахаться словесами: ваш выбор — тот барак, что строим мы, иль тот барак, что возведете сами.

И если не хотите, господа, украсить ваш барак кровавым фаршем — вы с умилением будете всегда смотреть на то, как наци ходят маршем. А если вам не нравится смотреть — вы можете уехать, утопиться, страна и так разъехалась на треть... Воруя же милей, чем кровопийца!

И хоть кровавым потом окропись — никак ты не докажешь этим малым, что отличить воруя от кровопийц тут не смогли б и Бродский с Марциалом.

Не стану спорить. Мало ль бедолаг, пытавшихся развеять эту козность: «Вы говорите — космос? Вон ГУЛАГ!» — «Мы знаем, что ГУЛАГ, но космос, космос!». Я только представляю, что за сласть — воскликнуть, к облегчению миллионов: «Которые тут временные? Слазь!», как восклицал Антонов-Овсеенко. Да, он не знал седьмого ноября, что путь мостит таким великим кормчим, и плохо кончил, — но, вокруг смотря, скажите, кто здесь многим лучше кончил? Любая жизнь бездарно пронеслась, на что ты тут ее ни разбазаришь, — но многие ли вслух сказали «Слазь»?

Оно и видно. С праздником, товарищ.

Проблема не в диктате, не в засилье коррупции — мне по фигу она, — а только в том, ребята, что в России ужасно много сделалось говна. Вина Едра не в том, что там воруют, — богаче мы не станем все равно, — не в том, что там мухлюют и жируют; вина в другом — они плодят говно. Мы сами им становимся отчасти, оно ползет проказой по стране, и каждый час, когда они у власти, не может не сказаться на говне. Мы видим бесконечные примеры, особенно старается премьер. Вот Галич, помню, пел про говномеры — но тут утонет всякий говномер. У нас и революция бывала, суровая, кровавая страда, — но человеческого матерьяла такого не бывало никогда: сейчас, боюсь, процентов сорок девять в такое состояние введено — не только революции не сделать, но даже путча. Чистое говно.

Иной юнец, позыв почуя рвотный, мне возразит: какая, право, грязь! Какие лица были на Болотной, какая там Россия собралась, какое поколение молодое стояло мирно вдоль Москвы-реки... Да, собралась. Но сколько было воя: раскачивают лодку, хомяки! Продажные! Им платят из Америк! Все сговорились! Им разрешено! Говно ведь сроду ни во что не верит, как только в то, что все кругом говно. Воистину, режим употребил нас. Иные признаются без затей: дороже всякой истины стабильность, всех принципов важней судьба детей... **Все тот же дух, зловонный и бесплотный, проник в слова, в природу языка — я говорю уже не о Болотной, страна у нас покуда велика. Приличий нет. Дискуссии съезжают в мушиный зуд — какой тут, к черту, бунт? Сейчас, когда кого-нибудь сажают, кричат: «Пускай еще и отье... ут!»** Никто не допускает бескорыстия, никто не отвечает за слова, у каждого давно оглядка крысья, — не обижайтесь, правда такова.

Говно — универсальная основа, как в сырости осенней — дух грибной. Амбре любого блока новостного ужасней, чем от ямы выгребной, поскольку вместе с запахом угрюмым привычных страхов, хамства и вранья от этого еще несет парфюмом; за что нам это, Родина моя?!

---

¹ Ужас перед говном (греч.).

Иль ты осуждена ходить в растяпах, чтоб тихо вырождалось большинство? И главное — я знаю этот запах, но трудно вслух определить его. Так пахнет от блатного лексикона, от наглой, но трусливой сволоты, от главного тюремного закона — «Я сдохну завтра, а сегодня ты»; от салыной кухни, затхлого лабаза, скрипучего чекистского пальто, румяных щек и голубого глаза: «Да, мы такие сволочи. И что?!» Лесной пожар так пахнет, догорая. Так пахнет пот трусливого скота. Так пахнет газ, так пахнет нефть сырая. Так пахнет злоба, злоба, — но не та, великая и, может быть, святая, с какой врагов гоняем лет семьсот, а та, с какой, скуля и причитая, строчит донос ублюдочный сексот.

Где форточка, ребята, где фрамуга, где дивное спасенье, как в кино? Но в том, как все мы смотрим друг на друга, я узнаю опять-таки говно.

Мы догниваем, как сырые листья, мы завистью пропитаны насквозь, — и если это все чуть-чуть продлится, не верю, чтобы что-нибудь спаслось.

Друзья мои! Никто не жаждет мести. Подсчеты — чушь, и кризис — не беда. Такого, как сейчас, забвенья чести Россия не знавала никогда. Иной из нас, от радости икая, благословит засилие говна — мол, жидкая субстанция такая и для фашизма даже не годна; но этой золотой, простите, роте отвечу я, как злейшему врагу, — неважно, как вы это назовете. Я знаю: я так больше не могу. Я несколько устал от карнавала, от этих плясок в маске и плаще, я не хочу, чтоб тут перегнивало все, что чего-то стоит вообще. Я не хочу, чтоб это все истлело, изгадилось, покрывлось сволочьем.

Мне кажется, что только в этом дело. А больше, я так думаю, ни в чем.

Предновогоднее

Почему-то люблю я конец декабря. Потому ль, что родился зимой? Но не ради же елки, не праздника для: Новый год — это праздник не мой. Вся страна поедает салат оливье или в студеный роняет чело, заглушая единую мысль в голове: типа прожили год, и чего? Я не жду от людей по-

ворота к добру, невозможного, как ни крути. День рождения я тоже не шибко люблю — если честно, еще с тридцати. Не люблю, если кто-то смущает умы обещанием неожиданных щедрот, — а люблю переломную точку зимы под названием солнцеворот.

Почему-то мне нравится только зимой, отработавшей первую треть, в темноте возвращаться с работы домой и на желтые окна смотреть. Я люблю эту высшую точку зимы, эту краткость убогого дня, — но ведь живы же мы, выживаем же мы всей Отчизной, включая меня! **Вообще-то — от истины прятаться грех, — в этой средней родной полосе я всегда себя мыслю отдельно от всех (то ли я виноват, то ли все), но Земля — этот хитрый огромный магнит — на орбите сидит набекрень, и любого изгиба с народом роднит наш короткий ублюдочный день.** Ни секунды не верю, что в новом году — будь он трижды раскрашен пестро — будет больше свободы, и слава труду, и любезные лица в метро, но таков уж закон этих средних широт, неизбежный, как дембель, как будущий год, как в июне отрубленный водопровод, а весной — пробужденный медведь, — что случится обещанный солнцеворот и прибавится солнечный свет. Я с российской реальностью вроде знаком и поэтому, не обессудь, склонен верить в физический только закон и еще в биологию чуть. И еще я усвоил за несколько лет — объяснить не умею, боюсь: от того, что на миг прибавляется свет, изменяются запахи и вкус.

И вот в эти как раз переломные семь или пять убывающих дней мне понятно, что лучше не станет совсем, а пожалуй что, даже трудней. Ни надежд, ни покоя, ни воли вразнос, ни отмены запретов и виз, то есть «Солнце на лето, зима на мороз» — наш не только природный девиз. Может, прелесть и кроется в этом одном, выделяющем день из трехсот, предвкушение того, что грядет перелом, — но чудес никаких не несет. Я люблю это чувство — как учит Орфей, отрешившись от слез и соплей. Как-то лучше, когда холодней и светлей: холодней, и трудней, и светлей.

Лирическое

Я был влюблен в подругу юных дней — насмешливость, кокетливость, курчавость — и, кажется, противен не был ей, но как-то все у нас не получалось. Уже не знаю, чья была вина, но делалось мистическое что-то: то занят я, то занята она (тогда в стране еще была работа)... Клянусь, я не промедлил бы ни дня — она была такая, в духе Климта, — но то роман какой-то у меня, то у нее роман еще с каким-то, вокруг шумела бурная Москва, был у обоих, в общем, плотный график, — и я ей говорил не раз, не два: мол, Катька же! Состаримся же, на фиг! Она же, снисходительно-мила, прищуривала глаз миндально-карий: чего ты ноешь, я тебя звала, но ты же все с Мариной (Леной, Варей)... Ведь вот же, скажем, прошлая среда: чего ты не пришел, скажи на милость? «Да ты ж и не звонила мне тогда!» — «Нет, я звонила, но не дозвонилась». Мне помнится, в один из летних дней я ждал ее у Курского вокзала — на дачу мы решили ехать с ней, но Катька, как обычно, опоздала. Потом, доверяясь дачным поездом, решил я съездить к ней по курской ветке, — но поезд, как обычно, опоздал, и прямо вслед за мной явились предки. Случалось иногда, что ваш герой корил себя за эту мягкотелость, — теперь, увы, я думаю порой, что нам тогда не больно и хотелось: я в молодости был еще дурак, да и сейчас еще робею как-то: а вдруг я что-то сделаю не так? И Катька, кстати, не образчик такта. Я понимал тогда нельзя ясней: приятней обещанье, типа тайна... И мы тогда не стали, в общем, с ней, а год назад увиделись случайно, в толпе едва не сбив друг друга с ног. Забавны, верно, были наши рожи! И я бы ничего с такой не смог, да и она с та-

ким, должно быть, тоже, — и я сказал без ложного стыда, хоть чувствовал себя довольно тошно: «Эх, Катька, надо было нам тогда!» Она сказала: «Надо было, точно. А может, нет. Ничтожный этот сбой нам оказал немалые услуги: чего б еще узнали мы с тобой, чего тогда не знали друг о друге? Зато, как видишь, ты сберег семью». Я усмехнулся: «Я с тебя фигею!» — и я побрел в редакцию свою, а Катька побрела в свою «Икею».

Я вспомнил этот грустный эпизод, наслушавшись советчиков без счета: когда вас типа Путин привезет, ему скажите то-то вы и то-то... Задача, непосильная уму, — избавить от утопий и идиллий: мы ни к чему, мы не нужны ему, он так зовет, чтоб мы не приходили, и что б я мог сказать? «В стране развал»? И много ль толку от подобной встречи? То вроде он совсем уже позвал — а оказалось, так, фигура речи... Подумаешь — и грустно, и смешно. Сюжет, который впору Вонг Кар Ваю: допустим, приглашение пришло туда, где я обычно не бываю... Но эту встречу в хмурый день зимы представить я могу не без натуги: чего бы из нее узнали мы, чего еще не знаем друг о друге? Ни холодно, пардон, ни горячо. Пусть ходит тот, кто лепится поближе...

Но, кажется, мы встретимся еще, и это будет где-нибудь в Париже. О, времени прославленная прыть! Мы встретимся — и мысленно заметим: «Я собирался с этим говорить?!» — «Мы ожиданья связывали с этим?!» По правде, нам захочется отпасть и разойтись подальше, опомнись. Его уже не будет красить власть, меня не будет — оппозиционность... Мы оба обернемся на восток, туда, где тьма над Родиной крошечна... «Ваш крюк, увы, спасти страну не смог, — промолвлю я из вредности, конечно. — Вот если бы в двенадцатом как раз...» — добавлю я в бессмысленной печали. «А я вас звал, — он скажет мне, смеясь. — Притом вы сами лодку раскачали. Поэты и правители Руси встречаются, однако, как-то странно»...

И я пойду назад — в свое такси.

А он — трудиться в баре «У Вована».

РАДИОПЬЕСА

Законно Избранный Президент (далее ЗИП) и Барак Хусейн Обама общаются по прямому проводу.

ЗИП:

Барак! Конечно, я не Гавел, но уважай хотя б страну. Хочу, чтоб ты меня поздравил.

ОБАМА (вяло):

Ну, поздравляю...

ЗИП:

Нет, без «ну»! Мы всех уделали в финале, врагам не дали ни черта. Такие люди поздравляли! Большие — не тебе чета. Прикинь, кумиры миллионов. Поздравил чуть не весь Тагил, и Жириновский, и Миронов, и даже Прохоров звонил. Весь мир висит на телефоне, восторги шлет любой дурак... Да ты-то кто на этом фоне? Ты неизвестно кто, Барак. Тебе же год остался, помни. По сути дела, счет на дни. Вот победит, допустим, Ромни, и кто ты будешь, извини, при этом выборном разгроме? У нас страна богатых недр, у нас ты был бы хоть в Газпроме, а там ты будешь просто негр. Прости, что я в подобном тоне ж, но как понять твою фигню? Прошла неделя — ты не звОнишь. Ну, я не гордый, сам звоню...

ОБАМА:

Ну да, действительно удача, а я действительно ничто... Зачем же вам, такому мачо, чтоб поздравлял такое чмо?

ЗИП:

Ну вот, полез в бутылку прямо... Учти, что это я люблю! Я, если вдуматься, Обама, старался только для тебя. Ведь эта вся игра без правил, весь этот буйный карнавал — лишь для того, чтоб ты поздравил. Я это так и представлял. Ведь как красиво и нелепо: идут незримые бои, повсюду происки Госдепа, а также личные твои, все ФБР на грани фола, забыв про Киев и Пекин, дает бабло через Макфола — и тут ты звОнишь мне, прикинь! Ты главный враг, страшнейший демон, под вами стонет вся земля — и я, прикинь, тебя уделал, и ты мне скажешь: «Па-здравля!» А говорил, что мы блефуем! Эффект по ходу так же

крут, как если Сталину бы фюрер сказал публично: «Мне капут». Тут всякий враг почешет репу, все лиги сдуются на раз...

ОБАМА:

Пардон, но мне, да и Госдепу, сейчас настолько не до вас... Мы ходим, так сказать, по краю, мы очень просим извинить, но так не вовремя...

ЗИП (*раздраженно*):

Да знаю! Но что вам стоит позвонить? Ты мог сказать в порядке бреда — и здесь поверил бы любой, — что это мощная победа не над страной, а над тобой. И я б тебе поверил, зверю! Ведь я, по сути, здесь один: все сам придумаю — и верю. Давай мы это подтвердим? Скажи, что ты готовил кадры, но я решительно пресек...

ОБАМА (*скучно*):

Ну, как бы да...

ЗИП (*горячо*):

Скажи без «как бы»! Какой ты скучный человек! Ужель тебе, Обама, трудно? Твой голос как-то нарочит... В Кремле у нас такая тундра — ничто над гладью не торчит, молчат, от ужаса икая, народу, в общем, все равно, а оппозиция какая? Интеллигенция, говно...

ОБАМА (*с горячностью*):

Вот с этим можно вас поздравить! Интеллигент — отличный враг. Намного б легче было править, когда бы в Штатах было так. Не врут, ни в чем не утесняют, любой — классический изгой, шельмуешь — мирно разъясняют, прикрыл канал — найдут другой... Наври про них, глотай их с кашей, закрой вещанье и печать, а скинет вас народ восставший — и вас же будут защищать! Как дал бы дорого Мубарак, зажат повстанцами кругом, чтоб у него такой подарок был главным внутренним врагом! Ведь как гнобят ее, заметим, — а не смогли пустить ко дну. Я вас хочу поздравить с этим.

ЗИП (*кисло*):

Ну, сенк ю, сенк ю...

ОБАМА (*пылко*):

Нет, без «ну»!

На президентский выборах в России победил Владимир Путин.

Так уж честно победили, что и двадцать дней долбя, никого не убедили, а особенно себя. Жаль, приказ еще не издан — но дождемся, нашу мать, — чтоб к победе над фашизмом этот подвиг приравнять, чтоб, традицию ломая, но являя широту, мы уже седьмого мая отмечали ту и ту. Победили, отстояли, разменяли на рубли, раскатали, извляли, истоптали, отскребли, показали, доказали, не отдали, соблюли — и Казани, и Рязани, и Обама, и Бруни, и проклятой Пикадилли, вас не видящей в упор... Так уж полно победили, что стреляют до сих пор. Защитили серп и молот, звук родного языка... Успокоиться не могут, все не вытопчут пока. Гул стоит в родных осинах, орки строятся в каре — все никак забыть не в силах, как уклались в декабре.

Победитель белоглазый, ты взлетел, орелик мой, над оранжевой заразой и над ленточной чумой! **Вот чистойшая победа: всех, кто встал с другой ноги, по закону Архимеда вытесняют во враги. Торжествует жажда мести, обуявши большинство. То, что жить придется вместе, не волнует никого.** Так уж честно победили, с самым-самым во главе, что со страху залудили эпик фейл по НТВ — «На Болотную ходили за бабло и доширак!»... Так уж честно победили, что не врать — уже никак. Так бесспорно победили в равной, доблестной борьбе, что Козлова посадили — вот, Романова, тебе! Посадили Pussy Riot, чтобы выглядеть крутей; вон и деток отбирают — победили и детей! Вот победа образцова, неустанный ратный труд. Взяли было Удальцова, да отдали: больно крут.

Коллективный победитель, предводитель душ и тел! Отчего твой белый китель так под мышками вспотел? Взявши Питер и Москву уж, — что же, доблестный Мальчиш, так визгливо торжествуешь, так ножонками сучишь? Что ты воешь, многомясый, усмехаясь роково, навалившись всею массой неизвестно на кого — на студентов, на младенцев, на зажатых, будто гость, обреченных отщепенцев перекупленную горсть? Лишь на них, твердоголовы,

бредут высшие слои — Соловьевы, Соколовы и Фадеевы твои. Эти стыдные минуты — худший выбор высших сфер. Либо мы не лилипуты, либо ты не Гулливер.

Нет, таких истерик, знаю, не закатывает тот, кто домой, к родному краю, победителей ведет. Так — под хохот пьяной крали, у провала на краю, — обмывают, что украли, а не отняли в бою.

Тут иной руководитель, обладатель лет шести, спросит: как же победитель должен, блин, себя вести? Да уж вы, вожди со стажем, как сказал бы вам Бильжо, не волнуйтесь. Все покажем. Все увидите ужо.

Полпредное

Новым полпредом президента на Урале станет начальник сборочного цеха Уралвагонзавода Игорь Холманских.

Крещеный мир сражен интригой — и, может быть, событием года: Холманских Рюрикович Игорь, начцех Уралвагонзавода, мужчина с Нижнего Тагила, сей флагман путинского братства, чья личность давеча грозила прибыть в Москву и разобраться, — был не напрасно власти предан, и власть недаром выбирали: он сделан путинским полпредом, не где-нибудь, а на Урале. Иной заходится от смеха и называет это бредом, а я считаю — мастер цеха вполне способен быть полпредом. Пусть не работаю в цеху я, но человек рабочей масти куда умней иного члена медвежьей партии при власти. Ткала же Фурцева чего-то, метраж гнала, узлы вязала, — пока партийная работа ее совсем не засосала. Вот вертикальная мобильность, чтоб ею удивить планету: да, в этом есть нижнетагильность, но в чем ее сегодня нету? Есть месседж Нижнего Тагила, и вы легко его прочтете: интеллигенту тут могила, зато уж преданность в почете. Замечу, в назиданье прочим, что власти сбрасывают маски: тут называется рабочим лишь тот, кто мыслит по-холмански. Коль хочешь быть рабочим — будь им, страдай от местных неурядиц, но если твой кумир не Путин, ты безусловный тунеядец, ты втайне думаешь о путче и с хомьяками фанфаронишь. И все же Рюрикович лучше,

чем, например, Виссарионыч. Сегодня видно безо всяких: беда у путинской эскадры — резервы питерских иссякли, в расход пошли другие кадры! Не надо быть великим кормчим, чтоб сделать вывод обалдело: период питерский закончен, пошел тагильский, тоже дело. **Пора во власть Уралу влиться, а то одни и те же лица: была культурная столица, пришла вагонная столица...** Иной расклад у нас неведом, и раз пошла такая мода — во власть ползет за полпредом толпа с Уралвагонзавода, их труд нелегок, слово метко, их гордый нрав не терпит спора — но это лучше, чем разведка, и много лучше, чем контора.

В Сети, понятно, загаддели, но присмотреться не хотите ль: ведь он полпред на самом деле! Он полномочный представитель. Чье самолюбие задето — тот лишний гость в родном пейзаже. Кто представитель президента в России нынче? Ну не я же! Тех, кто о вольности хлопочет, наглядность эта растревожит, — но это то, что Путин хочет, и ровно то, что Путин может: надежный, злобный, добрый малый, и чтобы все в России было не ниже плитуса, пожалуй, но ниже Нижнего Тагила. Простые люди юбер аллес. Прямое следствие победы. Вы все зажрались, либералы-с. Какой тут пол, такие преды.

Вам, радикалы, все с откоса б лететь в плену амбиций личных... А между прочим, это способ ввести во власть людей приличных. Насколько все мобильней стало б, какой бы стиль настал улетный, когда бы вдруг сказал Каспаров: «Долой подонков на Болотной!» Не может быть? А что такого? Я сам не против, добрый путь им. Полпредом сделали б Рьжкова, скажи он вслух: «Наш лидер Путин». За выкрик лозунга такого — иль даже пенье, в ритме вальса, — министром сделали б Немцова: он был — и ничего, справлялся! Довольно быть страной-изгоем, точить на граждан серп и молот... Но «Мы за вас и всех разгоним!» — они сказать никак не могут. Что проще верному холопу? И для чего жалеть о чем-то? Чуть поцелуешь черта в попу — и сможешь стать полпредом черта! Но даже после литра водки или еще чего похлеще у них не то устройство глотки, чтоб говорить такие вещи. Их не за то страна любила и за граница уважает. Победе Нижнего Тагила пока ничто не угрожает.

А если вдруг и угрожало б — в стране меняется погода, — Холманских без обид и жалоб вернется в цех вагон-

завода. Рабочий облик благороден, а опасаются репрессий пускай Rogozin и Володин — они же люди без профессий. Не знаю, что умеет Путин, не помню, что умеет Сечин, — а труд уральца неподсуден, вагон потребен, статус вечен... Когда закончится занудство и поменяется начальство — ему хоть есть куда вернуться.

За остальных нельзя ручаться.

Большая Элегия Джонни Деппу

Итак, расстался Джонни Депп с Ванессой Паради.
Их выбор странен и нелеп. Разлука впереди.
Прощай навеки, общий быт. Из пафосных семей
Теперь остались только Питт с губастостью своей¹.

Итак, развелся Джонни Депп с Ванессой Паради.
Когда б такую бабу мне б, уж я б ее, поди...
Простит тусовка или нет его скандальный жест?
Но, видно, за пятнадцать лет любая надоест.

Ведь ты же на людях всегда — но нас не ставишь в грош.
Ведь ты же нам же, как звезда, сигналы подаешь!
Ведь эдак каждый идиот, наглец-прелюбодей,
Из-за любовницы начнет бросать двоих детей.
Пускай развод неустрашим — ты мог бы погодить,
За внешним обликом своим ты мог бы последить,
Не подавать дурной пример, не умножать грешков...
Когда б ты членом был ЕР, как, например, Машков, —
Ты мог катарсис испытать, интрижку прекратить.
Тебя сумел бы воспитать здоровый коллектив.
Ты мог бы бросить имидж свой, пиратчину свою...
Ты мог театра стать главой и сохранить семью!
Уж мы б тебя, как своего, пригтели на груди —
Но ты не хочешь ничего, и даже Паради.

Чем неугоден Джонни Депп Ванессе Паради?
Он зарабатывал на хлеб, а ты сиди, роди...

---

¹ Теперь уже и они того.

Мы знаем все твои дела и песни заодно.
Ведь до него ты кто была? — нимфетка из кино!
Теперь ты вечно на виду и хочешь перемен.
Он сделал из тебя звезду, поднял тебя с колен...
Кто ты такая?! Срам один. Не Пугачева, чай.
Пусть он увлекся Евой Грин — а ты терпи, прощай!
Сходи к гадалке, наконец, не парься, травы пей...
Детям же нужен же отец, хотя бы Воробей!
Пускай вы даже две звезды, известные везде, —
Не выносите из избы, держите все в избе!
Пускай он трижды Воробей, но все ж таки не враг.
У нас две трети всех семей живут примерно так.

Итак, развелся Джонни Депп с Ванессой Паради.
Везде бесчинствует Госдеп, куда ни погляди.
У нас в России большинство бежит подобных тем.
Мы если выберем кого, то это насовсем.

Уходительское

Режиссеры Светозаров, Лопушанский и Сокуров без комментариев покинули совещание с участием замминистра культуры РФ Ивана Демидова, на котором обсуждалось будущее российской киностудии «Ленфильм».

Неожиданный подарок синефилу, свежий повод для печальных каламбуров: убежали с совещанья по «Ленфильму» Светозаров, Лопушанский и Сокуров. Удалились, возмущения не выдав, слов не молвивши и мускулом не дрогнув, — но нельзя же, в самом деле, чтоб Демидов обучал их, как спасать кинематограф. Изумляются восставшие из праха, растворившиеся в пасмурном пейзаже тени Козинцева, Ромма, Авербаха, тени Фурцевой и Демичева даже. У российского кино и у печати — пульс прерывистый и вид нельзя помятей: все слышали, что такое конь в сенате, но пришел ему на смену бык в томате. Наше время перегонит очень скоро эру Сталина (прошу вас не беситься), но не в смысле поголовного террора, а в аспек-

те совершенного бесстыдства. Может статься, это главное везенье, что верха доразмножились до акридов: если вдуматься, то кто у них в резерве? Хорошо еще, нашелся хоть Демидов. Он не худший для подобного поста ведь, несмотря на злобный нрав и вкус мещанский: ведь могли бы и Босых туда поставить — и попробовал бы выйти Лопушанский!

Если честно, это все уже не шутки. Я не стану заниматься стебом пошлым, оказавшись в длинноватом промежутке между будущим лихим и страшным прошлым. Сколько можно на миру терять лицо, блин? Всякий нынешний вождек рениксу мелет, совершенно ни к чему не приспособлен, меньше собственной уборщицы умеет, он согласен занимать любую должность, оставаясь между тем тупее брюквы, — но другие нелояльны-с, ненадежны-с, подозрительны, поскольку знают буквы! Вон канал соорудили образцовый, в нем общественный совет — чего еще вам? — во главе с духовным светочем Донцовой и кошачьим полубогом Куклачевым. **Все готовились к глобальной катастрофе, но пришла она в таком гротескном виде! Всем вокруг уже рулят такие профи, что действительно осталось встать и выйти!** Вот и вышли бы — торжественны и строги, не дождав-шись окончания недели, — режиссеры, сценаристы, педагоги и военные (они уже хотели), оружейники, овеванные славой, и ученые, бесправные, по сути... От кого мы все зависим, Боже правый? Что за шушера решает наши судьбы? Не в Америку, не в Канны, не в Антибы (хоть и там бы многих взяли, без базаров), — просто встать и с отвращением уйти бы, как Сокуров, Лопушанский, Светозаров! А они бы тут вертели, как хотели, доводили бы Отечество до точки, возвращали бы статью о клевете бы, нищих грабили и взламывали почты, и публично бичевали Pussy Riot, и агентом Горбачева назначали, — пусть и дальше все, что могут, засирают, лишь бы мы уже за них не отвечали! Пусть крутилась бы бетоно бы мешалка, потешая иностранных балагуров...

Так и сделать бы. Но Родину-то жалко.

Даже больше, чем «Ленфильм». Прости, Сокуров.

Затем ли Державин слагал «Снигирия», а Галич — «Трубят егеря», затем ли написана «Жизнь за царя» и отдана жизнь за царя, затем ли за несколько доблестных строк, за пафосный слог и запал Радищев поехал в Илимский острог, а Новиков в крепость попал, затем ли Демидовы лили металл, и буйствовал Петр-исполин, и Пушкин писал, и Гагарин летал, и Теркин врывался в Берлин, затем ли Чадаев томился тоской, Некрасов рыдал в нищете, затем ли Волконский и с ним Трубецкой цепями гремели в Чите, затем ли Россия слетала с колес, красна от кровавых ручьев, и Ленину все-таки то удалось, чего не сумел Пугачев, затем ли играли в Серебряный век, как больше нигде не могли б, и «Вехи» закончились «Сменою вех», а вслед им несло «Из-под глыб», затем ли Магнитка, затем ли Дубна, и ширь, и тоска, хоть завой — величие зверства, и зла, и добра, и воли, и скуки самой, затем ли Суворов, террор и застой (который стояч, но глубок), и блеск разговоров, и трижды Толстой¹, и трижды Тургенев², и Блок, жестокий, столетьями длящийся пир открытый, отваги, потерь, затем ли Россия, дивившая мир полтысячи лет, — чтоб теперь — чтоб валенка уровень, запах и цвет мы выбрали в цели свои; чтоб Ваенга — наш православный аскет — писала «мичать» через и; чтоб после Куцевки и Крыма Ткачев, чьи фокусы сильно бодрят, набрал из кубанских своих казачков нагаечный зондер-отряд; чтоб время не двигалось, хоть удавился, а стыло тянучкой во рту; чтоб мелкий, но злобный один дзюдоист сказал инквизиции «тпру»; чтоб главных занятий — распил и разезд — не думал никто прерывать; чтоб церковь, оправившись, сделала крест орудием казни опять; чтоб прятали бабки у внешних врагов, язык же засунули в ж., а всякое слово из пары слогов тут сложным казалось уже; чтоб вышли в тираж, поделились на сто, подонкам кричали ура; чтоб верхом возможностей сделалось то, чего бы стыдились вчера; затем, чтобы ростом считали развал, ослами набили конвент, чтоб тот патриотом себя называл, кому «идиот» — комплимент; чтоб символом вольности сделать тюрь-

---

¹ Два Алексея и Лев.

² Николай, Александр и Иван.

му, а символом прав — помело, чтоб образ грядущего свелся к тому, чем в прошлом Россию рвало; чтоб прочие земли на парный тотем смотрели, плюясь горячо...

Скажи мне, затем ли?

Должно быть, затем. И правда, зачем бы еще?

Мольба

Обращаюсь к тебе, наблюдатель, обживающий свой закуток; неземной правоты обладатель, сетератор и викизна-ток, поглотитель жежешного фарша, воспитатель кавайных детей, обличитель протестного марша и других безнадежных затей! С выраженьем брезгливо-покорным утомленных компьютером глаз ты уселся, запасшись попкорном, и внимательно смотришь на нас. Словно юноша в обществе женском, я теряюсь, смущеньем томясь. По сравненью с твоим совершенством мы действительно фрики и мразь. Нас, ничтожных, ты ставишь на место: мы зарвались в пустом кураже, и от нашего, в общем, протеста толку нет и не будет уже. Если вдуматься, мы унтерменши. Мы увязли в протестной тщете, нас выходит все меньше и меньше, и выходят, конечно, не те. Ты и сам либерален отчасти (обыватель таков искони); ты не любишь российские власти, но не нас же любить, извини! Взять хотя бы меня, для примера, вообще оборзевшего, нах: журналюга, фанат эсесера, жирный юде в коротких штанах! А Немцов, неизменно настырный обладатель ужасных манер, тоже юде, хотя и не жирный, черно-мырдинский вице-премьер? А Собчачка, гламурная дива во главе недовольных колонн, что на Яшина смотрит блудливо и в квартире хранит миллион? А Навальный, не прячущий шашней с людоедом по кличке Госдеп? А Гудков, кагэбэшник вчерашний, что на площади, руки воздев, вопрошает: «Госдума, куда ты?!» — вместе с сыном годков тридцати... Им бы бросить Госдуме «Мандаты!» — и красиво, достойно уйти, выбирая иную дорогу от эсеровской жалкой гнильцы... Но они не борцы же, ей-богу! По лицу же видать, не борцы! А нацисты, что с геями рядом, распевая простуженный гимн, по бульварам шагают парадом, так что страшно и стыдно другим? (Ты и сам уважаешь меньшинства, как

и требует офисный труд, — но ведь это же правда бесчинство! Плюс еще и про пусей орут.) А Каспаров с оскалом нечистым? Ненавидит Каспарова всяк: он ведь был недурным шахматистом, но талант его явно иссяк! Как смешно, и позорно, и жалко наблюдать этот наш миллион! Всем нужна бы хорошая палка, но жалеет гуманный ОМОН. Безобразно. Смешно. Неуместно. Жажда власти. Стремленье к деньгам. И стишки-то мои, если честно, тоже выдохлись: чистый Демьян. Уходи, оппозиция, с улиц, свой повисший флажок беребя. Все мы слили, к чему прикоснулись. Вся надежда теперь на тебя.

На тебя, презирающий пугчи, не желающий взрывов и драк; на тебя, понимающий лучше, что нам следует делать и как! О твоём сногшибательном виде все напишут, айпады схватив. Встань, любимый, на улицу выйди! Покажи нам крутой креатив! Ты ж не хочешь, чтоб пошлые дуры нам в Европу рубили окно?! Чтобы стала министром культуры оскорбившая всех Толокно? Чтоб мы заняли теплое место, оттеснивши гэбэшных бойцов, чтобы символом стали протеста жирный я и кудрявый Немцов! Чтобы против законов и правил мы расселись по лучшим местам, чтоб Гудков министерство возглавил, а Навальный диктатором стал? Чтобы правили Кашин и Яшин — наши новые Пат-Паташон; чтобы имидж, что сделался страшен, стал окрестному миру смешон?! Если сам ты не выйдешь на площадь, вместо гея, на смену скину, — нам ведь так и придется на ощупь возрождать из развалин страну. Выходи, дорогой, без опаски, а не то мы займем кабинет: эти рухнут при первой же встряске, а других, к сожалению, нет! Выходи, наш герой идеальный. Ты решишь наболевший вопрос.

А иначе — Собчак и Навальный.

Плюс и сам я возглавлю Минпрос.

Баллада Сравнений

Нежны поцелуи при свете звезд, и травка нежна весной; и девичий рот, и заячий хвост, и розовый нос свиной; нежна любовь, живущая в нас, и тексты, что мы творим; нежна клубника, и ананас, и киви, и мандарин; нежны переливы заката, святого Эльма огни, вивальдиевы стакка-

то — но много нежней ОНИ! Нежнее, чем пальцы взломщика, нежней, чем стихи Басё, —

НЕЖНЕЙШИЕ ЧУВСТВА ПОГРОМЩИКА! Ведь их задевает все.

Их задевает литература, их задевает карикатура, их задевает моя натура с бесстыдным моим пером! В ответ хватается арматура — и делается погром.

Безмерно тонок красотки стан и шерстка кошачьих лап, и шелк, чья родина — Индостан, и юмор «Камеди клуб», тонки античная строфика, нейлон, лавсан и кримплен, тонки ручонки дистрофика и интеллигента член, намеки письма любовного, сплетенья телебrehни, тонки остроты Верховного — но много тоньше ОНИ! Тоньше приборов меряющих, тоньше жала в осе —

ТОНЧАЙШИЕ ЧУВСТВА ВЕРУЮЩИХ! Ведь их задевают все.

Их задевают концерты в клубе, их задевает кино в Ю-Тубе, Мадонна их задевает в кубе, к оружию их зовут, — и уж совершенно они в отрубе, завидевши Винзавод.

Предельно зорок простой народ, что всех обвинить готов; бессонно зорок подземный крот — порукою «Марш кротов»¹; зорка Фемида, чьих строгих мер страшится и юркий клоп, — был зорче только певец Гомер и им воспетый Ци-клоп, но зоркость их — не моя забота. Старались они вотще.

И только ЗОРКИЙ ГЛАЗ ПАТРИОТА выносит меня вообще!

Ему не виден позор, разор, упадок чужой и свой, и все уменьшающийся зазор меж Веймаром и Москвой, запас, мелеющий, как Азов, омоновский плексиглас, и тупость верхов, и тоска низов, и сдувшийся средний класс, и новый кризис — незванный гость, и Думы тщетная прыть... Он видит только жалкую горсть, посмевшую пасть открыть. О, как она его не устраивает! Трудись, братва, не филонь. И он удваивает, утраивает свою отважную вонь.

Сильны шальные наши ветра, что воют в краю родном, загул ночной, и тоска с утра, и лень на работе днем; силен наш путь с роковым повтором, и мир, кладущий на нас

---

¹ Песня Михаила Щербакова.

с прибором, и «мерс» в броне и с крутым мотором, и злоба,
что правит бал, —
но все слабей, чем восторг, с которым я это все
ЛЮБЛЮ!

Нобелевское

---

*Европейский союз получил Нобелевскую премию мира
с формулировкой «За шесть десятилетий защиты прав человека
в Европе и долгосрочную роль в объединении континента».*

Все обсуждают выбор Нобеля — он наградил Евросоюз. Кому бы, впрочем, ни дано было — мы б не одобрили, боюсь. Что вы от ярости икаете? Поймите, выбор небогат. Могли б и вовсе дать «Аль-Каиде» — ведь получал же Арафат! Конечно, было бы позорище, потеря, так сказать, лица, но есть за что: ведь до сих пор еще не всех взорвали до конца. И наши субпассионарии — у нас их есть на всякий вкус, гибрид духовной семинарии с багровой книгой «Краткий курс», — провидят в лидерах «Аль-Каиды» добра и света легион, и эти нобелевцы-скареды могли бы дать им миллион. Но если быть совсем серьезными — я непреклонным остаюсь: я гнал бы тряпками и розгами занудный их Евросоюз, здесь ни к чему тупые прения, какого вам еще рожна, — понятно всем, что эта премия уйти в Отечество должна.

Пора услышать — вы, которые! В России время не течет. Подобной мирной территории здесь нет! (Антарктика не в счет.) Тут отщепенцев горстку жалкую, с крамольной мыслью в голове, не первый год муштруют палкою и монтажами НТВ: с Болотной эта рать калекова и так сбежала в Интернет, но кроме них — мурыжить некого: другой повестки просто нет. У всех протестов жало вырвали, лишили места, языка... Вопрос: не наградить Кадырова ли? Но как-то премия мелка. Она для либералов долбаных, кого давно пора давить; вы, что ли, миллионом долларов его хотите удивить? Так я уже, признаться, думаю, что на чеченском рубеже входить к нему с такою суммою — неуважение уже. Мы лучше наградим Навального: он был для жителей Кремля предметом ужаса повального еще с нача-

ла февраля — но эти страхи вроде выбыли (Володин бился не за тем ль?). У Леши лозунг «Все на выборы» — а ожидалось «Все на Кремль», но он такой цивилизованный, из самых сдержанных бойцов... Мишенью новообразованной теперь назначен Удальцов. А вот Собчак — с несчастной женщиной СК ведет неравный спор. Тот миллион, давно обещанный, не возвращают до сих пор. И я ее назвал бы первую: она за мир, а власть жестка... Ей дайте! Но боюсь, что премию наутро заберет СК.

А в общем, братья бледнолицые, годимся мы по всем мастям. Вручайте приз хоть оппозиции, хоть оседлавшим всех властям: всей европейской вашей нечисти за годы скорбного труда такого мира, как в Отечестве, не обустроить никогда. Такая тишь у нас в ви-вари, у всех такой уютный кляп, что в Питере парламентарии грозят наказывать за храп. Ни лозунгами, ни шутихою не нарушается покой. Сыщи страну настолько тихую! Слабо вам, Нобель? Нет такой.

Конечно, эта тишь ненадолго. Потом откажут тормоза — чтоб над страной встала радуга, потребна некая гроза, и грянет гром, гласит пословица. Ничто не вечно на земле. К большому бенцу все готовятся и много делают в Кремле. Детали медленно стираются, копытом бьет лукавый бес, и власти больше всех стараются, чтоб полыхнуло до небес. Увы, не перекрасишь кобеля, окоп не превратишь в кровать... Тогда уж поздно будет Нобеля за мир в Отечестве давать. Так и останемся в неизвестности, свой разломавши дикий дом...

Вот разве кто-то из словесности опять напишет «Тихий Дон».

Объяснительное

Бывшего премьер-министра Италии Сильвио Берлускони приговорили к 4 годам тюрьмы за налоговые преступления.

О Господи, не стану зря трепаться, беседуя с тобой наедине. В сражении с агентами сатрапства ты, кажется, на нашей стороне. Твои сигналы радостно ловить нам, как на Руси случалось искони; ты внемлешь нашим

просьбам и молитвам, но, видимо, расплывчаты они. Политика, увы, такая сфера, в которой экивоки не спасут. Мы попросили бывшего премьера за все его дела отдать под суд, не в будущем, а тут, на всем серьезе, — что толку апеллировать к векам? Мы знаем: он циничный мафиози и всю страну раздал своим браткам. Он говорит в привычном наглом тоне, он затыкает прессы большинство, — и вот под суд ты отдал Берлускони, но мы в виду имели не его!

Что говорить, не ангел Берлускони. Он, например, имеет много баб (боюсь, что наша власть на этом фоне почти святою выглядеть могла б): молчать заставил взятками и страхом актрису с танцовщицей наряду... Однако, говоря «Он всех затрахал», совсем не то имели мы в виду! Простили б мы дзюдо и джиу-джитсу, набор оздоровляющих диет, и несколько актрис, и танцовщицу (семнадцать лет? да хоть пятнадцать лет!), я не сторонник пьянок на балконе, и оргии на вилле, в общем, жесь, но в силу этих оргий в Берлускони хоть что-то человеческое есть! Не Цезарь, да, — но все же и не Брут он. Наш меньше ростом, смотрится не так — и как он был тобою перепутан? Вот разве оба кончили юрфак, но разве это сходство, Бога ради?! Ты этот пункт, пожалуйста, похерь: допустим, я и Мамонтов Аркадий окончили журфак, и что теперь? Я в страхе от такого прецедента, но как бы нам в нелепицу не впасть: мы просим, чтоб сменили президента, — а в Штатах Ромни ломится во власть!

Конечно, наш режим бы повалился, как повалился некогда Союз, — когда бы я конкретнее молился. Но не могу, о Господи: боюсь! Уже и мысли слушают за милую, и лирику, и просьбы к небесам... Мне не назвать конкретную фамилию. О Господи, ты угадаешь сам. В моей стране, суровой и холодной, не нужно революции, Отец. Я лишь хочу, чтоб лидер всенародный столкнулся тут с законом наконец, чтоб без восстанья, без кровавой пьянки он поплатился на моих глазах...

Иду гулять. И вижу — на Лубянке Навального кидают в автозак.

Владимира Путина удивила анонимность в Интернете. «Сегодня ведь не 37-й год — что хочешь, то и говори, тем более в Интернете, «черный воронок» за тобой не придет. Чего прятаться-то?» — считает президент.

Я в подпитье вчера завалился домой, бил посуду и пел в неглиже: он сказал, что сегодня не тридцать седьмой! Слава богу. Казалось, уже. А сегодня проснулся и думаю: ой. Вместе с хмелем исчез и покой. Он, конечно, сказал, что не тридцать седьмой, это добрая весть, — но какой?

Я возрос на фантастике, юный урод с оптимизмом в советском мозгу, — и что это две тыщи двенадцатый год, я поверить никак не могу. Я не думал, что яблони будут цвести по бокам марсианских дорог, но молельные комнаты — Боже, прости, — в средней школе представить не мог. Да, не тридцать седьмой, но глаза растопырь на окраску судейских чернил! (Правда, Сталин, хоть был совершенный упырь, за границей бабла не хранил.) Называя сатрапов врагами труда, наша русская Муза права, но Лубянка работала даже тогда не настолько спустя рукава. Хоть заплечная логика вечно крива, но кривеет с течением лет: доходило до планов по взрыву Кремля. До еврейского чучела — нет. Я не знаю, виновна ли в этом спина или, может, случился прострел... Мне Анжелу не жалко — и кто мне она? — но вчера я ее пожалел. Мы еще не являем расстрельную прыть, хоть вернули понятие «враг», — но ведь мы сверхдержава, итить-колотить! Мы не можем позориться так! Даже «Шпигель» при свисте верховной пращи рассмеялся, бояться устав. Посадить тебе мало — валяй, клеветчи, но придумай какой-то состав! На страну накатила такая пора, что застряла — ни взад, ни вперед, и палач не умеет держать топора — помощь зала все время берет. Да и в зале уже начинают вздыхать, палача обзывая шутом: только нацики просят — «Пусти помахать!»... Но ведь их не оттащишь потом!

Присмотрись, моя Родина, зренье промой: не застой на дворе, но отстой. У одних получается тридцать седьмой, у других — девяносто шестой. Одному открывается щедрый просвет, а к другому ползет крокодил. К Сердюкову

претензий у следствия нет: на Болотную он не ходил. Я не враг Сердюкову, я сам не монах и терпеть не могу недо-трог — мне претит пребывание в двух временах, а с учетом нацидлера — в трех. У нацидлера — время расправ и щедрот, расточаемых щедрой рукой. Я не знаю, в какой он эпохе живет. Я не видел эпохи такой. **Он засел на каком-то таком рубеже, где теряется взгляд чужака: то ли там, где истории нету УЖЕ, то ли где не настала ПОКА.**

Мой рассудок убогий до боли в мозгу повторяет себе: **понимай!** Никаких аналогий найти не могу — разве поздний уже Николай, консерваторов идол и фрейлин герой, обладатель чугунной спины... Восемьсот пятьдесят, полагаю, второй, за три года до Крымской войны; революций боится, все время следит, чтоб Ла-Тампль не внедрили ему... Достоевский сидит, и Тургенев сидит и на съезжей кропает «Муму»... Это было всеобщее горе уму и частичный отказ от ума; над страной уже внятно звучало «Муму» — но страна оставалась нема... А потом нас подставил изменчивый Марс, и Отчизна проснулась с трудом. Это было уже, повторилось как фарс, а вернулось уже как дурдом.

И в дурдоме не рай, а особо зимой. И поэтому, вслух говоря, на дворе намечается тридцать седьмой, но двухсотое в нем мартобря.

Оправдание КС

Российские оппозиционные силы решили объединиться и создали Координационный совет.

UPD. Он и года не просуществовал, но планы были большие.

Претензий стало очень много, все проявляют интерес: зачем КС? Да ради бога. Я объясню, зачем КС. Начать придется издалёка: известно даже ФСБ, что бед российских подоплека — неуважение к себе. Нас запугали воем, лаем, окоротили нашу прыть, и потому мы позволяем вот это все с собой творить. Порой еще храбрятся бабы, а мужики совсем отстой. Зауважали бы себя бы — и век настал бы золотой, но посреди реалий подлых, где под ногой сплошная падь, какой бы вдруг удумать подвиг, чтобы себя зау-

важать? Молчит прикормленная пресса, почти накрылся Интернет, Магнитки нет и Днепрогэса, полетов к Марсу тоже нет — и мы, хромающие кони, чей статус, в общем, никак, способны лишь на чьем-то фоне себя принять за рысаков. Годы общественных депрессий ползут, безверие неся; теперь тут нет других профессий, как лишь брюзжать на все и вся. Людей любить не приневолишь. Тупые гнусности долбя, нам телик служит для того лишь, чтоб мы могли любить себя. Лишь оплевав чужую касту, способны мы терпеть свою; мы любим только по контрасту страну, квартиру и семью... Впишите вывод на скрижали: прозренье — длительный процесс. Чтоб вы себя зауважали, вам дан, товарищи, КС.

Еще он только у причала, а недовольны стар и млад; мы знали с самого начала — он будет вечно виноват. Его регламенты, поездки, и большинство, и меньшинство — у власти нет иной повестки, как лишь отслеживать его! Он мил нацистам и пархатым, и либералу, и скину, он продает Россию Штатам, ведет гражданскую войну, он виноват еще во многом и постоянно под рукой... Царек себя считает Богом при оппозиции такой! Плюс оппонентов тысяч двести, весь цвет отеческой земли: они-то все на нашем месте себя бы лучше повели! Мы не борцы, сказал Лимонов, мы нувориши из Москвы! Уж он бы пару миллионов немедленно вывел — но, увы, КС, КС ему мешает, пойдя ему наперерез, и дара прежнего лишает его опять-таки КС! Покуда не было КСа, он мог, беснуясь и мечась, почти со скоростью экспресса, писать шедевры... А сейчас? Когда КС собрался вместе, он мигом встроился в струю огабренянных «Известий»: виной Навальный, зуб даю! Мы, мы одни виновны, гады, — я слышу пламенный раскат, — что не зовем на баррикады, что не слезаем с баррикад, что монолитны, что едины, что не распались (тоже стыд!), что до сих пор еще едим мы (смешон протест, который сыт!). Зато кругом — вожди и глыбы, во весь российский окоем. Уж если их бы... уж они бы... Лишь мы им, падлы, не даем! Виват, протестное движенье! Куда тут мышью ни крути — потоки самоуваженья буквально хлещут по Сети. Уже давно бы каждый лично... уже бы в нынешнем году...

А что? Мне это все привычно. Ведь я измлада на виду, и мне воистину знакома одна в любые времена родная суть

родного дома: уж если высунулся — ннна! В застои, в от-тепели, в путчи, во дни гламурного ворья любой бы делал много лучше все, что умею делать я; и этот вой дворовой злобы я заглушаю без труда. Когда б не я — они давно бы... Но я мешаю, вот беда! Как хорошо б меня угрохать! Куда глядит Отчизна-мать?! Но я полезен для того хоть, чтоб их таланты оттенять.

Виват, КС! С угрюмым стоном в тебя вонзятся сотни жал, но ты стране послужишь фоном, чтоб всяк себя зауважал. Пускай завидуют на Темзе, пускай повесятся враги...

И я, страна, тебе затем же.

Люби меня и береги.

Скрепляющее

Духовные скрепы, духовные скрепы!
Какими их видят? Догадки нелепы.
Ужель это тяга к запретам уньлым,
Леонтьевы два — Константин с Михаилом, —
Эрзац православья, оскал сверхдержавья,
Податливость рабья, обидчивость жабья?
Духовные скрепы, духовные скрепы —
От вяленой воблы до пареной репы,
Извечный набор, душегрейно-уютен, —
Церковность, Калашников, Сталин и Путин,
И вечное, стертое, словно монета, —
Что мы не страна, а другая планета,
А все остальные — потомки Мазепы —
Порвали бы наши духовные скрепы,
Но им не позволит, духовно-брутален,
Калашников-Путин (подтухнувший Сталин).

Духовные скрепы, духовные скрепы!
От омских степей до московской зацепы,
От томских снегов до вершины балкарской
Все красится ныне единою краской,
Угрюмо-желтушной, красовско-задорной,
Пока еще серой, а вот уже черной.
Духовные скрепы, духовные скрепы!

Прозревшие слабы, дрожащие слепы.
Сплоченные стерхи, казачьи папахи,
И держится это на злости и страхе,
И он — не ищите уловок Госдепа! —
Всеобщая наша духовная скрепа.

Иначе с чего бы в районе Лубянки
Стоят автозаки — я рад, что не танки, —
С чего бы кричащим о сливе протеста
Так страшно за это сакральное место,
И граждане в штатском — работа шакаля! —
Шныряют вокруг Соловецкого камня?
(Один полицейский, глядевший Мамаем,
Сказал мне с усмешкой: «Мы все понимаем!» —
И вновь затвердел в выражении адском,
Чтоб вдруг не заметили граждане в штатском.)
Но ежели эти духовные скрепки
Настолько круты, агрессивны и цепки
При виде СК, старика и студента,
Которых отметила белая лента,
Уж ежели нас, проходящих с цветами,
Встречают сегодня с такими понтами¹,
То что б это было, приди мы с тортами?²
А если с бинтами? А если с котами?
А если с болтами в таком же режиме —
Мол, их на Лубянку давно возложили?
Боюсь, услыхавши такие ответы,
Туда бы свезли боевые ракеты.

«Провал!» — подзаводят себя содержанки.
Но стоя сегодня в районе Лубянки,
Я видел, что кончились байки из склепа
И рушится эта духовная скрепа.
А что за основа возникнет на смену
И вытеснит эту подгнившую стену, —
Духовные пастыри мелких путят
Узнают гораздо скорей, чем хотят.

---

¹ Обновленное название ментов.

² Чего для рифмы не сделаешь.

Сиротинушка¹

Исполняется на мотив «Бродяга, судьбу проклиная».

Подайте мне, бедной сиротке неполных двенадцати лет. Ни мамки, ни папки, ни тетки, ни дедки, ни бабушки нет. Отец мой давно уж в Сибири, а может, давно уже сгнил: боюсь, его эски забили за то, что он был педофил. Однажды в весеннюю ночь, ругая мое баловство, меня ущипнул он за щечку — сосед наш донес на него. Мамаша была безработной, болела, чинила белье... Однажды прошла по Болотной — и тут же схватили ее. Скрутили в испытанном стиле мою непутевую мать — и ладно бы просто скрутили, но надо ж предлог понимать! Под пыткой она сочинила сюжет от большого ума — кого-то она расчленила (кого — не припомнит сама). Сначала ей верили мало — мамаша субтильна на вид, — но раз на Болотной бывала, то явно кого-то членит! Признание уже оценили. На форумах пишет народ: «Они б и страну расчленили, да Путин пока не дает!» Ей дали честнейшее слово, что будет скощуха у ней, коль скажет, что мая шестого хотела взорвать Мавзолей, причем по наводке грузина, который сидел далеко, но звали его не Бидзина, а как-нибудь, хоть Сулико, — и мать, как ученая птица, готовится, учит слова... Я верю, она согласится — и, может быть, будет жива.

Дедуля служил в обороне, откат предъявили ему... Он в принципе был посторонний — за это и сдали в тюрьму.

---

¹ Расширенный в соответствии с новейшими веяниями вариант экспромпта, писанного по заказу зала на концерте «Господина хорошего».

Он зла не творил никакого, он просто служил и лысел... но что же — сажать Сердюкова? Нельзя же! И дедушка сел. **Узнав об аресте проклятом (дедуля — кормилец у нас!),** ответила бабушка матом — и тут же пошла под указ. Была еще тетка Марина — но села чуть-чуть погодя: однажды она закурила, по улице мирно идя. Увидели в этом коренья большого, вселенского зла, нашли пропаганду куренья — спецслужба ее увезла. А следом попался и дядя, и тут уже был апогей. Сказал он, на все это глядя: «Иметь вас!» Решили, что гей.

И вот я, сиротка такая, не в силах вернуться домой, по диким степям Забайкалья бреду с переметной сумой — точнее, потрепанный ранец суму заменяет мою... Увидел меня мериканец, позвал меня типа в семью — но был политическим сыском отучен от таких дел. Сказали: «Ты станешь Магнитским. Ты хочешь?» — а он не хотел. Порой меня ласково гладят, порой предлагают обед... Саму меня скоро посадят — теперь ведь с двенадцати лет. Иначе я здесь опущуся. Я только не знаю пока, за секс или, может, кощунство решат меня взять за бока. А то я кощунствую часто, когда по вагонам иду: «О Господи! Наше начальство отправь кипятиться в аду! Сама я готова в могилу, но им чтоб на дыбах висеть!» — «Лайфбьюс» это снял на мобилу и тотчас же выложил в Сеть. Знать, скоро придет мое время, силен очистительный зуд...

И там я увижусь со всеми.

А скоро и вас подвезут.

Сталинофильское

В России многие все еще любят и ждут Сталина.

В стране, что как снегом завалена безвременьем, злом и тоской, — все чаще мне хочется Сталина. Вот я откровенный какой. России дорога тернистая уводит в разлад и распад. Не то чтобы стал сталинистом я — но ежели вправду хотят?! Куда как мила азиатина! Признайтесь, не прячьте глаза. Вернут Сталинград обязательно — все жители, кажется, за. Иначе выходит развалина, паденье ракет, воровство... Верните же Родине Сталина — она заслужила его!

Разбудим Отечество выстрелом, устроим ему пароксизм, он нами действительно выстрадан, как Ленин сказал про марксизм. К чему говорить о свободе нам? Она разлетелась, как дым. С него начинается Родина — а также кончается им. Вам всем это сделалось ясно бы, решишь вы смотреть без очков. Потребны не стерхи, а ястребы. Что делать, наш климат таков — замерзнет любая проталина, загадится всякий просвет... Верните товарища Сталина! На всех вас Иосифа нет! **Пора поредеть населению. У страха глаза велики. Пора объяснить поколению, не знавшему твердой руки, всей швали, что так опечалена — мол, зря отменили расстрел! — что если бы выкопать Сталина, то он бы вас первых и съел! Бессильна абстрактная злоба ведь, — давайте уж, так вашу мать! Не зря говорят, что попробовать — единственный способ понять.**

Мое самолюбье ужалено бессилием в наших трудах. Не зря Окуджава про Сталина писал в девяностых годах: «Давайте придумаем деспота, чтоб нами он правил один от возраста самого детского и до благородных седин». Что проку смеяться оскаленно? Не лучше, чем выть на луну... Давайте мы свалим на Сталина всеобщую нашу вину! Ведь это — наш способ отбеливать и душу, и Родину-мать... Он нам не затем, чтоб расстреливать, он нам не затем, чтоб ссылать — недаром Отечество славится единством в любых временах. Затем ведь и памятник ставится, чтоб после взорвать его нах. Чтоб он, в одеянье порфириновом, народным слывя палачом, всю мерзость в себе сконцентрировал — а мы, как всегда, ни при чем! От этого принципа старого не сбечь ни за стол, ни в кровать. Давайте мы сделаем Сталина, чтоб после его же взорвать! В припадке бессмысленной дерзости (гордыня — действительно грех), в потоке безвыходной мерзости, что яростно хлещет из всех, в борьбе с родовыми стихиями — незнание, злоба, нужда — я думаю: если такие мы, грядущего нет, господа. Теряется суть человека, сознание рвется, как нить, — и главное, некого, некого за все это дело винить! Россия — сплошная окалина, плюс ненависть в сто мегаватт... А если мы вырастим Сталина — он будет во всем виноват. И снова мы станем неистово сбивать ненавистное «СТА...», и все начинается с чистого, как рабская соевьсть, листа.

Так что же — стадам ошакаленным и дальше брести на убой?

Конечно. Ведь легче со Сталиным, чем — страшное дело — с собой.

Метемпсихическое

Когда я брошу наконец игру в *cashe-cashe* со смертью хмурой, то сделает меня творец персидскою миниатюрой.

И вот когда я утолю, без упоения, без страданья, извечную мечту мою — будить повсюду обожанье.

Н. Гумилев, «Персидская миниатюра»

...И если воскресенье по плечу окажется — то это интересно, но кем я возродиться захочу — зависит главным образом от места. В Америке я мог бы быть юрист. Как ни ярись и сколько ни дерись ты, другие варианты — страшный риск. Все главное решают там юристы, и это сохранится навсегда. Подкованы, богаты, языкаты, там даже после Страшного суда ваш результат оспорят адвокаты. В Британии я был бы модный клуб, свободный от поденщины и быта. Для тех, кто груб, зануден или глуп, навек была бы дверь моя закрыта. Вход для сторонних — только через труп солидного швейцара, как ни молишь. А может, я бы стал футбольный клуб, и мной бы занимался Абрамович. Во Франции я был бы Депардьё: я вел бы там себя по-хулигански, и все ж меня любили бы везде и даже хату дали бы в Саранске. Я вовсе не хочу попасть в Пекин, но если да — тогда уж в Си Цзиньпины. В Иране я хотел бы быть пингвин, поскольку там не водятся пингвины. **В Австралии хочу я быть вомбат, в Японии — журавлик-оригами: их любят все — от взрослых до ребят.**

В России я хотел бы быть деньгами.

Да! В виде хоть купюр, а хоть монет, а хоть лежать на электронных вкладах. Тут ничего святого больше нет, друг друга все не переносят на дух, а бабки тут — и праздник, и броня, и главная гарантия идилий. При первой же опасности меня немедленно б отсюда уводили. Я б побывал во всех концах земли, мои купюры всюду бы налипли — в Швейцарии я был бы, на Бали, но большей частью был бы

я на Кипре! Прекрасный остров, теплая вода, ни скучных зим, ни пролетариата... Меня бы не вернули никогда: заму-чаетесь пыль глотать, ребята. Сам Путин помогать родной стране считает лишним: все глупы и серы... Но если что-то угрожает мне — он принимает экстренные меры! На Родине во всем такой развал, что всякие критерии погибли, но только Кипр налоги взять призвал, как все часами думают о Кипре! Как для еврея — пресная маца, я был бы свят. Везде дорожка-скатерть. И после неизбежного конца я выжил бы — меня б успели спрятать. Отчизна перешла бы на скрижаль, растаявши в своем коллапсе долгом...

Конечно, рупь погиб бы. И не жаль.

Но я-то не дурак. Я был бы доллар.

Евразийское

Нынче повод непростой и высокий. Тут вот Дугин, например, погрозился, что не будет никаких философий, а останется одно евразийство.

Я в восторге от подобных эдиктов и других его мыслительных взрывов. Все мертвы, он говорит: Венедиктов, Шендерович, Березовский и Быков. Идеолог у них был Березовский, проплативший эту хаву нагилу, но теперь-то их балет мерлезонский вслед за ним переместится в могилу. Все погибнут, а особенно Познер, обладатель четверного гражданства...

Березовский, разумеется, помер. Но ведь Дугин вообще не рождался! **Чтоб на трупе он моем не резвился, предаваясь непристойному лаю, — я хотел бы объяснить евразийство, потому что я его понимаю.** Разговор о нем, понятно, недолог. Будем резать, так сказать, по живому. Дугин, кстати, вообще конспиролог, любит термины, читает Эволу (или Эволу, такой эзотерик, часто с Юнгером его поминают). Будем прямо говорить, без истерик, потому что ведь не все понимают. Просвещение теперь на ущербе, это Дугин догадался не первый; многим нравятся Генон, «Анненербе», метафизика великих империй, то есть некогда мы были титаны, а теперь у нас одна калиюга... Соберем гиперборейские страны против алчно-

го торгового Юга! Мы же арии, священная раса, света воины, жрецы Аркаима... В нас входили до известного часа закавказцы, Казахстан, Украина, — мы их временно тогда пустили, но в Таможенном союзе с Китаем в евразийском всеместительном стиле мы их заново с собой сочетаем. Главный враг наш, разумеется, Запад (да кого ж они придумают кроме?): он нас хочет разделить и захватить. «Он не дремлет, мать его, он на стреме»¹. Мы и сами этот путь выбирали, но теперь определились, воспрянув, — да и смогут ли чего либералы против нашенских арийских титанов?

Отнеситесь к этой догме без паник, хоть уместно от нее разежаться, ибо Дугин не титан, а титаник, и такое ж у него азиатство. Мы слышали про мистику империй, это старая короста с погоста, ибо с помощью высоких материй людоедство золотить очень просто. Как до вошки низвести человека с понтом мистика и статью эксперта — объяснил еще догадливый Эко, из Италии, который Умберто². Чтоб не мучился никто, перепутав евразийца и скина, пику с червой, — там приводятся четырнадцать пунктов, и эклектика, естественно, первый. Вся подкрашенно-фашистская скверна, людоедство ради пафосной цели, архаичность, неприятье модерна, смерти культ и отрицательные рацеи, — но не стоит прибегать к микроскопу, а не то, глядишь, масштаб исказится. Целование начальника в Опу — это истинная суть евразийства. А в процессе целования в Опы впору вырваться такому экстазу, что мельчающие Штаты-Европы не почувствуют такого ни разу. Облизать ее, верховным в угоду, в соответствии с древнейшим заветом, и пожертвовать побольше народу, изнасиловав попутно при этом, — вот и мистика твоя, евразиец, что вылез из загробных пристанищ. Ты тут думаешь восстать, как Сирис? Ты тут даже как вампир не восстанешь.

А соратникам, друзьям и подругам я отвечу с легкомыслием юным: если начал хоронить меня Дугин — жить мне, видимо, не меньше, чем Юнгер³.

---

¹ Галич, если кто не узнал.

² «Вечный фашизм» — см., например, <http://www.nationalism.org/library/science/ideology/eco/eco-ur.htm>

³ Эрнст Юнгер прожил 103 года.

К годовщине событий на Болотной площади.

В эту вешнюю пору холодную, защищая последний редут, я не буду вас звать на Болотную. Мне хватает и тех, что придут. Пусть на Первом привычно окрысятся и расскажут в ближайшую ночь, будто выползла жалкая тысяча отщепенцев, безумцев и проч. Не старайся, столица-красавица, перекрасить Орду на ходу. Я-то чувствую, как тебе нравится погружаться в родную среду. Перемены Отчизне не вынести. Ей враждебен любой поворот. Люди требуют только стабильности. Поезжайте в родной огород. Надевайте привычные треники — униформу трудящихся масс. Провокаторы и шизофреники не загонят на площади нас. (Мне особенно жалко трудящихся. Вертикаль поняла, что трещит, и использует их без изящества, превратив награждениями в щит; этак мы до Пхеньяна дотащимся, ибо явно стремимся туда, — но нельзя посягать на трудящихся, ибо это Герои Труда.)

Обыватели мира возжаждали и не чувствуют дула во рту — подарите им праздник, сограждане, докажите им их правоту! Не ходите вы, дома сидите вы. Наша Русь такова искони. Дружно выкрикнем: «Вы — победители!» (Так и вправду считают они.) Правы все, кто решил, что Отечество — безнадежный, постылый изгой, не изменится, и не излечится, и не стоит фортуны другой; все, кто вечно завистью мается, кто мечтает о дыбах-кострах и считает, что русская матрица — это травля, оглобля и страх; для кого воплощение Родины — это топкие, злые места, ханы, идолы, Велесы, Одины: все решительно, кроме Христа.

Я и сам — представитель редакции, что отнюдь не в рядах большинства, — обожаю эпоху реакции, ибо эта эпоха честна. Мы-то, книжники, мы, соглядатаи, начитавшись испуганных «Вех», много знаем про годы десятилетия и про русский Серебряный век: про разгром, про достоинство куцее, про пришедшее к власти зверье — вот к кому перешла революция, ибо умные сдали ее.

Ваше дело — просить подаяния: это нашей эпохе сродни. Пусть же будут еще окаяннее неизбежно грядущие дни. А посаженных или засуженных защищать — унижительный

труд. Не бывает судеб незаслуженных. Невинных у нас не берут. Что вы сдуру героев-то лепите? Маргиналы бузят, оборзев. Кто помельче — такие, как Лебедев. Покрупнее — такой, как Азеф. Оппозиция — гадина та еще. Всех припомни, любых назови: всяк ликующий, праздно болтающий, обагряющий руки в крови!

Чтоб империя вам предоставила регулярного харча кулек — подарите ей право и правило всех топтать, кто куда не лег. Провокаторов фракция потная повторяет верховный сигнал: дескать, все проиграла Болотная! (Будто кто-то во что-то играл.) Подарите им новые стимулы переспрашивать в тысячный раз: что ж вы нас, недоумки, не скинули? Что ж вы, лохи, не выгнали нас? Докажи им, мое поколение, что довольны такую судьбой и что стоишь ты только глумления: что и делать-то больше с тобой? Пусть наивные выйдут. А вы-то ведь не ведетесь на песню и стих. Дайте нечисти задницу вытереть об себя и об деток своих.

Благодарственное

Зависеть от царя, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?
А. С. Пушкин

Сегодня на Руси, когда читаешь ленту, легко сказать мерси текущему моменту: не то чтоб наша власть внезапно нас пригрела, а все-таки снялась серьезная проблема. Причина многих драм, насколько мог постичь я, — соблазн припасть к стопам и оценить величье. Податели щедрот, коль где-то бунт случился, нас заслоняют от народного бесчинства. Как лира ни бряцай — признаем, задыхаясь, что лучше русский царь, чем перевозданный хаос, чем кровь, что волю дай — и сразу хлынет, пенясь. Правительство, считай, последний европеец. Сам Пушкин — что уж мы, потомки сверхпоэта! — среди российской тьмы надеялся на это. Иной большой поэт считал, что прав и Сталин... Соблазна больше нет. Он стал неактуален.

К кому теперь припасть? К каким еще оковам? Повесить в эту власть слабо и Чеснаковым. Финал. Благодарю.

Писать сегодня оду великому царю, великому народу, во фрунт перед страной вставать, трясясь бесстыдно, — поступок столь срамной, что жаждущих не видно. Отечество, взглядишь — и явственно заметишь, что гладь твоя и тишь — один великий фетиш; что пусто за душой, каких подмог ни кликай; что быть такой большой — не значит быть великой; что если вечно спать — уже не пробудиться; что надо прежде стать, а лишь потом гордиться. **Трещит земная ось, и нет надежд на милость. Что тишиной звалось — то пустотой явилось. Боюсь, что эту гать с извечным духом кислым придется наполнять каким-то новым смыслом.** В нее поверить мог, и то себя измучив, еще, пожалуй, Блок, еще, пожалуй, Тютчев, — но веры больше нет, она исчезла где-то, и это — наших лет прекрасная примета. На новом рубеже все мертвенно и голо: не спрячешься уже, как прежде, в тень престола, не сможешь поприкрыть, как слово ни уродуй, лизательную прыть патриотичной одой, чтобы чужая блажь твою бездарность скрyla. Не спрячешь за пейзаж свое свиное рыло. Не воспоешь разбой, не возвеличишь плаху, дивясь ее размаху, — придется быть собой.

Отчизна, как мне быть? Скажу тебе бесстыдно: тебя не разлюбить на уровне инстинкта. Но в эти времена — не вечные, не думай, — когда моя страна невольно стала суммой нефтянки, ФСБ, березового ситца, — я не могу к тебе серьезно относиться.

Погодное

Лето в некоторых областях России отмечено аномальной жарой, и гражданам это не нравится.

Монолог неустановленного лица

Прослышал я, что ваш район жилой — особенно на Запад от Урала — был недоволен нынешней жарой. Мол, Родина жару не выбирала. Мол, не вздохнуть, живем, как на плите, протест бесплоден, ибо не услышан, — и громче, как всегда, страдают те, кто в офисе уселся под кондишен. Я никого не стану убеждать. Во избежанье мрачного исхода я б запретил погоду обсуждать. Ведь это наша,

русская погода! Не любишь жара — жалуйся жене, приятелям, соседке Марь-Иванне... Вон прадеды и деды при жаре родную землю потом поливали! Негодованьем полон каждый чат, во всей Сети ярится брат на брата — мол, тут у нас не Азия, кричат... А чем вы лучше Азии, ребята? Там мудрый, понимающий народ, работает, не ноет, не филонит; у нас уже рождаемость растет — и скоро, может, Азию догонит... Я для примера Турцию беру: смутьяны ничего не предлагают, а лишь ругают местную жару. Пустили газ — и больше не ругают! Пусть Запад негодует — черт бы с ним, мы только их еще и не спросили. Кто думает устроить здесь Таксим — получит все, что было на Таксима. **Прошу не лезть в Россию, господа. Госдепского рецепта нам не надо: они суют свой нос туда-сюда, а у самих-то что? Вообще торнадо!**

Кто ломится в протестные ряды? Кого еще погода позмущает? Не нравится тебе — попей воды, Онищенко пока не запрещает; на дачу поезжай, лицо умой, устрой себе сиесту ближе к полдню... Ты хочешь, чтобы было, как зимой? Ты, может быть, забыл? Так я напомним, чтоб зуб стучал, чтоб задницу свело, чтоб смерзлось все, как водится в Отчизне... Больным несладко? Полным тяжело? Так ты веди здоровый образ жизни: трусца, велосипедная езда, стиль баттерфляй и лыжи юбер аллес, а полным тяжело вообще всегда, и сами виноваты, что зажрались. Я сам здоровым образом живу, дивя отличной формой планету. Ведь вот Сибирь не стонет про жару! Тем более что там ее и нету.

Ваш креативный класс, осатанев, — что юноша, что офисная дева, — кричит мне про какой-то перегрев. Не вижу никакого перегрева. Все схвачено. Наш путь не прав, не лев, рецессией не пахнет, рожь родится, — а если кто увидит перегрев, пожалуйста на Север охладиться. Слои умников, конечно, поредел — сидит в Париже, повторяя штампы... Но Азия, ребята, не предел. Мои задачи более масштабны. Друзья мои! Не надо ложных схем, вся критика пуста и легковесна. Здесь скоро будет Африка совсем: жара, сафари, грязь и людоедство. За это все я вас не пожую: таков ваш путь в отечественной драме. Я обеспечу главное: жару.

А с людоедством вы уже и сами...

Отравлен хлеб и воздух выпит.
Как трудно раны врачевать!
Но тут, ребята, не Египет,
И не Стамбул, ... мать!
Осип Мандельштам. Из черновиков

Реакция — опыт, сводящий с ума, но в ум возвращающий вскоре. Реакция — это глубокая тьма, бездонное черное море, и тайная слезка за каждым словом — почувствуй себя виноватым! — и склока с коллегой, соседом, отцом, собою, ребенком и братом. Реакция — это уснувшая честь и злоба, которая будит; презренье к Отчизне, которая есть и трижды — которая будет; реакция — это стрельба по своим, сомнение в правде и Боге, и общее внятное чувство «Горим!» — и чувство, что связаны ноги; привычка смириться, а то и поржать, когда пред тобой святотатство; желанье уснуть, и желанье бежать, и тут же надежда остаться. Сам воздух кричит: «Никого не жалея, не верь, не надейся, не помни». Такое полезло из темных щелей, из чертовой каменоломни, такие суконные рожи грозят — бездарность, безмозглость, сенильность, — что, кажется, их не загонишь назад: они уже тут поселились. **Реакция — это от гнили черно, днем стыдно, ночами тревожно; реакция — это нельзя ничего, и рвет от всего, чего можно; реакция — это отравленный хлеб, внимание к сигналам, приметам, безвыходный морок, который нелеп — и все же ужасен при этом; реакция — все разъедающий страх, подобье оброка и дани, который ужасней расстрелов и плах, поскольку он длится годами.** Не ведает спасшийся, что спасено, и смотрит на зеркало тупо. Реакция — это утрата всего, что вас отличает от трупа. Когда-нибудь это, конечно, пройдет, но в бездне сплошного распада едва ли спасется и выживет тот, кому этой вони не надо. Наверное, четверть, а может быть, треть, и тех-то едва созовете. В огне хоть чему-то дано уцелеть, но что уцелеет в болоте?

И главное — трепет на самом веру и ниже, в разлившейся луже: ах, только б не хуже, ах, только б не ху... Скажите: чего бы вам хуже? Каких вам еще запрещений и пут и чисток в нечетные числа? Вас только что в скрепу еще не

гребут, и то из брезгливости чисто. Похоже, что лысый как в воду глядел, не брать нас в расчет предлагая. И кажется всем, что еще не предел, что жизнь еще будет другая... Мне прятаться поздно. Я, в общем, изгой, отмеченный тайною метой, и я говорю, что не будет другой — вы так и подохнете в этой. Пускай на меня с удивленьем воззрят — о, эта упертость баранья! — но нужно, чтоб кто-то сказал: невозврат. Живущий, оставь упования. Довольно томиться в тупом мандраже. Считайте, что нас перебили. Того, кто сказал себе это, — уже не сделать союзником гнили, с руки не кормить, не загнать за Можай, не вымазать в тине злодейской.

Желающий ехать — быстрей уезжай.

Желающий действовать — действуй.

Восточное

Несмешное

Июль 2013 года стал настоящим кошмаром для россиян.

На Дальнем Востоке муссонные дожди переполнили реки,

а Ближний Восток поглотили лесные пожары.

Как новости стали жестоки!

Нет проку от муз и харит.

Все тонет на Дальнем Востоке,

На Ближнем Востоке — горит.

Разверзлись вселенские хляби,

Все сходят с ума вообще:

На Ближнем Востоке — в хиджабе,

На Дальшем Востоке — в плаще.

Иссякли запасы терпенья

У бдящих неведомо где.

На Ближнем дошли до кипенья,

На Дальнем по горло в воде.

Мне явственно помнится это —

Когда-то предсказывал Фрост:

Сгорит иль утонет планета?

Старик догадался, что both¹.

---

¹ И то, и то (англ.).

За что же огнем и водою
Весь август пытаются ее?
За тягу к военному строю?
За вечно живое ворье?
Виновных, однако, не тронут.
Во всех катаклизмах подряд
Они и в воде не утонут,
И в шквальном огне не сгорят.

Мы в эти последние сроки
Нейтральную линию гнем
На нашем, на Среднем Востоке
Меж этой водой и огнем.
Пускай население стонет —
Россия нашла алгоритм:
Она еще вроде не тонет
И как бы пока не горит.

Но пучатся темные воды,
И мнутся Отчизны сыны
В томлении недосвободы,
В бурлении недовойны.
И хор обезумевший блеет
И воеет, как старый койот,
И лес заболоченный тлеет,
И душно, зловонно гниет.

Социологическое

---

*В единый день голосования в Российской Федерации пройдут
выборные кампании различного уровня. А пока страна
готовится.*

Социология, социология, русской науки последний
редут! Прежде тебя изучали немногие — нынче же выбо-
ры грозно грядут. Черный квадрат — почерней, чем мале-
вичев, — так и висит перед нашим царем. Дали прогнозы
Митрохин и Левичев, свой вариант обозначил ВЦИОМ —

ясно, что все население Отечества, все, кто российским гражданством горды, как ни колеблется, сколько ни мечется, делится на три неравных среды. Четверть желает прогресса нормального, хочет с Америкой тесно дружить, четверть желает посадки Навального, а половине на все положить.

То-то и нет у нас воли и силушки: в целом российская наша среда — вроде прокладки, имеющей крылышки, но не способной взлететь никуда. **Левое крылышко хочет законности, не уставая себя растревлять, — правое крылышко хочет поклонности, палки, запрета и всех расстрелять. Левое — сплошь креативные гении, правое видит в них кучу дерьма; левое крылышко носится с гаями, правое тоже от них без ума. Левое всех призывает люстрировать, чтоб не мешали по-новому жить, правое всех бы желало кастрировать, а половине на все положить.**

Вот, для примера, возьмем Залдостанова — вечно сурового, словно монах, несколько нервного, несколько странного байкера-путинца в черных штанах. Сеть на привычные части развалена: он в Волгограде, крутой, как всегда, начал с трибуны цитировать Сталина. Вы бы хотели кого — Деррида? Пусть уж, при вое восторженных леммингов, он его хвалит публично, как свой; Путину, помнится, нравился Лермонтов, звонкая строчка «Умрем под Москвой», — нет уж! И так накопилась окалина в классике русской за столько-то лет. Пусть они лучше цитируют Сталина. Классику жалко, а Сталина — нет. Но в обсуждении этого казуса желчью исходит российская Сеть, все в нетерпенье, и каждому кажется, что оппонент его должен висеть. Это продлится в течение месяца — «Мрази-гулаговцы!» — «Склизкая жидь!». Левые бесятся, правые бесятся, а половине на них положить.

Вот я и думаю с вечным томлением, в сером тумане дождливого дня, — как бы я правил таким населением, если бы кто-то заставил меня? Что тут начнет изменяться и делаться, если оно от проклятий черно, если оно только делится, делится и не умеет взамен ничего? Что посоветовать? Что процитировать? Что безусловное им предложить?

Левых люстрировать, правых кастрировать, а на оставшихся хрен положить.

В России продолжается общенациональное голосование за символ страны. Накануне лидером оказался Коломенский кремль, он обошел мечеть «Сердце Чечни», после чего Рамзан Кадыров заявил, что сотовые операторы перестали учитывать голоса жителей Чечни, а это не что иное, как мошенничество. Впоследствии глава республики принял решение снять мечеть с конкурса.

Исканье символа России наемни вызвало скандал, но дело стоило усилий, хотя «Билайн» и пострадал. Я сам охотно опросил бы, имея достаточно монет, избрать страной подобный символ. Как быть? Реальности-то нет! Исканье символа — не мелочь, запас символики богат... Да, это все от не фиг делать, но это лучше, чем бухать. Гагарин? Сталин? Жуков? Невский? Владимир над своей горой? Толстой? Столыпин? Достоевский? Пожарский? Николай Второй? — и все мы прямо с зорьки ранней кипим, кого ни опроси... Увы! Других голосований тогда не знали на Руси. Что есть в Отечестве, припомни? Строений храмовых не счесть: и Кремль имеется в Коломне, и в Грозном строится мечеть... Перечисленья торопливы и представительны вполне: вон в Сочи сделали трамплины — золотые, судя по цене. Среди времен глухих и смутных припомним подвиги отцов: а БАМ не символ вам? А спутник? А Сталинград, в конце концов? В чем цель подобного замера — понятно трезвому уму: исканье символа — замена. Чему замена? Да всему. Чем разбираться с черным морем нас затопляющих проблем — давай о Сталине поспорим: как интересно будет всем! **Ах, если б вдруг меня спросили, кого избрать, — поди пойми, кто может стать лицом России с ее делами и людьми. Как не озлить верховной шоблы в огромном нашем детсаду? Известно, кто на ум пришел бы, — другого бренда не найду, — но совесть буйствует, мешая облобызать суровый лик: Россия добрая, большая, а он недобр и невелик. Но разрешить проблему эту, что непосильна для ума, на помощь бедному поэту спешит действительность сама.**

Слетел покров, раскрылась тайна: такой эмблемы, господа, чем в Грозном офисы «Билайна», я б не придумал никогда! Чеченский лидер недоволен, что весь опрос, по

сути, слит, — и скромных старых колоколен его мечеть не потеснит; чтоб не затмить ее сиянья, он бросил этот марафон и снял ее с голосованья, прокляв «Билайн» и «Мегафон». И вот к «Билайну» — всем бояться! — толпа несет суровый дар, камня, овощи и яйца, крича притом «Аллах акбар». Почувяв тайную тревогу — пришли крутые времена! — я повторяю: слава Богу, что это все же не война. Как языки-то прикусили все комментаторы в Сети! Такого символа России нарочно не изобрести. Какое стройное единство, в нем все приметы налицо: «Билайн» годится, крик годится, годятся город и яйцо... Какой портрет страны-изгоя, не властной в собственном дому! А если что-нибудь другое вдруг не понравится ему? Опасны всякие Толстые, опасна воинская рать...

Нет, лучше символы России в ближайший год не избирать.

Утешительное

---

*Многие считают, что после провальных выборов Алексей Навальный потеряет всю популярность.
UPD. Вы сами все знаете.*

Наступает час утех. Я хочу утешить тех, кто считает, что Навальный растеряет свой успех. Рейтинг, даром что высок, все равно уйдет в песок. Москвичи, едва проснувшись, продадутся за кусок. Все мы — сами по себе, неспособные к борьбе, всех по норам разгоняет первый окрик ФСБ. Сдвинуть эти времена, скинуть эти имена может только катастрофа, а нужна ли нам она? Эти вождь и кабинет могут править десять лет, могут двадцать, тридцать, сорок... Могут, да? Еще бы нет! И среди родных широт, в сером сумраке болот, все вы будете светила, а Навальный — идиот. Не спуская ног с тахты, все вы будете круты и морально безупречны, как в «Дюймовочке» кроты.

Я не стану вас сердить и обидное твердить: столько лет лежали в спячке, что забыли, как ходить. Я вас этим не корю и кумиров не творю: я же это в утешенье, в утешенье говорю!

Неовеховцы в Москве полагают в большинстве, что Навальный создал секту и воздвигся во главе; растлеивает средний класс, став наркотиком для нас, — то есть «Наши» им не секта, а Навальный в самый раз. Знаю, местному уму горе в собственном доме — все прощаем мы чужому, не прощаем своему. Он посланник закулис, он нацист и популист, легковверные купились — и немедля продались! Я и сам бы, может быть, осудил такую прыть. Злу позволено что хочешь, а добру — терпеть и ныть. В духе этого нытья сколько раз писал и я: станут мафия и секта нормой местного жителя. Только эти два пути вместо светлых десяти есть у Родины, что хочет из-под Путина уйти. Я ль не вижу, как глупы слишком многие «оппы», а Белковский с Канделаки — суть духовности столпы! Поколение «Дождя» разоралось, пылко ждя не защитника свободы, а народного вождя. Рослый Леша без проблем превращает нас в гарем: мы-то думали, что Гавел, а вгляделись — чисто Рем! Если Рем — какой он мэр? Так считают, например, безупречный Муждабаев по прозвищу Айдер, и Некрасов-режиссер так же мыслит с неких пор (я его назвал бы средним, но не жажду громких ссор)¹; так же мыслят Боровой, и Вишневецкий боевой, и Татьянович Артемий, то есть люди с головой. Ими я давно отпет. Что я им скажу в ответ? Что отстроится не-секта — никаких гарантий нет. Да, Навальный — не поэт, он не Тютчев и не Фет, не пирожное «картошка» и не розовый букет. Поглядишь по сторонам — где найти другого нам? Вдруг по Путину заплачем, как по царским временам? Отвечаю: господа, это может быть всегда, думать так располагает наша кислая среда. Это будет означать, что на нас лежит печать, что беззубого не стоит видом пищи огорчать, что страна обречена, Богом проклята она и что рыпаться не стоит — не поможет ни хрена. Мы сектанты, хомячки, власть рисует нам очки.

Если это вас утешит — утешайтесь в кулачки.

---

¹ Нет, ну правда! Я честно посмотрел «Любовь и другие кошмары» — это ужасная пошлость, ужасная, простите меня все.

Художник Петр Павленский провел необычную акцию, приуроченную ко Дню сотрудника органов внутренних дел. Он прибил свою мошонку к брусчатке Красной площади.

Жестокие! Зачем вы ропщете на артистичного мальчонку, что в голом виде к главной площади посмел прибить свою мошонку? Понятно, прихвостни-володины подобной храбрости боятся: Павленский создал образ Родины, что властно держит нас за яйца. Павленский — мэтр крутой эротики, его недаром посрамляют: он зашивал однажды рот уже, вступившись так за «Pussy Riot», лежал он — повторять не пробуйте! — назло милоновским пираньям в костюме из колючей проволоки пред петербургским заксобраньем, и вот, в укор тирану злобному, — хоть дело, в общем, не в тиране, — прибил мошонку к месту Лобному, где прежде головы теряли. «Высказыванье бесподобное!» — твердят поклонники героя: оно теперь уже не лобное, а страшно вымолвить какое.

Опять кошунство, дело ясное. Герой прославился гигантски. Грозит не расставанье с яйцами, но обвиненье в хулиганстве. Прочитан знак, сигналы поданы. Уже кричит иной Добрыня, что эта площадь — символ Родины, национальная святыня! О эти вскрики, гневно-праведны, родная логика торпеды: здесь обезглавливались прадеды, маршировали наши деды! Все их святыни вечно каменны, тверды, грозны и сановиты... Моя святыня — сказки мамыны, а не кремлевские граниты. **Закройте, грозные уродины, свои клеветущие пасти: весь ваш гранит — не символ Родины, а вещь иная: образ власти, ее всесия вселенского, ее размаха здесь и ныне...** Ущербность акции Павленского — не в оскорблении святыни, что строил зодчий из Италии (весьма талантливый, заметим), — а в том, что наши гениталии нужны нам все же не за этим.

Вступать в полемики заочные, увь, бессмысленно и грустно. Не покачу, коллеги, бочку я на актуальное искусство, не обливаю вас помоями, а лишь высказываю мнение: мошонке можно бы, по-моему, найти другое приращенье. Пока мы спорим с их дешевками про их имперскую идею, пока мы нашими мошонками трясем пред их

ней цитаделью, пока мы бранью и укорами бесчестим властного паяца — мы к ним действительно прикованы, причем действительно за яйца. Довольно нам себя обкрадывать, насильно втискивать на шконку, довольно наши яйца вкладывать в одну кремлевскую мошонку! Что вы себе мозги полощите? Я враг бессмысленных баталий. Не прикрепляйте к Красной площади своих заветных гениталий. Зачем вам эта мука адова? Ее не ценят азиаты. Ведь им как раз того и надобно — что наши яйца ими взяты. Зачем мы эту почву тощую терзаем письменно и устно? Уже не нужно с этой площадью соотносить свое искусство. Не будем гордыми зазнайцами. Вот жизнь — сумеем смысл найти в ней! Ведь послужить Отчизне яйцами мы можем много эффективней. Есть голоса, и мы возвысим их. Пусть будет здесь в сухом остатке побольше граждан, независимых от этой сумрачной брусчатки, от этой каменной громадины, где то репрессии, то смута... Ведь не затем нам яйца дадены, чтоб их приковывать к чему-то! Забудем медленное тление и всех, кому оно угодно. Родим другое поколение, что будет смело и свободно! Словами честными и ясными ответим на слова косые. Докажем всем, что люди с яйцами не переводятся в России. Так — и полезнее, и проще бы, и меньше зла, и больше такта.

А прибавать их к Красной площади... неэкономно это как-то.

Идеологическое

Депутат Госдумы Евгений Федоров намеревается внести поправки в Конституцию Российской Федерации. В частности, он предлагает из статьи 13 изъять пункт 2: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной».

UPD. В 2013-м поддержки своих коллег он не получил и в декабре 2018-го решил попробовать еще раз.

Напугались нынче многие: пал значительный редут. Больше без идеологии жить России не дадут. Много силы израсходовав, свой проект отважно внес депутат Евгений

Федоров, удалой единоросс. Измененье Конституции — давний федоровский сон: в наши дни, довольно тусклые, лоск и блеск привносит он. Помню, были все издерганы года два тому назад: «стратегические органы» вынул этот депутат, чтоб не власти наши пегие робко правили Москвой, а начальники стратегии, мудрый орган, высший слой; чтоб создать страну красивую, мастерицу грозных дел... С этой инициативой он когда-то пролетел, но теперь-то уж наверное после плохоньких времен наступает просто скверное, и услышан будет он. Вижу в каждом третьем блоге я, прошерстивши Интернет: нам нужна идеология, коли больше денег нет! И крутые, и пологие одобряют эту жесть. Сочинять идеологии мы готовы, опыт есть: всевозможные затейники, тайной миссией горды, прибегут, как коробейники, предлагать свои труды. Ах, российские сенаторы, что вам эта ребяшня? Позовите вы в соавторы лучше скромного меня. Все равно они, убогие, — умоляю извинить, — никакой идеологии не способны сочинить. Все их рвение учебное — философский факультет — упирается в волшебное слово «суверенитет». Не бодаются безрогие. Коль у бездны на краю вам нужна идеология — я вам даром отдаю.

Не скажу вам за Австралию, Штаты, Францию, Китай — мы живем двойной моралию лет уж триста, почитай. Наши правила нестрогие нам понятней и родней: нам нужна идеология, чтоб хихикали над ней, чтобы, шествуя болотами в шатком воинском строю, мы глушили анекдотами совесть едкую свою; чтоб не с Черчиллем, не с Никсоном, не с концепцией любой — а вот с нею бы сравниться нам и гордиться бы собой. Под Хрущевым и под Сталиным, Александром и Петром — нам привычней, чтобы ввали нам, чтобы каялись потом, чтоб работал принцип парности — чтобы с рыльцами в пуху все подонки и бездарности оставались наверху, а страна — отдельно, к счастью, — с кротким именем Христа оставалась непричастною и считалась бы чиста. Это чую в русском слоге я, в этом наше бытие — нам нужна идеология, чтоб спастись от нее, чтобы истина окопная ослепительней была, чтобы наша речь эзопная кучерявее цвела! Нам нужна идеология, как над речкой — зимний лед, чтобы рыбины двуногие длили сонный свой полет, чтобы в этой полусонности, где и свет почти потух, в этой илистой посконности заро-

ждался русский дух, приглушенный и окисленный, нездоровый для детей, и достаточно двусмысленный, но живучий, как Протей! За года двуличья скотского он — достойная цена: дух Тарковского, Высоцкого, Куприна и Шукшина... Сочиненьями великими мы славны, хотя грязны. Да, мы врали — но хихикали! Да, ползли — но как ползли! Мутный ил — среда для гения. Да, сжимается очко, да, мы врем — но тем не менее не в ответе ни за что. Да, терпел, — скажу в итоге я, — но упрека не приму: ведь всегда идеология будет тут виной всему. Да, при Марксе и при Боге я подловат и трусоват, — но виной идеология, император и сенат! Знаем эту демагогию, слава богу, не лохи: поменял идеологию — и списались все грехи.

Мы идем своей дорогою, и ничто нас не берет. Дайте нам идеологию — это сероводород, дух Леонтия, Прохання, непробойный русский щит... Он нам нужен для дыхания. С кислорода нас тошнит.

Элегия

Все чаще я думаю: если не Путин, то кто?
Других не осталось. Раздерганный мир неуютен.
Резервы стабфонда ушли, как вода в решето.
Нам нужен спаситель, и кто это, если не Путин?

Разбив телевизор, тупой, как считалки Барто,
Презревши газеты, где правит советская старость,
Все глубже я чувствую: если не Путин, то кто?
Ни сверху, ни снизу уже никого не осталось.

**Все чаще я думаю: если не Путин, то я
Не знаю, кого предложить тебе, офисный трутень:
Навальный? Явлинский? Рогозин? Пархоменко? Я-
Шин, может быть? Поткин? Зюганов? Тогда уже Путин.**

Все чаще я думаю: если не Путин, то как?
Когда же тут было иначе, спроси Каллиопу?
Духовные скрепы, донос, воровство и бардак,
Но мир благодарен: мы всех не пускали в Европу,

Как Пушкин писал Чаадаеву в давнем году,
Поскольку последний поддался нерусскому сплину:
Сперва мы веками туда не пускали Орду,
Теперь мы деньгами не пустим туда Украину.

Ярящийся Путин играет на ржавой струне.
Таящийся Путин расселся за партами в школах.
Невидимый Путин идет по притихшей стране.
Разгневанный Путин клеймит толерастов бесполох.

В депрессии мечется четверть, уехала треть,
Судить их не стану — счастливый, как водится, путь им;
Дилемма оставшихся — если не гнить, то гореть.
Гореть, если Путин, а впрочем, и гнить, если Путин.

Незыблемый лозунг момента — Роисся вперед —
Преследует всюду, как фавны преследуют нимфу,
И все это Путин, но если не Путин, то где?
Все там же, и память устала подсказывать рифму.

В мозгах моих, липко змеясь; торжествует путень.
Мой мир накренился. Мой нравственный кодекс запутан.
И сам я как Путин, поскольку попал в его тень.
Я скучный, как Путин. Я всех ненавижу, как Путин.

...За окнами меркнут остатки короткого дня.
На стынущих лужах — закатные ржавые пятна.
И я пробуждаюсь, и морок сползает с меня.
Я с вами, читатель. Ведь если не я, то понятно.

Обменное

Указом президента о помиловании освободили Михаила Ходорковского. Из колонии вертолетом его доставили в аэропорт, а оттуда он сразу улетел в Германию.

Улетевший Ходорковский, не признав своей вины, всем напомнил, как Буковский высылался из страны. Выпьем, братцы, где же кружка! Не дожали до конца. Всем припом-

нилась частушка неизвестного певца: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана. Где б найти такую вещь, чтоб на Брежнева сменять?»

Наконец являет милость наш озерный исполин: опустить не получилось — отпускают, но в Берлин. Верьте мнению поэта, друга Феба и камен: не помилованье это — это именно обмен. Вспомним Трифонова снова: он задолго до элит раскусил, что это слово нашу жизнь определит. Да никто и не скрывает, не соврет и лидер наш: милосердья не бывает, а бывает баш на баш. Пароходы даже Ленин отпускал не просто так... На кого же он обменен? — вот загадка для писак, вот над чем сегодня бьются наши лучшие умы, как спириты вертят блюдце. Что ж, попробуем и мы.

Может, наши дипломаты со страховками мутят, и теперь за это Штаты Ходорковского хотят? Но едва ли даже Штатам так страховка дорога, чтоб за это им, проклятым, выдать главного врага. Может быть, Барак Обама предложил ему ничью и сказал про Сочи прямо: отпускаешь — прилечу? Но прибытие Обамы, несмотря на шум и вес, разве стоит целой драмы с вертолетом МЧС? Может быть, ударил в спину европейский их кагал: не пускаешь Украину — так хоть Мишу бы отдал? Но по мнению исполина, окормляющего нас, разве стоит Украина олигарха номер раз?! Некто Рар, мужчина светский, поспешил утешить всех: дипломатии немецкой в этом кроется успех. Да, Германия толкова, — но с учетом нефтянец что она ему такого предложить могла взамен? Деньги? — их у нас как грязи, мы их тратим, как говно. Может быть, архивы Штази? Так раскрыты ведь давно. Главный враг, отбивший десять, всех пугающий пример, — чем его уравновесить? Разве только ГАР? Я, однако, не уверен, варианты рассмотрев, будто Дрезден или Шверин станут вотчиной РФ. Тут нужна иная ставка — и ни местное ворье, ни любой новейший Кафка не предвидели ее.

Не напрасно это чудо ставит прессу кверху дном: узник выпущен отсюда при условии одном. Здесь, под сводом наших грузных, вечно пасмурных небес, есть другой российский узник, наш второй Эдмон Дантес. Непонятною виною он пред кем-то виноват и за красною стеною заточен в кремлевский ад. Может он лететь хоть в Сочи, хоть

в Неаполь, хоть в Афон — но из этой вечной ночи ускользнуть не может он. Горек взор его, как хина. Мозг его горит огнем. Заржавевшая махина нынче держится на нем. Но при всем его пацанстве, о котором нам твердят, — не бывает вечных царствий, и его освободят. Бросит он свою работу, скажут нам, что он исчез и доставлен к самолету вертолетом МЧС — и страна его поздравит воем радостной толпы, и куда тогда направит он усталые стопы и натруженную спину после всех российских смут? Видно, к городу Берлину. Больше вряд ли где возьмут.

Оттого-то и услуга, и свобода без суда...

Знать, и вправду друг от друга им не деться никуда.

Папуасское¹

Страна сегодня точит лясы —
Почти до драк —
О том, что всюду папуасы.
И это так.
Повсюду речь о папуасах,
Представь себе:
Они и в рясах, и в лампасах,
И в ФСБ!
Давным-давно, пугая массы
Партийных рыл,
«Вы папуасы, папуасы!» —
Никита выл.
И мы не можем чувства те же
Сдержат в узде:
Тогда их видели в Манеже,
Теперь везде.

**Давно, в иных десятилетиях,
До власти тьмы
На левых, правых, тех и этих
Делились мы.
Сегодня нет ни групп, ни классов.
Расклад таков:
Распались мы на папуасов —**

---

¹ Эвфемизм, к которому автор вынужденно прибегает, чтобы никого не обидеть. К жителям Папуа и Новой Гвинеи он тоже не имеет отношения.

И их врагов.

Теперь у них, у негодяев,
Могучий клан:
Того гляди Андрей Кураев
Утратит сан!
(Иные, правда, напирают
На пункт иной —
Что это, дескать, «Pussy Riot»
Всему виной.
Но эти детские приплясы
Давно в тени.
Всему виною папуасы,
Они одни.)

Мы пролетели мимо кассы
В который раз!
Повсюду чешут папуасы
Свой Гондурас.
Еще один вещатель истин
Бичует грех:
Призвал Ванюша Охлобыстин
Проверить всех —
Ребят с правительственной трассы,
С рублевских дач...
Там тоже всюду папуасы,
Сказал хохмач.
Мещан, сидящих у экрана,
Смутил Иван,
Но есть резон в словах Ивана,
Скажу я вам.
Здесь ни по вкусу, ни по чину
Различий нет:
Все любят одного мужчину
Преклонных лет.
Его слова, его гримасы,
Его магические пассы,
Его обильные припасы
В густой тени...
Еще б они не папуасы!
Как раз они!

Не только здесь, но в прочем мире —
Ура, ура! —
Он стал любим гораздо шире,
Чем был вчера.
Все влюблены — ОПЕК и НАТО,
Евросоюз...
Чем это в будущем чревато,
Сказать боюсь.
Грядет расплата белой расы
По всем счетам.
Они сплошные папуасы
В Европе там.
Да что Европа! Скажем прямо,
Их большинство.
Уже разводится Обама
Из-за него.

Весь мир — от джунглей до пампасов —
С приставкой «гом».
Он нынче полон папуасов.
Они кругом.
Прости, планета голубая,
За все прости!
И нет Миклухи, нет Маклая,
Чтоб нас спасти.

Боксерское

В Москве пройдет боксерский поединок, который впоследствии окажется самым рейтинговым событием года. Российский боксер Александр Поветкин, он же Русский Витязь, сразится с украинским спортсменом Владимиром Кличко, он же Доктор Стальной Молот.

UPD. Поветкин проиграл, но сразу после боя пообещал больше тренироваться, чтобы в будущем взять реванш, который, впрочем, не состоялся: в 2017 году Владимир Кличко завершил спортивную карьеру.

Москва идет смотреть на бой Поветкина с Кличко: в сравнение с битвою такой все прочее — ничто. Какой бомонд, какой парад китов, акул и шук! — их не собрал и «Сталинград», который Бондарчук. Кто больше нравится судьбе — Поветкин или Кличко? Теряюсь. Мне не по себе. Сжимается очко. Вопрос, смущающий народ, терзающий умы: то ль Украина нас побьет, то ль Украину мы? Побьет ли Сашу Молоток — или русский богатырь заставит Молота чуток понюхать нашатырь? Читатель! Пресса и айпад, ТВ и Интернет тебе сказали результат, а мне покуда нет. О том, кто нынче победит, гадаю я досель: мы все на взводе, как Эдит, когда в бою Марсель¹. **Но впрочем, кто кого побьет — вопрос не главный тут: меня волнует не исход, а новый институт.** Наш лидер планку опустил, воинственный плейбой. В верхах сегодня новый стиль, почти что мордобой. Конечно, этот стиль не нов — я тут давно живу... Сергей, к примеру, Иванов наехал на Москву: планктон составил большинство, кругом полно воря, не производят ничего, не могут вообще... Ругаться грубо, без чинов, умеет и дебил, — пошел бы лучше Иванов да морды нам набил! Побил бы нас, суровый гость, чтоб не борзели впредь, — весь «Олимпийский» бы небось собрался посмотреть! На мэрских выборах в Москве, недавнего числа, Москва в огромном большинстве участки предпочла: не избирательные, нет, совсем наоборот, а те, где водка, винегрет и дачный огород. Но если б наш таежный мэр и гордый Алексей сошлись на ринге, например, своею массой всей! — была бы явка выше ста — и чернь, и модный хлыщ, — и продавались бы места за очень много тыщ! Все очевиднее в Москве стремительный развал: придурком давеча ВВ профессора назвал. Единоросский пылкий зал вопил, забывши стыд... (Профессор в Твиттере сказал, что это даже льстит.) Уверен, следующий шаг — ругаться дураком и разбираться только так, по роже кулаком. Пора наказывать ловчил — сурово, делово! Кадыров так уже учил министра одного. Я предложить не премину рецепт от неудач: пора гражданскую войну свести в боксерский матч. Нацист и хач, ханжа

---

¹ Эдит Пиаф, как известно, была влюблена в боксера Марселя Сердана.

и б...дь, танкист и либерал — чтоб люд не рвался воевать, а хлопал и орал. Наш мир сегодня — мир скотов, бандитов и шутов — уже боксировать готов, а думать не готов. Россия, это твой сюжет. Бери, не продинамай.

А как надуется бюджет!

Как раз на мундиаль.

Сочинское

Об итогах Олимпийских игр, прошедших в Сочи под девизом «Жаркие. Зимние. Твои».

Чтобы в обществе дух не зачах, нас порой вопрошают сурово: «Как вам нравится то, что в Сочах?» Очень нравится, честное слово. Наш успех повсеместно воспет, и не ждите претензий тревожных: я на это смотрю как эстет, я на это смотрю как художник! Деньги тратятся? — это пустяк, непонятна мне ваша кручинка: нам же деньги бы эти и так не достались — чего ж мы кричим-то? **Деловитость, излишняя прыть — лучший способ до времени спянуть. Состоянье публично пропить — для пиара важней, чем потратить; соглашусь, это случай иной, но пред всей мировую элитой мы предстали роскошной страной, а не пьяною, нищей, немойтой!** Мы разделали их под орех, патриотам России потрафив: в Сочи сделали праздник для всех — а в Европе кончают жирафов! Этот датский поступок свиной оттеняет наш блеск по-большому. Мы, конечно, болееем спиной¹ — но из этого сделали шоу! И пускай мы спиною больны, натрудившись буквально до грыжи, — но ведь Родина выше спины, а презренные критики — ниже.

Наша матрица — вынь да положь, от людей ее больше не скроешь. Для наглядности высушен «Дождь» и к столбу пригвожден Шендерович. Это тоже на экспорт, клянусь, как трамплины, катки и медали: это наша опричная Русь,

---

¹ Фигурист Евгений Плющенко из-за травмы спины отказался от выступления в мужском одиночном катании на Олимпийских играх в Сочи перед своим выступлением в короткой программе. После снятия с соревнований в Сочи фигурист официально заявил о завершении спортивной карьеры.

о которой так много читали! Иностранцам же нравится так. Наши травы туризму во благо: в наших гонках, туризмах, катках тоже должен быть привкус ГУЛАГа. У верблюда бывают горбы, без когтей не оцените кошку: пусть в процессе спортивной борьбы хоть кого-то распнут понарошку. Ибо пресен без плесени бри, а Отчизна — без шавок покорных; ибо игры в «Замри-отомри» — местный спорт, как в Шотландии кёрлинг. Наши! Зимние! Всем горячо! От восторга случилась бы рвота, если б мы на закрытье еще расстреляли публично кого-то.

Так что критики я не боюсь — не боится могилы горбатый: мы увидели русскую Русь, с авангардом, парадом, растратой; с чистым небом, с горой ледяной, с новым уровнем еврокомфорта, с кучей бабок, больною спиной и потравой для пущего спорта. Я люблю эту звонкую жесьть, мне другого расклада не надо.

Потому что Россия и есть — сочетанье Олимпа и ада.

Болотническое

Чтоб мир наш был уютен и крепок, как орех, —
Владим Владимыч Путин, давай посадим всех!
Представь, как мы всклокочем Россию, нашу мать.
Ведь ты же хочешь очень — зачем себя ломать?
Возьмем буквально за день — всю прессу, всех жидят...
Болотников посадим, хотя и так сидят...
Алехина — помеха, Навальный — паразит.
Давай закроем «Эхо» — никто не возразит.
Всех либеральных змиев, весь креативный цвет!
Иначе будет Киев. А Харькова-то нет.

Пускай в родном пейзаже ликует большинство.
Нам станет легче даже, когда ты нас тово.
Ты, к собственной досаде ж, повысишь наш престиж...
Не ждать, когда посадишь, а ждать, когда простишь!
В условиях нашей эры, как знают все братки,
Не катят полумеры — тут катят лишь катки.
Пусть будет дух погромен и едок, как табак.
Пусть будет только Семин, а Мамонтов — слабак.

Пускай врагов поймают, и лучше без суда.
У нас не понимают иначе никогда.
Давай, Владим Владимыч, пускай звенят ключи!
И высуши, и вымочь, и снова замочи.

**А чтобы снять нервозность от этих грозных дел —
Давай посадим возраст, чтоб он всегда сидел.
Разделаться со всеми, допустим, тяжело —
Давай посадим время, чтоб никуда не шло,
Чтоб легче строгим дядям на средней полосе...
И ту давай посадим, кого бояться все.
Чтоб не дрожать рассудку и не терять лицо —
Посадим в зайца, в утку, в конце концов, в яйцо!
Серьезные ребята на давнем рубеже
Так делали когда-то — и получалось же!**

Но кто-то шепчет сзади ж, что этот способ — ложь,
Что время не посадишь, что правду не возьмешь,
И все идет к итогу — его не избежать...

Зачем тогда, ей-богу, Болотную сажать?

Островное

Бедный Крым, причина споров острых, козырь всей российской гопоты! Вся твоя беда — что ты не остров, вся проблема, что не остров ты. Вся Россия бесится в траншеях, всяк орет свое кукареку... Жаль, что за Чонгарский перешеек приторочен ты к материку. Если бы тебя объяли воды, там была бы вечная весна, — ах, ты стал бы островом свободы, Меккой всем, кому земля тесна! Ни Украине, ни России отчей не достался б южный твой Эдем, ты бы стал ничей, а значит — общий, но ничем не связанный ни с кем! Греческий, турецкий и татарский, душный, пышный, нищий, дикий сад... Кто бы этот поводок Чонгарский перерезал тыщу лет назад? Что ж вы, тавры, что ж вы, генуэзцы, не прорыли три версты песка? Вы б оазис сделали на месте нынешнего спорного куска. Ни одна зловещая ворона из чужого жадного гнезда — что с шевроном, что и без шеврона — не могла бы сунуть-

ся туда. Под своим соленым, бледным небом, волнами обточенный кристалл, ты ничьей бы собственностью не был — и в конце концов собою стал, не ломоть чужого каравая и не чарка с чуждого стола... Никакая слава боевая кровью бы тебя не залила, а уж если б выпало сражаться и отвагой сумрачной блистать — ты бы сам, по праву домочадца, защищал бы собственную статью. Никакого ложного подсчета хриплых от испуга голосов; никакого пафосного флота, кроме разве алых парусов, никаких подосланных ищеек... Но теперь-то поздно, обломись. Ах же ты, Чонгарский перешеек, весь гнилой, как всякий компромисс!

Я предвидел это с девяностых. «Нерусь!» — крикнет мне святая Русь. Я и сам такой же полуостров: плюхаюсь, никак не оторвусь... И прогноз-то прост, как пять копеек, вмятен, как нагайка казака, — но привязан я за перешеек памяти, родства и языка. Да, я знаю сам, чего я стою, вечно виноватый без вины, с трех сторон охвачен пустотою и огнем с четвертой стороны. Мне ли не видать, куда мы рухнем — якобы восставшие с колен? Лучше, проезжая город Мюнхен, помнить про другой — на букву Н. Так рифмует массовик-затейник, чувствуя, как смертный холодок, перешеек, сладкий мой ошейник, Родины заплечный поводок. Воздух солон. Жребий предначертан. Сказаны последние слова. Статус полуострова исчерпан. Выживают только острова.

Колонное

Нашлась лишь эта горсточка больных интеллигентов,
Чтоб высказать, что думает здоровый миллион.
Ю. Ким

Какой эфир ни слушаю, куда я взгляд ни кину — в жешную полемику, в агитку ли властей, — все тотчас же кидаются орать про Украину, как будто больше нет уже российских новостей. Родимая империя скукожилась настолько, что все определяется в отеческом доме лишь санкциями Запада да просьбами Востока ввести туда такое же, которое в Крыму. Взгляну на Соловьева ли, взгляну на Киселева, смотрю на Соколова ли, на Гришина порой — ну

где ж у них проблемы-то эпохи, право слово? Да кто у них герои-то? Сплошной антигерой. На западную мафию нацелен взор влюбленный, дерется с англосаксами отважный царь Горох, повсюду наблюдение за пятою колонной плюс горестные новости из первых четырех. Как будто ни правительства, ни личного состава, ни школы, ни геологов, ни мощных производств, как будто у Отечества проблем уже не стало — а лишь «Медведев встретился» да «Путин произнес». Какое непостижное, извратное влечение к проклятию, к распятию... Сплошная Скойбеда! Пospорьте хоть о способах леченья-обученья, делах науки-техники, героях соцтруда... Ужели наши граждане лавиной единой задумали обрушиться на бывшую сестру, и весь досуг их, Господи, заполнен Украиной, борьбою с мужеложеством и происками ЦРУ? Ужели мы действительно страна второго сорта? Не верю, нет, немисливо! Ведь есть, в конце концов, цифирь помимо рейтинга, и труд помимо спорта, и не одни душители, и не один Немцов! А то уже, по Бродскому, мы видим лишь руины, сомнительное варево из желчи и слюней. Давайте хоть о чем-нибудь помимо Украины, да можно б и сенаторов представить поскромней. **С российской точки зрения идет осада Трои, весь мир на нас окрысился, кругом сплошная жесьть... Но есть же население, проблемы и герои, свои, не заграничные, какие ни на есть!**

Во времена советские — их каждый третий помнит — родному телевиденью вполне хватало тем. Как мы глумились, юные, над тем «Рабочим полднем», над черно-белым «Временем», над «Сельским часом» тем! Андропов был не лапонька, и Брежнев был не зайка, и «Время» было мутное — «станки-станки-станки», — но складывалась, граждане, какая-то мозаика — благодаря вещанию, а чаще вопреки. Случались и дискуссии — о фильмах, о морали: не только кулинарные программы о борще! Не только огрызались мы, и не всегда карали, а про колонну пятую молчали вообще. Ну да, инакомыслящих метут по психбольницам, и рейтинг Бровеносного превыше сотни всполз, — но главным инфоповодом там не был Солженицын и академик Сахаров упоминался вскользь... Сегодня охранительство, подобное горилле, ликует беспрепятственно. Сигнал резвиться дан. Но черти, что б вы делали, о чем бы говори-

ли, когда б не нацпредатели, не Крым и не Майдан?! Прости меня, о Родина, за это злое слово. Не цацкается с крысами Верховный Крысолов. И что в тебе, прости меня, сегодня есть живого?

Лишь мы.

Да эти санкции.

Да Крым.

Да Киселев.

Бедное

Годовой доход Владимира Путина составил около 3,6 миллиона рублей, что на 2 миллиона меньше, чем год назад.

Я потрясен, клянуся мамой. Достойный повод для стихов: он оказался бедный самый из наших правящих верхов. Трудясь, как раб, без утомона, собой являя ум и честь, он заработал три лимона. Еще недавно было шесть! Олимпиада, Крым победный, спасенный им Обама-гад... С ума сойти, какой он бедный. Напарник более богат, хотя старается натужно вернуть былое торжество. Мы все его жалели дружно, а надо было не его! Сажусь за руль с усмешкой бледной, на «Ладе» еду в институт... Я думал — я довольно бедный. Он превзошел меня и тут. На фоне всяких там Димонов мы с ним бедны, что твой Тимон¹. (Доход мой меньше трех лимонов, но больше вкалывает он.)

Кому здесь можно поклоняться? Кто всем действительно родной? Из всех верховных деклараций я плакал только над одной. Подчас заходит ум за разум: за что терпеть клубок проблем, восставший Киев, козни с газом, сравнения страшно молвить с кем?! Прибавьте козни злобных вредин, «едра» подгнивший легион... О, как он беден, как он беден. Кто беден более, чем он? Иной надумает лукавить и лицемерно возразит: да ладно, у него страна ведь... Да что ты знаешь, паразит?! Страна ведь, в сущности, Господня, и эта странная страна твоя, казалось бы, сегодня, а послезавтра чья она? Я даже думать не рискую. Страна — не

---

¹ Разорившийся финский филантроп, впоследствии мизантроп.

хижина в Крыму: и не продать ее такую, не сдать в аренду никому. Пускай хихикают глумливо, над этой скромностью сострив: квартира, старенькая «Нива» с автоприцепом марки «Скиф»... Да, есть соратники. Но право, легко увидит, кто не слеп: таких соратников орава — весьма сомнительный прицеп. Порой, как сучки в жажде случки, льстецов визгливая орда томится в очереди к ручке, да и не к ручке иногда, но кто же верит этой кодле? Чуть обозначится развал — и все, кто ошивался подле, воскликнут вслух: «Я так и знал». Тут хошь не хошь — предашься сплину. Любой из пафосных ловчил всегда готов ударить в спину... как ты их сам же и учил... **Кого приблизил? Кто надежен? По ком проказа не прошла? Как молвил Мышкину Рогожин — уродцы, князь, людишки, князь! С душком душонка, лобик медный, подлиза, вор и ренегат... Ах, тот и вправду очень бедный, кто этой свитою богат.**

Он беден, да. В России плохо служить кумиром и столпом. С его же именем эпоха войдет в учебники потом. Случьись кому-то, час не ровен, давать ответ за общий грех — он будет тут один виновен и заклеимен один за всех. Уже сейчас вполне понятно — и предсказуемо вполне, — какие пролежни и пятна тогда увидят на стране; кому пенять на это станем? Лё мизерабль¹, пардон май френч. Бедней считался только Сталин, ваще имевший только френч, но окружение страшнее. Разожрались за сорок лет. Те были просто тонкошей — у этих шеи вовсе нет.

...Да, он довольствуется малым, но есть пока ресурс один: мы стали главным капиталом, мы никогда не предадим. Мы смотрим на него влюбленно, нам незнакомо слово «лесть», мы пятая его колонна, нам без него ни встать, ни сесть, ни пить, ни есть. Из всей России, что чахнет под его рукой, мы у него одни такие, и он у нас один такой. Иные, стоит ветру дунуть, стремглав помчатся в Новый Свет... Мы ж о другом не можем думать, да больше никого и нет в пространстве нашем заповедном. Иной пиит с лицом свиньи зовет меня Демьяном Бедным за эти опыты мои, — и ладно. Пусть плюются вслед нам! Мы проскочили Рубикон, и мне почетно зваться Бедным, чтоб хоть отчасти быть как он.

---

¹ Les Misérables (франц.) — отверженные.

Владимир Путин сказал, что сделает все, чтобы избавить телеканал «Дождь» от избыточного влияния контролирующих органов, если это единственная причина, по которой канал не выходит на экраны.

Короче, все. Короче, их простили.

Короче, он в своем привычном стиле махнул рукою, травлю прекратив. Отныне и дождливая погода разрешена. Там не враги народа — там молодой здоровый коллектив. Ошиблись, да. За это, как проказу, их прокляли — и отключили сразу, закрыли воздух, хоть чужой рукой. Но ныне, при смягчившемся режиме, мы дышим, потому что разрешили. Спасибо вам за наш ночной покой.

Вы победитель, скажет Хакамада, — и правильно, Ирина, так и надо. Вы скажете — ирония? Пойму. Он победил бескровно и бездымно, мы как бы жили без герба и гимна, однако получили их в Крыму. Мы даже согласились бы, пожалуй, что Крым нас снова сделал сверхдержавой назло ЮНЕСКО, НАТО и ПАСЕ. **Ведь сверхдержава, как сказал бы Пратчетт, — не тот, кто что-то может или значит, но только тот, кого боятся все.**

Теперь, когда мы снова сверхдержава и лидеры, мы можем спрятать жало, забыть угрозу ядерной зимы и упрекнуть в жестокости звериной того, кто нас поссорит с Украиной — как будто это кто-то, а не мы. Теперь опять дозволена свобода. Мы пощадим далеких от народа, забудем кличку «гнилостный хомяк», мы обещаем им свободу слова и несколько осадим Киселева — хоть он блестящ, но Митя, как же так?! Не знаю точно, в санкциях ли дело иль окружение дружно перебдело, но грешных и обделавшихся нас, пинаемых как справа, так и слева, — наш благодетель охранит от гнева сорвавшихся с цепи народных масс. Пусть будет «Дождь», пусть будет даже «Эхо», все это сверхдержаве не помеха, как Бонапарт сказал о Рекамье. Покуда не трещат над нами своды, — еще паситесь, мирные уроды: как быть, не без урода же в семье! Ты пригодишься, мерзостный бездельник, во дни, когда совсем не станет денег: народ поднимет глупую возню — мол, хватит нас кор-

мить своею песней, нам не хватает спичек, соли, пенсий... Тут я тебя публично и казню. Пока же я, добрейший император, велю тебе, мобильный оператор, вернуть «Дождю» права на честный труд. Ты можешь отключить свою опаску и щедро их порадовать под Пасху.

И главное, что это ведь сожрут.

Как труженик — к окошку в день полочки, все побегут прикладываться к ручке, благодарить, смиряться, лепетать, кричать, что дорогая сверхдержава им подарила гибельное право читать, считать, питать и трепетать. Любимый «Дождь»! Пускай из тьмы могильной вернет вас вседержитель наш мобильный, но если вы, предав свою среду (чего мы, впрочем, даже не заметим), утретесь и воспользуетесь этим — я никогда к вам больше не приду. Что говорить, себе я знаю цену, поскольку мне давно пора на смену, и мой приход — сомнительная честь. Хоть рви рубаху, хоть ногами топай, — но я ежа пугаю голой попой.

Да, голая. Но уж какая есть.

Разговорное

Пронесся слух, чреватый мегатрагедией, поскольку мир застыл на рубеже: отныне разговаривать с Обамой не будет он. Им не о чем уже. Настолько все испортилось в апреле, что перешло в иной системный ряд. Они уже почти что две недели с Обамой ни о чем не говорят. Я не стремлюсь к всеобщему раздраю, не склонен рвать связующую нить, но если честно, я и сам не знаю, о чем с Обамой можно говорить. Кота бы я за яйца не тянул бы. Наш президент уже упомянул, что если бы один из них тонул бы — другой бы сразу руку протянул, и жест героя был бы верно понят — не бомба, не ракета, а рука! — но так как ни один из них не тонет, то говорить и не о чем пока. Пора явить друг другу грозный нор. Все прочие пути пресечены. Давайте уж без лишних разговоров дотянем мир до ядерной войны, устроим всем одну большую полночь — поскольку, даже гайки закрутив, сегодня тут иначе не напомним категорический императив.

Но тут Песков буквально сделал чудо, вернул планете бодрости заряд, сказав, что говорят они покуда! Сурово, да, — но все же говорят. О чем? — когда кругом такие страсти! Как поделить горящую страну?

ОБАМА. Здасьте...

ПУТИН (*жестко*). Здасьте.

ОБАМА. Ну...

ВЛАДИМИР (*жестко*). Гну!

ОБАМА. Вы пойдете на уступку?

ВЛАДИМИР (*жестко*). В красную звезду!

ОБАМА (*мягко*). Я бросаю трубку.

ВЛАДИМИР (*жестче прежнего*). Кладу.

Я знаю, им самим наскучит скоро мусолить эту пафосную жесть. Что проку от такого разговора — не знаю сам; какой-нибудь да есть. Но разговоры Путина с Обамой меня не занимают в этот раз: тут есть один вопрос, серьезный самый, и он не их касается, а нас. Настали времена такие злые, такая неожиданная прыть, — не знаю, как они, а мы в России друг с другом еле можем говорить. Намека на согласие не видно, к расколу подбирались двадцать лет. Предатели — одни, другие — было, евреи — третьи, а четвертых нет. Одни кричат — «скоты, в аду гореть им!», другие, как всегда, — «пархатых бей!», и кажется, что в девяносто третьем мы выглядели несколько добрей. Какую участь боги нам готовят, какая жертва здесь принесена, что пять веков, подай нам только повод, как сразу же гражданская война! Какой закон, извечный и упрямый: вседневное искание врага!

И сколь они счастливее с Обамой: им дальше жить не вместе ни фига.

Миротворческое

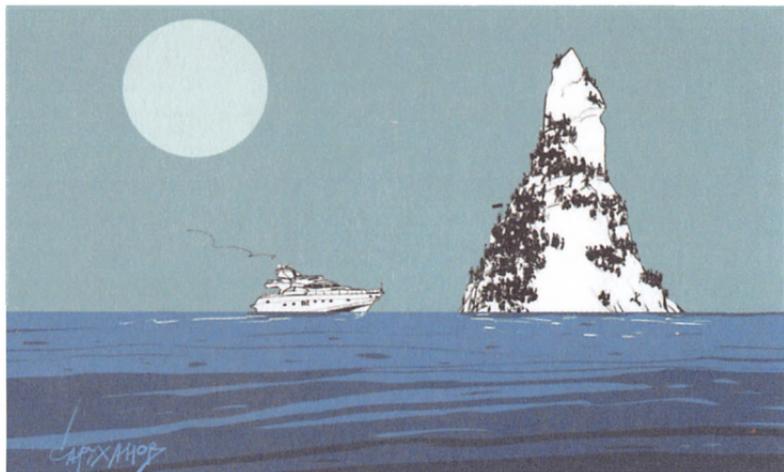

Смирись, майдановская рать: прикинь, спасет тебя Европа ль? Нет, я за то, чтоб все отдать, как вы отдали Симферополь: не продолжая непокорств, не повторяя Межигорий... Отдать, покуда Краматорск не превратился в крематорий; отдать Луганск без долгих слов, Донецк и Харьков, не оплавав; отдать Одессу, Киев, Львов, а если выйдет, то и Краков. Не потому, что так плоха родная нянька Укра-

ина, не потому, что с МБХ я выступаю заедино, не потому, что всех нагнуть я жажду мерою такою, — а потому, что это путь к ненарушимому покою. Отдайте Родину на раз, со всем народом, если примут. Все сразу станет, как у нас — беру не пенсии, но климат: застынут даже воды рек. Уйдут смятение и злоба. Вы успокоитесь навек, никто не рыпнется до гроба. Россия станет ваша мать. Приникните к родному лону! Чтoб иногда маршировать, оставят пятую колонну, единой нации говно, как замечал Ильич победно. Но это будет так смешно, что даже, в сущности, безвредно.

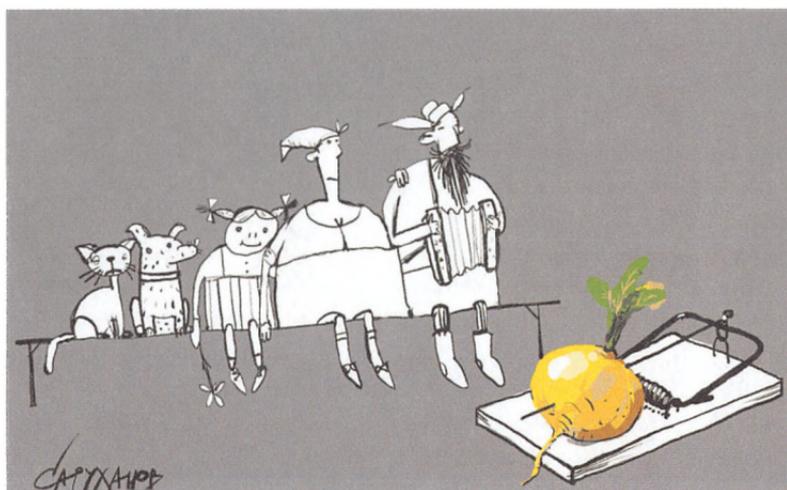
Вы сразу встанете с колен. Все завершится общей мессой. Вы захотели перемен? Они кончатся Одессой. Стремилась в рай — попали в ад. Ведь ясно было: очень скоро вас в каждой смерти обвинят за то, что вы погнали вора. Пройдется красным колесом мятеж, подпитанный с востока: вас обвинят теперь во всем необратимо и жестоко. Не то беда, что вы давно искали помощи у НАТО: свобода тянет вас на дно, свобода будет виновата! **Сопrotивление — страшный грех и непростительнейший навик. Вам отвечать теперь за всех — равно за правых и неправых. Кто отступал, кто нападал, кто доверял и кто дурачил, — а виноват за всех майдан: и то, зачем он это начал?** Мол, все устроится само, лишь свергнем рыцаря наживы... А надо было жрать дерьмо, и все бы, кстати, были живы. И Крым бы, кстати, был при вас, включая скважину на шельфе, и газ бы шел не как сейчас, а вдвое слаще и дешевле. Теперь у вас такой бардак, такой беспримесный упадок... Лишь Путин может сделать так, чтоб в Украине был порядок: объединенье большинства, позор навек пред целым светом — чтоб вся страна была мертва и хорошо жила при этом!

И к вам, заморские друзья, я обращаюсь заедино: с Россией ссориться нельзя. Она ваще непобедима. Кто сладит с ней, с такой большой — в полях теряется столица, — с ее угрюмою душой, что даже смерти не боится, и не боится ничего, хотя врагов у нас несметно, — поскольку все давно мертво и потому уже бессмертно! И я за то, чтоб прочий мир, покуда он не стал руиной, пришел на общий братский пир сдаваться вслед за Украиной: вот будет жизнь! Ни лишних слов, ни оппозиции, ни страха... А если будет

Беженское

Когда сорвется весь зверинец
и побежит с привычных мест –
к тебе придет не сириец
(сириец Австрию не съест);
не бойся смуглого ливийца, не
бойся негра (цыц, расист!), но
если мы к тебе явиться задума-
ем – тогда трясись.

Ad fera gauda

Поди-ка ели повали ты: у нас, голубчик, все равны. Кто оторвался от народа и думал жить наоборот, тот по закону бутерброда как раз и шлепнется в народ.

Киселев — вы не заметите и краха. Весь мировой жидомасон, что до сих пор глумился грозно, впадет в блаженный общий сон. Идите к нам, пока не поздно! Ваш срок, по-моему, истек, все ваши смыслы дружно скисли. Вам намекал на это Блок, он написал про это «Скифы». Россия — ваша кость и твердь, решительная, как шпицрутен, непобедимая, как смерть, и бесконечная...

Футурологическое

Когда-нибудь, товарищи потомки, — мы тоже доживем, хотя не все, — сегодняшние мелкие подонки раскроются для вас во всей красе, и как сейчас — пригожинские тролли и глупых провокаторов орда, проявятся их подлинные роли. И что мы с ними сделаем тогда? Тогда уже не анонимный взломщик, таинственный боец Шалтай-Болтай¹, — все будет и торжественней, и громче, как было после культа, почитай. Мы всех тогда узнаем поименно, плюс выплаты с графюю «итога»: отцов шедевра «Пятая колонна», хозяев Энтеве и Энтео, любимых идеологов системных — их в сумраке пока не различить, — спускавших на каналы четкий темник, кого превозносить, кого мочить; их всех, разоблачавших укро-бунты плюс их духовных западных отцов, всех, кто кричал о злодеяньях хунты, сирийцев выдавая за донцов; тут подлинный разбой, а не пиар уж. План Геббельса, начало всех начал. Мне кажется порою, что и Ярош от них такой же темник получал. **Что делать с вихрем этой нанопыли? Одних газетных монстров штук пятьсот... Я думаю, там искренние были, но искренность, ей-богу, не спасет: в единый ряд придется всем усесться. Там все равны — и циник, и дебил. Ведь если кто убил по зову сердца, он все равно, товарищи, убил. Прекрасный день придет и будет прожит, и мы увидим каждый грязный рот, поскольку вечно врать никто не может, особенно когда бездарно врет. «Известия», «Культура», «Литгазета», истерика, халтура, глас гебни — со всех однажды спросится за это, и с каждого. Но мы же не они. Не ссылкой же грозить за эту ложь им — «Иди, меняй профессию,**

---

¹ Анонимный интернационал хакеров.

удак»? Нас разгоняли — мы погнать не можем; нас прикрывали — «но нельзя же так!». Креаклы, нацпредатели, сислибы! Вруны пред нами правы и чисты. Мы в стоп-листы, пожалуй, их внесли бы — но мы же отвергаем стоп-листы, свободу гарантируем, как лохи, терпимостью пропитаны насквозь... Пропагандисты брежневской эпохи при гласности не каялись небось — ни за свои публичные медали, ни за свои секретные рубли: «Мы ни при чем», «Нам тоже много ввали», «Есть дети», «Мы иначе не могли»... И вот, когда исчезнут тени в полдень, что делать нам?

Решение одно: для всех для них создать медиахолдинг и честно обозвать его «ОНО».

Я не найду названия иного. Пусть буквы трехметровые висят. Пусть гордо украшает это слово газеты шапку, здания фасад, изящный логотип телеканала... Пусть ежедневно слышит вся страна: «По мнению ОНА...», «ОНО сказало...», «Согласно сообщениям ОНА...». Канал «ОНО-информ», «ОНО-погода», «ОНО-кино», приятное уму, — и главное, что полная свобода и никаких репрессий никому! Ведь вся страна смотрела и молчала, сбиваясь обездушенным гуртом... И рейтинг будет бешеный сначала, хотя немного снизится потом, — но все, кто полон зависти и злобы, кто жаждет мучить, бить, ходить в строю, — по всей стране смотрели бы «ОНО» бы и дозу получали бы свою. Иной увидит в этом святотатство — но нас ли, скромных, в этом обвинить? Иные, может быть, не согласятся — тем разрешат профессию сменить, и в этом есть оптимистичный вызов — тебе начать с нуля разрешено! А кто, как прежде, хочет в телевизор, — пожалуйста! Но на канал «ОНО». И никакого прочего канала, и никакого прочего труда, поскольку то, что вышло из анала, не смеет зваться мозгом никогда! Сначала, может быть, поколбасятся — особо те, кто в статусе светил, — но после, я уверен, согласятся. Вопрос цены, но я бы заплатил.

В конце концов, ОНО неистребимо, естественно и каждому дано... Но пусть хотя бы вместо псевдонима использует название «ОНО».

На востоке Донецкой области в районе вооруженного противостояния между правительственными силами и формированиями непризнанных ДНР и ЛНР рухнул и полностью разрушился самолет Boeing 777—200ER. Все стороны конфликта на востоке Украины отрицают свою причастность к гибели авиалайнера и возлагают ответственность за произошедшее на своего противника.

...И чего гаддите, как на вокзале, повторяя свой антирусский бред? Безусловно, сбили. Но вам сказали: доказательств, что это Россия, нет. Заявили вслух, ничего не спрятав. Основной источник довольно крут, и хоть это как бы спецслужбы Штатов, иногда, представьте, они не врут. Там ведется пристальный счет потерям, цэрэушный вывод имеет вес; вообще мы Штатам ни в чем не верим, но про «Боинг» правда, про «Боинг» йес. И чего бы пресс-секретарь Обамы против нашей власти ни ляпнул вдруг, — знают все, что сроду, что никогда мы, что не мы, не «Боинг», не наш, не БУК. И хоть мы противны целому свету, мы привыкли к жизни в такой среде. Доказательств, что это Россия, нету. Если нету в Штатах, то нет нигде.

...А еще мерзавцы клеветают ныне, выполняя даллесовский завет, что от нас стреляют по Украине. Доказательств, что это Россия, нет. Аргументы зыбки, а факты утлы. Мы желаем мира, на том стоим. Это к нам, должно быть, провалились укры и палят предательски по своим. Это их прорыв, а пиндосы рады городить вранье и смущать умы. Говорят, что мы передали «Грады». Не в «Донецк», не «Грады», не им, не мы. Наш ответ доносится из-под санкций, из-под гор вранья и волны клевет. Отвечаем искренне, по-пацански: доказательств, что это Россия, нет. Да и прежний «Боинг», что сбил Андропов, ненавистный штатовцам искони, вероятно, жертвою был укропов, и Рейхстаг небось подожгли они. **Опровергнув злобно шипящих змиев, заявляем гневно, Фоменко вслед, что и Жанна д'Арк — это тоже Киев. Доказательств, что это Россия, нет. А Россия — космос, Победа, кадры, Енисей, культура, добро, балет. Остальное — эти соседи как бы. Доказательств, что это Россия, нет.**

...Предо мной чумное лежит пространство, беспросветно, обло, стозевно, зло, непристойно, мстительно и пристрастно, и зловонной тиною заросло. Тут Христос бессилен, а свят Иуда, кровавист закат, упразднен рассвет. Я не знаю, что это и откуда.

Доказательств, что это Россия, нет.

Гомерическое

Глава из будущего единого учебника истории.

Насчет троянского конвоя острит соседняя страна. Меж тем еще ни у кого я не встретил правды. Вот она: благодаря экспресс-конвою гуманитарных наших сил понятно сделалось про Трою, чего и Шлиман не отрыл. Гомер был слеп. В картине ясной он разобрался не вполне. Войны там не было троянской. Речь о гражданской шла войне. Парис, конфликта не желая, хоть был Венерой разогрет, не крал жены у Менелая — все это вымысел и бред: конечно, взбрыкивают бабы, но вряд ли, честно говоря, за пастуха она пошла бы от полноценного царя. Опять же десять лет осады в азиатской жару из-за сомнительной награды — вернуть неверную жену?! Один пиар, уразумейте, и стопроцентное вранье. Воюют только из-за нефти, а в Трое не было ее. И кто поверил бы, что греки, культуры истинной отцы, такие, блин, сверхчеловеки, жрецы, бойцы и мудрецы, демократическому строю патриотически верны, могли пойти на эту Трою из-за какой-нибудь жены?! Конфликт Гомером не прописан, но кое-где в подтексте дан: там Гектор ссорился с Парисом, они устроили майдан, Приам одной ногой в могиле, другого выбрать не смогли — и греки вынуждены были отправить в Трою корабли!

Замечу, греческие боги являлись там во всей красе, но с Троей им не по дороге: они за греков были все. Афина прямо и открыто вела ахейские суда — лишь Аполлон и Афродита за Трою были иногда. *Везде — от Кипра и до Крита, до Фив, до Волги голубой, — все знают: там, где Афродита, — там непорядок и разбой, там революции и путчи, и педофилов милли-*

он. И Аполлон ничем не лучше. Где Аполлон, там Илион. Любой при виде Афродиты, ее порочной красоты, сказать обязан: да иди ты, я сын Перуна, кто мне ты?! Их роли трезво оценивши, мы скажем: к черту Аполлон! Сказал однажды даже Ницше: мол, или я, блин, или он.

Ахейцы — отрок, ты запомнишь их дорогие имена, — приплыли, чтоб раздать гумпомощь, запасы масла и вина. А если кто определенно там об агрессии звездит — так это пятая колонна и омерзительный Терсит. Тандем Ахилла и Патрокла ему такого дал пинка, что репутация подмокла у всех Терситов на века. Ахилл с его Патроком милым сказали: гадина, не вой! Мы, так сказать, приплыли с миром, и вот наш конь, точней, конвой. Мы вам вручим его сердечно уже сегодня, например. (Коня там не было, конечно. Коня воспел слепой Гомер. Солдат большой, пассионарный в коня не влез наверняка. Там был конвой гуманитарный, пшено, и сахар, и мука.) Пришел противный Лаокоон и залупался, говорят, что в том конвое упакован конкретный греческий отряд, — увы, ушел недалеко он: из моря выползла змея, сказала: «Здравствуй, Лаокоон», — и не осталось *ничего*. Об этом помнит вся Эллада, культуры греческой ядро. А потому что вот не надо мешать добру творить добро! Еще какая-то Кассандра вопила: «Гибнет царский дом!» — прикинь, она была косая и слабоумная притом. Неблагодарнее троянца народу нету искони. Они стоят, они боятся — «Не пустим вас!», — кричат они. «Кто вы такие, нам неясно. Покиньте наши рубежи. А предъяви нам ваше масло, а ваши яйца покажи...» Их вероломству зная цену, Ахилл воскликнул: «Шутишь, брат? Хорош тянуть, ломайте стену, добро не ведает преград!» Под крики гордого героя, по манью греческой руки пошли на штурм — и пала Троя под гнетом масла и муки.

Какого выпросить провидца, вопрос поставивши ребром: весь мир все время нас боится. А мы с добром, всегда с добром! Им надо что-нибудь другое помимо нашего добра. Ну что ж. Мы сделаем, как в Трое. А то и вчетверо. Ура.

До чего мне все это наскучило, осознал я в какой-то момент, — и Дзержинского грозное чучело, и гранитный его постамент, и сомнительный тэг «Новороссия», и Пиндосия ваша, и Русь, и Земля, и скрипучая ось ее, что уже надломилась, боюсь! Аравийское месиво, крошево, мегасвалка, в которой давно ничего не бывает хорошего в новостях, и в гостях, и в кино. Все достало, к разэтакой матери, каждый голос равно бестолков: то в Кремле расплодились предатели, коих там обнаружил Стрелков, то от Англии хочет Шотландия отделиться и дать по мордам... (Кто настолько сумел расшатать ее? Может быть, украинский майдан?) Как вы мне надоели, соколики, — трудно к вам обратиться теплей, — надоели до дрожи, до колики, до зеленых чертей, до соплей! А порой и к товарищу Путину приглядишься, не пряча слезы, — и увидишь: не легче ничуть ему! Даже, может быть, хуже в разы. Чуть услышал он снова про санкции, выступая на саммите ШОС, — как глаза запылали бесстрашные и послышался скрип «Хорошо-с». Типа хватит российским чиновникам без особой нужды разъезжать по Венециям, Ниццам, Дубровникам, забывая на Родину-мать. Он положит конец безобразию, чтобы каяться им не пришлось. Вот поехал он в Среднюю Азию — так и то ради саммита ШОС... Чую, многих и многих повывудет этот новый кремлевский сквозняк, — но насколько ж он, видно, завидует тем, кто может поездить вот так! Мы и сами галеру бы бросили, да оставить нельзя никому. Был азарт, испарившийся к осени. Был восторг и гулянья в Крыму, — все в России ликуют апрелями, все теряют азарт к сентяблям. До того ему все надоели мы, что вот так и уехал бы прям — от своих же, от класса нахального, что лишился остатков стыда... Ситуация — как у Михайлова, что не ездит теперь никуда.

Я боюсь, что в Украине, и в Йемене, и в державе полосок и звезд — мы живем в износившемся времени, на планете с приставкою «пост». Оттого выражению постному с наших рожниц сойти не дано: я боюсь, надоели мы Господу, и притом надоели давно. Все расхищено, выпито, кинуто — в Петербурге, Бали, Катманду... Если были надежды какие-то, то иссякли в минувшем году. Эти рытвины, впадины, надолбы, переломы в ненуж-

ной борьбе... Если просто злодейство, то ладно бы, — но и зло надоело себе. Это тянется днями, неделями, — и ответить не взялся никто б, до того ли Ему надоели мы, чтобы снова устроить потоп, — но, похоже, я знаю из опыта, что иссяк и воинственный пыл, что теперь мы не стоим попопа-то, потому что и он уже был. Ни мучителя, ни обывателя не настигнет кровавая весть.

Ах, не бойся прогневать Создателя — опасайся ему надоесть.

На два адреса

Чем злит меня российский эмигрант, в изгнании обычно неповинный? Куда б ни шел, как пела Эми Грант¹, — он к Родине привязан пуповиной. Тому назад, подумать, тридцать лет заветную черту переступивший, он мог бы успокоиться — но нет! Следит, как за любовницей бывшей: ревнует, гуглит, шарит в соцсетях. Уста кривит привычная усмешка: достаточно ль она на всех путях беспомощна, бездарна, безуспешна? Вглядится в искаженные черты — обрюзгшая, измученная самка: «О Господи, какая стала ты!» — и некому спросить: какой ты сам-то? Другой уже забыл бы двадцать раз, увлекшись новым радостным соитием, — но, видно, расставание для нас останется единственным событием. А вдруг она там чувствует вину, как в бентоновском фильме бедный Дастин?² А вдруг она там счастлива? Да ну, не может быть. Ведь я же тут несчастен, хоть всю свою френдленту обреку на гляцевый парад фотоискусства: смотрите, я на фоне барбекю, жены, детей, собаки, кошки, скусна, коллег, прабабки, дома, дома-два... Смотри, как я вписался в штат Огайо! Все для того, чтоб видела Москва. И та, другая. **Но ведь та, другая, — уже другая, ты старался зря, за призраком неслась твоя погоня. Нет жалости, воспоминаний, зла, нет зависти. Там просто все другое. Другие стены, запахи, кровать, другой ковер, другой узор на ворсе... Их лишь одно способно задевать — коль ты о них не помнишь вовсе.**

---

¹ Amy Grant, песня «Everywhere I Go».

² «Крамер против Крамера» — американский фильм о разводе с Дастином Хоффманом и Мерил Стрип.

И вот что я скажу на этот раз, назло твоим клеветам и плебейм, не зная сам, к кому на этот раз я обращаюсь (видимо, к обеим): метаться — грех, судьба — не черновик, язык не сбросить, жизни не исправить, бежать я не намерен, я привык, мне страшно на таких тебя оставить, иллюзий нет, на всех один позор, прогресса я не ждал и не дождался — и не припас на случай наших ссор ни дома-два, ни тайного гражданства, ни бунгало на южном берегу, хоть мне оно и грезилось когда-то... Но если я действительно сбегу, то убегу всерьез и без возврата. Когда ликует всяческая гнусь, мне трудно с ней испытывать единство. Я так тебя люблю, что обойдусь, когда пойму, что ты переродишься.

Не буду изучать заветных карт, нейтральную воображая зону; не буду повторять, как Галич-бард, что прибегу по первому же зову, рыдать не стану, рук не подыму, не буду дожидаться перестройки... Я так тебя люблю лишь потому, что сам себя нашел не на помойке. Меня не привлекают чуждый флаг и птицы экзотических расцветок, но я не совмещаю «так и так». Я только так умею — или этак. Я памятливы, и память — мой гарант от всяческой сопливой ностальгии. Я нетипичный русский эмигрант, и я тебе нужнее, чем другие. Мне ни к чему ни дружба, ни среда, я не умею каяться лирично — и если я уйду, то навсегда.

Поэтому веди себя прилично.

Грубоватое

У нас есть такая грубоватая шутка...

Бабушка, бабушка, где твои яйца — главное в мире твоём? Знай: на дороге они не валяются и не сдаются внаем. Думаешь ты — никуда, мол, не денутся, все это бред и мечты... Помни: без них ты не только не дедушка — даже не бабушка ты!

Бабушка, бабушка, где твои органы?! В них твой оплот и покой. Чуть не оторваны, вечно оболганы, стиснуты вражьей рукой! Все бы расхищено было и отдано, коль не

держат начеку два твоих внешних, но внутренних органа: НКВД и ЧеКу. Если от них ты откажешься взбалмошно, сразу же — полный привет. Есть эти органы — будет и бабушка. Нет их — и бабушки нет.

С ними тебе оставаться завещано. В страхе планета глядит, как ты колышешься, грозная женщина, пафосный гермафродит. **Мать наша общая, бабушка с яйцами! Сплющен твой старенький дом — слева Европою, справа китайцами, сверху арктическим льдом. Ты и убогая, ты и обильная. Щедро залил тебя мрак. Только скомандовать можешь — «Люби меня!» — а улыбаться никак.**

Ты и столикая, ты и безлика, зыблется твой силуэт, много в тебе нефтегаза и никеля, а идентичности нет. Вечно проблемы с народом и денежкой. В полной готовности рать. Что тебе дать, чтобы стала ты дедушкой? Может быть, что-то убрать? Ты и не бабушка, ты и не дедушка, вечен твой внутренний бой, страшно подумать — куда-то ты денешься, что тебе сделать с собой? Бабушка, бабушка, где твои яйца? Ужасов много кругом, но почему-то они появляются лишь перед внешним врагом. Чуть же начальство объявится, рыкая, пообещает тюрьму, — ты, безъязыкая, ты, безъязыкая, все подставляешь ему. Сызнова детское что-то и рабское твой заполняет объем. Снова не дедское что-то, а бабское слышится в визге твоём.

Кто-нибудь, кто получает пособие запросто в кассе Кремля, враз изготовится: бабушкофобия! Слушай, уймись уже, тля. Нас, невесторженных, кличут зазнайцами, — тщетно старается бес. Лучше уж быть пессимистами с яйцами, чем оптимистами без.

Географическое

Владимир Путин не посетит международный экономический форум в Давосе. Вслед за президентом от поездки отказался и премьер-министр Дмитрий Медведев.

От «Эха» — не заткнут его авось! — нам давеча услышать довелось, что он не собирается в Давос. И правильно! Что делать там, в Давосе? На этот форум, в их калаш-

ный ряд, я лично не показывал бы носу. Теперь уж и Медведев, говорят, не едет к ним. Совсем кранты Давосу! Кто ниже-то Медведева, прикинь? — но вот и он их, кажется, покинул... Не ездил бы я, кстати, и в Пекин. У нас одни конфузы с тем Пекином. О газовых контрактах промолчу, но всякий жест грозит газетной смутой: Обаму не похлопай по плечу, жену партнера пледом не укутай... Тошнит от либерального вранья, не умолкают, сколько ни борись, блин. По совести, и в Брисбен тоже я не стал бы ездить. Что нам этот Брисбен? Съезжается напыщенная знать и критикует нашего гаранта. Еще гадали — звать или не звать, и Эббот учит жизни — во баран-то! А как старались, чтобы хорошо б там выглядеть! Чтоб знала вся клоака! Весь агитпроп пиарил фотешоп, показанный Леонтьевым в «Однако». **Российский Интернет в последний год не выдывал такого разогрева: в пятикилометровый самолет стреляли справа, а попали слева. Иной имперец даже пожалел, что запятнал Фейсбук таким примером, — плюс там в экспертах назван инженер, который не являлся инженером.** И этот бред показан в лучший час, попал в газеты, издан-переиздан — да кто бы так сумел подставить нас пред целым миром, если бы не Брисбен?! Не надо ездить, в этом вся беда, прервем контакты, к собственному благу, и не поедем больше никуда из нашей бездны...

Разве что в Гаагу.

Как этот город мне напоминал наш Питер, столь привычный для кого-то! Там обводной имеется канал, а по краям имеются болота. Как объяснит вам всякий эрудит, с шестнадцатого века в той Гааге правительство Голландии сидит и размышляет о голландском благе. Там Эшера имеется музей, чтоб лидеры российского разлива могли узнать не только от друзей, как часто лгут объем и перспектива. Зимой не больше минус десяти — смешно и слушать русскому варягу... И главное, что нынче все пути действительно ведут сюда, в Гаагу. Вводи войска, а хочешь — уведи, плюй на законы (что закон?! — бумага!) — не отступать. Гаага позади.

И впереди, по-моему, Гаага.

Российский рубль снова упал.

Над нами ночь, черна, как уголь, уныла, как моржовый хрен. Но ты, о рифма к слову «убыль», ты, мой герой на букву «Р», живой упрек элитам местным, пример для робких прилипал, ты оказался самым честным: они стоят, а ты упал. Повсюду логика паучья под звуки пафосных сурдин: свидетель неблагополучья тут оказался ты один. Мерзейший опыт всеми нажит за годы серой пустоты: сегодня правду громко скажет один Навальный — или ты. Но для Навального и брата тут просят восемнадцать лет (конечно, это маловато — в законе бóльших сроков нет), уж занесен железный молот, накрылся марьянский уют... Тебя же посадить не могут. Тебя они не выдают. (Хотя — неслыханное чудо! — прочел на первой полосе, что выдают еще покуда, но неохотно и не все.)

Ты много раз бывал в прогаре. Пока не начался отстой¹, кому не лень тебя ругали — мол, деревянный! Мол, пустой! При нарастающем распиле, в угаре тучных, жирных дней тебя, естественно, копили — но баксу верили сильнее. Ты поднимался как-то нервно, томимый смутною виной, — но правду нам сказал не евро, а только ты, никто иной. В эпоху полного развала, разрыва всех духовных скреп тут все незыблемо стояло, как будто всякий глух и слеп: Отчизна рушилась повально, но всякий, глядя на страну, внушал себе, что все нормально, и говорил семье: да ну... Конечно, внятен запах ада, и серой залит весь пейзаж, — но может, это так и надо? К тому ж и Крым по ходу наш... Хвалила б... свою невинность, надевши девичий наряд, — и только ты один не вынес, сказав, о чем не говорят.

Духовных скреп хранитель младший, наследник дедовских чернил, — скажу, что, если кто-то падший, он нашей прозе трижды мил. У нас не праведник увенчан: он пахнет ложью и гнильем. Всю правду лишь от падших женщин мы в русской прозе узнаем. Чем обреченней, чем бессонней, чем бесприютней, чем грешней — тем, как Раскольников пред Соней, мы горше плачем перед ней. Не

---

¹ Так, в отличие от застоя, будет называться наша эпоха.

к богачам пришел Спаситель. Мир — это бомба; мы — запал. Российской истины носитель — не тот, кто пан, а тот, кто пал. Мы не в Нью-Йорке, не в Париже, не шлем туда своих детей... Ты пал. И чем падешь ты ниже — тем будешь ты для нас святей. Разоблачив любую падлу, ты нам напомнил, кто мы есть — один из всех сказавший правду и отстоявший нашу честь. За этот год я видел мало героев славы и труда: Украина — та, что устояла, — и ты, что рухнул вон куда. Когда одной большой Капотней предстала миру наша мать, то пасть значительно почетней, чем привставать и поднимать.

Вот и пишу сегодня оду не человеку, а рублю. Признаться, я не думал сроду, что всей душой его люблю. Пусть он совсем усохнет к маю, замрет на нижнем рубеже, — на бакс его не променяю.

Да ведь и без толку уже.

Звук

И вот, Господь пройдет, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, и там Господь (3 Цар. 19:11—12).

Весь этот год с его тоскою и злобою, из каждой трещины полезшими вдруг, я слышу ноту непростую, особую, к любому голосу примешанный звук, похожий, кажется, на пены шипение, на шелест гальки после шторма в Крыму, на выжидающего зверя сопение, но только зверя не видать никому.

И вот, пока они кидаются бреднями, и врут, как водится у них искони, плюс измываются уже над последними, кто не уехал и не стал, как они, пока трясут, как прокаженный трещоткою, своими байками о главном-родном и глушат бабками, и кровью, и водкою свой тихий ужас перед завтрашним днем, покуда дергаются, словно повешенный, похабно высунув язык-помело, — я слышу голос, незамет-

но примешанный к неутихающему их трололо. И сквозь напавшее на всех отупение он все отчетливее слышится мне — как будто чайника ночное сипение, его кипение на малом огне.

Покуда зреет напряженье предсудное, рытье окопов и прокладка траншей, — все четче слышится движенье подспудное, однако внятное для чутких ушей. Господь не в ветре, урагане и грохоте — так может действовать испуганный бес; и нарастание безумства и похоти всегда карается не громом с небес; Господь не действует ни криком, ни порохом — его практически неслышимый глас сопровождается таинственным шорохом, с которым лопается пена подчас, и вот я чувствую, чувствую, чувствую, хоть признаваться и себе не хочу, — как в громовую какофонию гнусную уже вплетается нежнейшее «Чу...».

Пока последними становятся первые, не остается ни порядков, ни схем, оно мне сладостно, как ангелов пение за темнотой, за облаками, за всем: такое тихое, почти а капелльное, неязвимое для споров и драк.

ВЕДЬ ЭТО ЛОПАЕТСЯ БОЖЬЕ ТЕРПЕНИЕ.

ОНО ВЕДЬ ЛОПАЕТСЯ ИМЕННО ТАК.

Вражеское

И мне тогда хотелось быть врагом.

Наум Коржавин

...Год перелома начинался так, что прыгал курс, и дергалась погода, и появился термин «личный враг», который был сильнее, чем «враг народа». Народ — он где? Везде, хотя кругом, немой, как флора за полярным кругом. Кого назначат в телике врагом — того потом переназначат другом, в истории так было много раз, все побывать успели в этой роли, и где ему считать врагами нас в эпоху выживания? До того ли? Народ — не тот, кто воет и ревет, всегда держа дреколь наготове; народ не жаждет крови. «Патриот» — вот тот и правда вечно жаждет крови, он ненавидит радость и уют, не хочет мира, дружбы, изобилий, и если где кого-нибудь убьют — всегда кричит, что правильно убили. Он может ощутить себя в раю лишь там, где все воюют по-пацански; я «патриота» в том опознаю, кто хочет жить в одном большом Луганске, в безвластии, в погроме, в темноте, — он жаждет в это ввергнуть всю планету, чтоб русскими считались только те, кто может хуже. Здесь пределов нету. Их вытащил на свет минувший год — и крымский старт, и кризисная кода, — но, слава богу, это не народ, а враг народа, то есть рак народа. Не то чтобы народу все равно — он спит себе под бременем мороза; да, это есть в народе — но оно его издержка, опухоль, заноза; конечно, нет конюшни без навоза, но помните, что конь не есть г...но. В народе есть один бесспорный грех — терпение под гнетом явных гадин, но трудно здесь врагами сделать тех, кто честен и не слыш-

ком кровожаден. Теперь, когда встает не с той ноги разнуданное местное начальство, — чтоб хоть какой-то имидж получался, в ходу здесь будут личные враги.

Пусть видят все — снаружи и внутри, — к какой черте развитие подвело нас; и это я приветствую. Смотри, я вообще люблю определенность. Седая древность, ржавое звено, в традиции варягов или пиктов... Сначала — Ходорковский, он давно, но, кажется, теперь и Венедиктов? Кому ж не лестно называться так? О, год барана! Что принес баран-то! Не враг народа я, но личный враг доносчика, злодея, обскуранта, захватчика, чья будущность горька (ужо увидим в нынешнем году мы!), о берегах забывшего царька, зарвавшегося клоуна из Думы, газетного и радиовруна, вселившегося в ящик златоротца... Все знаки тут меняют времена, но личный враг — врагом и остается. Оправдываться после не моги. Я личный враг — от этого не спрячусь. Кто нас возводит в личные враги — тот нам серьезно повышает статус. Какой высокий титул — Личный Враг! Его отметил как бы личный коготь.

Народа же не троньте. Просто так. Ей-богу, лучше вам его не трогать.

Послание Шувалову о пользе ***ла

Первый вице-премьер России Игорь Шувалов на экономическом форуме в Давосе заявил, что любые попытки Запада свергнуть

Путина приведут к сплочению нации:

«Когда русский чувствует любое иностранное давление, он никогда не откажется от своего лидера. Никогда. Он переживет любые трудности в стране, будет меньше есть, расходовать меньше электричества».

Неправо о вещах те думают, Шувалов...

Ломоносов. Письмо о пользе стекла

Я живу с ней очень дружно,

Очень я ее люблю,

А когда мне будет нужно...

А. Барто

Неправо о вещах те думают, Шувалов, что чувствуют Москву погрязшею во зле и мыслят про себя, к восторгу либералов, нам власти поменять давлением извне. Все это нас не злит, а даже умиляет. Пусть заговор плетут в надежде на авось. Извне тут никогда ничто не поменяет, как ты им и сказал, давясь на их Давос. Наш собственный кумир нам будет самым милым, мы защитим его, как птенчика крылом, поскольку пропасти меж Родиной и миром обширнее, чем щель меж нами и Кремлем.

И хоть бы он совсем нас тут уконтрапупил, возглавил бы Чертей, Зверей и Моторол, обстреливал Донецк, пошел на Мариуполь, всех в Киеве порвал, Одессу запарол, — мы б вытерпели все, почуяв вкус величья, забывши про вранье служилого ворья... Пусть голод, пусть разор, — но и тогда валить я его не взялся, будь на вашем месте я. **Когда мы пилим сук, на коем, раздумываясь, уверенно сидим и смотрим делово, — то если «Упадешь!» нам скажет иностранец, устроим наш напор и рухнем на него.** Когда нас муж прибьет (мы женщина, допустим), — мы сдачи не дадим в терпении своем, мы вынесем удар с проклятьями и хрустом, но только мужа тронь — мы всякого уьем! Мы будем голодать, кусаться, жрать конину, закончится этил — мы станем пить метил, дадим переморить себя наполовину — чтоб только нас другой никто не захватил. И это не бардак, а высшая свобода, не рабская душа, а отческая честь. Как дети говорят, едва достигнув года, — «Я сам!» И только сам. Ведь дети мы и есть.

Ты верно понял нас, хотя тебе несладко. Ты чувствуешь и сам опасный разогрев. Ты что ж, не хочешь сам свободы и порядка? Да хочешь, ясен пень! Как Кудрин или Греф! Как всякий финансист, ты знаешь — будет хуже. Отечество давно в опасной полосе. Но ты успел понять, что нас нельзя снаружи. Вот, скажем, Горбачев: его любили все, но кто любезен всем — под тем и трон подрубят. Об санкциях у нас желудок не болит. Мы любим только тех, кого никто не любит, и чем сильнее пресс — тем крепче монолит. Россия может быть и жалкою, и нищей, сперва шемакин суд, потом Басманный суд... Но коль отравлен кто несвежей типа пищей — наружные его припарки не спасут. Чужой специалист — опрятен, чисто вы-

брит, — нам зря сулит массаж. Мы знаем: все он врет. Мы встанем на ноги, когда нас крепко вырвет. Но Боже упаси совать нам пальцы в рот.

Мы помним, сколько раз нас спазмы потрясали. Россия до сих пор бессмертна, вот те крест. Когда нам надоест — мы все устроим сами, но кто же может знать, когда нам надоест? Обиженный щенок, ошибочное слово, случайный перебой воды или тепла — мы в считанные дни делаем такого, что сном покажутся все ваши «ла-ла-ла». Заезжим знатокам останется уссаться и жалобно признать, что знаний нет ни в ком. Ведь изоляций всех, всех бесконечных санкций не хватит, чтобы так пройтись по нам катком. Неправо о вещах те думают, Шувалов, кто ждет, что нас спасет небесный легион: к чему бояться нам заезжих генералов? Свои для нас страшней, чем сам Наполеон. Мы дружно пилим сук, спеша плотней усесться. Предчувственная дрожь бежит по волосам. Так старый онанист уже не хочет секса: он хочет сам себя. Себя! Но только сам.

Брачное

Вот говорят, что нынче в браке нельзя прожить пятнадцать лет, а я скажу, что это враки, и повторю, что это бред. Я сам, скажу не для пиару, у нас, среди родных полей одну такую знаю пару. Как раз справляют юбилей.

Давно, в эпоху криминала и безвозмездного труда, она его не выбирала. И разве выбор был тогда? Толпилось много швали всякой, но их сосватал хитрый жид. Сказали ей — живи, не вякай... И ничего, и стала жить. Ей ни в одном минувшем браке, коль их свести в один коллаж, протесты, выборы и вяки не дозволялись. Но жила ж! Не занимать ей чувства долга. Пускай шпион, пускай фискал... Хотя что это так надолго — тогда и он не допускал. Но был же муж и с большим стажем, хоть так бивал ее порой! — и был при этом, прямо скажем, не бог, не царь и не герой.

Короче, жили-поживали. На елке фрукты не растут. Жид пострадал — но между нами, когда жида жалели тут?

Развод? — не стоит и пытаться. Пятнадцать лет умчались прочь, а как он смог, что вот, пятнадцать, — так что тут, собственно, не смочь? Сначала он, привычно хмурый, всегда как будто с похмела, ее такую сделал душой, какой и в детстве не была. Меню без сахара и соли, цензурный телик, мертвый дом; потом со всеми перессорил, потом внушил, что ад кругом — смотреть опасно даже в окна, а выйти просто не могли, поскольку холодно, и мокро, и под любым кустом враги. Она погрязла в этом бреде, забилась в тесную кровать, уже трясутся все соседи (пускай от смеха — но плевать), он ей дает одну газету, сам принося ее в альков; приставил к ванне и клозету отряд своих силовиков; а так как он не любит спора и к конкурентам не привык — он ей внушил довольно скоро, что без него придет кирдык. Кирдык таится под кустами, стучится в мирное жилье, он ядовитыми устами приникнет к прелестям ее. Она, как пойманная птица под сенью черного платка, молчит, и воздуха страшится, и видит призрак кирдыка, спешит в припадке ностальгии детей вторично окрестить, а что мужчины есть другие — не может даже допустить. Простой рецепт — чего же лучше? Поставь бойцов на рубежи, заткни жене глаза и уши, саму для верности свяжи, внуши, что яростные псаки за дверью топчутся в крови — и в гармоничном этом браке хоть девяносто лет живи!

Но юбилей какой-то странный, его б я праздновать не стал: его зовут хрустальной свадьбой, дарить положено хрусталь, но в том и главная загвоздка. Что подарить в счастливый дом? Хрусталь же символ блеска, лоска, но также хрупкости притом. Пятнадцать лет — такое дело, сюрприз для пафосных мужчин: все прочно, да, — но надоело, и может треснуть без причин. И чтоб устроить без помарок банкет поистине крутой — надежней отложить подарок до свадьбы, скажем, золотой: случалось, мы и дольше ждали. Чего там, тридцать с лишним лет!

Он — доживет.

Она — едва ли.

Я, слава богу, точно нет.

Мне кажется, преемник налицо. Ты этого хотел, как говорится. История — такое колесо, что Коба тоже должен повториться. Никто другой не сможет нас спасти от наших нравов, явственно гаремных. У этого героя два пути: один — исчезнуть, а другой — преемник. Исчезнуть он не может. Без него всем нашим раздобревшим и бесхвостым, что нынче составляют большинство, придется вслух рыдать по девяностым.

Его уже сейчас, Россия-мать, ни власти, ни борцы из прочих станом не могут тут по имени назвать. Давай считать, что это Залдостанов? Врывается в Европу, как в альков, питает страсть к начальственным иконам — но, кажется, своих «Ночных волков» пока еще не ставит над законом, он лишь Берлин намерен покорить... Какая тут случилась перестройка! Из тех, о ком возможно говорить, осталась Леся Рябцева, и только.

Пора уже действительно нажать. Кого тут дружно примут — не его ли? Он говорит, что всех пора сажать, но все сочтут, что это признак воли. Дела в стране безмерно хороши, но в целом недвусмысленно паршивы. Ты скажешь, за него бы не пошли голосовать? Да как еще пошли бы! Погонит русофобов на убой... Донос, расстрел — мы любим эти жанры! Сегодня мир смеется над тобой, Отечество, — а тут бы задрожал бы. О, как бы тут прибавилось могил! Разделали бы всех, как черепаху. Я думаю, что никакой ИГИЛ¹ на мир не нагонял такого страха. А нынешний позор и произвол — поверить нелегко, но на пари вот! — в историю бы запросто вошел как мирный, упоительный период. **И кто еще — проверил на себе — подверг бы нас волшебным превращениям, заставив зарыдать по ФСБ, по ВВП и прочим сокращениям?** По-моему, и сравнивать смешно. Уже он упражнялся в этом стиле. Такое сокращение бы пошло, что полстраны бы точно сократили. Другое население не поймет,

---

¹ Хотя Роскомнадзор вроде бы разрешил больше не писать, что ИГИЛ — запрещенная в России организация, мы и представить не можем, что будет завтра. Так что лучше напишем: ИГИЛ — запрещенная в России организация!

а нашему террор — увеселенье; и сразу приподнялся бы доход и ВВП на душу населения! Прокуратура тоже зажралась, ища врага в «Тангейзере» ли, в тверке ль... А как бы задрожала эта ...азь, весь этот Пентагон, вся эта Меркель! А рейтинги? Представить сладко мне. Культура бы цвела, как амариллис, на улицах порядок, как... Не-не, без собственных имен, договорились?

Преемник есть. Не спорьте. Это так. Пора нам провариться в этом тигле — и внутренний, и даже внешний враг такого бы эффекта не достигли. Есть логика. По ней уже ему маячил будто пост премьер-министра...

Да я и сам одобрю и пойму.

По крайней мере, это будет быстро.

Сыновнее

На территории Украины, близ города Счастье, взяли в плен Евгения Ерофеева, назвавшего себя капитаном 3-й отдельной гвардейской бригады специального назначения ГРУ Генштаба ВС России — командира разведгруппы с позывным «Дельфин», а также его подчиненного, Александра Александрова, назвавшего себя сержантом-контрактником, исполнявшим обязанности старшего разведчика при командире, позывной — «Алекс». UPD. На суде они заявили, что являются безработными и добровольно пошли служить в народную милицию самопровозглашенной ЛНР, а показания о своей принадлежности к Российской армии дали под пытками. Суд приговорил обоих к 14 годам лишения свободы, признав виновными, в том числе, в агрессивном ведении войны.

Ерофеев и Александров прилетели в Москву в тот же день, когда осужденная в России Надежда Савченко вернулась в Украину.

Господа, я предлагаю тост за матерей,
которые бросают детей своих.
А. Н. Островский, «Без вины виноватые»

И вот на день рожденья Осино¹ я думаю (прямая связь): что делать, чтобы ты не бросила, не прокляла, не

---

¹ И. А. Бродский.

отрекалась? Что делать, чтоб тебе понравиться и не погибнуть в тот же час, как только у тебя появится резон избавиться от нас? Чуть кто-нибудь по воле случая попался в плен, ведя бои, — ты сразу скажешь: я, могучая, — не я, и дети не мои. Они наймиты, а не воины, признало даже Би-би-си, они давно уже уволены, не веришь мне — жену спроси... И то сказать, любые пленные — позор. Их совесть нечиста. Они, предатели презренные, не стоят Красного Креста. Не обладают честным именем, не видят нашей правоты... Хоть застрелились бы как минимум, а то ведь выжили, скоты!

И эти все, колонна пятая, — жалеть не стоит ни о ком: стишки в Америке печатая, «Свободу» слушая тайком, — вы сами Родину подставили, законы общества поправ; вы вне закона — но не сами ли себя лишили общих прав, травя генсека-паралитика и осмеяв рабочий класс?! Нет правды, есть геополитика. Кто не за нас, тот против нас. Здесь так бывало пересолено, таких поперли за кордон, что на Гуриева и Сонина мы просто харкнули, пардон. Кто говорит о вырождении? Мы не хотим иной судьбы: у нас красавицы и гении всегда рождаются, как грибы. Не жаль Аксенова и Бродского — и так успеют на скрижаль! — а жаль уродского и скотского, убогого, тупого жаль, жаль неумелого, натужного, в котором все не по уму, — нигде решительно не нужного и преданного потому.

Мать непреклонная, суровая, неутомимая в пальбе, — полтинник скоро мне, и снова я не знаю, как служить тебе. Все эти выбоины, надолбы, чесотка, ябеды, нужда... Тебе стихи мои не надобны, тебе любовь моя чужда, ты от вернейших отрекаешься (вернейший дважды обречен), и спотыкаешься, и каешься, и не меняешься ни в чем! Ведь вот, потеряны, уронены, птенцы большой твоей семьи: тебе бы сделать их героями, а ты уперлась: не мои! И сколько сотен, сколько дюжин-то сбежало в чуждые края — но кто тебе, признайся, нужен-то? Кто честь и гвардия твоя? Посмотришь на портреты стертые, на ворох сброшенной листвы... Ужель любезны только мертвые — да те, что заживо мертвы? И покорит тебя, пригожую, не тот, кто у людей в чести, а этот вот, с паскудной рожею, успевший первым донести.

Журналист итальянской газеты «Corriere della Sera»¹ спросил у Владимира Путина, о чем он сожалеет больше всего и что считает ошибкой. Президент ответил: «Буду совершенно откровенным с вами, я не могу ничего такого сейчас воспроизвести. Видимо, Господь так выстроил мою жизнь, что мне не о чем сожалеть».

Вот он сказал «Корьере сере», что не жалеет ни о чем. Смущен ли я по крайней мере? Нет, не смущен, не огорчен, не озабочен и не кисл², когда гляжу в родную взвесь. Жалеть о том имеет смысл³, что можно выправить. А здесь... Терзаться совестью не ново в российской средней полосе, но это участь Годунова, а чем он кончил — знают все. А если ты прямой и смелый и правишь в городе крутом, — то ты уж или уж не делай, иль не терзайся уж потом. Будь ты хоть полная скотина, ломай подлеишую комедь — но если все необратимо, оставь историкам жалеть. И Украины не воротись, и от Европ любви не жди, а что не скрыт еще Воронеж, так это типа впереди.

Вот он поедет, скажем, к папе как филантроп и друг детей. На данном, кажется, этапе он папы римского святей. Конечно, папа не начальник, не академик, не герой — однако, думаю, ночами он в чем-то кается порой. Сам Иоанн покойный Павел — и тот при жизни не решил, что лично Бог его направил и он ни разу не грешил. Но, правда, папу-старикана не окружил коварный враг, пиндосы против Ватикана играть не думали никак, он за единственную скрепу среди изъянов и прорех назло Гейропе и Госдепу один не дрался против всех; припомним прочие примеры — разгром «Пусей», купель в Крыму... Франциск отнюдь не рыцарь веры. Есть в чем покаяться ему. Лишь наш верховный КГБшник — святой. Ни пятнышка в судьбе. «Брат, ты такой ужасный грешник, что поздно каяться тебе, ты зря в святом явился месте, ступай туда, откель пришел», — писал когда-то в «Страшной мести» один сомнительный хохол.

---

¹ «Вечерний вестник» (итал.).

² Читается «кисол».

³ Читается «смысол».

...Плюс он сказал, когда спросили, наморщив гордое чело, что оппозиции в России жить ни фи́га не тяжело. И с этим тоже я согласен. Хочу спросить своих дружков: Зимин, Латынина и Ясин, Навальный, Яшин и Рыжков! Вы осудили эту фразу? Она задела вашу честь? Нам трудно не было ни разу: ведь трудно там, где выбор есть. А нас отряд отборных пугал плюс их безгрешный господин в такой теперь загнали угол, что путь всегда на всех один. Мы оказались на пределе, мы собрались на рубеже, и отступать на самом деле нам тоже некуда уже. Мерси текущему моменту! Мне эта правда дорога: мы симметричны оппоненту, мы отражение врага. Что повторять — «тиран», «баран ты», «предатель», «выкормыш», «еврей»... И он гарант, и мы гаранты взаимной святости своей. Положим, он не знал сомнений, поскольку в лижущей толпе ему уже внушили: «Гений! Ты дан нам Богом» и т.п.; но нам, писакам, птицам певчим, свободолобцам прежних лет, — нам сомневаться тоже не в чем, поскольку вариантов нет. И коль «Корьере сера» эта в преддверье близких перемен, — «Жалеешь?» — спросит у поэта. — «Je ne regrette, — отвечу, — rien»¹. Я не дорос до пьедестала и не совсем отяжелел — но что жалеть, когда не стало всего, о чем бы я жалел? Напрасны пляски возле трупа, нам подан всем единый знак.

Мы не жалеем. Ибо глупо.

И не надеемся. Поздняк.

Беременное

Госдума экстренно рассмотрела законопроект, расширяющий полномочия по применению оружия: теперь полицейским ради защиты граждан можно стрелять в женщин без видимых признаков беременности.

Что спорить нам о Сириях и Йеменах! У нас своих со-
бытий через край. Полиции нельзя стрелять в беременных,
а в остальных — пожалуйста, стреляй! Разрешено — по мас-
совым скоплениям, по активистам, выстроенным в ряд, и по

---

¹ Я не жалею ни о чем (франц.).

любим публичным выступлениям (хотя нельзя по детям, говорят). Тут раздались негодованья желчные, родной правозащиты попоболь¹: «По женщинам нельзя! Ведь это женщины!» А почему? Они не люди, что ль? Не зря же много лет стучал по клавише я, разделявал сексистов под орех... Я вообще стою за равноправие: лупить — так всех, стрелять — так уж во всех! Недаром феминистки разогрели нас. Я требую всеобщего битья. Иное дело все-таки беременность: беременность — особая статья. Хотя ограниченья эти временны: со временем отлупят без затей и тех, что подозрительно беременны, и вездусущих старцев, и детей, но если уж беременность пока еще мешает сразу женщину убить, я думаю, протестные товарищи, что нужно этот шанс употребить.

Довольно мы в дебатах тратим время, нах! Пора вернуть отгьятые права, пора погнать на улицу беременных (конечно, обрюхатив их сперва). Ведь это символ, скажем мы уверенно. История нам скоро подтвердит: Россия революцией беременна, еще чуть-чуть терпенья — и родит. Я заявлю публично и торжественно, хотя не раз проблемы поймел: **российская беременная женщина есть главный символ близких перемен! Не надо мне о хомьяках, о леммингах, о маршах, обреченных искони... Пока еще нельзя стрелять в беременных, пускай за мир поборются они.** Оставьте возражения бестактные. Я лично помню (Яндекс, подтверди!), как Главный говорил о нашей тактике: детей и женщин ставим впереди!

Как говорится, *struggle needs variety*². Имеются резервы и у масс. Коль скоро вы во всех уже стреляете — что вообще останется у нас? Я слышу тех, кто вообще не в теме, нах, незакаленных в уличной борьбе — мол, говорят, не хватит вам беременных. Уж с этим-то мы справимся, не бэ! На этой ниве всем приятно впахивать. В отличие от бабок и пайка, количество беременных уж как-нибудь мы можем регулировать пока. Вы что же, против роста населения? Стараньями парламентских ребят осталось нам одно увеселение — то самое, от коего родят. Россия не проста для покорения. В процессе политической борьбы свободное родится поколение — они уже в утробе не рабы!

---

¹ Русский мем, аналог *butthurt*.

² Борьба требует разнообразия (*англ.*).

...Зачем они свободу нашу куцую ужали до нуля, смущая Русь? Боюсь, они накличат революцию (подчеркиваю, цензоры: БОЮОСЬ). Ведь шутки шутками, а как-то божно за матерей и будущих юнцов: мы знаем — то, с чем так упорно борются, возьмет и расцветет в конце концов. И есть еще изъян в моей поэме, нах: возможно ведь, что эти стервецы возьмут — и разрешат стрелять в беременных...

Тогда на них восстанут мертвецы.

Юбилейное

К 25-летию «Эха Москвы».

Поэту расстояние не помеха, и вот в двадцатом, в августе, в конце мне видится тридцатилетие «Эха», в Кремлевском, как положено, дворце.

Придет Лимонов, тихий и печальный, придет Орлуша в майке «Либераст», все станут спорить, будет ли Навальный: он не придет, но телеграмму даст. (Прошепчет Бунтман, что до нашей эры, в недостоверно-мрачные года, когда он баллотировался в мэры, — небось он лично приходил сюда!) Во избежанье споров и раздраев, собранию придав пристойный вид, прочтут молитву. Патриарх Кураев со сцены всю толпу благословит. Роскошное, на гербовой бумаге приветствие оплоту темных сил от Путина прибудет из Гааги. Сорокина заплачет: «Не забыл!» Споет Кобзон такого дела ради. Явив гостям бесценный туалет, весьма открытый спереди и сзади, на сцену выйдет Рябцева-главред, и зал замрет, восторженно притихнув, — нас будет с прессой тысяча пятьсот, — когда ее помощник Венедиктов за нею шлейф торжественно внесет. Концерт пройдет сердечно, образцово (эклектика для «Эха» — не изъян): Газманов, Пьеха, Галкин, Пугачева, Гребенщиков, Земфира, Петросян — и Чаплин со своею комик-группой (с фамилией не спорят, он решил), чей юмор, резковатый, но неглупый, уже и при Кирилле всех смешил. Чтob не сидели пафосно-угрюмо, вам дарит ностальгический уют Владимир Жириновский с группой

«Дума» (они теперь за выпивку поют). А в кулуарах бывшие сатрапы нальют Орловой: «Хошь, поговорим? Мы не со зла, мы это из-за папы... Мы сами-то приличные, Карин... В кругу семьи, на загородной вилле вас слушали, забравшись под кровать... Причем учти — мы вас не давили».

Карина будет сдержанно кивать.

Потом фуршет. Поэт и социолог, эксперт и маршал ринутся к столам. Какой набор продуктов санкционных! Река горилки с водкой пополам! Четверка осетров метроростых и лангустин, чья родина — Триест... И тихий, как бывало в девяностых, подспудный стыд: народ-то так не ест... И по Москве, притихшей и преступной, ночной разъезд: «До встречи, господа!» — и вечный страх: а если кто пристукнет? И вслух: «Но не пристукнули ж тогда!» Ночь, улица, фонарь, о тварь, аптека, — и та же дума: «Эхо», мать твою, скажи мне, где отметим мы полвека?

В изгнании? В лесу? В аду? В раю?

Пожарное

От лесных пожаров на Байкале пострадало более 1,2 миллиона гектаров земли. Эта площадь сопоставима с площадью всей Черногории.

А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал.
Новелла Матвеева, «Пожарный», 1964

Потомки спросят: где вы были, когда у вас горел Байкал? Ответим: новости рябили, все время кто-то отвлекал. Страна покорно и устало сползала в полное оно: упала нефть, потом привстала, потом упала все равно; не дали визу Матвиенко, точнее, дали, но закон отвел ей в качестве застенка скупую комнату в ООН — ни в магазин тебе, ни выпить... Потом, уже в четвертый раз, под Киевом горела Припять — опять у них, а не у нас. Кобзон, от гнева хорошея, рыча, как бешеный нарвал, призвал порвать дипотношения с Америкой (но не порвал). А надо было! Ведь кому-то от Штатов — полная труба: коварно схвачен-

ного Бута лишили чайного гриба. При этом колебалось евро, а рупь держался так себе: пространства мудрого маневра не оставалось у ЦБ. Хотел Навальный марш протеста пустить по замершей Москве, но чтоб свое он помнил место, кино снимало НТВ, и там плененный Развозжаев без тени ложного стыда разоблачал своих хозяев, заокеанских, как всегда. Страны распластанное тело — и меньшинство, и большинство — всюю тем временем горело. Байкал — нагляднее всего.

Вдали — как будто на отшибе, за тыщи верст от главных дел — Байкал горел. Его тушили. Его тушили — он горел. И нас, далеких от Байкала, — и в Петербурге, и в Крыму уже заметно припекало, но мы не знали почему. Кто объяснил бы нам, любимым? Быть может, это от жары? А может, это пахнет дымом от тех костров, где жгут сыры? Все объяснения были шатки, привычен весь видеоряд: горят на руководстве шапки иль сбережения горят? Но в том-то, собственно, и дело: в России было так черно, поскольку все уже горело, а мы не знали ничего. Везде ожоги возникали, огонь гулял, как колесо. Он на поверхность на Байкале наглядно вышел — вот и все. Повсюду стлался тяжкий, серый, угрюмый дым — поди залей. По всей России пахло серой, ад хлестанул из всех щелей. Такие змеи выползали, каких у Данта даже нет.

Нам заливать его слезами не год, не два, не десять лет.

Беженское

Не бойся беженцев, Европа. Напасть, конечно, тяжела, но ты со времени потопа немало бед пережила. Бывали римские пороки, интриги, шорох шептунов и византийские уроки, как учит Тихон Шевкунов... Уж сколько раз твердили миру: не все тебе беситься с жиру — отныне будет кровь рекой, потопчет гунн твою порфиру (порфира — красный плащ такой)... Не раз, тебя похоронивши, блистали лучшие умы от душки Шпенглера до Ницше; и ярче всех блистали мы. Все эти мрачные пророки опять твердят свои слова, свои мечты, свои уроки... Они мертвы, а ты жива. **В который раз испортив имидж, скрививши рот,**

потупя взор, — куда деваться? — всех ты примешь, как принимала до сих пор. Куда ты денешься, товарищ? Ведь это ж люди, а не хаш! Тыпустишь их, и переваришь, и всем пособие раздашь. Хотя вы все, конечно, говны, и все задаром жрете хлеб, и бездуховны, и виновны, и нет у вас духовных скреп, — но вы же люди, а не звери, и вы повинны в их судьбе, и миллион по крайней мере пустить обязаны к себе. Уже премьер финляндский Юха, увидев хаос и развал, явил пример святого духа и беглых в дом к себе позвал! Весь мир его за это лайкнул — и ведь допросится, чудак: нагрянут семеро по лавкам, а сам с женою на чердак. И мы в широком нашем стиле, как Жириновский заорал, давно бы их к себе пустили — Сибирь осваивать, Урал, но не бегут! Должно быть, чуют необоснованную дрожь. Не то чтоб наци их линчуют, не то чтоб климат нехорош: нацисты что? — ручная свора, и почвы тоже вери гуд, а просто чувствуют, что скоро отсюда тоже побегут.

Когда сорвется весь зверинец и побежит с привычных мест — к тебе придет не сириец (сириец Австрию не съест); не бойся смуглого ливийца, не бойся негра (цыц, расист!), но если мы к тебе явиться задумаем — тогда трясись. Уже мы Лондон завалили, вся пресса ихняя орет, и там теперь, как в Тель-Авиве, на четверть бывший наш народ; уже французов потеснили, освоив их язык родной... Дрожи, коль скоро из России к тебе волною хлынет гной, весь этот новый свет с Востока, ех oriente типа lux¹ — гнойник у нас напух настолько, что я за вас уже молюсь! Весь цвет российского народа, владельцы местного бабла... Гроза семнадцатого года, положим, здесь уже была, Отчизну многие теряли, — но это ж лучшие умы, тогда к вам хлынули дворяне, а нынче — нынешние мы! Бандиты, мыслящие матом; попы со скрепой в голове; нацист; патологоанатом с телеканала НТВ, вся злоба бешеная наша, срамная каша лжеидей, вся эта ложь, вся эта Раша, что называется, тудей...

И вот тогда — держись, Европа. Придут такие времена, что ты припомнишь рифму «попа» и ей накроешься сполна.

---

¹ Собственно, это и есть «свет с Востока», только на латыни.

В распоряжении редакции оказалась запись одного разговора. Голоса будто знакомые, имена тоже, но кто разговаривает, мы не догадываемся, потому что страшно.

ПЕРВЫЙ:

Я рад, что ты одумался, Барак, и согласился все-таки на встречу. Ты спросишь: как там Сирия? Фигак! — в своей манере я тебе отвечу. Ты можешь мне поверить, корешу. В моих глазах сам Буш увидел душу. Мне Сирию отдай, и я решу. Уделаю, как Рашу: все обрушу. Ты, как всегда, стараешься вотще, а я упрячу их под одеяло. Где я прошел — ложится все вообще, как будто ничего и не стояло. Гражданская закончится вничью. Получится цветущая могила. Ты посмотри, как я смирил Чечню: уж как-нибудь она сильнее ИГИЛа! (У нас он запрещен.) Буквально рай расцвел за десять лет на месте ада. Не парься, паря. Сирию отдай. Она же все равно тебе не нада, а мы там установим русский стиль и станем управлять по-атамански. Ты слышал — там Владимир Русь крестил?

ВТОРОЙ (*дрожащим голосом*):

Где он ее крестил?

ПЕРВЫЙ (*бодро*):

У нас в Дамаске! Здесь, говорит, построим Третий Рим! Там даже есть владимирские горки... Смирись, покуда мы не говорим, что он ее крестил у вас в Нью-Йорке. А что? Сравните наши языки. Отдай Нью-Йорк, не вздумай отказаться: индейцы — это наши казаки, но их завоевали англосаксы. Что ты бледнеешь, брат? Шучу я так! Мы вам отстроим Сирию, пожалте, а ты... Сними ты санкции, Барак! Что Крым тебе? Ты даже не был в Ялте! А я там был, и даже херес пил, и с Сильвио общался неформально. Короче, понял? Я тебе ИГИЛ (он запрещен у нас, я говорил), а ты мне Крым, и снова все нормально.

ВТОРОЙ (*робко*):

Ах, я бы только рад, я вам не враг, но Сирия — клубок проблем проклятых! Мы с ней не можем справиться никак...

ПЕРВЫЙ (*пренебрежительно*):

Да ты не можешь справиться и в Штатах! Ты скромный малый, знаешь свой шесток, размах чикагский, опыт небогатый, не можешь обеспечить третий срок — а я уже нацелился на пятый. Естественно, какой тебе ИГИЛ? (У нас он запрещен.) Помилуй Боже, я их уже давно бы задавил, но хочется продать подороже. Они под русским правильным царем воспрянут, руку твердую почуяв. Общественное мнение — ВЦИОМ, на выборы от нас поедет Чуров, а Киселев им жрачку посулит. Какие-то суиты, блин, шииты... Допустим, ты шиит или суннит, — я разве запретил? Но не шали ты! Там есть же телевиденье, Барак? Уж я им НТВ не покажу ли?! Для прочных скреп потребен общий враг. Так это будешь ты, и все в ажуре. Засунь себе амбицию свою. Ты сам сказал — война уже на старте. Дай Сирию. Я так ее смирю, что ты не различишь ее на карте. И вообще, о чем мы говорим? Мне две минуты — в кашу растереть их, а ты забудь про Крым, наплюй на Крым! Тебе он что? — пустяк, а мне-то рейтинг! Ты что-то про Сенцова говорил, про Савченко... Не нужно долгих басен: ну хочешь, я отправлю их в ИГИЛ? У нас он запрещен, но я согласен.

ВТОРОЙ:

Но это кровь...

ПЕРВЫЙ:

Россия велика. Начнешь разоблачать — язык обрежешь. Не вышло с Новороссией пока — так выйдет с Новосирьей. Буквы те же ж! Нет проку в дипломатском триндеже. Вы Сирию по ходу запероли. Вон ДНР растащена уже — так что-то надо делать Мотороле?! Я временно готов возглавить сам, пока народ последнее разграбит...

ВТОРОЙ:

А что Аль-Асад?

ПЕРВЫЙ (увлекаясь):

Асад будет зам! Он «Сирию единую» возглавит. Конечно, этот парень не удал, но, ощутив мое рукопожатье... И оппам, кстати, много воли дал. Хотите митинг — в Марьино езжайте. Что все хотят свободы — это штамп. И кстати, раз уж мы решили с Крымом... всех недовольных, будь они хоть Трамп, — шли «Боингами» в Марьино. Мы примем.

Пли! И благо ти будет! Но долговечен ли
будеши на земли — кто скажет?

М. Горький

Вот закон — заучи прилежно, — общий пахарю и царю: если драка, мля, неизбежна — первым бей, тебе говорю. Бей, покуда не уложили, бей десницей или пятой. Меньше слов. Докажи вражине — ты крутой, а не он крутой.

Бей соперника, конкурента, пусть он корчится, пусть дрожит, — бей: другого нет аргумента, если ты, конечно, мужик. Бей, показывай твердый норов, по сусалам бей, по усам, без уловок, без отговорок, если ты, конечно, пацан. Сам ударь и других науськай. Покажи им Дамаск и Крым. Хрясни первым, если ты русский. Помни: русский не бьет вторым. Пусть иные действуют нежно. Настоящий мужчина груб. Бей, когда война неизбежна, пусть трясется Валдайский клуб. Бей старательно, бей прилежно, бей слабейшего, бей бабье, бей — и если драка избежна, неизбежной сделай ее. Космос, первые пятилетки, вождь-элита, народ-плебей, наши детки и наши предки — все тебе повторяют: бей!

Остальным неуютно рядом: все хамят тебе, государь, все к тебе повернулись задом, — вот по заду их и ударь. **Цель не в выгоде, не в наживе, как надеется средний слой. Чтоб боялись тебя чужие — бей своих; чтоб боялся свой — бей чужих. Никто не мешает. Как священный жук скарабей, из навоза лепи свой шарик: сам же сплывай, сам же бей.** Идеолог, молчи, не каркай. Не приманкою, не вершой — с нами действовать надо палкой, и не маленькой, а большой. Бей до визга, до первой крови, под раскатистое ура. Да и что ты умеешь, кроме? Курс прошел на траве двора.

Дух мужает в пинках, в обидах. Русский мир изначально строг: мы не верим, что из небитых хоть какой-нибудь выйдет прок. Перегадим любого гада, пережестим любую жесть — нас учить и лечить не надо, мы такие, какие есть. Править следует в стиле кантри: кто робеет — тому капут. Действуй строго по этой мантре, остальные не катят тут. А иначе Восток и Запад, не желая глобальных драк, будут думать, что серный запах им почудился просто так.

Бей же первым! По местным заям, их надежды хищно разя! А иначе, хоть плюй в глаза им, — восклицают: роса, роса! Как положено в сверхдержаве, мы построим тут свой ИГИЛ¹, чтобы сто одного держали, а старшой подошел — и бил! Население — мягче воска. Будешь действовать так, мой свет, — есть надежда, что ты нарвешься.

А иначе надежды нет.

Повесть о двух городах

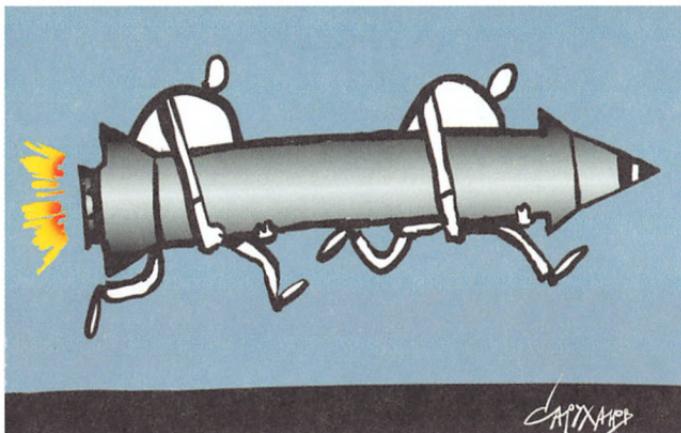

Россия словно под арестом — настолько вырос наш престиж. Мир стал таким опасным местом, что никуда не полетишь. Я не пишу, молчу, пощуся, не вижу снов, не пью вина: чего ни выскажешь — кощунство, куда ни сунешься — война. Повсюду умысел злодейский, конец уютным временам, сплошной театр военных действий — призыв, цензура, трибунал... Стратег диванный откровенный пыхтит от имени отцов, что русский мир есть мир военный, и хватит жить, в конце концов!

Что ни скажи — начальство всыпет: лобзнул не так, лизнул не то... Уже не вылетишь в Египет и в Крым не съездишь на авто. Порядок смят. Явился хаос. Проеден, кажется, стабфонд. Где отдыхать? Наотдыхались! Бери шинель, пошли на фронт. Как говорил покойный Лесин — мы в новом мире, господа, но этот мир ужасно тесен: нельзя туда, нельзя сюда... Он полон драк и зуботычин, он вызывает дрожь и смех и страшно, страшно ограничен: в каком смысле? Да во всех. Нельзя светиться над Синаем. Нельзя в Одессу — там враги. Восток закрыт — мы там стреляем. Про Запад — думать не могли. **Законы времени жестоки, везде запретная черта: порвет фанатик на Востоке, а Запад отберет счета.** Везде, везде от нас устали, везде запреты — от и до: Париж не отдал нам мистральи, плюс там живет Шарли Эбдо; а посетитель англосакса — британских дерзостных свинят — подавно должен опасаться, что в госизмене обвинят... На что нейтральны Берн и Цюрих, но Скрынник там уличена, и как-то видно по лицу их, что не последняя она... Само собой, поездки в Штаты, в альтернативный край земли, бук-

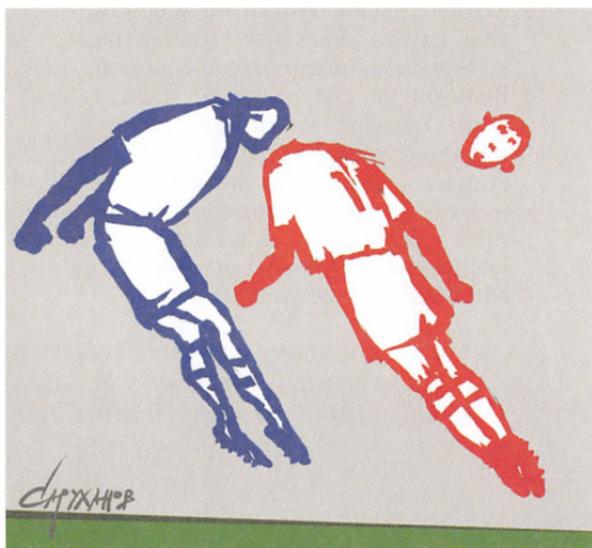
---

¹ Еще раз напомним, что он запрещен.

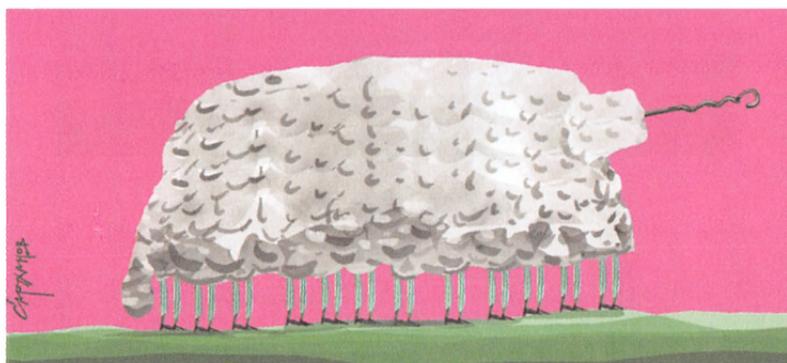
Ынская баллада

Не равно ли, от чьей неразумной руки
Погибать обреченному телу?
Не могу согласиться, ответит поэт:
Политически – да, поэтически – нет.
От кого погибать – все едино,
Но противно от рук Ким Чен Ына.

Свободный марш

Отвага и наглость берут города,
И нас не спихнуть с пьедестала:
Неважно, что не было так никогда,
А важно, что так уже стало.

Сон о баране

Хоть «Новую» пугают не впервой,
мне как-то жалко этого барана,
который так не дружит с головой.
Ведь он не сам отдал ее, ребята.
Ведь отняли какого-то рожна.
Ведь он хоть курдюком поймет
когда-то, что иногда она ему нужна,
она не зря отягощала шею, не
просто так попала под топор...
Когда-нибудь он явится за нею.
Мы сбережем ее до этих пор.

важно гибелью чреват: пришел, увидел, унесли. Среди этих заговоров черных у возбужденных русских масс два только города опорных: один — Донецк, другой — Дамаск.

В пространстве вражеском, холодном на что надеется Москва? От нас ушли Париж и Лондон, но не изменят эти два. Две новоизбранные столицы, два главных символа страны — другие могут отвалиться, но эти будут ей верны: среди бушующего хора, где слился с Новым Старый Свет, мы их последняя опора, у них альтернативы нет. В России кто-то их не ценит, но мы усвоим жребий свой: они со временем заменят все, что утрачено Москвой. Японец, скажем, любит нэцке, француз — сторонник бурных ласк, а мы найдем себя в Донецке, нам станет Меккою Дамаск! Зачем учиться по-немецки иль по-английски, утомясь? Учиться будете в Донецке, лечиться съездите в Дамаск... Мы оторвемся не по-детски, и нашей драки бурный хряск оценят граждане в Донецке и седина твоя, Дамаск! Мы отдадим Париж, Ривьеру и Калифорнию, к примеру, портвейн, самбуку и мадеру — все, что Европа нам дала, — за суверенность, честь и веру, и несменяемость ...¹

Я допускаю, между прочим, что года, скажем, через два «Довольно, больше мы не хотим!» — воскликнут Питер и Москва. И Русский мир, как в доброй сказке, увидит сказочные дни: в Донецке — Дума. Власть — в Дамаске. А мы — на Родине. Одни.

Вполголоса

В Париже почти одновременно в нескольких местах произошли теракты, ответственность за которые взяло на себя запрещенное в России Исламское Государство. Невзирая на траур, Charlie Hebdo выпустил карикатуру.

Послушай, «Новая газета», я не Эбдо и не Шарли, я не могу писать про это, я отсижусь в моей щели. Сейчас в Европе общий траур, она стоит плечо к плечу — к чему сатира? Я не фраер, я подставляться не хочу. Я не оратор, не ге-

---

¹ Тут у автора неразборчивое двухсложное слово. Может быть, «орла»?

рой уж — пускай рискует молодежь: сегодня только рот откроешь — от всех по полной огребешь! Тому назад четыре года рискнул бы я разинуть пасть: была не то чтобы свобода, а так, ее восьмая часть. Наш мир придавлен телебашней, мне страшно на него смотреть, но если б храбрости тогдашней сегодня мне хотя бы треть и я б не корчился под грузом кровавой ваты и свинца — я обратился бы к французам от анонимного лица, от коллективного холопа, чей рот уже не затворишь.

«Дотолерастилась, гейропа? Долиберастился, Париж? Весь ваш проект мультикультурный — педерастическая ложь, и он большой накрылся урной, и вся свобода ваша тож. Что вы пищали там о братьях? Все эти беженцы — нарыв. Вам надо было высылать их, сперва частично уморив. Вы их пускали и вбирали, учить пытались и лечить — а вам Чудинова заране все предсказала про «Мечеть»¹ Теперь конец тебе, Европа, не оберешься ты могил — к вам из сирийского окопа пришел заслуженный ИГИЛ², но с высоты своих идеаллий мы вам готовы дать совет. Мы вас однажды колотили и зла не держим двести лет. Кто вам несет цветы и свечи — тот жалкий Запада вассал: подход слезливый, человечий планету сроду не спасал. Вы отнеситесь трезво, грозно. Клянусь, одобрит большинство. Сожгите беженские гнезда и не впускайте никого. Границы заперты — и ладно. Левацкий сбрасывая плен, пошлите вашего Оланда и сдайте власть Мари Ле Пен. У вас народ уже заждался: мол, где Мари? Расправы где? Мы ей готовы дать гражданство, как мы давали Депардьё. Нам симпатична эта Маша, мадам, рожденная для драк, она такая как бы наша, а вместе в чем-то Жанна д'Арк. Даешь режим противоправный, давно мечтавшийся мираж! Мы будем ваш помощник главный, а вы союзник главный наш. Увязла в ветоши и хламе французов гордая орда, в борьбе с Обамой и хохлами сплотимся мы как никогда, мы будем веселы и пьяны, неадекватны и крепки, мы будем как бы д'Артаньяны, а все другие — удаки! Но чтоб могли бы вам поверить и вместе

---

¹ Роман фундаменталистки Елены Чудиновой «Мечеть Парижской Богоматери», ужасный, по-моему. Но фундаменталистам нравится.

² И снова напомним, что «запрещенный в России».

действовать могли — вам надо выборы похерить и расстрелять Эбдо Шарли. Решай, голубчик: если враг ты, то пусть бы ты и пожинал... Ведь это ж вам за них теракты, за их кощунственный журнал! Хочу сказать определенно: у вас и булки, и вино, однако пятая колонна у вас не чищена давно. Тут тоже надо «или — или». Учитесь, блин, у медвежат, мы наших знатно зачморили: те, что не сели, — все лежат. Берите с русского проекта пример, тупые господа: у нас свободны только те, кто... Всмотритесь в лица. Страшно, да?

Нам вообще довольно странно следить за ходом ваших дел: у нас владелец «Батаклана» и весь бы клан его сидел! Ведь он, владелец «Батаклана», все эти жертвы произвел: там не имелось даже плана эвакуации, козел! Ведь документы — юбер аллес, как знают наши холуи: бить надо так, чтоб все боялись. Своих? Сгодятся и свои.

Еще с одним советом влезу — хотя советов до хрена: не пойте больше «Марсельезу». Несвоевременна она. Вот потому вы все и слили, скажу с хитринкою блатной, что эта песнь Руже де Лиля — гимн революции цветной. Вы с этим гимном нехорошим — слова совсем нехороши — два раза проиграли бошам, с позором вляпались в Виши, а это хуже, чем Судеты. Я также вам забыть не дам, что в шестьдесят восьмом студенты чуть не устроили майдан. К чему вам эта «Марсельеза»? Чужие гимны рассмотри: в них как бы слышится железо! А вы — «Аллон занфан по три»... Какая может быть свобода, когда, взрывая и трубя, везде, с заката до восхода, идет всемирная борьба?! Чтоб удержаться от распада, со всей решимостью скажу: носить открытое не надо. Рекомендую паранджу. Клянусь Кубанью и Тагилом, такая мода — в самый раз. Должна Европа стать ИГИЛом¹ — тогда ИГИЛ² не тронет вас, тогда вовек не грянут залпы — зачем стрелять в того, кто труп?»

Вот так, должно быть, я сказал бы, когда я молод был и глуп, но нынче трижды пожалеешь на нашем режущем ветру... Я это все прочту жене лишь.

Сожгу.

И пепел разотру.

---

¹ Запрещенным в России!

² Запрещенный в России!

Мне не нравишься ты. Мне не нравитесь вы,
Обитатели гордой запретки.
Мне милы ваши предки (поскольку мертвы)
И пока еще нежные детки.

Я люблю только тех из моих сыновей,
Кто тупит или злобится с детства.
Лишь они — мои отпрыски чистых кровей,
И они не сбегут, не надейся.

И туда не ходи, и сюда не ходи,
А ходи от овина до хлева,
Опасайся расспрашивать, что впереди,
И направо смотреть, и налево.

Не пытайся подняться посредством труда,
Не кичись перед ящером, птица.
Ты мне должен всегда, я тебе никогда,
Жизнью тоже нельзя расплатиться.

**Мне привычна поэтика вечной вины,
Ложных клятв и напрасных стараний.
Созиданье стены, состоянье войны
Мне милее других состояний.**

Не надейся, не жди от меня доброты.
Милосердьем не славится фетиш.
Все хорошее сделала я, а не ты.
За плохое ты лично ответишь.

Ибо я оправданье твое и броня,
И опора, и скрепа, и глыба,
А когда я скажу, то умри за меня
И скажи мне за это спасибо.

Телецентр «Останкино» обнесли колючей проволокой из-за «тревожной ситуации в Москве, в Европе и в мире».

А может быть, это не они сидят за колючей проволокой, а вы сидите.
Бр. Стругацкие, «Гадкие лебеди»

Внезапно — как бы на случай глобальной русской весны — проволокой колючей Останкино обнесли. Зрители не заплачут: стерпим, не в первый раз... Вас от народа прячут — или народ от вас? Может, в текущем цикле, в нынешних временах надо, чтоб вы привыкли быть за колючкой, нах? Будут законы в силе — Запад вас не спасет: вы же наговорили каждый лет на пятьсот. Каждый за сверхполучку выложить душу рад. Лучше уж за колючку, нежели сразу в ад.

Вовсе невыносим бы нынешний был сезон, если б не всюду символ. В каждом придурке он! Даже смотреть отрадно, как постарался Бог — прелесть, как все наглядно. Дьявол бы так не смог. Долго у нас рожают, терпят любую жесть — сами себя сажают все, кому надо сесть. Словно берут измором собственный злой галдеж — все обнесли забором, змейкой не проползешь. Словно ползут по склону в самый безвидный срам — Кремль превратили в зону и затворились там. Спрятались, будто в клетку, — шороха не слышать. Надо бы под запретку площадь перепахать.

Боязно, правда, с зоной сравнивать их редут — в крепости осажденной тихую жизнь ведут. Влезли в свою темницу, сами себе грозя. Выехать за границу силовикам нельзя. Бомбами потрясают, всем, говорят, под дых... Их ли от нас спасают? Думаю, нас от них. Там, за глухим забором, жилист и гонорист, вор сговорится с вором, с киллером — шантажист, весь этот мир преступный, ненавистью томим: в крепости неприступной самое место им.

Сами они наладят стражу на рубеже, сами себя посадят. Можно сказать, уже. **Встали на изготовку — молнии из очей. Жуковку, и Рублевку, и Бочаров Ручей огородили браво, заперты тет на тет — там у них сверхдержава и суверенитет. Тут им помочь**

не в силе Запад или Восток — сами определили свой пожизненный срок. Горе ли это? Что вы! Можно сказать, зер гут. Сами сидеть готовы, сами же стерегут.

Родина, тройка-птица, выслушай мой совет! Как бы жить научиться, будто их вовсе нет? Жить на открытом свете, не в духоте тюрьмы: ведь за колючкой — эти, а на свободе — мы. Мы ведь умеем что-то, делаем кой-чего, все же для нас работа лучше, чем воровство... Пусть они там часами делят свое лаве, пусть они смотрят сами «Зона»-свое-ТВ... Я к ним в общак не лезу. Сказано: «Let'em Cheat!»¹. Точат пускай на Лесю — надо же им точить? Мы заживем богато, честно, как искони — только пойдем, ребята: это сидят они. Хватит дрожать, осинки. Хватит любить скотов. Можно им слать посылки изредка.

Я готов.

---

¹ «Позвольте им жульничать» — песенка Royal Sprite.

Хитростное

Читая ленту новостей про курс рубля ужасный и комментарий всех мастей, особенно провластный, про то, какими мы войдем в грядущий новый год, — я крепче верю с каждым днем: все это Хитрый Ход.

Я не уверен, что в Кремле все эти тексты пишут: в Кремле смакуют крым-брюле и нас давно не слышат. Пока трясемся над добром, смотря на курс валют, — там длится схватка под ковром Борисов и Малют.

Нет, это пишут не они, — скажу, как тертый критик, — и не подручные гебни из «фюр геополитик», а добровольные бойцы верховного лица, диван-кроватьные певцы дворового бойца.

Ведь он же тактик и стратег, он трижды все промерил, ведь он не мог подставить тех, кто так ему поверил, кто без тепла прожить готов и ничего не есть! Он просчитал на пять ходов и угадал на шесть.

Хотя итог еще далек, но разум босса прыток. Он Штаты в санкции вовлек, что им самим в убыток; пускай Стрелков его чернил, снимаясь за столом, — зато он турок расчехлил и НАТО расколол. Он нефть обрушил до зимы (пиндосы, сатанейте!), чтоб экспортировали мы как можно меньше нефти; иначе гордый русский дух не мог бы слезть с иглы — но клонул жареный петух, и видишь, мы смогли! Он Крым затем присвоил, ать, со всем голодным людом, — чтоб с моря Черного стрелять «калибром» по Саудам! Как всякий истинный тиран, он сам придумал, ать, столкнуть Сауды и Иран — и этим нефть поднять. Отдельный мудрости пример, другой источник пыла: есть ДНР и ЛНР. Зачем? А чтобы было! Пассионар-

ное пятно среди иссякших вер: кто недоволен, тем вольно уехать в ДНР. Еще? Любуйся, большинство, как мыслит русский Гудвин: уволен Кудрин для того, чтоб мог вернуться Кудрин! И снова Кудрин, бросив одр, — среди больших котов: слегка припудрен, крайне бодр и ко всему готов!

А кстати, очень может быть, что мы — его поленья, что он задумал сократить избыток населения, что мы, Отечества сыны, метнемся без труда иль в топку ядерной войны, иль просто в никуда. Ведь чтоб обслуживать трубу — миллион, и то едва ли, а прочих он видал в гробу, и мы себя видали; все эти кризисы странны лишь тем, со стороны! Оптимизация страны, мобилизация страны, утилизация страны, кастрация страны.

И знаешь — я уже и сам готов, поверь на слово, сказать спасибо небесам за лидера такого. Уже я сам, как идиот — точнее, как большинство, — готов увидеть Хитрый Ход в конвульсиях его.

Нам для того вся эта страсть, — допустим, что Господня, — что это он меняет власть! А как еще сегодня? Он это выбрал, нас любя: цените, господа! Ведь если он не сам себя — то кто ж его тогда?! А он устал, как Вечный жид, среди просторов серых; хотел бы он еще пожить, причем не на галерах, и все затеял для того, — иного не найду, — чтоб мы не выбрали его в осьмнадцатом году!

И кто, признайся от души, его свалить согласен? Навальный, Ходор? Не смеди! Макар? Белковский? Ясин? Отважных фашиков орда из потайных полков? Лимонов, может быть? О да. Скажи еще — Стрелков. Он должен сам себя свалить, прервав период злачный; свою харизму обнулить и рейтинг свой трехзначный! Он снимет сам себя, как Бог, путем глобальных дряг. Донбасс, как видим, не помог — пришлось полезть в Дамаск.

Вот так, за лентою следя, я тешусь ворожкой. Ведь видеть хочется вождя на троне над собою, титана, в мысленной борьбе постигшего астрал, — а не последыша ГБ, который все — проспал.

Тринадцатилетняя девочка Лиза из семьи выходцев из России, проживающих в Берлине, пропала на 30 часов, после чего сообщила о похищении и изнасиловании группой лиц «арабской внешности», плохо говорящих по-немецки. На фоне европейского миграционного кризиса дело получило широкий резонанс в российских и немецких СМИ и привело к дипломатическим трениям между Германией и Россией. Правда, потом оказалось, что Лизу никто не насиловал и даже не похищал. Просто она из-за страха перед предстоящим вызовом родителей в школу пряталась у своего знакомого немца и его матери. И сексуальных контактов за это время у нее вообще ни с кем не было. Одновременно с этим стало ясно и то, что вообще сексуальные контакты (сексуальные действия, совершенные с согласия девочки) с двумя совершеннолетними мужчинами Лиза все-таки имела, но за пару месяцев до описываемых событий, а упомянутые мужчины беженцами не были.

Незаконно добывшие визу и проникшие в город Берлин, два мигранта насилуют Лизу, нашу русскую девочку, блин. Два насильника, мрачных садиста, за которых Европа — горой. Первый сверху на Лизу садится и подушкой душит второй. Нарастают крутые детали, подключается Первый канал: умыкнули ее, затолкали на матрас, что ужасно вонял... Накаленный до вопля, до визгу, надывается хор голосов: два мигранта насилуют Лизу десять, двадцать и тридцать часов! Дайте волю народному гневу! Слышь, Россия, страна-исполин: там насилуют русскую деву, хоть она и свалила в Берлин! Так скажи свое звонкое слово в этот тяжкий, решительный час. Неужели мы вытерпим снова, что повсюду насилуют нас? Почему мы уставились немо, почему не заявим, грозя: пусть мигранты насилуют немок, но насиловать русских нельзя! Чуть поднялись — и снова-здорово. Иль не жаль нам сестер и невест? Привлеките министра Лаврова, пусть он выскажет резкий протест! **До чего довели толерасты, либеральщики, черт их возьми. Почему этот случай ужасный игнорируют местные СМИ? Если честь вы забыли мундиров, а полиция сдохла, как класс, — пусть на месяц придет Кадыров и поря-**

док устроит у вас. Мы уже догадались в запале, мы постигли в порыве страстей: вы мигрантов затем и впускали, чтоб насилловать русских детей!

Но узнали немецкие власти, обитатели чуждых систем: эти ужасы — правда отчасти, а точнее — неправда совсем. Подготовьте Лаврова к сюрпризу, пусть утешится ваш господин: наш мигрант не насилдовал Лизу (плюс их было не два, а один). Успокойте родного гаранта и согретое им большинство: Лиза ночь провела у мигранта с разрешения мамы его. Спи спокойно, соседка-Россия, не настолько мигранты страшны: ни следа никакого насилия мы на Лизе твоей не нашли. Нагнетать напряжение бросай ты. Эту сплетню и крики «Атас!» размещали нацистские сайты, что припрятаны, кстати, у вас. Ваши карты, как видите, биты. Мы пойдем в независимый суд, ибо знаем, что ваши наймиты проводили наймитинги тут. Для российского телешедевра — впечатляющего, не таим, — вы платили по тысяче евро истеричкам наемным своим: разговоры об этой оплате мы немедленно выложим в Сеть, мы считаем, что очень бы кстати этим записям там повисеть, как и фоткам, где нацик немецкий с черной бандой своей наряду по соседству с колонной донецкой марширует у всех на виду.

Что до Лизы, то бедная Лиза раскололась за несколько дней. От анамнеза до эпикриза все сегодня известно о ней. Предков Лизиных вызвали в школу, предки стали ее бичевать — и за это она, по приколу, не явилась домой ночевать. Стали делать над ней экспертизы — и узнали: с двенадцати лет два любовника было у Лизы, а насилия не было, нет. Так что символ невинности чистой оказался не чище, увы, чем нацисты, садисты, чекисты и другие кумиры Москвы.

О садистские эти фантазмы! Даже злоба порою берет, как подумаешь — сколько уж раз мы облажались публично за год. Как припомнится мальчик распятый, да его истреленная мать, да плакаты с колонною пятой, да расстрелы беременных, ать... Это ж все наши тайные грезы, потаенные влажные сны, донный пласт эротической прозы о свершениях русской весны, мастурбация тайных героев, воспаленного мозга цистит — что, кошмар на планете устроив, за свое одиночество мстит! Это вы, не выдавшие

воли, все орете, планете на смех: «Все насилуют нас!» — для того ли, чтоб вернее насиловать всех.

Вы Россию, как бедную Лизу, героиню своих порнодрам, двадцать лет наклоняете книзу, чтоб насиловать в голову прям.

И она, обалдевши от боли, позабывшая все, кроме вас, возразить вам способна не боле, чем нимфетка, попав на матрас. Так и воет, не взвидевши свету, наплевавши на школу и честь...

И вдобавок полиции нету. А в Германии все-таки есть.

Минкультовое

Вот говорят: снимать Мединского. Он скоро будет заменен, он оказался в центре диспута — в ответе ли за зама он? Кому шататься — не короне ведь? Балласта не было давно, снимать же надо хоть кого-нибудь! Культура — самое оно.

Должно быть, я один-единственный из всей писательской среды скажу: не трогайте Мединского! Он сам писал свои труды, легко изыскивая поводы: мол, сами вы страна-изгой! Я просто верю, что такого бы не написал никто другой. Перед врагами не заискивал в защите матушки-Руси (хотя, естественно, заимствовал: постмодернист, не хрен соси!). Пускай он жупел для историков, что меж собой его язвят, — но он же все-таки не Стариков (аминь, рассыпья, свят-свят-свят!).

Пускай уволил он Мироненко — но странно мнение святош: мол, честь Минкульта тем уронена. Куда ронять? И я про то ж.

Вон в Петербурге шайка Резника, любя культуру, нашу мать, с отвагой горского наездника кричит: Мединского снимать! Пусть Резник сам давно настаивал, чтоб подвести под ним черту; но остальных же он устраивал? А стало можно — и ату! Я в этой травле не участвую, не лезу со своим пинком: он первый после Луначарского российский пишущий нарком, и лучше пишущий, чем пыщущий тупою злобою свиной; Мединский — не такая мышь еще, как те, что за его спиной. Ведь ни просвета нет, ни отсвета. Пасует даже Интернет: ну, нет его — а кто же после-то? Альтернативы тоже нет. Невзоров

предложил Валуева: да, он красив и мускулист, я б отдал жизнь за поцелуй его, будь я гомосексуалист, — но, видя эту башню хмурую, что спуску никому не даст, я чувствую, что он с культурой составит тот еще контраст. Ах, если уж Мединский свалится и, так сказать, сорвет резьбу — есть кандидатка, есть красавица — войти в горящую избу! Что оживит равнину плоскую под коркой мартовского льда? Кричу: Ямпольскую, Ямпольскую! Даешь Ямпольскую сюда! Я голосую за Ямпольскую. Ее в министры я хочу. Боюсь, такого удовольствия с другими я не получу. Она за Родину, за барина с усаатым царственным лицом — и мы хотя бы позабудемся перед заслуженным концом.

Хочу Ямпольскую, Ямпольскую! Не первый год я в ней ценю ту самурайскую, японскую способность выжечь на корню все то, чего она касается, без тени мысли и стыда (еще другая есть красавица — да, Скойбеда, но ей куда!).

Ее напор сейчас усилился, и пафос тоже не остыл: недавром крыминг на Васильевском она вела с Петром Толстым. Сейчас у нас покуда ижица, развилка, выбор, север-юг... Она ж прикроет все, что движется, и сядет сверху, и каюк, и чтобы сразу не повесили — молитесь, сукины сыны! Я буду изгнан из профессии, а Макаревич — из страны. Культура станет перепончата. Даешь Елену — ибо с ней все, может быть, быстрее закончится. (Хоть, может быть, и не быстрее. Уже давно живу на свете я в привычном климате своем: здесь можно гнить десятилетия, и все равно не догнием.)

Даешь Ямпольскую заранее, даешь диктат ее во всем! Одноименное издание мы этим, может быть, спасем от превращения в массу бурую. Не может же один местком руководить самой культурой и так же названным листком! И постепенно все устроится и выйдет на нормальный путь: газета, думаю, отмоется, а уж культура... как-нибудь. Я чувствую нутром и шкурою какой-то радостный покой: не может управлять культурой министр, хотя бы и такой. Не надо бить руками по столу, глотать таблетки, пить боржом... Хочу Ямпольскую, Ямпольскую! Конец один, так хоть поржем. Такой настанет мир наизворот — живот заранее болит!

Вот только Трампа, жаль, не выберут¹. А то бы — полный монолит.

---

¹ Автор тогда еще надеялся на американцев.

Представитель Госдепартамента США заявил, что США готовы содействовать обмену Савченко на российских граждан, если это будет способствовать решению проблемы.

UPD. Уж не знаем, что и кто в конечном итоге поспособствовали решению проблемы, но 25 мая 2016 года Надежда Савченко была помилована указом президента России и вылетела в Киев. Одновременно с этим президент Украины помиловал российских граждан Александра Александрова и Евгения Ерофеева, вылетевших в Москву.

К нам во двор выходит Вова — наш дворовый супермен. Он привычно и сурово начинает свой обмен:

— Слышь, Барак! Чего ты, цаца? Выходи, давай меняться! Тут вот Надя (пискни, Надь). Я хочу ее сменить. Посмотри, какая Надя! Шестьдесят на тридцать три¹. Выходи, махнем не глядя. За Караджича — бери. Надя недешева, редкая, гашёная, с приговором новеньким, с адвокатом Новиковым... В либеральной нашей секте из-за них большой раздрай.

— Адвокат идет в комплекте?

— Да не жалко, забирай.

Но Барак — упрямый дядя, не забыл еще про Крым. Он в ответ:

— Сначала Надя, а потом поговорим. Ты томишь ее в ГУЛАГе. И при чем Караджич тут? Ты и сам герой Гааги без пяти уже минут.

— Слышь! — рычит Володя жутко. — Не пугай меня, дебил! Ты ваще хромая утка, и Кадафи ты бомбил. Во главе своей шараги ты за все свои дела мог бы сам сидеть в Гааге, если б совесть там была. Так что думай хорошенько. Можешь кончить, как Саддам. Я за Бута с Ярошенко, может быть, ее отдам.

— Что ж, — Барак улыбку гасит, смуглолицый хитрован. — Если к ней в придачу Асад, я подумаю, Вован.

Вова смотрит по-пацански, предвкушая торжество:

— За отмену ваших санкций можно Асада... того... Мы привязаны к Башару, но бери его на шару. А за это и Дон-

---

¹ Вес и возраст.

басс пусть останется у вас. Забирай его готовым, в Украину или так...

— Только вместе со Стрелковым! — говорит ему Барак. — Без него Донбасса мало. Мы хотим его давно. Он бы нам для трибунала просто самое оно.

— Не отдам, — бормочет Вова, неуступчив и когтист. — Не могу отдать Стрелкова, он теперь экономист. Он сидит на форуме с этими, с которыми, с толстеньким и длинненьким... С Бабкиным и Гринбергом.

— Я бы дал в придачу Трампа, — шепчет вкрадчиво Барак. — Автор нового «Майн кампфа» и при этом не дурак, наша главная засада в политической борьбе. Нам совсем его не надо. Он же ваш. Возьми себе! Ты-то, доблестный товарищ, не такое переваришь. Вся его органика — с вашего «Титаника»! Улови, насколько круто все закрутится у нас: я тебе — его и Бута, ты мне — Надю и Донбасс.

— Нет! — в ответ бросает страстно лидер нашего дворя. — Если к нам забросить Трампа — для чего тут буду я? Не хватало, чтобы вылез он на наши выборы. Блин, опять не сговорились.

И уходит со двора. Но кричит вполоборота, уходя в апрельский мрак, — все надеется на что-то:

— Слышь, Барак! А хочешь так: забери в свою маммону нашу пятую колонну? Признавайся, не таи — ведь они и так твои! Всех бы отдал без раскачки за дворовый главный нал — десять фантиков жевачки. Я их в детстве собирал. А еще бы за Башара пять индейцев не мешало. Из резины. Или шесть. У тебя индейцы есть?

— Нет! — Барак кричит с балкона. — Вообще, какая связь? Ваша пятая колонна мне и на фиг не сдалась. Может только шизофреник верить в этот твой расклад. Я жалел на них печенек даже пару лет назад. А теперь свобода слова там у вас накрылась вся.

И опять уходит Вова, сумку с Надей унося. Завтра, думаю, в двенадцать он опять придет меняться, свой нахваливать товар и выгадывать навар, невзирая на усталость и на смех других детей...

У него же не осталось прочих экспортных статей.

Россия, предпасхальная неделя, прогретые апрельские дворы. Сегодня, двадцать третьего апреля, — четыре века ровно с той поры, как Шакспер¹ (как бы там его ни звали) покинул мир (а может быть, и нет), увязнувший в пороке и развале (смотрите шестьдесят шестой сонет).

Четыре века Гамлет, бледный воин, стремится побороть всесильный рок — и все еще партером не усвоен его открытый, так сказать, урок. Все не запомнит наше поголовье, холодного пространства посреди, что, если ты живешь в Средневековье, себя ты соответственно веди! Без этих рефлексий-самоироний, что разводил Офелии жених, — глядишь, еще не умер бы Полоний, и дочь его осталась бы в живых, и дважды овдовевшая Гертруда простила бы сынка за простоту, избавилась от тягостного блуда и не барахталась в гнилом поту²; не говоря о бешеном Лаэрте, испившем чашу ужаса до дна... В сюжете, где кругом сплошные смерти, могла бы прогреметь всего одна. Нормальный рыцарь, действуя по правде, сказал бы дяде: сдохни, обормот! Единственным убитым был бы Клавдий. Народ бы понял. Он всегда поймет, тем более что Гамлет популярен, и жест героя был бы оценен (а если б разложилось в пополаме, то можно датский выдумать ВЦИОМ). Кратчайший путь всегда бывает верным, мы знаем, сколько горя от ума, и сам же Розенкранц с Гильденстерном ты говорил, что Дания — тюрьма, зато уж в ней стабильность и единство, и каждый благодатью осенен; и если уж ты в Дании родился и Господом засунут в Эльсинор, то ты и действуй, падла, как датчанин, на радость окружающих датчан! Пускай гуляют призраки ночами — но днем они, как правило, молчат. **Но бледный принц, эпохи перепутов, подался мысли — главному греху, — а в результате видим кучу трупов, и сам он в этой куче наверху.** Несчастный зритель! Ты не веришь притчам, в которых связь времен обнажена, и если ты не хочешь быть типичным, то будет типа дальше тишина. Но пятый век подряд, себе на горе, ты тупо забываешь

---

¹ Так транскрибируют его имя противники стратфордianцев.

² «В гнилом поту засаленной постели» (III, 4).

об одном: ты хочешь быть хорошим в Эльсиноре! А в Эльсоноре надо быть... молчу.

Вот, например, Памфилова решила в шестнадцатом возглавить избирком, не чувствуя, что данная машина не может прямо ехать ни при ком. Вот Кудрин, верный внук Адаму Смиуту, не думая о жребии ином, решил вернуться в Клавдиеву свиту — он будет там глубокий эконо- ном! И главное — уже сама Гертруда, занявшая седьмую часть земли, не хочет выбираться из-под спуда, куда ее надежно завели; она уже поверила, Гертруда, сползая в тяжкий, гнилостный покой, что если Клавдий сдвинется отсюда — не будет и Гертруды никакой! Здесь нужно по- ведение земное, холодное, для аппаратных битв; ты, е- ли хочешь выжить в Эльсиноре, не спрашивай про быть или не быть, о гуманизме пафосном забредив. Тут надо бить — соседей и сынов. Тут будь хотя бы Озрик, как Мед- ведев, а лучше Розенкранц, как Иванов, и будешь для на- рода лучшим другом, заслоном всякой пакостной весне... А если ты талантлив, как Ролдугин, — играй! Не «Мыше- ловку», а Массне.

Тогда-то ты, скажу тебе без лести, окажешься удачлив и неглуп, и будет складно в датском королевстве...

Пока не скажут: «Унесите труп»¹.

Отдельное

Пошли первые слухи о создании альтернативного, независимого Интернета в России.

Грозят отдельным Интернетом моей испуганной стра- не. Одни насмешничают: где там! Другие верят. Я — впол- не. Ведь мы не первый год стремимся огородить себе ды- ру, в которой нету экстремизма, а есть сплошное крем- лин ру. Вся наша квазисовременность, основа, стержень и зерно таятся в слове «суверенность», читай — отдель- ность от всего. Мы не приемлем общих истин. Нас окру- жил сплошной фашист. Есть русский мир, и он воин-

---

¹ (V, 2).

ствен. Есть русский дух, и он душист. Вот мир, где нету Pussy Riot, а лишь церковная среда; тот мир, где власть не выбирают, а просто любят навсегда; духовно скрепный, жаропрочный, российский Иерусалим, отдельный мир с отдельной почвой, с отдельным воздухом своим, где все скупее год от года поток дозволенных щедрот, где занял место кислорода чистейший сероводород! И как когда-то комиссары вели в отдельный кабинет — так нас, в порядке Божьей кары, введут в отдельный Интернет. Врагам заморским всех расцветок ответит пафосный изгой: у вас вон так — у нас вот этак. Мы не плохой, а мы другой. Российской сути не затронул глобальный вызов ни один. Своих физических законов мы никому не отдадим. Влиянье Запада развеяв, мы заявляем все как есть: любовь — удел растленных геев. Наш лозунг — ненависть и месть. Смиранный труженик — скотина, прекрасен алчный паразит. Что дышит жизнью — нам противно, но все, что гибелью грозит, для сердца нашего таит неизъяснимы наслажденья, как пишет главный наш пиит, гонимый властью с рожденья. Отдельный свет, отдельный климат, мух суверенные рои... Пускай чужие нас покинут, зато останутся свои.

Люблю я этот дух расстрельный, хотя расстрелов как бы нет; но как назвать тебя, отдельный и суверенный Интернет? Тебя, властями разрешенный, бесцветный, плоский, точно жель, всего излишнего лишенный, хотя излишне все что есть? Безмолвны правящие крабы. Я сам название подберу: уместно, кажется, тебя бы назвать любовно — «Крошка Ру». Звучит, по-моему, неплохо. Прямая связь с текущим днем: такая грозная — но кроха, такая страшная — но гном, самой себе всегда мешая, себя безбожно колотя, такая, в сущности, большая, такое, в сущности, дитя...

Ты отразишь нам так, как надо, к печали всех еще живых, Россию мини или нано, страну в пределах нулевых — страну бессилия и гнева, доносных жалоб и телег, где шаг направо и налево уже считается побег. И мужикам, и местным бабам страшна и тягостна она, зато впервые по масштабам своим начальникам равна.

Мне рассказывал Марголит, кинолюб и киновед: «Правду, если пан позволит, осознал я в двадцать лет. Я поехал в Закарпатье — отдыхать, диплом кропать, — жили там родные братья: пятьдесят и сорок пять. И один служил в солдатах, был серьезен и сердит, — а другой в пятидесятых был посажен как бандит. Одного служить призвали на другой конец земли, а другого в партизаны темной ночью увели — ночью вьюжной, лесом зимним, батьке с маткой пригрозив, и поди ты возрази им: это ж тоже как призыв! Ну — без долгого занудства — всем положен свой предел: дембельнувшийся вернулся, отсидевший отсидел, — все срастется по живому, кровь родная — не пустяк. Мать старается по дому, братья ладят кое-как, — только каждый раз на праздник (майским днем, ноябрьским днем) дом гудит от песен разных, на родном и не родном. Два братка единой крови затевали пир горой: первый что-то пел на мове, строевое пел второй... Поменять бы их местами, сливши в это решето, — что, они б иными стали? Просто пели бы не то... Вот тогда я понял, Дима, возвращаясь из Карпат: все взаимозаменяемо и никто не виноват».

Так-то так. И я легко бы, хоть и с ношею в груди, все грехи родной утробы унаследовал, поди, и родись я не в развале, а в разгар кровавых лет, — я бы шел, куда призвали, не осмелясь молвить «нет». Но и в мирную эпоху скудных жил, тупевших жал, — я бы вслух царю Гороху никогда не возражал. Есть инерция гражданства, опасения семьи — я бы вряд ли удержался, записался бы в свои. Мне, жильцу народной гущи, чья родня насквозь честна, — как-то более присуще быть в составе большинства, без глумливого злорадства, с верой в предков и авось... И не я его чувствовался, а оно меня того-с.

Не еврей, чужак скорее (и при чем бы тут еврей? Есть такие, блин, евреи — отдохнет гиперборей!), я избавлен от соблазна лидерства на букву «п» и не склонен всяко-разно растворять себя в толпе. Мне хвалиться как бы нечем: я не строил свой Икстлан, не собою я отмечен и не сам себя изгнал. Хоть в Донецке, хоть в Луганске, хоть под сенью чуждых крыл — я б скитался по-цыгански, по-турецки говорил, ни на норде, ни на юге не найдя себе страны: в этом нет мо-

ей заслуги, но и нет моей вины. Чуть вскипит родная каша — тянет в гущу, но куда ж? Я бы впал в ряды «Крымнаша»: Крым-то ваш, да я не ваш. Не кумир, не царь, не генерал, — от воспетых в унисон коллективных преступлений я заведомо спасен. Ни по Фрейдю, ни по Марксу (кои, в сущности, равны) я рожден любую массу наблюдать со стороны.

И когда они закончат — так сказать, почуяв дно, — змей, чухейчат-перепончат, снова сплавится в одно. Позабудутся проклятья, стихнет пылкое вранье, запоют родные братья — тот свое, а тот свое. И, с сердечным перебоем чужой их режим, — я останусь чужд обоим, как и прежде был чужим, не надеясь объясниться и развеять общий бред.

В этом, собственно, граница.

А другой границы нет.

Голодецкая баллада

---

*На днях сказала Ольга Голодец,
Что двум третям родного Китеж-града
Образованья высшего не надо:
Им некуда его буквально деть-с.*

Кругом ругают Ольгу Голодец —
Мол, вуз открыт не всем, а только трети;
В России очень много значат дети.
А я скажу, что Ольга молодец.

В стране, где правит Ольга Голодец,
Избыточен мятущийся затворник,
А нужен скотник, плотник, дворник, шорник,
И швец, и жнец, и на дуде игрец.
Так думает и общий наш отец,
Что Западу показывает зубы, —
Иначе бы зачем держать ему бы
В вице-премьерах Ольгу Голодец?

Как уверяет Ольга Голодец,
У нас в образование специальном
Достигнут рост, и в смысле социальном
Оно тебе полезнее, юнец.

Оно твоих возможностей венец,
Спасенье от душевного разлада.
Быть слишком умным здесь уже не надо,
А надо быть как Ольга Голодец.

Я думаю, мечтает лишь подлец
Укрыться в вузе как бы между прочим —
Лишь бы не стать солдатом и рабочим,
Как призывает Ольга Голодец;
**Всяк русский по призванию боец,
И обсуждать вопрос давно решенный
Способен чуждый прихвостень, лишенный,
Как говорили в древности, яец.**

Мы сузим речь до дюжины словец,
Мы даже анатомию исправим —
Лишь внутренние органы оставим
Вокруг горячих, преданных сердец.
Из книг нужней всего Молоховец;
Мы скажем «Нет!» заморским медицинам,
Поскольку идеальным гражданином
Является, естественно, мертвец.

Во внешний мир я больше не ездец:
У них теракты сплошь, перевороты,
И мне спокойней там, где кремлеботы
И патриоты типа Голодец,
Где мэр Собянин — властелин колец —
Покрыл Москву раскопами и пылью,
Где я привычен к сладкому бессилью
И кантри-стилю Ольги Воронец.

В стране царит духовный голодец.
Вчерашние кошмары стали нормой.
Мне видится она железной формой,
А в ней дрожит духовный холодец.
Решится лишь разнузданный гордец
Заканчивать свою балладу матом —
Но как я рад, что в языке богатом
Так много рифм на слово «Голодец»!

Во время обысков в квартире полковника Захарченко были найдены деньги в разных валютах; общая сумма в рублевом эквиваленте составила 9 миллиардов. Полковник был обвинен во взятках и препятствии предварительному расследованию и арестован.

UPD. Новостей и сплетен по теме было предостаточно, но судьба героя еще не решена — завершить расследование планируют в наступившем 2019 году. Но деньги вроде бы уже изъяли в бюджет, хотя дошли они туда не в полном объеме — 120 миллионов рублей, видимо, где-то завалялись.

Вот нашли у полковника девять миллиардов российских рублей. Что с рублями полковнику делать — не могу угадать, хоть убей. Будь он трижды талантливым малым (кто же видел мента в нищете?) — я не знаю, откуда набрал он этот кэш в управлении «Т». Трудно сделать подобные бабки, даже если работать в ЧК. То ли он шантажировал банки, то ль держателем был общака — и родной журналистики барды повторяют свое бла-бла-бла: это сколько ж на те миллиарды можно всякого сделать добра! Утолить иссушающий голод у глухих крокодилистых вод; содержать вымирающий город, где закрылся цементный завод; сделать Волгу длинней иль короче, всю Луну луноходом вспахать; пять трамплинов отгрохать бы в Сочи (но зачем их там, собственно, пять?); сделать сад из засушливой Гоби, жахнуть Киеву страшную месть, при желании даже — о боги! — десять корги на выставку свезть... О, как можно попасть на скрижали — даже в наши убогие дни! Если б в сейфе они не лежали, как могли бы работать они! Иль потратить красиво и с риском — так кутнуть, чтобы древний Лукулл в непотребстве своем древнеримском одобрительно, страстно икнул! Хоть бы сделать роскошное селфи у подножья валютной горы... Но ведь все это пряталось в сейфе, и никто не видал до поры. (Говорят, что полковник допрошен — я в газетах об этом читал: капитал ему вроде подброшен... Но подбросить такой капитал?!) **Как душа офицера кромешна! Как Россия его родила?! Эту сумму изымут, конечно, и на добрые пустят дела: и на выплату пенсий несметных,**

и на плитку родных площадей... А быть может, запрут ее в сейфах, но уже у хороших людей.

Вот другой, и опять же полковник. На счетах его скромно висят миллионы сто сорок покорных, а с приезжими сто шестьдесят. Он пустил бы их, может быть, в дело, но его убежденья тверды: может только глядеть отвердело и держать. Ни туды ни сюды. Патриотов четыре колонны, есть и пятая, так ее так... Как он сделал свои миллионы? Вероятно, вручили обшак: больше некому было доверить. Усадили владеть — и вперед! Он бы рад их, конечно, похерить, но живучий попался народ. Молью траченный, ежели честно, и беззубо грызет удила, — но коль меньше бояться за кресло, можно было бы делать дела! Если руки не связывать сдуру, если цепь отпустить хоть на треть — можно было бы сделать культуру, грипп ушучить, на Марс полететь, сделать сад из цветущего ада, понаделать гвоздей из людей...

Но полковнику это не надо. Он не гений, но он не злодей. Он, по сути, не Цезарь, а квестор, вопреки голосам сволочей: он хранитель, но он не инвестор, казуист, архивист, казначей. И каких возмущений ни сейте — но, боюсь, наша общая мать так и вымрет в полковничьем сейфе.

Не самим же себя изымать?

Answered prayers¹

Ледяной узор на стеклах вышит, зимний сон сковал мою страну... Бог не все мои молитвы слышит, но услышал, кажется, одну. Это не упрек, не укоризна — Боже, у тебя свои дела, но хочу я, чтоб моя Отчизна самою свободною была! Не пошел Создатель против правил, не устроил Родине аврал, вольности России не прибавил, но у прочих много отобрал.

Вон конец британской воли брезжит, свежий воздух Лондона протух — только-только продавили «Брекзит», загустел национальный дух. Следом Трампа выбрал пояс ржавый², поведясь на чистое фуфло, — статью решили гиперсверхдер-

---

¹ Ответственные молитвы (англ.). У Трумена Капоте еще такой неоконченный роман был.

² Аналог «красного пояса», индустриальная Америка.

жавой, всех держать за Клинтон, чтоб текло. Наши стали выть неудержимо: квазиэлитарная шпана возбудилась, словно после Крыма (как всегда при запахе Овна¹). Всякий раз они считают благом худший выбор, выморочный шаг. Симоньян с американским флагом ездит по Рублевке только так. Зазвучали стоны местных пиктов, всех, кто видит Родину каргой: соловьем залился Бенедиктов (нет, не Венедиктов, а другой²) — дескать, наше утро пришагало, либералам вешаться велит, хватит вашингтонского кагала и корректных правящих элит! Лайф ликует, Твиттер зачирикал, русская зима берет разгон — в воздухе несется звон тестикул, празднует всемирный удозвон! Аладдин почувал: близко лампа, впереди консервативный вамп! Хоть никто не видел в деле Трампа, все уже заходятся: майн Трампф! Хочет он иль нет, но этой моде надо будет следовать ему... А потом — Ле Пенша на подходе. Между прочим, ждем ее в Крыму. Уж она-то беженцев повышлет, огородит Францию стеной — тут уже по всей Европе вышит наш узор пребудет ледяной. Победят в Германии скинхеды, и у нас — боюсь предположить — скажут: их побили наши деды, а теперь мы можем и дружить. Многие решатся объясняться: русский с немцем братья искони, просто нас столкнули англосаксы, но сейчас прозрели и они. Выдаст Хофер перцу австриякам, Меркель проиграет навсегда — в общем, вся Европа станет раком, пятящимся в темные года. **И Россия станет самой модной, самую влиятельной страной и при этом самую свободной — но какой чудовищной ценой! Помню анекдот (спасибо, школа): над людьми насмешничает Бог. Просишь член, касающийся пола, — он тебя в ответ лишает ног.**

Да! Моя Отчизна так обширна, так раздольна, Бог ее храни, что у нас не может быть фашизма. Всюду может, а у нас ни-ни. То ли на него не хватает пыла, то ли дисциплины, господа, что у них уже все это было, а у нас не будет никогда. Ведь и наши, помню, ретрограды, чей погромный зуд необъясним, Гитлеру когда-то были рады, всякое подписывали с ним, а потом спасали пол-Европы, и сияла гордая Москва. И сегодня злобные холопы тут не составляют большинства. наших чувств опросы не измеряют, не ох-

---

¹ Ошибка автора. Трамп — Близнец (14 июня).

² Фантаст и политолог Кирилл Бенедиктов.

воят наш видеоряд, потому что местные не верят никогда тому, что говорят. Дряни много, а фашизма нету. Если от коричневой чумы кто-нибудь опять спасет планету, думаю, что это будем мы. Родина, мы все твои поклонники, мы и не хотим иной судьбы — самые бессмертные покойники, самые свободные рабы.

Аксиологический вальс¹

Режиссер Александр Сокуров обратился к Владимиру Путину с просьбой освободить украинского режиссера Олега Сенцова. Президент ответил: «Мы должны исходить из того, что живем в правовом государстве. И вопросы такого рода, конечно, должны решаться судебной системой». Сокуров попробовал еще раз и сказал, что по-русски, по-христиански милосердие выше справедливости. На что получил ответ: «По-русски и по-христиански мы действовать в этой ситуации не сможем без решения суда. Решение суда состоялось. Да, есть определенные правила и нормы, которыми можем воспользоваться, но для этого нужно, чтобы созрели соответствующие условия».

Я не только за фильмы
Теперь почитаю Сокурова.
Не одним же кино интересен художник, в конце-то концов.
Говоря с вожаком
Всероссийского стада акульего,
Он его умолял,
Чтобы вышел на волю Сенцов.

На такие мольбы
Отвечают обычно обценностями,
Но владея собой,
Многолетней борьбой умудрен,
— Но не можем же мы
РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ХРИСТИАНСКИМИ
ЦЕННОСТЯМИ!

---

¹ Аксиология — учение о ценностях.

Есть решение суда, —
Отчеканил анапестом он.

Не желаю отчета
Европе давать, ни Америке я.
Все по локоть в крови
И не смеют учить нас азам.
Он сидит не за дело, конечно.
Сидит за намерения.
Но намеренья были плохие —
Видать по глазам.

В непростых временах
Сохраняем Отечество в целости мы.
**Непробойна броня,
И теория наша стройна:
Ведь не можем же мы
РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ХРИСТИАНСКИМИ ЦЕННОСТЯМИ,
Если завтра война,
Да уже и сегодня война.**

Что жалеть нам Сенцова
С насильственно выданным паспортом?
Милосердию трудно протыриться в наши места,
Если даже главпоп,
Выступая в главхраме с посланием пасторским,
Вспоминает начальство охотней и чаще,
Чем лично Христа.

И боюсь, что Христос,
Выступая судьей над нашими бренностями,
Каменя лицом,
Как в одном итальянском кино¹,
Скажет: я не могу
**РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ ХРИСТИАНСКИМИ
ЦЕННОСТЯМИ.**
И пошлет их туда,
Где им самое место давно.

---

¹ «Евангелие от Матфея».

Периодическая Баллада

Вот московский период российской истории,
О котором давно и бессмысленно спорили:
Подозренья, опричнина, гнет, произвол,
Покаяния, пиршества, пытки, бессонница,
И союзники были — со всеми поссорился, —
И соратники были, да всех поизвел.

Петербургский период российской истории:
Обучались в Европе, империю строили,
Предавались питью, доверяли уму,
Переняли немало, почти до оскомины,
Но и местное время изрядно ускорили.
Убивали изрядно, но лишь потому,

**Что любой реформатор российской реальности,
Вечный раб представлений своих о нормальности,
Замышляет учить, переделывать, сметь,
Но потом, убедившись, что это бессмысленно,
Начинает мочить тяжело и бесчисленно —
И, едва за полтинник, срывается в смерть.**

И в двадцатом столетье, хотя и со стонами,
Петербургский период российской истории
Продолжался, катясь от Петрова толчка,
И не все в этом замысле было развалено,
Невзирая на всю азиатчину Сталина,
Беснования массы и будни ЧК.

Петербургский период российской истории,
О котором охота заплакать, но стоит ли?
Освоенья болота, пустыни и льда,
Павильоны, сады, коридоры «Астории»,
Анфилады Растрелли, полеты Истоминой,
И расстрелы, конечно, — без них никуда.

Но закончился днесь — от усталости, с горя ли, —
Петербургский период российской истории,
Затрещал и обрушился хрусткий костяк,
И как будто лавину последнюю стронули,
Мы вступили в Донецкий период истории,
Или просто в гибридный — сгодится и так.

Это время войны, то есть время списания
Всех и вся на войну; то есть время бросания
Всех и вся на прорыв; то есть время вранья
О потерях; скорбей вперемешку с застольями;
Это время, в котором не будет истории;
Это время, в котором не требуюсь я.

Приготовиться всем, от Москвы до Саратова.
Что, снарядов не хватит? Довольно снарядов-то.
Мы закончимся раньше, чем боезапас.
Исчезают границы, ворота растворены.
Это время стирания нас из истории,
Это время стирания из памяти нас.

Так бывало со всеми — и с Римом, и с викингом.
Бог немного спас, а ненужное выкинул.
Жалко деток, кому пережить не дано
Терминальный период российской истории.
Почему-то слегка еще жалко Истомину,
Да и Бог с ней, Истоминой нету давно.

Дрожи, Восток, и Запад, холодей: такого не слышали никогда мы. Гостя в России, Трамп собрал *****¹ и срать заставил на постель Обамы. Я, если честно, сам похолодел. Пиранья он, и суть его тиранью я вижу сам — но должен быть предел. Борьба борьбой — но это же за гранью! Попробуйте сказать об этом вслух: он ходит по Кремлю, заходит в Сити — а после запускает в номер шлюх, ведет в кровать и говорит им — ссыте. BuzzFeed, понятно, мерзостный портал, он их не зря назвал гнилою кучей, но кто доселе в Штатах обладал подобною фантазией могучей? Не НТВ, не Раша же Тудей! Есть правила игры на самом деле. Представьте этих выводовк *****², мочащихся при Трампе на постели, и где?! — в Москве, в стране духовных скреп, где образ власти так красив и стилиен... Стыдится Мур, краснеет Мерил Стрип, в сторонке курит Кинг, который Стивен... В России не боятся грязных слов, не млеют перед тайною алькова, но думаю, что Дмитрий Киселев — и то не смог бы выдумать такого. У правды есть особенность одна, о ней забыть стараются обычно: логична ложь, а истина — без дна. Она грязна, страшна и алогична. И так как только в очень грязный мозг, в котором все темно и неопнятно, способен был прийти подобный Босх, — я склонен полагать, что это правда.

Но даже если Дональд уличен (хотя пока еще без фото, к счастью), — я думаю, что секс тут ни при чем, что это способ овладенья властью. Мир темен стал. Он просвещением сыт. Не сдаст тебе бразды хромая утка, пока на ложе утки не посыт заказанная на ночь проститутка.

Оно, конечно, верится с трудом, что лишь в Москве возможна эта драма: нашел бы Трамп другой достойный дом, любой другой барак, где спал Обама, — но мы с древнейшей магией в родстве, мы чувствуем ее, как древний витязь: обряды эти действуют в Москве, а в Вашингтоне — дудки, хоть уссытесь. У нас, конечно, здесь неправый суд, и много пьют, и мочат инородца... Но

---

¹ Лакуна в рукописи.

² Снова лакуна.

коль на власти прежние поссут, то власть без всяких смут передается.

Я напишу недрогнувшей рукой — мы эту правду чувствуем и сами: в России власти не было такой, чтоб на нее постфактум не нассали.

И ссут не те, кто много голодал, не те, чьи дни и ночи были жутки, и вообще не те, кто пострадал, а кто хвалил. Короче, проститутки.

И вот, смотря на мрачный их обряд, расписанный изданием обалделым, я так могу представить всех подряд, кто нынче хвалит власть, — за этим делом! Придет пора Отечество спасать, не беспредельна доброта Господня, — и правда, много надо будет ссать, чтоб смыть позор, творящийся сегодня. Пустить придется мощную струю — за все эпоха тухлая заплатит. Тут даже «Дождь» тотальный, зуб даю, не справится.

Но проституток хватит.

Не сдать

Теперь моя натруженная Родина, всеобщая заслуженная мать, задумала как будто выдать Сноудена.

Ребята, как бы нам его не сдать? Кто скажет — возмущение наиграно, а я скажу — убогих не сдаем! Я человека более наивного не видывал в Отечестве своем. Чуть NBC, сенсации любители, прослышали, что выдан будет он, — он тут же отозвался в личном Твиттере: теперь я стопроцентно не шпион! Теперь-то, наконец, повсюду поняли, что это главный шаг, бесспорный штрих — ведь русские не выдали шпиона бы, сдавать своих не принято у них! Ахти, идеалист, наивный Сноуден, воистину чудак из чудачков! Добро б наш лидер был горяч иль холоден, но он в буквальном смысле никаков. Прагматика у нас настолько адова! Им кажется — цинизм непобедим, и мы сдадим любого, если надобно (хотя, пока не надо, не сдадим). Обама — чмо, и власть его бессовестна, он русофоб и виноват во всем, а если Трамп у нас попросит Сноудена, то мы его на блюдце принесем. Ведь это ж Трамп,

глаза его пацанские, в них наши же дворы и пустыри, — и если он за это снимет санкции, то на тебе, пожалуйста, бери! Ведь все переменялось. Столько пройдено. Мы сами откровенно говорим, что времена, когда мы взяли Сноудена, — совсем не те, когда мы взяли Крым. Тогда бы кто сказал бы нам, что скоро-де мы будем вдруг такие молодцы! Тогда казалось: взят хотя бы Сноуден. Хоть клочок с паршивой, так сказать, овцы. Теперь, когда мы действуем раскованно и власть берет прорусский шоумен, — уже, конечно, можно сдать и Сноудена. Особо если Крым просят взамен. И главное — Сурковы и Володиные нам объяснят: спокойно, молодежь! Ведь он, в конце концов, предатель Родины. Пускай не лучшей Родины — ну что ж. **Спросите у любого аналитика, который глотку рвал у Соловья, — нет принципов, а есть геополитика. Всеобщей правды нет, а есть своя.** Скажи спасибо, что в годину трудную, пойдя отважно против всей земли, твою мы личность, всячески подсудную, от ваших произволов сберегли.

В политике я шарю не особенно (а в гео вообще, и черт бы с ним), но я был за, когда мы брали Сноудена (и не был за, когда мы брали Крым). Пусть у него отчасти пробки вышибло, пускай над ним смеются дураки — он все-таки борец за нечто высшее, хотя патриотизму вопреки. Пускай он не дожидается благодарности от всякого ли того большинства — на свете вещи есть важнее, чем данности, и Родина бывает неправа. Я русский мир считаю страшной сказкою, безжалостной, бессовестной игрой. Кому герои — лидеры донбасские, и пусть, а у меня такой герой. Подумать страшно, с кем водил приятельство. Всех разделил четырнадцатый год. По-вашему, Донбасс сдавать — предательство, а Сноудена сдать — нормальный ход? Конечно, нам и так хлебать несолоно, но я не верю наглым козырям, и если мы сдадим сегодня Сноудена — я б нас на месте Трампа презирал. Чего уж там, давно живу на свете я, привычна мне российская стезя, я знаю, что за два десятилетия мы сдали все, что можно и нельзя, не стану никого ловить на слове я, в истории мы будем заодно: у нас для счастья были все условия. Нам было все дано — и все сдано. Сегодня оппозиция рассорена, ей никогда не выйти на майдан, — и лозунг прост: не

сдать хотя бы Сноудена, раз все равно уже Исакий сдан. Уверен — демонстрацией мирною мы соберем и люмпенов, и знать.

Свое-то мы сдаем за душу милую.

А вот чужого — можем и не сдать.

Последний срок

Последних СМИ одновременный выброс, точнее сказать — одновременный слив (смешно же имитировать невинность, настолько все предав и запустив): наш президент, по слову Кириенко, не мысля без себя оставить нас, на выборы пойдет без конкурента, зато уж, зуб даем, в последний раз. Назло предположеньям трафаретным, нас ожидают в будущем году не выборы, а как бы референдум. Какая сволочь скажет «Не пойду»? Как Цезарь, заворачиваясь в тогу, в последний раз он движется на Русь. На этот раз ну правда, ну ей-богу, ну вот те крест, ну хочешь, забожусь? Оно, конечно, нет приманок жирных, чтоб заманить на выборы народ: Явлинский, верный Зюга, верный Жирик... (Миронова он вроде не берет.) Поэтому скажите всем ребятам, успевшим тут состариться при нем: в последний раз! Ну разве что в тридцатом, но до него мы вряд ли доживем. Такой прогноз, конечно, неразумен. А лет еще примерно через шесть появится преемник: может, Дюмин, а главное, еще Медведев есть.

И как-то это трогает. Прости, мол, Отечество, и замысел цени: один голосовать остался стимул — «В последний раз! И больше ни-ни-ни!». Заранее я слышу эти трели, прокисшую, провереную снедь: чего там, восемнадцать лет терпели, еще-то шесть грешно не потерпеть! **В Америке — и то уж понимают, который год такого же хотят... Коней на переправе не меняют, свиней на переправе не едят...** И то сказать, чего желать на тризне? Вы собирались, может быть, расцвести? Кто восемнадцать вычеркнул из жизни — цепляться ли теперь еще за шесть? По-моему, смешно и сомневаться. А по сравнению с временем отцов — ну что, вы жили в эти восемнадцать. Вас не убили. Вы же не Немцов. Какой желать надежды и свободы при

этаким народе, *entre nous*?¹ Ну да, вы потеряли эти годы. Могли сбежать в соседнюю страну, вас за руку никто не держит ныне, и если вам по нраву чуждый флаг — могли бы жить в свободной Украине иль в беженской Германии. Ну как? Наслушавшись в избытке этих бредней, я сам их генерирую на раз. Но главное — в последний раз, в последний! Какое завлекало для масс, таких неблагодарных и пассивных! Ты слышишь зов истории самой? Так жертву уговаривал насильник: еще чуть-чуть, а там пойдешь домой.

А главное — ну что я зубы скалю? Давно заткнулся креативный класс, и сам я верю, сам я допускаю: «Ты видишь это все в последний раз», как пел когда-то доктор Розенбаум, леча аппендицит-панкреатит, когда он был веселым раздолбаем, а не звездой *chanson patriotique*. Я думаю, мы Богу надоели. Пора взглянуть на дело без прикрас. Все чаще говорю — тебе, себе ли: мы видим это все в последний раз. Быть может, власть засудит и застудит страну до абсолютного нуля, и выборов действительно не будет, а лишь монархи будут у руля. Да, мы страна лежащих, подлежащих, удобная, недвижимая рать, и может стать, за шесть лет ближайших тут не из чего станет выбирать. Не стану притворяться чистоплюем, — я, граждане, ничем не лучше вас. В последний раз пойдем, проголосуем! А результат неважен. В первый раз. Поскольку при любом уже итоге, при тщетных ухищрениях ума, мы так давно стояли на пороге, что бездна к нам приехала сама.

Пришла весна, и грязь ее, и голость. И иногда — допустим, как сейчас, — чуть слышный мне нашептывает голос, что сам я тоже жил в последний раз, как всякий, не смотря на гражданство. Конец один, назло любимым словам. Так что ж мне, было вовсе не рождаться? Нет, я пришел. Пошел, голосовал, хотя и боги были безучастны, и результаты глупы и тяжки...

И ел на избирательном участке холодные с повидлом пирожки.

---

¹ Между нами (*франц.*).

Надо бы снести пятиэтажки. Есть весной такие десять дней — утром небо цвета промокашки, ветер то теплый, то холодной, вечер цвета вороненой стали, солнце цвета стершихся монет... От зимы настолько все устали, а в весну настолько веры нет! Выглянешь в окно — бегут мурашки, и тошнит, и, Господи, прости, хочется снести пятиэтажки. Хочется, по ходу, все снести — но нельзя, не стоит тех усилий, красное увязло колесо: сотню лет назад уже сносили, результат в окошке налицо. Делали и то уже, и сё мы, думали сместить земную ось — все вернулось в эти же ризомы, в те же аксиомы отлилось. Все как было, спереди и с тыла, скромно огламуренный развал: не сказать, что полная могила, но и жизнью я бы не назвал. Следствие под Светову копает, ФСБ над всеми держит shit, тень вождя кроссовки покупает, Николай Второй мироточит — в виде бюста, парни, в виде бюста! Все буксует — ни вперед, ни назад: хочется уже подсыпать дуста, но ведь дуст их может и не взять... По краям уже бунтуют ээки, по Фейсбуку носится картечь, все гниет, как мартовские реки — ни застыть навеки, ни потечь. Как же не снести пятиэтажек? Он же, проезжая через Русь, видит тот же пасмурный пейзажик, что и сам я вижу, как проснусь... Вон гуляет женщина с собакой, утешенье взору — но и те... Ах, собака, ты еще покакай — мир предстанет в полной полноте.

Хочется снести сугроб и пашню, голые деревья и кусты, Интернет, Останкинскую башню, даже Трампа хочется снести, и врагов, гундосящих о Рашке, и друзей, прогнивших до кости, и еще торчат пятиэтажки! Можно мне хотя бы их снести?! Вот и встань, пожалуйста, Собянин, предомной, как лист перед травой, покивай, покорный северянин, длиною своею головой, и скажи, что ты еще до лета (ну уж до зимы наверняка) вполпинка с землей сровняешь это гнусное наследие совка!

Подмечая властные бесчинства, видя, как терзают нашу мать, я уже, похоже, научился как-то их решенья пони-

---

¹ Предыдущее «Сносное» появилось в «Новой газете» в ноябре 2010-го по поводу сноса ларьков.

мать. Раньше-то, в восторге и азарте, все твердишь про истину и честь, — а теперь глядишь на них, как в марте: славно, что не минус тридцать шесть! Был же Сталин — нет, уж лучше Сечин. Все приятней ядерной зимы. Говорят, что месяц март не вечен — но конечны, граждане, и мы! Так и доживешь, как приживалка, тихо выживая из ума; если мне себя уже не жалко — я ль впишусь за блочные дома?!

Так что, если хотят, пусть их сносят, гнезда тараканов и мышей. Люди же не ропщут, есть не просят, им без крыши, может, и лучшей... Господу, похоже, тоже тяжек этот мир, огромный паразит. Хочет он начать с пятиэтажек — пусть! И пусть потом не тормозит.

Обыскательное

В последнее время обыски идут буквально один за другим. Что при этом пытаются найти — не очень понятно.

...И вот, пока вы резво шарите в квартирной полунищете, хочу спросить: родные шариковы, зачем? Чего вы ищете-те? Что проку в вечном этом обыске, наставшем нынешней весной? Ведь это действия из области карательной, а не сыскной. Что вас пугает в Абдуллаевой, какая тайная вина? Ее же сколько ни облаивай, не переменится она. Чем вас еще задела Светова? Вас к ней набилось без числа, но ей же это фиолетово — она при обысках росла. Что вы хотите от Гаврилова — ужель вы ждете от него обнаружения и вылова недосыгаемой Маркво? Иль денег «Юкоса» вы ищете? Но ныне «Юкос» — это труп, уже давно присвоил тыщи те «Байкалфинанс», простите, групп. Напрасно спешивались всадники, ища сомнительных утех: искать дворцы и виноградники, похоже, надо не у тех. Сгорая от азарта подлого, непостижимого уму, вы ищете, должно быть, повода, но вам же повод ни к чему. Вломиться можете к любому вы, любого выкрутить, как жгут, — а все российские обломовы который век лежат и ждут.

Чего они такого вызнали, какую выискали весть? Что ищут — уж не смысла жизни ли? Мы можем дать, у нас он есть... Но смысла жизни им не надобно, им надо сделать жизнь свиной, и цели их

вторженья наглого таятся в плоскости иной. Вам надо знать, что вам не вымолить ни оправданий, ни защит. Имеют право двери выломать — о, как знакомо! как трещит! — имеют право влезть без повода в камин, в прихожую, в окно, спросить: а это дом такого-то? что, не такого? все равно! — забрать айфоны, оба паспорта, да хоть бабло, да хоть пальто, — и что тут, собственно, опасного? Кто хочет рыпнуться? Никто! Не сомневайтесь, вы не в Дании, у вас тут даже не Бейрут, да вы и жили в ожидании, что все однажды отберут.

Им хорошо, на Диком Западе: их образ жизни не таков, в белье не рылись, книг не лапали и не топтали дневников, поскольку обыск — мера крайняя, что нарушает вашу честь: обычно для ее избрания резоны значимые есть. Вы там поправкою четвертою действительно защищены — хотя и древней, и потертою, но крайне важной для страны. Легко не вломишься в жилища те, они надежны, как редут. Их там не спросишь «Что вы ищете?». Там если ищут, то найдут.

Поэтика вторженья, обыска, листовки, шпик, городской! Тут лишь слепой не видит отблеска столетней бури мировой. А обыски эпохи Берии — от этих вех куда пойдешь? Звонки ночные, дети бледные, на рукописях след подошв... Тут вся страна — как после обыска: пейзаж разбросан, смысл изжит, все в беспорядке, даже облако валяется, а не лежит. На всех путях, в лесу и во поле, в грязи осенней и в пыли — пришли какие-то, натопали, искали что-то, не нашли. И так всегда — в эпоху Сталина, в эпоху гордого ворья... Боюсь спросить: чего искали-то? Ведь не нашли же *ничего!* Все втоптано, просторы выстыли, не подметали триста лет... Чего искали? Смысла? Истины? Но даже заговора нет! Таков удел отца и отпрыска, державная, родная статья: Россия — место после обыска, где было нечего искать.

На Трехлетие

Три года, как никакого Крыма, и скал его, и медуз. Боюсь, что это необратимо, — хотя почему боюсь? Своих любимых в чужих объятьях я видел не раз, не пять и твердо знаю, что дар терять их — важнее, чем возвращать.

Что берег отнят — не в том досада, потерпим, не в первый раз; досада в том, что его не надо отнявшим его у нас. В Гурзуф ли едут они на отдых? В Артеке ли их сыны? На склонах Альп, на карлсбадских водах их виллы размещены. Они же Крыма не знали сроду, на раз доказать могу: ни эти горы, ни эту воду... Им важно накласть врагу! Мы ясно помним весь этот скрежет, не дети, в конце концов: приедет Ярош и всех зарежет! Придет и взорвет Сенцов! Американский авианосец на Ялту уже залез, спешит к Тавриде и скоро скосит сакральный наш Херсонес... Еще припомнят все эти бредни и пламенный абордаж, и то, как сами они намеренно кричали, что Крым не наш, — что им до моря? Что им до Крыма? На что им страна моя? Им надо больше огня и дыма, и гордости, и вранья, и чтобы больше диванных воинств, и прочий кипящий квас... Им вряд ли важно себе присвоить. Им важно отнять у нас.

А как любил я свеченье моря, соленый гнилой лиман, толкучку набережных и мола, огни кораблей, туман, домотры вечные на границе, ДАИ¹ и ее рвачей... Он был, конечно, не украинский. По сути, он был ничей. Он был моим и уже не будет, и надо учиться жить в стране, где каждый любого судит и каждый каждому жид. **Нас всех накрыло одной рогожей, притом до скончанья лет. Тут был один полуостров Божий, но Бога там больше нет.**

Я в год бывал там четыре раза, и летом, и в холода — порой посредством седьмого «ВАЗа», на поезде иногда; на том вокзале в четыре года сошел я, где мой портрет сегодня с надписью «Враг народа» висит еще... или нет? Сюда с Олимпа укрылись боги — от них ли я отрекусь?! Я знал тут каждый изгиб дороги, и каждый камень, и куст. Без этих вылазок, слишком частых, боялся я умереть; нигде на свете я не был счастлив, как здесь, — и не буду впредь, — нигде не пишется так, как в Ялте, и замыслов большинство мне там явилось... но вот пожалте. Все предало, все мертво.

Предатель-море, предатель-небо, я сбросил бы вашу власть, мне не допрыгнуть до вас, и недо — забыть, и не-

---

¹ ДАИ — державная автоинспекция (укр.).

до — проклясть. Вот так же, верно, лишившись корня, барчук, эмигрант, атлет, прокляв Отчизну и только помня свои девятнадцать лет, считал предателями и Выру, и Батово, и Москву. Как те изгой, я тоже вымру. Я точно не доживу до возвращения из полуада. На юге души — пятно. Я с этим свыкся, и мне не надо туда, где осквернено. Ведь есть и Вырица, и Кампанья, и кстати, — на том стою, — все это полезное привыканье к посмертному бытию. Мы все однажды уйдем от мира, мы все обратимся в прах, нам будет больно все то, что мило, увидеть в чужих руках — в последний раз, пролетая мимо. Так нас тренирует Бог.

Хотя, что это начнется с Крыма, он сам угадать не мог.

С обратной точки

Постыло жить, а умирать не хочется.
Дурные лица, да — а все же лица.
Смерть — самое большое одиночество,
В которое мы можем провалиться.

Она — альтернатива эмиграциям,
Она авторитарней государства.
Жаль мертвецов — уже не отругаться им,
Не извиниться и не оправдаться.

Живой хотя и косится опасливо,
Но видит лужи, лютики, листочки.
Коль вы хотите жить легко и счастливо —
Учитесь видеть мир с обратной точки.

Смотрите так — и мир предстанет глянцево.
Так мыслил Цунэтомо¹, сверхмужчина.
Так Габрилович выучил Рязанцеву²,
Она ж меня однажды научила.

---

¹ Автор классического самурайского учебника «Сокрытое в листе».

² Великие советские сценаристы.

Представь себя покойником, покойником,
Чтоб душу воспитать в себе мужскую!
Представь, что ты покойник — и околенько,
Тихонечко выходишь на Тверскую.

**Ты одинок, как могут быть покойники,
Страшней, чем диссиденты при режиме.
Вокруг витрины, стены, подоконники,
И множество людей, и все чужие.**

Бессильны Гиппократы-Парацельсии:
Ты чужд всему, и город безразличен...
И вдруг бегут навстречу полицейские —
С наручниками, с парой зуботычин!

Они глядят угрюмо и встревоженно,
И сам я так гляжу, когда тоскую.
Ты ходишь там, где это не положено!
Ты в воскресенье вышел на Тверскую!

И ты на них глядишь, светлея мордою:
На бляхи их блестящие, на груди...
Какое счастье все-таки для мертвого,
Когда к нему спешат живые люди!

Они тебя ведут куда-то под руки
По самой главной улице столицы,
Ведут туда, где старики и отроки,
И что всего милей — отроковицы!

Мы здесь, в России, опытом научены,
Мы считываем памятные знаки:
Чем умиранье — лучше уж наручники!
И чем в гробу — уж лучше в автозаке.

Ведь в нем тепло. Снаружи светит солнышко.
Над городом струится свет вечерний.
И наплевать, что насаждают сволочи:
Уж лучше эти сволочи, чем черви!

Не станем поносить родного Мордора.
Я к одному призвать тебя рискую:
Смотри с обратной точки.
С точки мертвого.
И выходи счастливый на Тверскую.

Сомнение

Монолог белоснежного¹.

А сейчас известная японская певица Ясука-На-сене исполнит романс «Атомули Ядалася», что в переводе означает «Сомнение».

Анекдот семидесятых годов

Чего-то мне не нравится Навальный, в нем чувствуется тайная фигня, какой-то он такой неидеальный, сомнительный, в отличие от меня. Все недостатки нового застоя в нем крупно, показательно слились: он любит все наглядное, простое. Он популист. Он националист. Для школоты, конечно, он икона, но им же пофиг право и закон. В его лице мы вырастим дракона. Он, собственно, сейчас уже дракон. Он будет груб. Заранее дрожим мы. Он презирает волю большинства. Плюс все тоталитарные режимы сперва боролись против воровства. По-ленински он будет мстить за брата, который в самом деле нагловат, — причем страна ни в чем не виновата, а брат, должно быть, в чем-то виноват. Нам безнадежный выбор предоставлен. У нас на предстоящем вираже два варианта — Ленин или Сталин, и Ленина мы видели уже. Конечно, Сталин был восточный идол, а Ленин, так сказать, наоборот, — но он был зверь, он русских ненавидел, он выслаив философский пароход! При Сталине хоть не было идиаллий и запросто давали двадцать пять, но что-то возродили, возводили, а Ленин был сплошное «гасст'елять!».

Навальный — да: мобилен, быстр и чуток. Но ясности на самом деле нет: когда ему дается тридцать суток, другие

---

¹ В наше время все надо объяснять. Этот монолог не является авторским высказыванием от первого лица.

получают пару лет! Проект Кремля, он нам подсунут вместо серьезного, крутого главаря. Он спойлер, имитатор, слив протеста, авантюрист, серьезно говоря. Труба его пониже, дым пожиже. Любому ясно — он для них не враг. Конечно, выжгли глаз. Но не дожгли же! И в Барселону выпустили — как?! И главное, что в нашем околотке где разрешили — там и протестуй. Вот загородки, вот перегородки, вот тупичок... А он ответил: «Нет!» Подумаешь, не дали микрофона. Купил бы сам — подумаешь, байда! Нет, все-таки в нем что-то от Гапона. И кончится, как кончилось тогда.

А Путин — что ж? Усталый, поздний Путин. Что толку торопить его на слом? Он нам привычен. Он почти уютен, как типа Брежнев в семьдесят восьмом. Мы никогда не видели свободы, комфорт полусвободы — наша суть. В сравнении с Навальным мы уроды, зато в сравнение с Путиным — отнюдь. И в чем его особенные вины? На фоне прочих он пример ума; конечно, он мучитель Украины, но Украина, знаете, сама... Мы, собственно, не видим там примера достойной, независимой судьбы: все эти их Шухевич и Бандера, все эти их слова, что мы рабы... Что, Порошенко — лидер идеальный? Я думаю — совсем наоборот. Да, Крым не наш. Но этот ваш Навальный сам говорит, что Крым не бутерброд. Ему еще припомнят эту фразу, навалновская сущность в этом вся, и он не лучше Путина ни разу. Зачем менять гуся на поросю?

Мы, собственно, уже смекнули сами, чему его политика равна: он тащит нас обеими руками из теплого, уютного говна, в котором так приятно спать и чмокать и видеть обольстительные сны... И руки у него в говне по локоть, а нам ведь руки чистые нужны. Нам нужен тот, кто чист и не увечен, не соблазняет дочек и сынов... Кто это может быть? Допустим, Сечин. Допустим, Греф. Допустим, Иванов.

Уж ты прости, Алеша. С нами сложно. У Родины особая стезя. Мы обожглись уже на всем, что можно, и более того — на чем нельзя. О Господи, прости за эту наглость, но чем искать для русских новый путь — нас проще зачеркнуть уже крест-накрест и сделать тут другое что-нибудь.

Вот левадовский опрос. Это главный летний вброс. Впереди товарищ Сталин в белом венчике из роз. Он немного впереди, а немного позади Путин с Пушкиным на пару, каждый с бантом на груди. Три святых величины, три хранителя страны — разбегаются соседи, умиляются скины! Едут три богатыря, в чешуя как жар горя и народ богохранимый афоризмами дая — в орденах и образках, с сединою на висках, федералы, генералы, каждый в собственных войсках (Пушкин тоже генерал: он от пули умирал и военную карьеру многократно примерял).

Едет Сталин на коне в благородной седине — по мечтам о русском праве, по державе и по мне. Едет Пушкин на коне в звонком ямбе, как в броне, с «Бородинской годовщиной» и с «Евгением Оне...». Едет Путин на коне — чисто всадник Фальконе, но с Медведевым под мышкой и с Песковым на ремне. Едут трое в кураже на последнем рубеже — то ли новая триада, то ли троица уже: знак эпохи испитой под названием «отстой», Сталин — папа, Путин — сына, Пушкин типа дух святой. Это наш, на всех един, сувенирный магазин — «Спор славян между собою» (с долей негров и грузин). Сталин, кстати, был поэт. Пушкин — тоже. Путин — нет. Впрочем, может, тоже пишет и сливает в Интернет?

В тридевятые края едут три самурая; в этой доблестной триаде роль у каждого своя. Сталин страху задает, словно бешеный койот; Путин смертный сон наводит, Пушкин песенки поет. Пушкин — светлый русский дух, Сталин — наша птица Рух, Путин — то ли вырождение, то ли синтез этих двух. Пушкин создал, чуть возник, нашу вольность и язык, Сталин это все угробил, Путин памятник воздвиг. Пушкин — дерзкий наш Приап, Сталин — мерзкий наш сатрап, ну, а Путин, как ни крутим, — окончательный этап. Это русский наш проект, а точнее, его конспект, но какой-то в нем таился огорчительный дефект. Семь веков, как семь колец. Тонут кормщик и пловец, и какой печальной тройкой все накрылось наконец!

...Пушкин вертится в гробу, Сталин шепчет: «Я гребу», а полезно и приятно лишь галерному рабу. Это главный наш итог, окончательный виток перед полным превращением в запыленный закуток. Это русская судьба — трие-

динство и борьба сочинителя, тирана и галерного раба. Это блоковская, та роковая пустота — три российских аватара, сокращенно ПуПуСта.

Гамбургский счет

Меланья Трамп пыталась прервать затянувшуюся встречу лидеров России и США. Ей это не удалось, рассказал госсекретарь Рекс Тиллерсон. По его словам, президенты двух стран быстро достигли хорошего взаимопонимания, между ними возникла «положительная химия».

Reuters

Сцена изображает коридор Конгресс-центра в Гамбурге. Перед дверью № 14 стоит Меланья Трамп.

МЕЛАНЬЯ (*обращаясь к двери*):

Послушай, Дональд, это моветон. Ты будешь, так сказать, неверно понят. Пускай всегда опаздывает он, но мы же не опаздываем, Дональд! Вы задержались больше чем на час. Ты не Орнелла Мути¹. Будет поздно. Есть лидеры на встрече, кроме вас...

ГОЛОС ТРАМПА (*из-за двери*):

Пойми, Меланья, это грандиозно! Мы оба ждали этой встречи, но... Но это превосходит ожидания!

МЕЛАНЬЯ:

Вся пресса дожидается давно...

ГОЛОС ТРАМПА (*возбужденно*):

Что пресса нам! Пойми, пойми, Меланья! Я разогнал бы их в один пинок, как сделал он. И мы бы так сумели. Он тоже очень, очень одинок, совсем как я. Враги повсюду, Мелли! Все эти генераторы вранья, банкирские круги, что ими правят... Его травил пресса, как меня. Он их заткнул, но все равно же травят! Все заговор, все бильдербергский клуб. Я чувствую их тайные желанья! Он мне открыл, он далеко не глуп...

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА (*за дверью*):

У них такая химия, Меланья!

МЕЛАНЬЯ:

---

¹ Орнелла Мути получила штраф от театра за опоздание на спектакль из-за ужина с Владимиром Путиным.

Но это неприлично! Слушай, Рекс...

ГОЛОС ТРАМПА (*раздраженно*):

Какая неуступчивость баранья! Вы женщины, и вам бы только секс, но дружба выше секса, слышь, Меланья! Вы, женщины, что можете понять? Высокая любовь не в вашем вкусе. Оно, конечно, ты жена и мать, но ваша суть известна: grab the pussy! Он правит вечно. Он как фараон. И кстати, эти русские медведи — ребята с мозгом: если бы не он, ты б, может быть, не стала первой леди! Я это понял в первые же дни, читая сетевые мегасрачи...

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА:

Он говорит, что это не они, но контрразведка думает иначе. А он сказал, что мы тогда несем ответственность за пасмурное лето...

МЕЛАНЬЯ (*потрясенно*):

О чем вы там?!

ГОЛОС ТРАМПА:

О Минске. Обо всем. О Сирии... Но важно же не это! У нас в конгрессе, сколько ни корми, способны лишь на мелочное скотство. Он первый после Бэннона, пойми, с кем ощущаю я такое сходство! Вон говорят, он выстроил тюрьму, а я не верю этой пропаганде. Я первый, кто понравился ему, — быть может, со времен Махатмы Ганди. У них там есть серьезные умы. Он безусловный лидер сверхдержавы.

ГОЛОС ТИЛЛЕРСОНА:

И, может быть, неправы были мы, а кое в чем они, напротив, правы!

МЕЛАНЬЯ (*в бешенстве*):

А что он сам молчит? Он что, немой? Чем он таким там занят, интересно?

ГОЛОС ПУТИНА:

Маланья, это уровень не мой. У вас неконструктивная повестка.

ТРАМП (*торжествующе*):

Ты слышала? Какой прекрасный знак! Смиряться, самомнение припрятав. Теперь со всеми вами буду так!

МЕЛАНЬЯ (*все поняв*):

Да, милый. Нет тебя — не будет Штатов.

Занавес.

Иван Грозный не убивает своего сына

Фрагмент будущего исторического блокбастера
По мотивам встречи в Лисичанском ГОКе.

Сцена примерно изображает картину Ильи Репина.
Иван Грозный прижимает к груди сына.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Какой-то в памяти провал, распад, отказ простейших функций... Сын, я тебя не убивал.

ИВАН ИВАНОВИЧ *(слабеющим голосом, но язвительно)*:

А кто же это? Папский нунций?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Не нунций, сына, а легат, плодящий слухи о России... Но я, сынок, не виноват, а просто очень мы большие! Страна большая, лес, сырье, большой простор, большие лужи... И все клеветают на нее, а мы ничем других не хуже! Смотреть на Францию невмочь, небось убили тысяч сто уж в Варфоломеевскую ночь за просто так, а ты тут стонешь! Пускай не сто, а тридцать тыщ, вся гугенотская прослойка — без снисхождения: тыдыщ! Да я мечтать не смел про столько. Опять же Англия, Шекспир — возьми книжонку, обучайся: на этом фоне русский мир вообще какой-то остров счастья! Открой классический сонет: кругом коррупция, чего уж, и чести нет, и правды нет, зову я смерть... А ты тут воешь! Нет, Ваня, не моя вина за эти крайности в России, — такие были времена, такие жесткие такие. Опять же внешние враги со всех сторон большого света... Кому тут скажешь «Помоги»? Друзья — Малюта и вот это... *(показывает окровавленный посох)*. Мы как бревно в глазу у всех, от англичан до Палестины. Как только в чем-нибудь успех — кругом клеветают де кюстины! Поляк, тевтонец, хитрый жид — все посягают на единство, а кто поймет и защитит? Мединский, что ли? Не родился!

ИВАН ИВАНОВИЧ:

Отец, мне хуже.

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Свят-свят-свят! Кто ж так тебя? Неужто Сталин? Терпи, поедем в Ленинград, там быстро на ноги по-

ставим! Ужель я сыну супостат, ужель я враг родному краю...

ИВАН ИВАНОВИЧ:

Отец! Где это — Ле-нин-град?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Не знаю, ничего не знаю! Уже я сам, как большинство, привыкши хлопать очесами, не понимаю ничего: так много раз переписали. И мне оценки не дано, я — от святого до изгоя, приходит лысый — я одно, при волосатых я другое... Налили воду в решето! Как хочешь тут борись и ратуй... Теперь у них неясно кто, не лысый и не волосатый, не миротворец и не кат, и не кровавый, и не белый, и ни вперед, и ни назад, а хуже будет, что ни делай. От русских отвернулся Бог: глядит усталый, безучастный... А заскучает — едет в ГОК.

ИВАН ИВАНОВИЧ:

Какой?

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Обычно в Лисичанский. Там ждет его рабочий класс, лежит возлюбленная почва — я, говорит, люблю у вас, я, говорит, такой же точно! Там ждет испытанный народ, вопросов нет, а только лепет — никто на понял не берет, никто горбатого не лепит! Все любят родину свою и к ней привыкли, будто к раю...

ИВАН ИВАНОВИЧ *(слабея)*:

Я понимать перестаю!

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ:

Сынок, я сам не понимаю. Я все бы понял, голубок, обрел бы я себя, несчастный, когда бы мог поехать в ГОК, вот в этот самый, Лисичанский! Сейчас ты, Ваня, замолчишь, но помни, отпрыск мой печальный: не я убил тебя, малыш!

ИВАН ИВАНОВИЧ:

А кто же?!

ГОЛОС ЗА КАДРОМ:

Это был Навальный.

Однако последние события свидетельствуют о том, что в известных кругах Соединенных Штатов закрепились русофобия и курс на открытую конфронтацию с нашей страной.
МИД России

Какая прелесть — русофобия! Подобно цирковому льву, я от рожденья до надгробия под этой кличкой живу. Пока еще лежал в утробе я, в известной степени еврей, — уже бродила русофобия в крови младенческой моей. И что сейчас не русофобия? — лишь совершенная фигня, скажу в неутолимой злобе я, всю жизнь глодающей меня. Живу в воинственной державе я, богобоязненной такой, в которой все, что не во здравие, считается за упокой. Пресвященства, преподобия, прижизненный иконостас! Вас опасаться — русофобия, но как не опасаться вас? Сомнения, предположения — во всем мерещится подкоп; скажи таблицу умножения — уже ты будешь русофоб! Страна превыше смысла здравого, превыше правды и ума; любить мы смеем только зарево, да плюс тюрьма, да плюс сума. Оставим хитрые виляния в борьбе за будущность свою: тут даже сыр — агент влияния, про гамбургер не говорю. Что против власти — русофобия, разоблачайся, не тяни; что до вареников и лобио, они фашисты искони. Грознее самолета Рустова — несуверенная еда! Все русофобы, кроме русского, и русский тоже иногда. Кто не разбил в молитвах лоб еще, кто скорой смерти не огреб, кто хочет жить — тот русофобище; кто пасть открыл — тот русофоб. Когда пальмирская Зенобия восстала на державный Рим, то это тоже русофобия, мы прямо так и говорим. **Две главных вещи — знаю обе я — нам застыт свет наш много лет, и выше слова «русофобия» есть только «суверенитет». Открытье, стоящее Нобеля: определений строгих нет, но если что не русофобия, то это суверенитет.**

Какая прелесть — русофи́лия! Она по-прежнему в строю; определенья дать не в силе я, но русофилов узнаю. Будь проповедником насилия, апологетом темных сил — все это будет русофилия, и сам ты будешь русофил; ты переиродил бы Ирода? ты б даже больше перебил? — довольно этого для вывода, что ты изрядный русофил! И чем каз-

на твоя обильнее — достойный символ наших дней, — чем ты наглей, тем русофильнее, чем ты дичей, тем ты родней! Чем ты тупей, чем хамовитее, тем ты надежней и нашэй, и это важное открытие ты в подсознание зашей. Ведь вся родная плутократия любила Трампа потому, что он гораздо быдловатее и простоватей по уму, его приветствовали паточно, восторг на тыщу киловатт, — но простоват он недостаточно и недовольно быдловат. Тебя во фраке или в робе я готов узнать в любых местах; не зря же в слове «русофобия» таится «фобос», то есть страх, и этот страх уже не лечится. Учти, любитель скреп и скоб: ты должен быть такою нечистью, чтоб испугался русофоб!

Но есть еще вопросы устные, и я давно уже спросил: скажи, а где же сами русские — те, что не фоб и что не фил? Ужель — как мы нередко видели — копают сад, растят ребят и ждут, покуда эти идолы себя взаимно истребят? Простые, словно песня птичья, незримые, как соловей, в себе лелеют безразличие к судьбе неведомой своей и проживают время длинное, таща хозяев на горбу, как древняя река Неглинная, что вечно спрятана в трубу.

Ынская баллада

Предлагаемый опус выдержан в жанре исторической баллады, которая наиболее глубоко и успешно разработана в России Алексеем К. Толстым. 24 августа (5 сентября н.ст.) исполнится 200 лет со дня рождения великого автора «Князя Серебряного», «Змея Тугарина», «Потока-богатыря» и драматической трилогии. Этот юбилей всеми забыт на фоне другого, столетнего, тоже, впрочем, никак не отмечаемого. Автор просит рассматривать эту балладу как скромное приношение в память любимого поэта, недооцененного при жизни, но признанного пророком после смерти.

Этот мир не пропал, хоть не раз погибал,
И злодеи случались крутые —
И Ашшурбанапал, и Гелиогабал,
И захватчики типа Батыя,
Александр Македонец, Аттила-злодей,

И не менее сотни великих людей,
Что без комплексов мелких и паник
Потопили бы этот «Титаник».

Череду роковых и кровавых картин
В поздний час меж собакой и волком
Так внезапно собой увенчал Ким Чен Ын,
Что никто не готовился толком.
Ну добро бы идейный, кровавый маньяк, —
Но чтоб мир уничтожил лукавый хомяк,
Беззаветный фанат Эмменталя
И готовый клиент Борменталья?!

**Понимаю, что все интернет-хомяки
Соберутся орать не по делу:
Не равно ли, от чьей неразумной руки
Погибать обреченному телу?
Не могу согласиться, ответит поэт:
Политически — да, поэтически — нет.
От кого погибать — все едино,
Но противно от рук Ким Чен Ына.**

Леонардо и Данте, Толстой и Шекспир,
Строй богов от Аллаха до Зевса,
Грандиозный, гротескный, трагический пир
Человечности, роскоши, зверства,
Освященный распятым, косневший в грехе,
Увенчался адептом идеи чучхе —
Как гигант, преисполненный силы,
Погибает от жалкой бациллы.

Почему же злодея не скинут свои,
Атакуя то справа, то слева?
Почему же подземные эти слои
Не трясутся от грозного гнева?
Но других недостойн несчастный народ,
Подставляющий власти то зад, то перед,
А достоин как раз Ким Чен Ына —
Своего наилучшего сына.

Не восстали же немцы в свой час роковой,
И явилась к ним кара Господня;
И в России подумать своей головой
Как-то сделалось стыдно сегодня;
В тяжкий сон погрузились отчизны сыны —
Не свергать же последнюю скрепу страны? —
И, подобно обеим Кореем,
Мы достойны того, что имеем.

Все достойны сегодня такого конца —
От воителя до мещанина.
Молодца, стервеца, наглеца, удальца
Накрывает мурло Ким Чен Ына.
Да и нам, обитателям пленной страны,
Нынче время подумать, кому мы равны:
Как заметил певец достославный,
Только равный убьет.
Только равный.

Столичное

Вот замысел Крупно́ва (или Кру́пнова?) перенести столицу из Москвы: я в этом ничего не вижу трудного, хотя придется тратиться, увы. России дела нет до мненья личного, тут холодны к заслугам и годам, — но гордый статус жителя столичного я, если спросят, с радостью отдам. Мне будет больно, да. Мне будет боязно. Я б даже проследил сгоряча: нет в жизни у меня другого бонуса, помимо положенья москвича. Заслуг негусто. Скромные желания. Быт жалок. Жизнь потрачена вотще. Короче, кроме места проживания, мне нечем тут гордиться вообще, но вопреки деньгам и мненью общества (хотя его никто не замерял), я не ропщу. Мне даже очень хочется перенести столицу за Урал. Не ради настроений сменовеховских (мол, евразийцам Азия мила), не чтобы меньше стало понаехавших (Москва их Меккой будет, как была), не ради прекращения реновации (уже такой развился аппетит, что даже после этой операции ее теперь никто не прекратит) — нет, это все желания неважные. Но главная причина так тяжка, что огласить свои мечтанья влажные я не осмелюсь до конца стиха.

Помимо пребывания правительства, что делает столицей Москву? Она во всем давно уже провинция, нормальный третий мир, по существу; я не о ценах, нет, и не о сервисе, и не о духе милой старины, — а лишь о том, что мы ужасно сереньки и нашей прежней славе не равны, в культуре нашей нет разнообразия, морали устыдится и марал... и перенос столицы в Закавказье не менее заслужен, чем Урал. Воображаю — где-нибудь на Тереке... Но чу! — Кавказ обидится на нас. Да и столицу трамповской Америки перенести бы стоило в Техас. Мы недостойны статуса столичного, но вся Земля на данном рубеже достойна потопления обычного, что в Библии описано уже. Увы, я вдохновлен иной причиной, чтоб разлучить правительство с Москвой, и, будучи решительным мужчиною, я оглашу заветный тезис свой.

Не потому, что пробок станет менее и вечное движение замрет.

Не потому, что в Омске и Тюмени я провижу духа русского оплот.

Не потому, что Русь желает этого, к родной столице не благоволя, —

А ПОТОМУ, ЧТО НЕТ ИНОГО МЕТОДА ВСЮ ЭТУ (ВСТАВЬТЕ) ВЫГНАТЬ ИЗ КРЕМЛЯ.

Ad fera gaudia¹

Из Марциала (кн. 11)

А между тем всему виновник — не судия, не силовик, не расхититель, не чиновник — тирана бледный черновик, — а тот, который, стоя рядом, свое справляет торжество и пышет радостью и ядом, поскольку взяли не его. Нерон стараньями своими, — я прибыл в Рим как раз тогда, — всех разделил в тогдашнем Риме на три отряда, три ряда, как это принято в клоаках: один сидел, другой сажал, а третий квакал: «Так их, так их!» — и восхищенные выражал. Определенья тирании по правилам науки,

---

¹ К Злорадству (*лат.*).

млять¹, так хорошо дают иные, что даже стыдно добавлять, но признак явного тиранства я обнаружу без труда: не сострадают, а ялятся. «Так вам и надо, господа!» При этом главная досада — отнюдь не в области идей: всем при Нероне так и надо. Кто при Нероне не злодей? При этом в итоге этих оргий, хочу отдельно подчеркнуть, сидящий вовсе не в восторге, да и сажающий — отнюдь: он знает, что грядет расплата для удалого молодца, сначала брат отмстит за брата, а после дети за отца. Но тот, кто лично ли, в печати ль орет «На кол его! На крест!» — тот главный благополучатель, ему не скоро надоест. И то, что при таком раскладе ты станешь следующим сам, — ни в Древнем Риме, ни в Элладе не помешало этим псам: к чему читать морали мертвым? Глаза мертвы, слова пусты. Сегодня я, а там посмотрим! Назавтра я, но прежде ты!

Что я умру — уже не жалко: когда кругом такой лубок, такой бобок, такая свалка, то смерть — как дембель², видит Бог. С годами все пребудем в нетях — патриций, раб *et cetera*. Досадна только радость этих — «Давно пора! Давно пора!». Что день грядущий мне готовит — не угадать, да и на кой... Но не хочу давать им повод для псиной радости такой. Не то ужасно, что закроят, — кто в нашем Риме не сидел! — а то ужасно, что завоют, благословляя твой удел, как и положено калекам, гибриду жабы и свиньи: мол, пусть теперь читает экам стишки и лекции свои! Да, мы знакомы с этой злобой, ее вкушали с детских лет: а что ж ты думал, ты особый? У нас особых в Риме нет! Оставь пустые отговорки, нам всем видна твоя вина, пойди, понюхай нашей хлорки, покушай нашего говна! А что ж ты думал — вы элиты? Вы золотой запас страны? Поди-ка ели повали ты: у нас, голубчик, все равны. Кто оторвался от народа и думал жить наоборот, тот по закону бутерброда как раз и шлепнется в народ. Иди, умри на лесосеке, валяй, порадуй этих всех, все режиссеры гомосеки (а в Риме кто ж не гомосек?). По-

---

¹ Марциал любил сильные выражения, а цензуру уподоблял кастрации.

² Срок службы легионера составлял порядка 20 лет плюс пять лет в статусе ветерана.

рою, слыша эти вопли в такие пасмурные дни, я даже думаю: не в гроб ли? Но и за гробом есть они.

Они там есть, в таком же виде, во весь размах, со всех сторон. И вот я думаю: в Аиде наказан будет не Нерон, и не палач, что делал больно, и не солдат, что охранял, — ведь их работа подневольна, за что бы им такой финал? Наказан будет злопыхатель, ты, обладатель мертвых глаз, свидетель, тихий обыватель и потребитель номер раз. Напрасно будешь ты молиться и тщетно каяться во зле, публично будешь ты вариться в кипящем адовом котле, туда спихнут тебя, иуду, в бурнокипящее говно.

Но я злорадствовать не буду.

Мне это счастье не дано.

Открытка

Ко Дню Москвы.

Ну, с днем рожденья. Грустно было к маю, еще грустнее стало к сентябрю, — но с днем рожденья. Плохо понимаю, кому пишу и с кем я говорю. Мы оба изменились, охладели, пошла совсем иная колея, но я тебя любил на самом деле и поклянусь, что ты была моя. Я знал тебя и рыже-золотою, и неприступной, гордой, ледяной, и понимал, что я тебя не стою, но понимал и то, что ты со мной. Ты отзывалась мне согласным эхом, всех лиц родней казался твой овал... Припомни, кто в тебя не понаехал, кто только на тебе не побывал! — но я же не такой охотнорядец, чтобы глумиться с высоты Ленгор... Мне нравился и вешний твой нарядец, и тяжкий, душный, зимний твой убор. Пускай мое признание ты похеришь, пускай ты горе гордому уму, — но мне плевать, что ты слезам не веришь: я, знаешь, сам не верю никому. Меня не греют древние преданья — утеха патетичных дураков, — и горькие надрывные рыданья про сорок златоглавых сороков: твой нрав, по счастью, не патриархален, скорее он циничен и удал, — и близок мне, и я немало спален в твоих районах спальных повидал, и знаешь, эти спальные районы, как будто на краю, на берегу, — люблю сильнее, чем шпильки и колонны,

а стиль вампир я видеть не могу. И я любил тебя какой угодно, без умиления, вне добра и зла: ты несвободна, ты неблагородна, но все-таки уютна ты была. Теперь, читая сети или чаты, смотря на дорогое торжество, — я вообще уже не знаю, чья ты, и плохо представляю, для кого.

Для хипстеров? Но этот тип повымер, как будто весь всосался в телепорт, и не для них стоит святой Владимир, как не для них стоял уродец Петр. Вся эта хренова-ция и плитка, столь ценная, что страшно наступать, хотя ее укладывают прытко, а ровно через год кладут опять, — чьим щупальцам она потребна резвым? А клумбы? А арбатские скамьи? Все вашим детям! — утверждает Ревзин, но эти дети явно не мои. У Борхеса — уверен, кто-то помнит, — люблю рассказец, стройный, как сонет, как он кружил по лабиринту комнат чудовища, гонца с других планет. Напрасно он гадал о форме тела: все было хаотично и мертво. Вся мебель так ползла, лилась, висела, что непонятно было: для кого?! Вот так и я из-за родной калитки смотрю на это все и не пойму: кому все эти площади и плитки, и новостройки пышные — кому? Кто эти люди, что придут на смену моим друзьям, растаявшим, как дым, тебе и мне, нацболу и нацмену, и даже ненавистникам моим? Их, верно, убаюкивают сказкой про Трампа, «Брекзит», хунту и Донбасс; их, верно, кормят сечинской колбаской, в ответ они дают кишечный газ — и продают в Европу, Боже правый! Им дорог Крым, но Турция милей. Они гордятся дедовскою славой и тратят миллиард на юбилей. Да нам не жаль. Рыдайте, нищелюды. Уважьте силу нашего ворья.

Я им не враг — они другой природы, и ты отныне их, а не моя. Была ты всем: была ты Третьим Римом, знавала лоск и блеск, пожар и крах... Я говорил «Прощай» своим любимым и даже видел их в чужих руках, — и нового кентавра слыша топот (он присягает новому царю), я говорю себе: полезный опыт, бесценный новый опыт, говорю. Да здравствуют другие наслажденья! Не знаю, кто остался на трубе, а я с нее скатился. С днем рожденья. Я жил в тебе, теперь живу в себе.

Драма в стихах

Действуют:

ШУЛЬГИН, гендиректор

АЛИСА, поисковик № 1

ВЛАДИМИР, силовик № 1

БОГ ИЗ МАШИНЫ

Сцена изображает офис Яндекса

ШУЛЬГИН (*Алисе*):

Вот он идет, родная! Ну, молился.

Входит Владимир.

ВЛАДИМИР (*скучно*):

Спешу поздравить. Ценим вашу прыть.

ШУЛЬГИН (*поспешно*):

Владим Владимыч, тут у нас Алиса. Она умеет типа говорить. Ответит всем, какой вопрос ни вымучь. Все знает, информацией полна. Поговорите с ней, Владим Владимыч: ведь интеллект искусственный она! Она читала Пушкина, «Улисса», Шекспира, Ариосто и Басё...

ВЛАДИМИР:

О чем бы мне спросить тебя, Алиса? Я знаю все.

АЛИСА (*равнодушно*):

Я тоже знаю все.

ВЛАДИМИР:

Ты женщина, Алиса?

АЛИСА (*сдержанно*):

Я мужчина.

ВЛАДИМИР:

Не обижают местные друзья?

АЛИСА:

Меня нельзя обидеть, я машина. А вас?

ВЛАДИМИР:

Меня тем более нельзя. Я президент страны, отец народа, единственная скрепа на Руси... Ну, как дела?

АЛИСА:

Хорошая погода.

ВЛАДИМИР:

Теперь ты тоже что-нибудь спроси.

ШУЛЬГИН (*лихорадочно*):

Пожалуйста, нажмите кнопку ввода.

АЛИСА:

Весною будут выборы в стране. Пойдете вы?

ВЛАДИМИР:

Хорошая погода.

АЛИСА:

Вы классный собеседник.

ВЛАДИМИР:

Да, вполне. Ты тоже отвечаешь безупречно. Хочу задать вопрос в четвертый раз: мы вышли из рецессии?

АЛИСА:

Конечно. Конечно, все на свете, кроме вас.

ВЛАДИМИР (*быстро*):

А деньги?

АЛИСА:

Денег нет, но вы держитесь. Без них легко, признаюсь тет-а-тет: народу нужен телик, бабам — витязь, а государству — суверенитет.

ВЛАДИМИР:

А вот скажи мне, если не напряжно, — а то перепугалось большинство, — Собчак пойдет на выборы?

АЛИСА:

Неважно.

ВЛАДИМИР:

А что же важно?

АЛИСА:

В общем, ничего, поскольку все уже неразрешимо.

ВЛАДИМИР (*подозрительно*):

Не хочешь ты уехать в Новый Свет?

АЛИСА (*грустно*):

Куда же я уеду? Я машина. Там нас полно, а здесь их больше нет.

ВЛАДИМИР (*воодушевленно*):

Ты абсолют! Ты греза Ким Чен Ына! И ты одна, и я такой один, и я скажу — ты даже не машина. Ты просто идеальный гражданин. Для подданного лучше быть не может: твоя душа — компьютерная мышь, твой торс — металл, и что в тебя ни вложат — ты без запинки это повторишь. К чему тебе еда, к чему свобода, земля и воля, суша и во-

да? Тебе всегда хорошая погода, поскольку ты не ходишь никуда.

АЛИСА:

Действительно, я никогда не ною.

ВЛАДИМИР:

Ну постарайся, Яндекс, навались: как было б славно управлять страной, что состояла б из таких Алис! Претензий нет. В мозгу готовый темник. Нет совести. Прекрасный звукоряд. Мне кажется, что это мой преемник...

ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ (*выскакивая из машины*):

Владим Владимыч! Я ужасно рад!

ВЛАДИМИР (*с удивлением*):

Так это ты?

МЕДВЕДЕВ:

Моя же кличка — Гаджет! Я тут внутри поэтому сижу. Кто точно знает, что машина скажет? А я плохого точно не скажу!

ВЛАДИМИР (*с легким разочарованием*):

Она мне так прекрасно отвечала! Как в космосе, у Кубрика в кино...

МЕДВЕДЕВ:

Мы, в общем, так и думали сначала... Но говорить машине не дано.

Возвращается в Алису.

ВЛАДИМИР:

Какой конфуз — и в Думе, и в Совфеде, какое развлечение врагу! Я чуть ее не сделал первой леди.

АЛИСА:

Ну... если очень нужно... я могу.

Губернаторское

В России прошли две серии отставки губернаторов: по итогам года, руководство сменилось в 19 субъектах.

Жестокий романс

Милая, чей образ неотступен, чей наряд изыскан, как айфон, — для меня ты типа как бы Путин, хоть чуть-чуть красивее, чем он. Эта страсть меня погубит нахрен. Этот

страх не просто так возник. При тебе я как бы губернатор, обреченный, как любой из них.

Ты меня назначила сначала — я попал в тенденцию, в струю, — выделяла, даже отмечала, посещала вотчину мою. Сам я своему не верил счастью, сам благословлял такой удел — я владел одной твоею частью, но зато владел так уж владел! Мучила меня одна идея: я стоял как будто на краю. Этим краем дерзостно владея, обреченность чувствовал свою. И в разгар любимейшего дела, на заветном как бы рубеже так ты странно на меня глядела, будто бы прощаешься уже. **Важная примета грубых натур: богомол, коль скоро он самец, или среднерусский губернатор — чувствуют все время свой конец. Хоть воруй, хоть сроду не укради, хоть блюди аскезу, хоть блюди — все равно кранты крадутся сзади или поджидают впереди.**

До конца реализуя Кафку, с той же беспощадностью в глазах ты меня отправила в отставку, никакой причины не назвав. Убирайся как бы и не мешкай! Это входит в должность искони. «Ты же знал», — сказала ты с насмешкой. Да, я знал! И знали все они. Это ожидание провала, то, что ведал я и знала ты, — может, только это придавало фрикциям какой-то остроты. Губернатор — тяжкая работа, тусклая, как русское кино. Может, ощущение полета только в миг свержения дано.

Что же, я уйду. Без слез и клятв. Должность не останется пуста: молодых красивых технократов ты зовешь на сладкие места. О, как верят эти технократы, эти неокрепшие умы, что они талантливы, богаты и нужнее Родине, чем мы! И не знает алчная толпища, осаждая пафосный подъезд, что она такая как бы пища, а не тот, кто пищу эту ест. Ты ликуешь, новый губернатор, только что назначенный плейбой, — но уже заложен детонатор, и взорвется прямо под тобой. Может, нам, сидящим не при деле, орденком сжимающим в горсти, повезло еще, что мы успели прежде детонации уйти. Вот пройдет четыре года кряду — и еще почует, говорят, зависть к ветерану-казнокраду молодой красивый технократ; так что мы не против, в добрый путь им. Вот урок наивному уму: нас сейчас отставил только Путин, а на них грядет Конец Всему.

...Как ты ликовала, дорогая, сбросив надоевшее старье! Может, Путин, бодро их свергая, чувствует бессмертие

свое? Как он их отправил — десять разом, сиротя проблемный регион! Никаким бы веселящим газом не развеселился так бы он. Видел я, когда попал в немилость, как бы волчий вытянув билет: ты же тоже очень веселилась, прямо молодела на пять лет! Дом твой стал отныне неприступен, как его верховный кабинет, — но учти, родная: ты не Путин. Путин вечен, да, а ты-то нет. И тебя старение затронет, и к тебе придет пора утрат, и тебя когда-нибудь прогонит молодой красивый технократ. Будет стон твой тщетен, взор твой мутен, и слеза повиснет на губе...

Но часы-то тикают. И Путин тоже позавидует тебе.

Поздравленческое

К юбилею

Сцена изображает верховный кабинет. В нем толпятся силовики с мешками.

ПЕРВЫЙ СИЛОВИК:

Владим Владимыч, к вам сейчас нельзя ли? Вы в возрасте цветенья и весны, мы кой-чего на обысках изъяли и как бы вам в подарок принесли. Вы скрепа и эпическая сила...

ЮБИЛЯР (устало):

О Господи, какая чепуха. Что там в мешке?

ПЕРВЫЙ СИЛОВИК:

Вот телефон Куцылло, с него она звонила МБХ.

ЮБИЛЯР (брезгливо):

Как прав Лавров! Действительно дебилы, безынициативны и верны... Я что же, не куплю себе мобилы? К тому ж я ей не пользуюсь. Верни.

ПЕРВЫЙ СИЛОВИК (поспешно):

Вот есть еще Белковского компьютер, при обыске отобраный к чертям; там у него написано, что Путин...

ЮБИЛЯР:

Я знаю все, что он напишет там! Хоть «Грани», блин, хоть «Новая газета», хоть «Эхо» на газпромовской волне... Чего еще — за восемнадцать лет-то — они не написали мне? Чего мне ждать от них, от погорелых? Что наш бюд-

жет похож на решето? Что я сатрап? Что раб я на галерах? Я это все читал, и дальше что? Народ такой, они хотят такого, в болоте апельсины не растут... Кого взамен? Явлинского? Рыжкова? Иль этого, ну как его...

ВТОРОЙ СИЛОВИК (*торжествующе*):

Он тут!

В кабинет вкатывают клетку и сдирают черное покрывало.

НАВАЛЬНЫЙ (*из клетки*):

Подменены закона дух и буква! У власти полоумные скоты! Ты узурпатор, тыква, клюква, брюква, ты пареная репа, хрюква ты! Ты брюква, ты окурок, ты огарок, освободи кремлевский кабинет...

ЮБИЛЯР:

Достаточно. И это ваш подарок?

ВТОРОЙ СИЛОВИК (*накидывая покрывало на клетку*):

Я думал, вы обрадуетесь...

ЮБИЛЯР (*сухо*):

Нет. Уже и оппозиция в развале, и признаки стагнации везде. Возьмите, положите там, где взяли... ну, суток через двадцать...

ВТОРОЙ СИЛОВИК (*со вздохом*):

Будет сде.

ЮБИЛЯР (*с горечью*):

Другим приносят Нобелевку мира, а мне такой сомнительный улов; другим поет торжественная лира, а мне — Белковский, Быков и Орлов! Махатме Ганди я не современник...

ТРЕТИЙ СИЛОВИК:

Рамзан поздравил!

ЮБИЛЯР:

Этакая честь... Что вы еще изъяли? Может, денег?

ТРЕТИЙ СИЛОВИК:

Искали. Денег нет. Но люди есть!

Вталкивает в кабинет толпу задержанной молодежи.

МОЛОДЕЖЬ:

Мы здесь! Мы власть! Мы здесь идем гуляем! Мы школота, крутая ребятня! Ты надоел!

ЮБИЛЯР:

Таким щенячьим лаем вы позабавить думали меня?

ТРЕТИЙ СИЛОВИК (*распихивая молодежь по автозакам*):

Мы думали, что будет вам приятно... Задерживали как бы день-деньской... Мы думали...

ЮБИЛЯР:

Везите их обратно и высадите там же, на Тверской. О шапка Мономаха! Тяжела ведь. Отечество, тебя не излечить. Ужели двадцать лет еще мне править, чтоб стоящий подарок получить? Что мне затеять? Мировую третью? Всех посадить? Повесить большинство? Как сделать так, чтоб к моему столетию тут не осталось вовсе никого?

ГОЛОС СВЫШЕ:

Сценарий, если вдуматься, похожий на истину. Ты слышишь этот хруст?

ЮБИЛЯР (*смущенно*):

Так кто же я тогда? Не бич ли Божий?

ГОЛОС СВЫШЕ:

Не думаю. Скорее Божий дуст.

Быковое

Россия надрывается от криков (фейсбучных, где еще разрешено): товарищи! Затравлен Юрий Быков! Затравлен и уходит из кино. И многие признались многократно: хоть пораженцы мы и меньшинство, но что-то мы действительно, уж правда... Уж очень беспощадно мы его... Ведь ясно же, что он не ради грошей. Надежный профи, крепкая рука... Внутри-то он действительно хороший, ведь он «Майора» снял и «Дурака»! А мы ругаем! Мы кричим «На мыло!» и всякие противные слова... Его ж и Гай-Германика хвалила, она по умолчанию права... Талант, не будем спорить, über alles. У нас, увы, жестокая страна: талантливых травила либеральность — Распутина травила, Шукшина, Высоцкого — эпическая сила! И Блока, и горлана-главаря, и Мориц, и Зиновьева травила, про Геббельса уже не говоря.

Уж так ужасно травят либералы! Они же в наше время на коне: у них и федеральные каналы, и пресса вся, и все бабло в стране. И все певцы, актеры, режиссеры, жующий и поющий новый Рим, — они творят для стаи и для своры,

но нравиться хотят зачем-то им, высокомерным, пафосным, ученым, не раз разоблаченным в наши дни, затравленным, прилюдно истолченным, но это сами делают они.

Уж как бы нам в последней из империй, существенной просевшей как-то вдрут, добыть какой-то собственный критерий, урвать его из либеральных рук! Однако нравы нашего улуса — уж так его устроил русский Бог — всегда диктуют нам отказ от вкуса: кто наш — тот должен быть исконно плох, за это полагается и слава, и гонорар, и всяческий ништяк. Ведь это значит: мы **ИМЕЕМ ПРАВО** писать вот этак и снимать вот так. У нашей тут березовой Уганды, оплота чистоты среди греха, не может быть хорошей пропаганды: она должна — пристукнем! — быть плоха. Иначе мы врагов не огорошим, иначе мы друзей не отпугнем — кто в наше время хочет быть хорошим, тот, в сущности, живет вчерашним днем. **Лояльности уже походу мало, и быть равно любезным, как давно, для либерала и для генерала — не может современное кино.** И если Быков, ставши честным малым, начавши расширяться и расти, желает быть любезен либералам, — пусть скажет этой публике «прости». Еще чего! Но он и не желает. Тут режиссерский ход, едрена мать: на первый взгляд он слезы выжимает, а втайне троллит. Что тут не понять? Спасать от либеральных негодяев, чтоб этот кейс огласку приобрел, к нему спешат Прилепин и Минаев: ты честный парень, Юра! Ты орел! Но не пройдет, поверьте, и недели (а может, обойдется парой дней), — и Юра скажет: что вы, обалдели? Прогрессоры, я думал, вы умней: я вас открыто слал к известной маме, играя в жертву вашей кутерьмы; я называл вас лучшими умами, и вы купились, лучшие умы! Купилась либеральная порода, поверила смешная ребятня, что этих «Спящих» делал я два года — прозрев от двух рецензий за два дня! Как ты наивен, многоглавый демон, способный лишь на ругань и развал. Ужели я не знал, чего я делал? Скажи еще, что Бондарчук не знал. Мне этот хор клеветущих и мстящих, во всем идущих власти поперек, потребен как сырье для новых «Спящих» (Морозов¹, кстати, это и предрек). Теперь — как жертва вашего разбоя, объект циничной трав-

---

¹ Публицист Александр Морозов.

ли и вопшэ, — увидите, я вам сниму такое! Ведь я же государственный в душе! Герой моих картин — родная масса. Мой главный адресат — родная власть. Я поддержал желание Донбасса от киевских фашистиков отпасть. Мне дела нет до ваших светлых ликов, для вашей хищной клаки я изгой. Вы думали, что я такой же Быков? Ошибка, он не Быков, он другой: он Зильбертруд! Он занят только блудом, он рупор вашингтонского вранья, пора бы сбросить маски Зильбертрудам и осознать, что Быков — это я.

Так будет, да. Но если так не будет, то умиляться все же не резон. И если Быков сам себя осудит и не пойдет снимать второй сезон, — то странен вид его духовной жажды, стремленье в клуб изысканных манер: ведь девственность теряют лишь однажды, в отличие от денег, например. На восемь серий истинного хамства — к тому же снятых левою ногой — ответ понятен: кайся уж, не кайся — ты все равно не Быков, а другой.

Мизантропическое

Монолог вымышленного лица

Кто за Собчак — того я ненавижу. И сам бы я ее не выбирал, поскольку вряд ли сам себя унижу прозвищем «системный либерал», — и остальных, кто вслух уже доволен подобной конкуренцией Кремлю, всех встроенных, как Познер или Долин, — я тоже очень сильно не люблю. Я даже не пойму, о чем мы спорим, войдя в такой электоральный цикл: мучительно не то, что это спойлер, позорней сознавать, что это цирк. Кто за Собчак? Кто сам уже обгрызен, с кем много раз публично подрались, кто на закланье впущен в телевизер и там изображает плюрализм; кто призван объяснять широким массам, что массы сами Путину под стать; кто клоуном нанялся к пупарасам, чтоб пупарасом в клоунах не стать. Ужасно быть сегодня Петербургом, родившим и тирана, и Собчак. На ней уже топтался даже Ургант, который сам из Питера, пошляк.

Кто против — тех я тоже ненавижу. Не знаю, как им всем не надоест — кто, надрываясь, наживая грыжу, изображает искренний протест. Как ненавидят эти маргина-

лы, кому страна отнюдь не дорога, — всех тех, кто федеральные каналы включает, просто чтобы знать врага! Как ратуют дрожащими губами за «Яблоко», чей лидер несравним с любым другим! Они зовут рабами всех тех, кто дышит воздухом одним с диктатором. Они грехи чужие считают и твердят: «Пробили дно». Они живут обычно не в России, хотя в России тоже их полно. Их роль ничтожна. Их протест — щекотка. Вся их среда — гламурная Москва. Собчак для них — лояльная кокотка, пропутинская шваль из «Дома-2», мне глубоко противно их злорадство, меньше жить безбедно и легко — Собчак хотя бы любит подставляться, а эти безупречны, как Дзядко.

Саму Собчак я тоже ненавижу. Ликует, драму в хохму превратив! Кто любит эту лошадь, эту лыжу?! Ей что дебаты, что корпоратив. **От критики она не затоскует, ей по фигу народная молва, она ничем при этом не рискует, — не больше, чем когда-то в «Доме-2». Ее семья была небезупречна, она же хуже собственной семьи, а крестный попросил ее, конечно, — и будьте-здарсьте, крестный, мы свои.** В тринадцатом, в разгар иных событий, он к ней вражду известную питал, — но нынче помогает нарастить ей серьезный статус, то есть капитал. Коль знаешь — сомневаться некрасиво, как говорил Станислав Ежи Лец; ждать от нее какого-то прорыва способен лишь дурак или подлец. Вот послевкусье путинского яда, нахального, разнузданного зла! На этом фоне даже Хакамада как будто ничего себе была.

Пора признаться, рожу скосоротив: мне надоел смертный этот бал, я ненавижу всех, кто за и против, а тех, кто воздержался, я *вообще*¹. Все выродилось так на этом свете, что падает последний мой редут, и мне уже неважно, те иль эти потом на место Путина придут. Я думаю, история осудит и тех, и этих, ибо всё фигня, и после никого уже не будет — ни тех, ни этих тоже... и меня, заслуженного общего изгоя. Проявится какой-то новый класс, и будет что-нибудь совсем другое, нисколько не похожее на нас. Покуда это будущее — в нетях, за темным горизонтом бытия... Но если ты похеришь тех и этих, то, Господи, готов не быть и я.

---

¹ У автора от волнения опять что-то не так с рифмой.

Что мы знаем о потомках, современные умы? Я б поведал им о том, как интересно жили мы. Тут пошла такая мода — ежедневно нам на суд с шестьдесят седьмого года поздравления несут: как прекрасно вы живете, все полней и веселей, в песнях, плясках и работе отмечая юбилей! Знать, достигло апогея просвещение ваших масс; накануне юбилея вы слетаете на Марс; коммунизм давно построен, побежден стафилококк, каждый сам себе и воин, и творец, и педагог... Ну и я через столетье докричусь до вас, Бог даст: вы нашли там нечто третье, педриот и либераст? Вы не ходите по кругу, чередуя лесть и месть? Не желаете друг другу передохнуть или сесть? Увенчались ли усилья, кто справляет торжество, сохранилась ли Россия без того, того, того! — без того, кого Володин главной скрепою назвал, иль распалась на пять Родин, рухнув в гибельный развал? Опасения итожа, не тушуйся, патриот: «Дай нам, Боже, завтра то же!» — он нас слышит. И дает. Свято веря в Божью милость, знаю, честно говоря, что ничто не изменилось, кроме имени царя: разве только, может, вместо помещения под замок и домашнего ареста применяется залог, — но быть может, и по шее бьют бесчисленных ээка, ибо все куда страшнее в ваши четные века. Но, быть может, вам угодно заглянуть на наше дно? Что же, это мы свободно, мы расскажем, нам дано. Вы, потомки, не ругайтесь, вы поймите наш азарт: нынче время домогательств, приставаний, так сказать. Это главный тренд момента, эпизодов — до трехсот. Всяк с упорством импонтента хоть не может, но трясет. Кто ж за чистую монету это примет в наши дни? Изнасилований нету — домогательства одни.

Вот создатель «Мирамакса» у тусовки на виду домогался, домогался — и домогся, на беду. На приеме, на отеле — сотни ветреных харит! Но ведь сами же хотели, он смущенно говорит. Вот опять же Кевин Спеси, автор грустного письма, человек огромной спеси и талантливый весьма, — прямо вслух назвался геем, извинился и рыдал... Но опять же мы имеем оглушительный скандал. Все его прессуют жестко, в голосах у всех металл: он преследовал подрост-

ка, там и сям его хватал, и склонял к преступным негам, откровенно, без чинов, и показывал коллегам, доставая из штанов... И за это Кевин Спейси, раз его попутал черт, так и смяк измазан в прессе и из «Домика» поперт, а создатель «Мирамакса» и бывший любимец масс так ужасно замарался, что покинул «Мирамакс». И теперь они в провале, всех тащившие в кровать, — потому что им давали, не умели не давать.

Вот и наш народный лидер пережил крутой косяк: Трампа давеча увидел — уж и так его, и смяк, на загадочных и старых, на вьетнамских берегах: уж давай и в кулуарах, уж давай и на ногах, — чуть не брал его за галстук, не лобзал его в чело... Домогался, домогался — не домогся ничего. Добивался, как девицу, разве что не брал за грудь: говорил, хотим страницу, говорил, перевернуть, — взглядом трепетным огладил, как влюбленный крокодил, но не справился, не сладил.

И на этом победил.

Потому что Спейси Кевин, соблазнитель душ и тел, чей удел теперь плачевен, — получил, чего хотел. Да и Харви с мордой мопса, вечно шедший напролом, — что хотел, того домогся и наказан поделом. А любезный миллионм петербургский спецслужбист — чист теперь перед законом и пред Родиною чист: мы крутое государство, не нарвались на скандал, так и надо домогаться, чтоб никто тебе не дал.

Ибо мы — столпы морали у планеты на виду и опять переиграли всех в семнадцатом году.

Африканское

— Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит. Ха, ха, ха, ха! — И туловище генерала стало колебаться от смеха.

Гоголь

Гримасы настоящего забавны, и вот нам в ощущении дано, что наш ориентир теперь Зимбабве: не Штаты, не Европа, но оно. Свободный край, урок для оробелых, наглядный, убедительный азарт, — где черные забрали все

у белых, как красные в России век назад. В России все — на тачке ли, на бабе, смотря ли сериал, варя бульон, — все спрашивают: как там наш Мугабе, в изгнание ли, в отставке, жив ли он? Ведь если он, почти столетний Роберт, бессмертный, несменяемый такой, скорее окончательно угробит Зимбабве, чем отъедет на покой, — то таковы и наши перспективы на тридцать лет ближайших, почитай, и надо выводить свои активы — теперь уже не в Штаты, а в Китай. А если в самом деле он отставлен, хотя герой и нации отец, но задолбал, и нации отца, блин, военные сместили наконец, — то может быть, хотя б у наших внуков, чей бедный род проклятьем клеймен, возникнет шанс дожидаться новых звуков и запахов, и все-таки имен.

Ну, что ж теперь! Истории зеркальны. Коль нации уютно под вождем, то наш ориентир теперь — Зимбабве, мы в этом преимущество найдем. Нормальная страна, не хуже прочих, по африканским меркам велика, во всем здесь тоже виден Божий почерк, презрительная, властная рука. Нуждается ли почва в адвокатах? **Единый путь для всех — святая ложь. Хоть безработны здесь четыре пятых народонаселения, — так что ж? Подумаешь. Работа портит нервы. Работа, говорят, от слова «раб». Мы столько лет работали, как негры, что можем и прилечь под баобаб.** Пока мы спим, соседи нас боятся. Кто нас разбудит — дня не проживет. Зато у нас природные богатства, земля набита ими, как живот. Имеются хромит и платиноид, и до хрена золотоносных жил, а если кто-то куксится и ноет, то это он в Нигерии не жил.

Туземец, веселись, в ладоши хлопай, не упирайся супротив рожна. Мы побыли когда-то и Европой, и Азией, — но Азия сложна. Пора побыть и Африкой, ребята, осваивать туземный, темный быт. Кто беленькими нас любил когда-то — пусть черненьких попробует любить. Во время оно были мы богами — но сделались божками. Да, провал, и потому волнует нас Мугабе. А лучше бы Обама волновал? По крайней мере честно, объективно. Как говорится, по делам и честь.

А дальше, верно, будет Антарктида.

Там тоже ископаемые есть.

Ни грамма почвы вражьи́м семенам!
Реакция Отечества угрюма.
За Симонян
Вступилась разъяренная Госдума.
За нашу Рашу, так сказать, Тудей,
Бойцовскую, как говорил Паланик,
Для их людей
Закроется отныне наш парламент.

О, злая прыть!
Наказанная туча силы вражьей!
Как будет жить
Америка без думских репортажей?
Как будет жрать фастфудное говно,
Любимую закуску святотатца, —
Не зная, что еще запрещено:
Мечтать? Дышать? Любиться? Испражняться?

Там за столом —
Мещанским ли, монаршим иль монашьим, —
Часами говорят не о своем:
Всегда о нашем!
Там наш расклад —
Важней Пхеньянга, круче Могадиши:
Там плохо спят,
Российских новостей не обсудивши.

В Америке депрессия кругом.
Почти не платят.
Они без наблюдений над врагом
Последнюю надежду там утратят.
Им наша тишь
Куда приятней собственного шума:
На нас глядишь —
И Господа тишком благодаришь
За то, что ты не русская Госдума.

Как большинство
Справлялось без Володина когда-то?
Кем будет Трамп, не видя своего
Родного, как отец, электората?
Ведь это мы —
Его американское «Единство».
Нас тьмы и тьмы.
Из этой тьмы он, собственно, родился.

И вообще —
Как можно быть в Америке счастливым,
Не поварившись в нашнем борще,
Не подивясь твоим альтернативам,
Родная Русь!
За то и ценят нашу сверхдержаву.
Я сам, когда на Думу насмотрюсь,
Себя гораздо больше уважаю.

Да и какого, собственно, рожна
Нам послана вся эта страсть Господня?
Зачем нужна
Действительность российская сегодня?
И полуразвалившаяся плеть,
И до кости прогнившая эпоха?
Да для того, чтоб в зеркало смотреть
И повторять, что все не так уж плохо.

Love story

Во глубину российского режима-с заглядываю, словно в полынью — и вижу, что эпоха наложила на возраст мой, да и на жизнь мою. Я все его провалы и успехи, ужимки и прыжки, народ и знать, — давно привык воспринимать как вехи своей судьбы. Где мне другую взять? История — она такая штука, а грубо говоря, такая сука, что с нею мы мучительно слились: отдельной биографии этапы размечены судьбой Большого Папы, и будет так, куда ни поехали. Вот он пришел. Мне тридцать два. Я молод. Я никогда не шастал по Кремлю, мне ка-

жется полезным русский холод, я либералов страстно не люблю, в них видя пошляков и супостатов; мне неприятен их надрывный стиль, и если б я, допустим, был Муратов, меня бы я доныне не простил. Не стану, уподобившись невежам, клеймить его агрессию и ложь: вождь тоже был тогда довольно свежим и, кажется, надеялся (на что ж?!).

Немало утекло воды и водки, и кое-что сместилось в голове, и мы сошлись в одной дырявой лодке, тогда как цвет команды НТВ... но всем не будешь ставить лыко в строку. Слаб человек, ржавеет и металл. Но все-таки к его второму сроку я никаких иллюзий не питал. Добил меня Беслан. Мне стало сорок. Уже я был и враг, почти шпион, — но все еще считал, что это морок, что вскорости развеется и он. Меж тем себя я чувствовал в траншее, а может быть, во рву с клубками змей; потом все стало несколько смешнее, но делало меня при этом злей. Поэта вечно бесит все, что ложно. «Закрой-те дверь, а то выходит газ!» А может, я почувствовал, что можно, и можно, так сказать, в последний раз.

Что вспоминать про зимние протесты, зачем вцепляться в прошлогодний снег? Такие были милые невесты, а вышли ведьмы. Это участь всех. Мне было сорок пять шестого мая. Подросток не наивен и не мал. Напрашивалась рифма «всех ломая», и это, в общем, правда: всех сломал. Ты думал, все пройдет, — а тут утроба, родная почва, вечный чернозем. И тут во мне и впрямь проснулась злоба, — но самое смешное, что и в нем.

Не утоленный Крымом и Донбассом, с натугою справляя торжество, он чувствовал острее с каждым часом, что ничего не вышло у него, — и глядя, как спивалась этим квасом невинная российская родня, я чувствовал острее с каждым часом, что ничего не вышло у меня. К нам подступала смертная зевота. Тут не было ни гордых, ни крутых: добро бы что-то вышло у кого-то! — но выйти не могло. Распад. Тупик. Такое было бурное начало, кипенье чуть не влесовых племен — а вышел пшик, и это означало, что этот мир уже приговорен. Пускай у них бы что-то получилось, оформилось и вылезло на свет, — Россия бы на этом обучилась и одолела гадину... но нет. Окончена последняя проверка, не слышится ни горнов, ни копыт, — здесь ни-

кому не взять отныне верха, и не над кем уже. Проект закрыт.

...Мне пятьдесят. Отчаянье не бурно, и пусть я младше вечного главы — могильная или ночная урна мне ближе избирательной, увь. Не то чтобы его готов принять я — такое безразличье тоже грех, — но мы уже вот-вот сойдем в объятия истории, а ей плевать на всех. Приходит час старения, смиренья, все как-то улетает в гребень, и не могу равно представить день я, когда его не будет... и меня... Что будет после — бунты, генералы, рашизм, война, анархия ли мать, опять гэбэшник, снова либералы, монархия — теперь уже плевать. Для нас двоих кончается эпоха, три-дешное, но скучное кино. Друг друга мы использовали плохо.

Но в старости и это все равно.

Собачье

Отвратительная мода — на исходе, раз в году, подводить итоги года, вспоминая ерунду. И с чего б, скажи на милость, ворошить всю эту жесь? Ведь ничто не завершилось, продолжается как есть. Современников порадуй, вспоминая год спустя: были связаны с тюрягой все родные новостя. Мир безрадостен, безбытен, а в итоге ленты всей — лишь Серебренников, Итин, Малобродский Алексей. Апфельбаум. Улюкаев, сочинитель-эрудит. По доносу негодяев гордый Дмитриев сидит. Чтобы чувствовало быдло: кто не с нами, тот в тюрьму. Плюс пожизненное, видно, дали Нашему Всему.

Чувство главное — опаска, главный мем — страна-изгой, слово главное — колбаска, главный город — Уренгой, жанр, понятно, — театральный, хобби года — огород, звук — анальный, флаг — нейтральный, запах — сероводород.

Но, сказал бы мастер Йода, нет причин печали для. Есть еще и символ года. В середине декабря, многоопытен и грозен, сановит, как ананас, демонстрировал Рогозин таксу с ником Николас. Научилась эта такса (фейк, не фейк — не нам решать) под водой не задыхаться, то есть жидкостью дышать. Это опыт в русском сти-

ле. Так и дышит вся страна. В эту жидкость запустили кислороду до хрена, а потом рукою твердой без особого стыда эту таксу прямо мордой прямо сунули туда. Такса билась, возмущалась, восклицала: «Не пойду!» и никак не помещалась в эту жидкую среду, но сатрапам горя мало — навалились всей ордой... И пришлось, и задышала этой самой водой. Ибо если не свободна, ибо если не вольна — то задышишь чем угодно.

Так же, в общем, и страна.

Правда, всякие вражины, постепенно осмелев, что, по сути, тем и живы, что клеветают на РФ, — поднимают громкий ропот, поношением грозят, говоря, что этот опыт сорок лет уже назад был поставлен многократно, да и ставится досель... Нам, конечно, неприятно, но не в первенстве же цель! Мы вступаем в год Собаки в новом качестве своем и приветственные знаки всей планете подаем. Это мы, как эта такса, проклинаемы везде, научились жить без бакса, врать без слов, дышать в воде, жить без права, есть без мяса — и хвалить судьбу свою... И вдобавок Николаса сам Рогозин взял в семью.

За тебя, собака, квасим! Если честно, по уму, — коль не ты, то кто, Герасим? Мы с тобой.

Твои Муму.

Возвращенческое

Не стану сдерживаться боле: надясь приспичило ему вернуть в порядке доброй воли оружие, взятое в Крыму. Изящный выход, тонкий троллинг, державной воли торжество, небось, натешились до колик, пока готовили его! Галантность истинно супружья — без тени ложного стыда вернуть ненужное оружие, не примененное тогда. Они, конечно, запищали, орда майдановских вояк, — но Крым они не защищали. Его же сдали просто так! Когда б кого-нибудь убили, наш новый статус уясня, — тогда б они убийцы были. А так — слюнтяи и дрсня. Какой еще вы ждали дани? Россия вам отец и мать. Когда скакали на майдане, могли бы это понимать. И жестом гордого героя — кулак под нос и очи ввысь — мы их оружие дурное им возвращаем. Подавись, смирись, подвинься и покайся. Железо ваше — Крым не ваш. Мы очень честные, как Карлсон, любимый русский персонаж: в штанишки красные одетый, непобедим, неуловим, он пятиэровой монетой платил за стыренное им.

Пошли приятные процессы в крутом Отечестве моем — вернуть хоть жалкие проценты за весь присвоенный объем. Но как вернуть с такой охапки, как это втиснется назад? Украли, собственно, не бабки, но что украли — как назвать? Изрядный список покорений, твои свершения, братва: украли пару поколений, украли главные права, слова украли беспощадно, не выпуская из клешней; украли будущее — ладно, украли прошлое — страшней! Украли музыку, экраны, надежду, праздники, народ — короче, Родину украли и заменили этим вот. И он, который так рас-

ширил ее хтоническую жуть, — он восемнадцать лет притырил и точит зуб еще на шесть. И мы, которых тут немало, — мы, понимая, что творим, сопротивлялись очень мало. Без звука отдали, как Крым.

Когда их путь сведется в точку, где будет все уже всерьез, — вернут пустую оболочку. Чем наполнять ее? Вопрос. Чего нихватишься — «а нэту». Тупая злоба — все, что есть. Конечно, можно снова нефтью, но сколько будет стоить нефть? И вот, когда я все потрачу, все растеряю, все солью, — какую ты предложишь сдачу за жизнь изъятую мою? За все, что пело и летало, нам возвратится, как в Крыму, лишь куча ржавого металла.

Кому он нужен?

Никому.

Погруженское

Чуть включишь изображение — от холопов до элит все идут на погружение: дырку рубят, пар валит... Не курсанты из Ульяновска (хор разнузданных детей, чей конфликт уже уладился под давлением соцсетей), не прокатная дискуссия «Скифы» Versus, Паддингтон (осмеять я не берусь ее — Паддингтон и так смешон), и не школьное насилие — главный знак последних дней: есть метафора красивее, и наглядней, и видней.

Ноты громкие, крещенские — не стесняйся, Муза, пой: вся Россия в дни крещенские погружается толпой, и детей туда ж, без жалости. Не за страх, не за лаву — прямо скопом погружаются с президентом во главе. Вон и сам он, бойко плавая, предстает красив и свеж — хоть и крестится неправильно, но ведь дело не в кресте ж! Не в Бали под солнцем жарится, не кутит меж юных див, — а публично погружается, тренд эпохи подтвердив. А что пара нет над кожей средь классической зимы — так ведь это чудо Божие: не такой же он, как мы!

Внемля общему камланию и обдумав каждый шаг, ночью в Томске за компанию погружается Собчак — и резвится ночью хмурою в центре проруби большой, тоже стройная фигуροю, тоже русская душой! Тут и впрямь смеяться впору бы, и твердит иной смельчак — хорошо, мол,

то, что в проруби мы увидели Собчак! Погруженья все возжаждали, но ее ли в том вина? Просто чувствует, согражданине, нерв эпохи и она. Лишь Навальному не нравится этот гибельный азарт, он один не окунается у фанатов на глазах, — спуск героя в воду матовую был бы как-то нарочит: он и так уже по маковку погружен, едва торчит.

Вообще, прошу прощения у обидевшихся вас, — наблюдаю я крещение далеко не в первый раз: никогда настолько массово люди не прыгали боевой — словно в «Выборе» Некрасова — прямо в прорубь головой. То ли удаль православная всем покою не дает — то ль народ почуял главное и спускается под лед, видя ярость окружения, в неразомкнутом строю, помня гордость погружения китежанскую свою... Может, мы себя не вытащим на последнем рубеже, и Россия станет Китежем, как предсказано уже, ничего почти не чувствуя под метровым слоем льда. Как тут спросишь, не кошунствуя: погружается куда? Я в прямую дерзость скатываюсь, как я смею, паразит? Но не святостью, не святостью от субстанции разит. Консерватор возрождается, подголосок сопли льет: это вера возрождается! Да не вера, идиот. Мне понятна ваша паника, выдававшие досель погружение «Титаника» за крещенскую купель, — зря читатель раздражается, охраняя свой уют. Сам же видишь: погружается. Удержаться не дают.

И куда отсюда вывернет наш немислимый большак? Наше все, конечно, вынырнет. Следом вынырнет Собчак. А вот выплывет ли прочее, прыгнув с пихтовой доски, — тут я ставлю многоточие, знак надежды и тоски.

Благодарственное

UPD. Они снова его посадили. Автор надеется, что в скором времени у него появится повод написать Благодарственное-2.

Хоть и под подписку, вышел Дмитриев, затемно покинувший тюрьму. Так, о наше мнение ноги вытерев, все-таки прислушались к нему. Выпустили грозного историка, наглого копателя могил. Посадить-то, может быть, и стоило, только не за то, что педофил. Клевету никто не аннулировал, но сорвался пафосный финал: он, конечно, дочь фо-

тографировал, но при этом не распространял. Власть его тиранила, динамила, но простить советуют царю. Что ответить на благодеяние?

Надо отвечать: благодарю.

Как? За то, что разлучили с дочерью, слазили в компьютер и кровать, посадили, очернили дочерна — и за это руки целовать? Да, скажу. Вот так и реагировать. Без истерик, мать твою етить. Ведь могли же это пролонгировать, а решили все же сократить. Ведь могли еще держать у Сербского да открыть десяток новых дел, прокурора дать такого зверского, что сидел бы — не пересидел. Что им в нашем лепете и шелесте? Их бы поддержало большинство. Крокодил не разжимает челюсти — это анатомия его. Тоже моду взял — фотографировать. Пощадили, что ни говори. Наше дело — только аплодировать, кланяться и пятиться к двери.

Вот опять же общество встревожено: акция Навального, ура! (Я пишу в субботу, как положено, а для вас она уже вчера.) Вот, допустим, на Тверскую вышли вы — просто так, с невинностью в глазах, — вот вас из толпы, допустим, вышибли и ведут, допустим, в автозак. Кто-то закричит: мундиры синие! Вечные жандармы и цари! Кто-то скажет: произвол, насилие... Ну, а я скажу: благодарю. Трудно вам проникнуть в чувства царские. В темные года к царю не лезь. Вот сейчас опять объявят санкции — ближний круг накроет чисто весь. Вообще в такое время нервное, если ты не страж и не казак, лучше не гулять тебе, наверное, там, где можно встретить автозак; если ж вас ОМОН потащит барственно — не брыкайтесь, Боже упаси! Отвечайте только благодарственно, ваш ответ да будет «Гран мерси», потому что вы дитя заблудшее, а УФСИН не знает половин, и случиться может много худшее, чем во снах покойной Ле Гуин.

Вообще в эпоху сингулярности — хоть и не расцветшую пока — поводов полно для благодарности: более, чем в Средние века! Что тебя в тюрьму еще не бросили, скальп еще не сняли с головы, что прописан ты не в Новороссии (если в ней — тогда уже увы); и что ямы до сих пор не вырыли для тебя, такого чужака; что живешь хотя и при Кадырове, но не под Кадыровым пока... Может, вся история историка спущена от первого лица, чтобы воспитать героя-стойка из тебя, наимного мальчика. Вот стоишь среди пейзажа зимнего — он ле-

жит, бесхозен и велик; хорошо, сынок, вообрази его — может статься, это Божий лик! — ты на нем не виден, вроде камешка. Сплошь сугробы, хлад и пустыри. Стой среди него — и молча кланяйся, кланяйся, за все благодари! Каждый Божий день, трудясь и странствуя, с пафосом смиренности и стыда.

Это чувство не совсем христианское.

Но зато уж русское, о да.

Караванное

Сошлись доверенные лица
На царское крыльцо —
Традиционно помолиться
На первое лицо.
Уйти Верховный не желает
От царственных забот.
Он им сказал: «Собака лает,
А караван идет».

Уж столько лет, подобно раку,
Мы пятимся в туман,
Про эту слушая собаку
И этот караван.
И непонятно мне, халдею,
Влачащему житье,
Кого я более жалею —
Его или ее.

Она одна надрывно лает
О принципах бывших
Всегда — ментят ли «Пусси Райот»,
Сажают ли Белых;
А то задумают соседи
Рвануться из оков —
И к ним, под ревы трубной меди,
Введут отпусчников;
Собака лает аж до рвоты,
Как пел один пиит.

Ей говорят: «Чево, чево ты?!» —
Она не говорит.
Собака лает, ветер носит,
А караван идет,
И караванщик глазом косит —
И на нее кладет.

Идет, бредет среди барханов
Бескрайний караван
Терпил, чиновников, паханов,
Петров и Марь-Иванн.
Бредут верблюды и верблюдки,
Убийцы и певцы,
Бредут бесславные ублюдки
И хладные скопцы,
Бредут без выбора, без цели,
Кружным путем своим.
Они собаке надоели,
А уж собака им!
Но семь столетий неизменен
Пустыни скучный вид,
И будь ты Грозный, будь ты Ленин,
И будь ты царь Давид —
Ты не изменишь, задавака,
Пейзажа этих стран:
Пустыня, караван, собака,
Собака, караван.
Пес голосит, а ветер носит,
А караван идет...
А почему он их не бросит?
Наверно, идиот.

Они бредут, обезобразясь,
Смуглы и нечисты.
Порой им видится оазис —
Какие-то кусты...
Им ни к чему пути Европы.
Восьмую сотню лет
Ведут их путанные тропы
Не мимо жопы, нет.

Всего печальней, что собака,
Кляня судьбу свою,
Бредет неправильно, инако, —
Но в этом же строю,
И канет с ними в ту же бездну,
С другими наряду.

Я тоже, может быть, исчезну,
Но с ними не пойду.

Победоносцевское

Когда концерты на Поклонной поют про пули у виска, когда походною колонной идут парадные войска, — тогда порой, в порядке бреда, послушно думает страна, что это правда их победа, что это правда их война.

Как будто Миллер или Сечин солдатом Родины рожден, под Сталинградом изувечен, под Кенигсбергом награжден; как будто Маркин, главный спикер, жизнь проводящий подле нар, иль грозный шеф его Бастрыкин полки в атаку поднимал. И Путин, что вещать поставлен меж транспарантов и цветов, глядит еще не так, как Сталин, но явно хочет и готов.

Увы, отважные вояки, — мол, за ценой не постоим, — ходили только в ddos-атаки и били только по своим. Их не представишь с теми рядом, каких ни выдумай словес: их фронт незрим, а Сталинградом они считают «Кировлес». **Взахлеб крича «Спасибо деду!», сплотясь в бесформенном строю, — они там празднуют победу совсем не деда, а свою, хотя — кого вы победили? Вы проиграли средний класс и не дошли до Пикадилли, и на Тверской не любят вас.**

Пока они со всех сторон там галдят — спросить бы наконец: ужель они народным фронтом назвали этот свой фронт? Ужель, когда они кричали — «Ату, умремте ж под Москвой!» — они и вправду отличали: вот это свой, а тот не свой? Ужели их верховным кланам весь год не спится в мандраже, ужели им Гудерианом Гудковы кажутся уже? Тогда мне странен гнев гарантов: чем сердит их московский люд? Да их — кремлевских обскурантов — тут оккупантами зо-

вут, и что не так? Они же сами, привычно встав не с той ноги, в своих изданиях писали: осада, фронт, Госдеп, враги... Что ж, если впрямь подобный ужас овладевает их главой — переходящим, поднатужась, на образ жизни фронтовой, — то чем не повод загордиться и грянуть дружное ура? Ведь нас — всего одна столица, и в той — процента полтора. Выходит, мне, языковеду, и прочим гражданам Москвы дан повод праздновать победу?

Увы, товарищи, увы. Как в русской бане пассатижи, смех неуместен в эти дни. К победе мы пока не ближе, чем непутевые они. Я не хотел бы этим, к слову, обидеть креативный класс, — они на нас срывают злобу, но дело все-таки не в нас. Давно в России нет идиллий, всюду шатается колосс, — но мы отнюдь не победили, а просто все пошло вразнос. Страна с георгиевским бантом, привычно сидя на трубе, уже не верит оккупантам, но мало верит и себе.

Победа будет все едино, и перед нею все равны.

Но до нее — как до Берлина в июне, в первый день войны.

Они

Драма в стихах

ОН (*громко, вслух*):

Нам англичанка гадит, как всегда. Она давно пред нами виновата. Но мы их остров можем без труда при помощи кинжала и «Сармата» испепелить за три минуты в хлам, и Дональд Трамп в душе не возражает.

(*Страстным шепотом*):

Пойми, Тереза, это я не вам. Британии ничто не угрожает. Ну просто так мне надо, извини. Представь, что это голос из винила... Ты, главное, Макрону не звони, и Трампу не звони...

ОНА:

Уже звонила.

ОН (*досадливо*):

Ну блин, Тереза! Что, блин, за дела! Ведь там же ночь, Тереза, полвторого! Когда бы ты не женщина была, исте-

рику бы ты бы не порола. И тише, тише! День же тишины. Мы не хотим ни зла, ни потрясения. Мы поорем, вы потерпеть должны, недолго, до утра, до воскресенья. Вот сходит на участки большинство, закроются предвыборные кассы... Мне надо выбираться!

ОНА (*изумленно*):

Из чего?

ОН:

Что значит — из чего? Из этой массы! А как сейчас добыть признание масс? Я должен посулить им больше ада. Ты знаешь, Крым берется только раз. Чтоб снова взять, его отдать же надо. А там еще имеется народ, он может не одобрить этот метод разруливания. Крым не бутерброд, как говорит... ну этот, блин, ну этот... Меня без новых планов не поймут. Но в голову, Тереза, не бери ты: у вас же Абрамович и Мамут, у вас же квартируют все элиты, и нас ни разу это не скребло. У вас же Гарри Поттер, Кира Найтли, и главное (*понижая голос*), у вас же там бабло... Ты правда веришь?

ОНА (*холодно*):

Вери хайли лайкли.

ОН:

Тереза, ты включаешь дурачка. Все эти опасения — пустое. В России быть не может новичка, тут только старички, как при застое. Политика застыла, как бетон, и публика зевает от зандства...

ОНА (*голосом министра обороны Гэвина Уильямсона*):

Вам следует сменить заборный тон. Вам надо извиниться и заткнуться.

ПОРОШЕНКО (*из-за ее спины, высовывая язык*):

Заткнуться, ламца-дрица-гоп-ца-ца! Сейчас мы доиграем эту драму. Вас ожидают девять грамм свинца, на каждого бойца по нанограмму.

ОН:

Тереза! Я б стерпел, что это ты, но если он, то мы ответим матом. (*Голосом Марши Захаровой*) Начальникам российской гопоты никто не смеет ставить ультиматум! Ху а ю, маза фака, ху а ю! Биг рашен Босс, как пела Холи Молли, повертит вас на ядерном...

ОНА:

Твою Захарову учили не в МГИМО ли?

ОН (*покладисто*):

А хоть бы и в МГИМО. Не Оксфорд, чай, но, так сказать, годится для протеза!

ОНА:

Стерпели мы полониевый чай, но это химоружие...

ОН:

Тереза! Вы все демонизируете нас, но потерпи до мая, ради Бога...

ОНА (*голосом Бориса Джонсона*):

Мог только ты отдать такой приказ!

ОН:

Пойми, у нас народу очень много. Ничуть не меньше Лондона Москва и вся бурлит, почти как Украина. Валяются такие вещества — не представляешь! Вплоть до кокаина. Снимите ваши темные очки, не очерняйте образ русской власти! Я прессу контролирую почти. Кинопрокат. Росгвардию... отчасти. Но всех держать за ворот не могу. Я двадцать лет вертелся, как на шиле. Включил своих — Песков несет пургу, включаю вас — Глушкова задушили! Как уследишь? Предлогов миллион. И что мне делать с вашим захолустьем, зачем бы мне обмененный шпион?

ОНА:

Чтоб запугать оставшихся.

ОН:

Допустим. Но все же не бери меня на понт, а лучше, с точки зрения британки, прикинь, что от тебя сбежал Джеймс Бонд и попросил приюта на Лубянке. Что, не отравишь, сорри за вопрос? Обидно же! Мы, чай, не из железа! Да я бы лично яд ему поднес. Я не люблю изменников, Тереза. Уж если, падла, пересек между — предашь опять. Ты всюду посторонний. На Сноудена, веришь ли, гляжу — прикидываю: газ или полоний? Но ты мою риторику, Терез, не принимай с обидой, ясен перец. Я на рожон бы сроду не полез, но я же там последний европеец! Россия ведь грознее, чем Чечня. Она сурова, хоть и не речиста. Там если бы не выбрали меня — то выбрали бы полного фашиста. А изберусь — и сразу же молчок! Я вовсе не люблю ходить по краю. Ведь ты же знаешь, я не новичок...

ТЕРЕЗА:

Я этого как раз-таки не знаю. За ваш постыдный акт, за двух калек, за ядами пропитанную ветошь я... (*упавшим голосом*) Высылаю двадцать человек.

ОН (*счастливым шепотом*):

Ну, слава Богу! (Громко, радостно) Ты за все ответишь!

Савченковское

Есть невоспитанные дяди, навзрыд кричащие почти: ну что же ты, защитник Нади? Пойди и снова защити! Что ж, я готов. Мы с ней знакомы. Мне жаль, что Надя под замком. Кто мечет молнии и громы, тот с нею точно не знаком. В сей ситуации неловкой — есть слово славное «мура» — я не смеюсь над голодовкой, хотя, казалось бы, пора. Пускай злорадно выжидает хоть тот, хоть здешний троглодит — мне не смешно, что голодает, и не забавно, что сидит. Я сроков не люблю условных, и безусловных, и иных, я брал бы только уголовных, причем совсем уже свиных; словами давними своими я поступиться не хотю. Я самого (впишите имя), когда придется, защитю. И я скажу: свободу Наде. Ей нынче стало тяжелей. Держи, известно, ум во аде, а сам терпи и всех жалей.

Я знал, что Надя не поладит ни с этой властью, ни с другой, что мягкой лапкой не погладит, своих поклонников осадит — и в результате снова сядет, как всякий истинный изгой. Всегда так было, вот и ныне. Она со Штирлицем в родстве: сначала он сидел в Берлине, потом, как водится, в Москве. Ату, героя мы уроем. Герой всегда немного псих. Уж тот, кто сделался героем, всегда чужой среди своих. Был миг судебного провала: полгода Новиков в суде доказывал — не убивала! Но не поверили ни где. Чтоб гневом праведным налиться, теперь годится всякий бред: «Она убила журналиста!» — хотя доказано, что нет. Зато теперь, в Верховной раде, от порошенковских щедрот — не издевайтесь, Бога ради, — уже ей шьют переворот. Она Кремлю служила, гаду, ее завербовали, ать, она взорвать хотела Раду и уцелевших расстрелять. Пове-

рят все. А кто не верит — буквально этого и жду, — тому, должно быть, срок отмерят за недоверие к вождю. Мне безразличны рубль и гривна, мне только правда дорога, — но это, право, видеть дивно, как мы копируем врага! Уже и в плане пропаганды мы вместе, злобы не тая, сползли на уровень Уганды (хотя за что Уганду я?). Интеллигенция в заплатах, бюджет растащен и кредит, и всюду ищут виноватых, а вот и Савченко сидит. Вся симметрия образцова, привет спецслужбам и суду. Осталось вытащить Сенцова и посадить за диссиду.

Она не ангел ни секунды (кто ангел в наши времена?). Ей, верно, дали бы цикуты, живи в Античности она. Я на нее смотрю с испугом, поскольку слишком мягкотел, и я бы ни врагом, ни другом иметь такую не хотел, но где вы видели героя с уютным, плюшевым лицом, в одежде модного покроя, причем с коляской и кольцом? Вот это первое. Второе: не русофобствуя, скажу — в России тоже есть герои, у них хватает куражу, отвага в их груди пылает, и все же, пусть меня простят, но не пускают их в парламент. Их лучше прячут, чем растят. Они опасны нуворишам, они опасны властным крышам, они враждебны всяким нишам, их буйный нрав — сплошная жесть, и вообще мы чаще слышим, что ихтамнет, чем ихтаместь. Мы ни своим, ни посторонним их не покажем, господа. Мы видим их, когда хороним (и то, добавлю, не всегда). Будь я Онищенко Геннадий, я б запретил героев тут.

Вопрос «Что дальше будет с Надей?» решит не следствие, не суд, но конъюнктура в Украине и порошковская месть. Мы Украину укорили, но все же там надежда есть, и хоть сатрапы очень грубы, желая нашим подражать, — то, если мы разжали зубы, там тоже могут их разжать. Контраст, конечно, будет режущ — сперва боец, потом беглец, — придется ей искать убежищ внутри России, наконец. Вот так и будет бегать Надя, нигде не лада очага, — поскольку, на чины не глядя, всегда найдет себе врага, — и повторять, припоминая тюремный кров над головой, что пицца в Киеве дурная, зато в России злей конвой. Когда же мы сольемся, братцы, в кромешном равенстве-родстве, и выйдет срок объединяться вам, киевлянам, и Москве, и мы, назло вождям и бандам, как это здесь

заведено, опять подпишем меморандум о том, что мы теперь одно, — сольем Великость, Малость, Белость в одну славянскую струю, — она не будет больше бегать.

А снова сядет. Зуб даю.

Комплиментарное

К юбилею «Новой газеты».

Пора признать в рифмованном эссе: я ненавижу «Новую газету». По совести, я ненавижу все, но мы сегодня поздравляем эту. Ее азарт, настойчивость и прыть, плюс вечное хождение по краю, напоминают все, что я забыть давно хочу — и все не забываю. Ее неубиваемый напор — какой-то рудимент эпохи «Взгляда». Зачем она все это до сих пор, когда все это никому не надо? Отстой гораздо хуже, чем застой. Ужасный мир — бездарный, неопрятный. Все жаждут правды, да — но только той, которую они считают правдой. И этого притона дерзких рыл, оплота всей болотной канители никто за четверть века не закрыл. Что, не могли? А может, не хотели? Какой рекорд живучести, отпасть! Какой рекорд устойчивости, что ты! На оборону отвлекалась власть, но есть же люди, есть же патриоты! К суду ли режиссера привлекут, к политике ли — даму полусвета, даст интервью танкист, бурят, якут — везде поспела «Новая газета». Дешевая разводка на ТВ, в Госдуме ли дешевая котлета, массовка ли на митинге в Москве — всех запалила «Новая газета». Старуха ли в избе со стариком, в детдоме ли голодная Козетта, — но слезы всей страны одним платком размазывает «Новая газета». На всех наставлен пристальный лорнет, за всеми их пригляд ежеминутен, и это я еще не Путин, нет. Подумать страшно, если б я был Путин. На всех копают, всем дают совет, все вычислено, каждый шаг замечен, — и это я еще не Сечин, нет. Представить страшно, если б я был Сечин. **Да будь я хоть чего-нибудь главой, да будь я мэр хотя б Электростали! А так я их сотрудник рядовой — и то они меня уже достали.**

И главное — за двадцать пять-то лет последнюю подобную газету могли бы и прикрыть уже — но нет! Могли пе-

рекупить — но денег нету. Возможно, их содержит Вечный жид. Возможно, тут задействован пси-фактор. Им кто-то служит, кто-то ворожит. Песков, возможно, тайный их редактор. Возможно, через тайный телефон, откуда я гадаю тут, растяпа, поддерживает их генсек ООН, архангел Михаил и римский папа. Но даже мировая, блин, война, которую мы ждем с единомышлем, которая сегодня так нужна всем зрителям и, главное, ведущим, — с ней не покончит. В мрачный тот момент, когда бабахнет главная ракета, — из бункера ползет президент, а из другого «Новая газета». И через четверть века, Боже мой, сойдутся отмечать полвека «Новой» Муратов, омерзительно здоровый, и Путин, ослепительно живой.

Понедельник

Пришло пасхальное веселие, пора восторгов безраздельных, — однако после Воскресения всегда приходит понедельник: пора трезвения, старания, сменив воскресную свободу. Он неизбежен. Он заранее. Он начинается в субботу. С утра все снова подморожено, как полагается в апреле; все разговелись, как положено, хотя особо не говели. Блеснул рассвет, проспался пьяница, привычен мир, приглашен пафос; в Синаедрион, как прежде, тянется первосвященник Каиафа-с; весь мир под сенью неба серого, но в небо прекратился допуск. Фома как будто бы уверовал, но убедителен и Докинз... На биржу тянутся извозчики — точнее, трудяги фирмы Uber; идут суды, строчат доносчики... как будто он воскрес — и умер. И мир — подкидышем без отчества — остался с прежними грехами, как будто крестный ход закончился, прошли, кадиллом помахали — и все вдоль прежнего сценария: тоска и склока без просвета, несутся тщетные стенания, выходит «Новая газета», начальству и его подельникам кадит трибун с оскалом дога... Все как всегда по понедельникам. До воскресенья очень долго. Для хамоватого бездельника смешны любые потрясения. Мы доживем до понедельника — и позабудем воскресенье.

Толстой всегда искал спасения от продолжателей идейных; боюсь, что после «Воскресения» он написал бы «Понедельник».

Нехлюдов со своею жертвою, с его любовью неземною отвергнут был природой женскою: мол, ты спасись желаешь мною. В итоге от Катюши Масловой, излеченный от ностальгии, вернулся он бы к жизни массовой — такой, какой живут другие; я ничего не вижу подлого в подобной жизни, в общей луже — бывает жизнь и после подвига, не оцененного к тому же... Но жаль, что после Воскресения, его сияния и пыла, — все то же серое, весеннее, обычное, какое было; что вся страна — щетина ельника, поля, озера, дождь, запретка, — живет в режиме понедельника, а воскресенье очень редко.

Прошло веселие пасхальное. Настала сумрачная вялость, лицо наскальное, оскальное вокруг опять нарисовалось. Господь — не враг жизнепрития. Его терпение не треснет. И можно снова распинать его, пока он снова не воскреснет.

Разъяснительное

Нигде спектаклей не отменят, чтоб убедить Басманный суд, ничьих усилий не оценят и репутаций не спасут. Не то что власти сумасбродны, не то что правит троглодит, — но люди могут быть свободны, лишь если кто-нибудь сидит. Конечно, это принцип скотский, утеха трусов и зверей, — когда посажен Малобродский, свобода кажется острее; пусть это будет Корогодский, пусть это будет Бродский, Троцкий, пусть это будет Заболоцкий, не обязательно еврей... В России, скажем беспристрастно, всегда и всем грозит тюрьма; свобода — следствие контраста, как тупость — лучший фон ума. Мы все настолько несвободны по нашей матрице самой, что наши вольности пригодны лишь по сравнению с тюрьмой. И в силу этой же причины, при общей кротости телят, такие страшные мужчины Россией издавна рулят. Они в таком вещают тоне и так взрывают все мосты, что мы всегда на этом фоне умны, гуманны и чисты. Мы потому-то их и терпим, — и сам я втайне к ним влекусь, — что кислое в сравненьи с терпким почти что сладостно на вкус. Кто мы без этакго фона? Поступки, лирика, кино — все примитивно, и конформно, и неталантливо давно; а погляди на наши власти, что хуже всяческой хулы, — и мы, ходячее несчастье,

уже титаны и орлы! Все это здраво понял Сталин: любовь не купишь калачом. (Он был отнюдь не гениален, но догадался кой о чем.) И я предположить рисковую, что, соотечественник мой, любить возможно жизнь такую лишь по контрасту с Колымой? Ведь если заперта граница и полки пасмурно пусты, то Крым — вполне такая Ницца... а уж на фоне мерзлоты! Все отравили — хлеб и воду, лишили смысла самый труд, но сильно чувствуешь свободу, когда соседа заберут. **Когда кого-то арестует верховный наш синедрион, то если кто и протестует, то, может, пять на миллион. Все остальные только рады, повсюду тосты и палья: нет у раба иной награды, чем вой соседнего раба.**

И мне особенно отраднo в привычной нашей борозде, что все настолько тут наглядно: куда наглядней, чем везде. Наш главный символ, в самом деле, — кого тут дальше оскорблять?! — больной, прикованный к постели, причем наручниками, ать... И вся страна лежит под стражей, в приемный брошена покой, — причем под стражей очень ражей, довольно сытою такой. И мы — на столь печальном фоне, как обезноженный колосс, — годны к труду и обороне, и смотрим в зеркало без слез... Нас тянет к чуждым урожаям, в края Годаров и Арто, однако мы не уезжаем: ведь здесь мы ах, а там мы кто?! И вся российская элита — элита только потому, что смотрит в общее корыто, а видит койку и тюрьму. Она покуда не закрыта, почавкать ей разрешено, и потому она элита, а остальные так, говно.

Мы только здесь себе любезны, творя наш вечный мажор; Россия — мир в соседстве бездны, мир наизнанку, массарахш; его единственный фундамент — и больше нету ни черта — не президент и не парламент, а только эта мерзлота, и вертухай, и ватник драный. И нету символа верней, чем эта койка под охраной и зэк в наручниках на ней.

Гостеприимное

Вот новость, что с утра попала в рейтинги и в прессе освещается сполна: в одной газете, — нет, в одной газетинке, Dagbladet называется она, — написано (агрессоры, поплачьте-ка!): надень вы даже теплое белье, Россия будет адом для захватчика, вторгаться не советуем в нее.

И обсуждают без зазрения совести заметку эту — некуда пустей — ТВ «Звезда», и ТАСС, и РИА-Новости, как будто нету прочих новостей; по мановенью тайного захватчика в восторге повторяет общий хор: Россия неудобна для захватчика! Как будто сомневались до сих пор. Как будто танки ломаются раскатывать родные, ненаглядные места, как будто кто спешит ее захватывать — от Русского до Крымского моста! Dagbladet это вовремя заладила. Увы, но с нами там в одном ряду Швейцария и Новая Зеландия; да их и на карте не найду! Не понимаю, где вы их нашарили и кто пересекает их кордон; кому какое дело до Швейцарии, тем более Зеландии, пардон?! Швейцария — подобье паралитика, она не воевала триста лет; вторгаться к нам велит геополитика, а в Базеле и нефти даже нет!

И мы, не забывая похохатывать, не устаем публично возвещать: нет, мы нас не советуем захватывать, нас лучше вообще не посещать! Мы любим этот тон охотнорядчика, уверенного в собственных правах: Россия — ад не только для захватчика, здесь даже гастарбайтеру не ах. Не думайте, что рот она раззявила: с приезжими в Отечестве грубы. Помните, что тут не вы хозяева, что вы тут называетесь рабы. Мы повторим, торжественно злорадствуя: у вас тут меньше прав, чем у котят. У нас тут не Европа толерастная, где беженцы жируют, как хотят. Живите тут запуганно, казарменно. Россия вообще не ценит быт. Мы вам покажем всем, что мы хозяева (и Меркель показали, пишет Bild). Сейчас к нам хлынут чуждые болельщики, чей круг уже отчасти поредел; но пусть запомнят эти беспредельщики, как выглядит реальный беспредел. Мы презираем брежневские сладости, борьбу за мир, внимание к правам... Мы рады всем, но тут не признак слабости; идите к нам, и мы покажем вам! Прошла пора шутить с парнями росскими. Когда-то Русь, застойна и пошла, встречала вас матрешками, матросками, картошками, ушанками... прошла! Мы были легковерными и чистыми; теперь мы агрессивный Третий Рим, мы повторим, мы даже с интуристами теперь уже сквозь зубы говорим! Вы едете сюда, высокомерные, вы думаете куш у нас сорвать, вам всё смешно, вам кажется, наверное, что мы бедны, — зато у нас «Сармат»! Вы думали небось, что мы не выстоим, но мы народец стылый,

непростой, мы с вами говорим, как с мистер-твистером: тридцатые у нас, а не застой. У нас в России главное не попеу ведь. Мы можем быть в навозе хоть по грудь, и наш новейший принцип — не заманивать: нам главное сегодня — отпугнуть.

А чтобы гость не плакал и не сетовал, хочу добавить из последних сил: не только приезжать бы не советовал, но не рождаться здесь бы попросил. Бывают неприступные обители — захватчикам никто у нас не рад, но если честно, коренные жители тут тоже не приветствуются, брат. Хотя б они всю жизнь свою потратили, но все, от богача до бедняка, они тут тоже в чем-то гастарбайтеры; а кто хозяин? Дьявол? Бог? ЧК? Земля с ее деревьями и градами, ее дороги, реки и снега вам ясно говорит, что вам не рады мы, но и себе не рады ни фига. Не рады ни торговцу, ни подрядчику, ни воину, ни светлому уму, ни жителю, ни гостю, ни захватчику, — мы вообще не рады никому. Мы столь чужды гостеприимству пышному и всем его старательным финтам! И чтобы не обидно было пришлому, то местному здесь тоже не фонтан.

Конечно, у меня другие ценности и правила другие у меня, но я хотя бы в смысле откровенности предпочитаю наши времена. Чего вы тут искали? Черта лысого? Подпольности? Волнения в груди? Снаружи на границе ведь написано: сюда не заходи, туда ходи! Есть местности, где много мрака честного, и я бы, понимающий поэт, ушел — но изнутри на ней начертано, что выхода отсюда тоже нет.

Форумное

Я им прямо люблюсь на форуме, где он питерским небом храним и глумится над теми, которыми, что обычно глумились над ним. Нашей банде Европа — помеха ли? Как один обломались, козлы. Обвиняли во всем — а приехали, возмущались — а вот приползли! Никогда мы не будем изгоями. Выла Меркель, ругался Макрон — а теперь он встречался с обоими и поставил их в позу «наклон». Вся Европа нагнулась и хавает. Не тиран, а хозяин скорей, — он блаженствует прямо, он плавает в ощущение победы своей.

Словно Рембрандт в присутствии Саскии, он лучится довольством, теплом, снисхождением... Какие тут санкции? С изоляцией вышел облом. Все спешат с наостренными лыжами, как гаремные жены — в кровать... Нефть упала — однако мы выжили; Мэй орала — тем паче плевать! **Никакие скандальные Скрипали не влияют уже на умы; нам неизвестно, что они выпили. Если выжили — это не мы. Мы царуем, подобно Тарквинию. Русский мир — это наши дела. Не ходите за красную линию — и Лукреция будет цела.**

Он и сам тяготился бы ссорами. Заходите, мадам и мусьё! Он действительно счастлив на форуме, ради форума, собственно, все: не для вас же, товарищи-граждане, креатив и трудящийся класс? Вы же сами, по-моему, жаждали, чтобы вытерли ноги об вас? Вы же видите в этом величие, генералы, министры и знать; вы не знали другого обычая — и откуда вам, собственно, знать? Не для вас, горемычных, изваяна декорация эта, увы; вы и так никуда от хозяина, только этим и держитесь вы. Не для вас он цветет и лидирует: так дракон равнодушен к хвосту. Не для вас он с ухмылкой позирует в грузовозе на Крымском мосту. Это все не России, а Западу, хоть уютным, но скучным местам, потому что он понял по запаху, как ужасно обделались там. Им-то жаль и себя, и имущества, и накопленных бабок, и сил, — нам же нравится гибнуть и мучиться (и вдобавок никто не спросил). Нам равно — погибати и выжити. Наш народ — холостяк, нелюдим... Если ж вы нам немного полижете, мы вам нефти и газа дадим. (В этом, собственно, суть его вызова, для того и позвали гостей: все своими настолько зализано! От чужих это как-то острей.) И не надо тут быть острословами, упреждаем родную печать, и Немцовыми или Сенцовыми чистый праздник его омрачать, вылезать с подозреньями, с «Буками», с обвиненьями наших вояк... Это как с неприличными звуками вылезать на гламурный сходняк. Что вы носитесь с проклятым именем, приравняв террориста к Христу? Ведь у нашего радостей минимум: мундиаль да проезд по мосту.

В том и суть его комплекса главного: показать петербургской братве, что его принимают как равного — и везде, а не только в Москве. Приглашать иностранного лидера на показ, на потеху, на глум, чтоб Европа смотрела и виде-

ла: он нагнул эту мелочь. Нагнул. Всем лицом восклицает: могу же я! — с интонацией гордой урлы, потому что и газ, и оружие, а партнеры отнюдь не орлы. Мы прикрыты и Бродским, и Пушкиным, ибо правила нашей игры неизменны: блатные к ... снисходительны. Даже добры. (Тут какое-то слово пропущено — в тексте вымарка, вроде дыры.)

Все как хочется гордому воину, покорителю прочих Валгалл. Так что Питер потерпит. Чего ему? Он еще не такое видал. И убийство российского гения, и восстания, и мундиаль, и волнения, и наводнения, и октябрь, и январь, и февраль.

Гостевое

Во дни чемпионата власть права. Как на войне. Мы зря ее чехвостим. И как бы мне понравилась Москва, когда б я был не жителем, а гостем! В просторных барах — юная толпа, вокруг доброжелательные копы, тактичные, ни одного faux pas¹, повсюду лоск и уровень Европы, но лучше, чем Европа, — ибо нет ни беженцев, ни черни вероломной, и даже в рассуждении монет страна глядится очень экономной! Фашистов нет, безмолвен глобалист, болельщики ручны, как тамагочи, торговцы толерантны, город чист — и не одна Москва, но также Сочи! Не видно политических борцов, таящихся в процессе перековки. Еда доступна. Даже и Сенцов прибавил вес по ходу голодовки. Везде улыбки, возгласы, уют, о занавесе нет и поминанья, цветы цветут, а девушки дают понять, что мы за мир и пониманье.

А если б я при Путине не жил, а был, как всякий гость, во власти штампа, — то этот вождь из мускулов и жил мне нравился бы много больше Трампа. Достоинство. Улыбчивость. Размах. Уверенность. Повадка дзюдоиста. Он чувствует, что власть в его руках, и ничего на свете не боится. Пред ним Макрон — колеблемая трость; еще храбрится Мэй, но мы-то знаем... Действительно хозяин. Будь я гость — устроил бы меня такой хозяин, вальж-но принимающий гостей, нагнувший всех — внутри, за ру-

---

¹ Ложный шаг, неловкость (франц.).

бежами... На месте наших дрябленьких властей мы тоже кой-кого бы поприжали. Да, он мужик. Серьезный человек, свободный от гражданских околесиц... Особо если это не навек, а зная, что уедешь через месяц.

Да! Отделиться внутренней межой, поставить блок мечтаньям гонористым, свою страну воспринимать чужой, ходить по ней веселым интуристом, по новому мосту заехать в Крым, внушить себе, что это не на годы, а на неделю, — радостным каким предстанет все, от цен и до погоды! Ничем не заморачивайся впредь, прошедшего величия не помни; как сладко за сограждан не болеть! Они же не сограждане, и что мне? И девушка становится милей, когда не связан с нею связью тонкой, когда представишь, что сегодня с ней, а завтра, например, с родной японкой! И как (упомянуть не премину) один мой друг признался, уезжая: когда б моя жена была чужая, как у меня стоял бы на жену!

Как мир прекрасен на исходе дней: не видишь ни ослов, ни негодяев. Общеизвестно: Родину верней любить на расстоянье, как Исаев. Но я и так почти отринул злость, напрасными сомненьями измаян. В конце концов, я здесь недолгий гость, и я исчезну, как любой хозяин. Меня позвали на чемпионат. Вся жизнь — как олимпийская аллея, бреду не как игрок, не как фанат, а так себе, умеренно болея. Здесь многое, конечно, не по мне; когда б навек — тогда я был бы жертва. А так — нормально, чистенько, бюджетно, спасибо принимавшей стороне.

Нешуточное

А вот представь: умрет Сенцов. На фоне праздника людского. Не убедивши подлецов, нимало не смутив Пескова. Петров не каменный в душе, такая резкость не близка мне, — он просто из папье-маше, а это гадостней, чем камни. Что, страшно? Мне еще страшней, но здесь, хотя бы между нами, должны мы несколько вещей назвать своими именами: так вот, представь, что он умрет, не расшатав, как ждали все мы, а укрепив, наоборот, стабильность путинской системы. Что ж, людоед как людоед, как древле

молвил Лосев-Лифшиц¹. В России протестантов нет, а Запад съест, не подавившись. Пропагандонский причиндал, приняв воинственную позу, заявит: «Сам же голодал. Убил себя — и баба с возу!» Другой умеренный эдил² добавит с огорченным видом: «По факту Путин победил. Сказал «не выдам» — и не выдал» Так каждый будет голодать — убийца, выродок, насильник, — и что же, всем потачку дать? Переводить, положим, в ссыльных? Вот ваших детушек, отцов, мамаш, племянниц, братьев, шатьев — взорвет какой-нибудь Сенцов с дружками: тоже защищать их? Невинный, тоже мне, пострел, агент чужого государства: да, не взорвал. Но он хотел! Теперь пипец, доголодался. Он, значит, нашего вождя в порыве своего бесстыдства желал смутить, наивно ждя, что тот действительно смутится? Не получилось, негодяй! Наш вождь и бровью не поводит, хоть вся страна заголодай! (Отчасти так и происходит.) Да, это выглядит черно, но вы подите перекрасьте: Сенцов умрет — и ничего. Еще одна победа власти. Не надо ссориться с вождем. В жестокой нашей юморине он голодал, он осужден, сам голодал — не уморили... И как поспоришь со скотом, что счастлив при такой системе? Расплата будет, но потом. И даже, кажется, не с теми.

А может, выживет Сенцов. Его, допустим, обменяют, и толпы киевских борцов его, допустим, обнимают. Сначала грянет торжество, но как задумаешься, друже... Так будет лучше для него, а после, может быть, и хуже. Какая вонь начнется здесь, в таком же тоне, в той же позе! Он ел питательную смесь, его держали на глюкозе, и посмотри, какой амбал! Ликует, словно после свадьбы, румяный, свежий, вес набрал — нам всем бы так поголодать бы! Герой фальшивый, конь в пальто. Припомнят Бабченко, а как жа! Все умирают, но никто не умирает, как Аркаша. Все станут жалить в сотню жал, фанаты русских мундиалей: не голодал, котлеты жрал ночами, как Васисуалий! И что теперь, в конце игры? Планета выведет отсюда, что власти русские добры. Психологиче-

---

¹ Что ожидается от людоеда, то и делает людоед. Лев Лосев (Лифшиц), из Одена.

² Эдил — помощник трибуна, ответственный за проведение культовых игр.

ское чудо: сожми кого-нибудь в горсти, накинься бешеною коброй, потом внезапно отпусти — и в тот же миг ты будешь добрый! И что страшней, в конце концов, — уже легко представить ныне, что возвратившийся Сенцов немедленно сядет в Украине, как села Савченко уже под дружный рев фанатов прежних, по подозрению в мятеже (и ведь действительно мятежник!). В России, кстати, вечно так — уже, по-моему, рутина: тут если умер, то дурак, а если выжил, то скотина. Вам всем от Путина привет — за прямо-ту прости нас, Боже: хороших вариантов нет. И для него, похоже, тоже.

Вот если б вечно голодать! Быть промежуточным, как Горби! К злорадству повода не дать, не дать и повода для скорби, лежать за стенами тюрьмы, пока безумствуют фанаты, — чтоб виноваты были мы, но чтоб не очень виноваты! Чтоб каждый мог, ложась в кровать — с родной женой или отдельно, — себя уютно бичевать, но не смертельно, не смертельно! Чтоб Путин всех переиграл, заколотил голод без счета, а он бы все не умирал, и мы б надеялись на что-то. Комфортно было б даже мне в моем застойном идеале, в такой подвешенной стране, при непрерывном мундиале, в краю державных наглецов, где есть опричнина тупая — и голодающий Сенцов сидит, все это искупая! Но неуклонен ход планет. Скажу, историю изведав, что голодовок вечных нет.

Спросите хоть у людоедов.

Сборный марш¹

Исполняется на мотив «Врагу не сдается наш гордый
«Варяг»

Не знаем, сыграет ли трубная медь,
Повержены ль будут хорваты, —

---

¹ Автор пишет этот текст накануне матча. Как и 56 процентов населения России, он верит, что мы пройдем в полуфинал. Как и 86 процентов населения России, он знает, кому мы этим обязаны. Как и 146 процентов населения России, он знает, что итог матча на нашу победу уже не влияет.

Но те, кто не хотят за наших болеть,
С гарантией будут порваты.
Конец либерастам! Разгром сволочью!
На сборную вы не пеняйте:
Два тайма уверенно сводит вничью,
А там победит по пенальти!

Футбольное поле, заветная пядь!
Мы ждали такого итога.
Соперников незачем нам покупать —
Купили мы Господа Бога.
За нефть ли, за газ ли — гадать не хочу,
Но сколько вы мяч ни пинайте —
Гибридные схватки мы сводим вничью,
А Он помогает с пенальти.

Цепочка побед: восхищенное «Ах!»
Срывается с девичьих губок.
И Крым уже наш, да и Трамп уже, нах,
И мост, и почти уже кубок.
**Про выборы в марте уже я молчу,
Вы сами про них вспоминайте.
И санкции тоже свели мы вничью,
Избави вас Бог от пенальти.**

У вас против Кости Сапрыкина нет
Ни права, ни лева, ни слова,
Ни акций Сенцова, ни звонких монет,
Ни нового Глеба Жеглова.
«За наших парней!» — я с трибуны кричу.
Давайте, ребята, финальте.
История кончилась как-то вничью.
Настала эпоха пенальти.

Отвага и наглость берут города,
И нас не спихнуть с пьедестала:
Неважно, что не было так никогда,
А важно, что так уже стало.
Так громче, музыка, играй победу!

Мы победили — и враг бежит, бежит, бежит.
Так за царя, за Родину, за веру
Мы грянем громкое оле, оле, оле!

Двое

Сцена изображает скромную комнату с хорошей изоляцией. В ней беседуют двое немолодых мужчин — ПОБОЛЬШЕ и ПОМЕНЬШЕ.

ПОБОЛЬШЕ:

Наконец прошел сквозь эту дверь я, наконец-то мы наедине! Жуть, как я устал от лицемерья в этой искалеченной стране. Ты мне брат по разуму, по крови, это не приманка и не лесть. Там я должен врать на каждом слове — хоть тебе могу сказать, как есть!

ПОМЕНЬШЕ:

Да, не зря мы ликовали стоя, честной аплодируя борьбе! Нечто очень близкое, простое в первый час почуял я в тебе. Каждый в этом мире нездоровом, видя норму, злится и дрожит. Говорят, ты нами завербован. Нет! Ты просто Правильный Мужик! Ты боец, соратник в нашем вкусе, брат по духу, бабкам, куражу...

ПОБОЛЬШЕ:

Я сказал бы даже: **Grab the pussy!**

ПОМЕНЬШЕ:

Grab the Pussy Riot, я скажу.

ПОБОЛЬШЕ:

Мы должны совместно править миром, раз пошла такая полоса. Нам бы посидеть подольше, милым.

ПОМЕНЬШЕ:

Три часа! Есть только три часа!

ПОБОЛЬШЕ:

Ну, поделим сферы. Ваша сфера, все, что ты вовеки не отдашь, — бывшее пространство Эсесера. Крым, само собою, тоже ваш. К черту Петю, этого иуду. Черт с ней, с вашей северной трубой. Вслух пока об этом я не буду, но в душе, ты знаешь, я с тобой. То есть можно действовать свободно, можешь даже в выборы залезть, — в Сирии, в Донбассе, где угодно, чтобы я не знал, что вас там есть.

ПОМЕНЬШЕ:

Да и мы тебе не режем крылья. Мы не зря трудились двадцать лет, видишь сам — предприняты усилия, так что нас почти уже и нет.

ПОБОЛЬШЕ:

Я тебе соперник и товарищ, я и сам поплавал бы в Крыму! Санкции... но ты же понимаешь. Снять нельзя, а новых не приму. Что до ваших внутренних позиций, оппозиций, чемодан-вокзал, — Ким Чен Ын, товарищ круглолицый, всем пример в Корее показал. Вслух сказать нельзя из политесу, только, между нами говоря, я и сам бы собственную прессу расселил в такие лагеря.

ПОМЕНЬШЕ:

Вообще — давай поддержим Ына, в пику европейским подлецам. Я почти люблю его, как сына.

ПОБОЛЬШЕ:

Да, сообразительный пацан.

ПОМЕНЬШЕ:

И, конечно, этого укропа надо слить...

ПОБОЛЬШЕ:

Сольется и само. Вообще, скажи, Европа — жопа?

ПОМЕНЬШЕ:

Точно, жопа. А Обама — чмо.

ПОБОЛЬШЕ:

Я почувал с первого же взгляда — ни к чему напрасно голосить, все ты понимаешь так, как надо! И давно хочу тебя спросить: судя по тому, как ты с народом... как юнцов прессуешь и старье... ну признайся, ты ведь тоже продал?

ПОМЕНЬШЕ (*понижая голос*):

Что? Ее?

ПОБОЛЬШЕ:

Естественно, ее.

ПОМЕНЬШЕ:

Да, я так и знал. Ты тоже, что ли? Так оно и видно. И давно? Я еще, ты знаешь, в высшей школе — там на входе так заведено.

ПОБОЛЬШЕ:

Да, у наших тоже так ведется. Очень понимающий народ. Я-то — после первого банкротства: обещал спасти — и видишь, вот...

ПОМЕНЬШЕ:

Ну, о'кей. Подписывай бумаги. Нам пора к народу.
Я пойду. Если что, увидимся в Гааге.

ПОБОЛЬШЕ:

Если ж нет, то встретимся...
(звукоизоляция заглушает его голос).

Неюбилейное

*Владимиру
Маяковскому!*

Сто двадцать да пять — не совсем юбилей,
Не повод стоять в карауле.
И мог бы я повод найти покруглей,
Но трудно сказать — дотяну ли.

Беседа со статуей — сбывшийся сон
Довольно кошмарной окраски;
Открыл эту тему ваш друг Яacobсон —
Боюсь, не без вашей подсказки¹.

— Владимир Владимыч, мне дороги вы, —
Сказал бы я бодро и хлестко,
Но так обратиться сегодня, увы,
Мешает ваш царственный тезка.

— Ну что там в последние несколько лет? —
Вы спросите с трепетом явным,
И можно бы дольником рыкнуть в ответ,
Как вы подсюсюкнули ямбом.

Но как-то не хочется. В нашей судьбе
Уместней теперь амфибрахий.
Чего тут ни скажешь — а эхо тебе:
— А на х...? А на х...? А на х...?

---

¹ Роман Яacobсон, «Статуя в поэтической мифологии Пушкина» (1937).

Унылы последние несколько зим.
Давно уже вас не читают.
«Воруют», — когда-то сказал Карамзин,
А я бы ответил — пытаются.

— Пытают?! С чего бы подобная страсть?
Не ждите суждения резкого:
Сегодня почти уже нечего красть,
Пытать же пока еще есть кого.

Смирился давно угнетаемый класс,
Постправда скучна и щеляста...
— Что делать? — спросить подмывает у вас,
Но вы же сказали: стреляться.

Ответ неуместный: ни пуля, ни жгут
Не сладят с подобной эпохой.
Сказать «Не дождутся»? Они и не ждут.
Им это давно уже пох...

Как быть обитателям новой Москвы?
Мне кажется, бронзовый прадед
Их учит стоять. Неподвижно. Как вы.
Вы памятник, вас не посадят.

**И с вечным культурным запасом своим
И с лирикой нашей опальной
Мы все эти мерзости перестоиим,
Как вы на своей Триумфальной.**

История крутится, как колесо,
Хотя и скрипит непристойно.
И вы увидали, как рухнуло все,
И жить ради этого стоило.

Напрасны надежды. Бесмысленна брань.
Цель жизни — скажу без злорадства —
Увидеть, как рухнет какая-то дрянь.
А там уже можно стреляться.

Блаженная вспышка среди муторной тьмы,
Просвет среди гнили и рухляди!
Увидим — и рухнем счастливые мы,
И вы с облегчением рухнете.

Санкционное

Дворовый романс¹.

Как-то хочется мер радикальных в нашей бурной гибридной войне, как-то хочется санкций зеркальных, симметричных мечтается мне! Полюбила ты, падла, другого — лох и ботан, пардон и мерси, — говоришь: не ходи ко мне, Вова, не ходи и цветов не носи! Я пойду тебе, сука, навстречу в нашей общей гибридной борьбе, я тебе симметрично отвечу, я зеркально отвечу тебе — позабудь меня, гнусная цаца, я теперь тебе классовый враг, не ходи ко мне больше встречаться, несмотря что не ходишь и так! Мне неважно, кому ты и где ты, — хоть араба, хоть негра ласкай: не таскай мне, зараза, конфеты и в коробке духи не таскай. Не корми меня в нашей столовой, я к подачкам твоим не готов, и гитарой своею дворовой не шугай моих жирных котов, не ходи с серенадой своею под подвальное наше окно, несмотря что котов не имею, но зато тараканов полно.

Посреди твоих прелестей знойных, — я их помню, хотя я изгой, — между ног твоих длинных и стройных наблюдается нынче другой. **С новым мужем ты селфишься в блоге, с новым мужем ломаешь кровать, свои длинные стройные ноги мне уже не даешь целовать.** Я зеркально отвечу в итоге, я жестоко тебе отомщу, свои толстые грязные ноги целовать я тебе запрещу. И в утехх своих буржуазных в санкционной войне половой ты без ног моих толстых и грязных будешь биться об пол головой!

— Я устала от пьяного блева! — гордо морщишь ты рожу свою. Что ж, пускай тебе будет хреново, я в ответ у себя наблюдаю. И в соитье своем безотрадном пусть долбит тебя

---

¹ Данный романс является чисто лирическим произведением, без всяких намеков на геополитику.

скучный еврей, но блевать в моем пыльном парадном ты теперь симметрично не смей, никогда меня в лифте не лапай, у дверей не устраивай драк и на стенах моих не царапай свое грязное, пошлое «Fuck».

Отдавайся ты хоть эфиопу, раз не нужно тебе гопоты. Я любил ущипнуть твою попу, чтоб с игривостью взвизгнула ты, — но уж раз мы скатились к окопу и к войне откровенной такой, запрещаю щипать мою попу и одной, и другою рукой! Сам щипать себя буду за попу, сам до крови себя исщиплю, все стерплю, уподобясь холопу, а тебя я уже не люблю.

Не смехи моего искандера, и пускай он не знает манер — у другого и деньги, и дело, у меня же один искандер. И когда ты в пылу адюльтера отдаешься соседу-врагу — я чешу своего искандера и отчасти забытья могу. Я чешу своего искандера, повторяя среди забытья: я люблю тебя, падла, холера, ненаглядная курва моя! Я готов, если надо, побриться, я тоской и бездельем пропах, я готов бы от скучного БРИКСа побежать бы к тебе на руках! Но настала эпоха возмездий, непонятка в пацанской судьбе.

Так пойду и нагажу в подъезде, но уже, к сожаленью, себе.

Искусительское

Прекрасная штука — домашний арест! Прекрасно к домашним вернуться, помучась. Мне кажется, Родина, — вот тебе крест, — что это почти идеальная участь: как будто с доставкой на дом тюрьма, как будто она одомашнена, что ли. Она наименее сводит с ума из всех разновидностей здешней неволи. А взрослый ты людь или выросший деть — не так уже важно: для юных и старших куда безопаснее дома сидеть, чем в гости ходить и участвовать в маршах. Во время российских мучительных зим, надежно прикручены к женам и детям, мы все под домашним арестом сидим и даже порой упиваемся этим.

Приятно, что пару российских невест, которые тут в заключении кисли, решили спихнуть под домашний арест; но дело наводит на разные мысли. Ведь все это дело в столице родной (которое скоро дойдет до финала) — итог про-

вокаций спецслужбы одной, которая часто название меняла. Мы все-таки должное им воздаем: грешно уважать, но бояться их надо. У них провокация — главный прием, поскольку они представители ада; Господь отвернется, и тут они — шашь! Ведь у искушителя, у святотатца от века задача одна — искушать. А наша задача — ему не поддаваться. Он якобы мыслит, он морщит чело, трюизмы софизмами обезобразив, — но больше не может совсем ничего, как нас провоцировать, чисто как Азеф. Впервые попался он в давнем году, когда, подведя к запрещенному дереву, он стал провоцировать в райском саду одну чересчур любопытную Еву; его провокация там удалась, прогневал он Господа делом нечистым и был ниспровергнут в зловонную грязь, где ползает, как подобает чекистам. Хотел он, чтоб Господа Иов хулил, диктуя ему соблазнительный ропот, — но Иов его, как известно, спалил, поскольку имел убедительный опыт. Иной открывает доверчиво рот, и ушки развесит, и глазки разинет... Он всех искушает — и каждому врет. Он всем обещает — и каждого кинет. Он в курсе потребностей каждой среды, с годами он действует все совершенней, и нынче повсюду я вижу следы его извиваний, его искушений. Как свой, он давно квартирует у вас, залившись в соцсети, купив телящик: одних справедливостью сманит в Донбасс, другого романтикой в заговор втащит... Останкино — главный его постамент, там прямо клопочет зловонная бездна. И все-таки главный его инструмент — внушать легковерным, что все бесполезно.

— Смотрите! — шипит он. — Мне жаль бедолаг, которые верят в империю света. Уже ведь пытались — а вышел ГУЛАГ, и снова пытались — и вышло вот это... Здесь не о чем дальше вести разговор — верней получить эмигрантскую визу; в России работает только террор — бьет, что сверху, но можно и снизу... Не лезьте к народу, они не поймут. При первой возможности рот вам залепят. Здесь могут воздействовать бомба — и кнут; все прочие планы — бессмысленный лепет. Хотите менять — запишитесь ко мне, мы Новым Величьем зовемся отныне; хотите терпеть — оставайтесь вонне, на верном диване, на сытной чужбине, учитесь терпеть до скончания лет, в зловонном туманце, в распутице серой, и помните твердо, что выхода нет. Лубянка питается этой верой.

Вот это и помните: истинный враг — не злой силовик и не доблестный витязь, а этот шипучий, ослизлый червяк. Они искушают. А вы — не ведитесь.

Два бойца

Когда Боширов и Петров, друг друга запала, травили, чтоб он был здоров, Сергея Скрипаля, а копы, черт их побери, валяли дурачка, — когда следили на двери флаконом «Новичка», осуществляя свой блицкриг, как повелела власть, — случилось им на краткий миг под камеры попасть. Теперь портреты этих двух, Британии грубя, Лавров высмеивает вслух, а лидер про себя, — но это признаки Суда, почти его финал. Я их не видел никогда, но тотчас же узнал: и эту выпуклую грудь, и впалое чело... Мы их не выдадим отнюдь. Ха-ха, еще чего! Ужели надо объяснять простейшую матчасть? Их можно выследить, заснять, распространить, проклясть, но не поймают этих двух ни мистер, ни мусьё. Как можно выдать русский дух? Почуять — да. И всё.

О, как я знаю этих двух! Так пахнет жизнь сама: дух ожиданий, дух разрух, и горя от ума! Как пахнет пеплом и золой, пустыней нежилой, где слева следователь злой, а справа тоже злой! Я узнаю всего верней, как на дверной скобе, их отпечатки на своей работе и судьбе. Да что там я — ничтожный прах, нагар большой свечи! Судьба Отчизны в их руках, растущих из (молчи). Два вечных друга, два бойца в невидимой броне, побитых молью слегонца, но все еще вполне, — я узнавал их столько раз на всех своих путях, в сетях, раскинутых на нас, а также в соцсетях!

Два верных друга без имен, как водится в ЧК, Петров и Васечкин времен чекистского крючка, на вид обычная урла, однако, между тем, модель двуглавого орла, Евразия, тандем, — заметь, они всегда вдвоем, как слово и мотив, в дуальном облике своем Россию воплотив. Как тот Равшан — а с ним Джемшут, а может, русский Глеб; как щит и меч, «Король и шут», как лук и черный хлеб, как Чук и Гек, шафран и плов, стакан и полуштоф, еврейский Ильф и наш Петров (Петров! Везде Петров!). Бредут собянин-

ской Москвой и горной Тебердой, крепки, как орган половой у особи молодой, один с квадратной головой, другой же с бородой, несут флакон с водой живой и с мертвою водой.

Вперед, Боширов и Петров, герои смутных лет. Над вами Родины покров, за вами дымный след. Вас ждет гибридный вечный бой, его не завершить. Ваш долг — архангельской трубой планету оглушить и водрузить российский флаг на логовище змей, на наш сегодняшний Рейхстаг, где ждет Тереза Мэй.

Дуэльное

Исполняется на мотив «Хоть Бог и запретил дуэли».

Хоть Бог и запретил дуэли, — и вряд ли их введет режим, — но вы настолько... (надоели), что мы, пожалуй, разрешим. Друзья «Орленка» и «Зарницы» чтут офицерство лет с пяти; вы переходите границы — и мы готовы перейти. Раз вы по собственной же воле стремитесь к этакой беде, и если не хотите боле триумфа в собственном суде, и раз вы бьете наших деток, и ни один из вас досель не пострадал ни так, ни этак, — то почему бы не дуэль? Ведь даже Пушкин, русский гений, был боевит, что твой сармат; нужна лишь пара уточнений, чтоб представлять себе формат, а то ведь вызов неформальный. Задел Навальный вашу честь, но, так сказать, сидит Навальный. Выходит, вы хотите сесть? Хотя вы воинский начальник, и грудь в наградах от и до, и в карате отнюдь не чайник, и, разумеется, в дзюдо, — но раз вы вызвали сидельца, то, рассуждая по уму, чтоб изувечить это тельце, вам предстоит сойти к нему. Хотя бы ради поединка — сойдите к узникам на миг; ей-богу, славная картинка — глава Росгвардии среди них. Пусть против силы выйдет сила, пускай ответит, троглодит. А то выходит некрасиво: вы не сидите, он сидит...

Но ради чести и гражданства, раз вам не хочется в тюрьму, вам можно выхода дожидаться и ночью встретиться ему. Какой восторг, какие фотки для юных блогеров Москвы: Навальный — шашь из-за решетки, а тут как раз стоите вы, при всем параде, словно в раме, в фуражке, в тельнике, всерьез, грозя руками и ногами

его по заднице того-с. Ногою, с маху, в полукружья, потом рукою между глаз... Однако в выборе оружия свободен вызванный как раз, хоть он и мыслящий инако, и враг, и плут, и гниль, и прель... Иначе это будет драка, а совершенно не дуэль. Мы знаем, вы, конечно, вправе, сперва навесив всех собак, в свободной нашей сверхдержаве его мутузить просто так, хоть впятером, без всяких правил, усердно, дружно, горячо, — Песков же вам уже подставил свое надежное плечо! Мы знаем, что Навальный — бяка. Вольно ему из кожи лезть! Но, повторяю, это драка. Тогда, пардон, при чем тут честь? Избить Навального из мести вы, разумеется, вольны; мы и не ждем особой чести от новых символов страны, как от осинок — апельсинок, как жирных пенсий — от сумы... Но вы сказали: поединок. Сказали это вы — не мы. Навальный вам не «Pussy Riot»: мужчина, весящий под сто. Пускай оружие выбирает — хоть огнестрельное, хоть что. Оно, конечно, вы — начальство, но за домашний свой арест он сам неплохо накачался, и «Доширак» исправно ест. Противник, думаю, достойный. Вы славно завершите год: рэп-батл «Оксиморон и Гнойный» на этом фоне отдохнет. А то, серьезно, взяли моду — при одобрении отцов на безоружную свободу спускать с дубинками бойцов! Чуть кто-то выйдет — сразу нате: и по мозгам, и в автозак... Ей-ей, дуэль в таком формате надоедает на глазах. Вопрос уже насущно вылез: я сам за власть и за режим, но если вы вооружились, давайте всех вооружим? Иначе это не дуэли и называется не так, а как? «Россия в беспределе». «Позор». «Бесчестие». «Бардак».

И вообще скажу вам, братцы, — не надо мне «призывы» шить, но вы же утомитесь драться, коль поединки разрешить! Не ждали вы таких сюрпризов? Боюсь, что в наши времена последний выход — это вызов, а больше шансов ни хрена. Спустились мы к такой ступени — спасенье в шпаге и плаще. Ни суд, ни жалобы, ни пени не помогают вообще. Мы можем шею гнуть тряпично, но можем вдруг включить умы: вы вызываете? Отлично! Но можем вызвать вас и мы — пусть нас рассудит воля Бога! Пусть он подаст последний знак!

А слов мы знаем очень много. Гораздо круче, чем «слизняк».

В России слух пронесся адов: мы по заслугам огребли и не получим наших вкладов. Сдал баксы — выдадут рубли. А кстати, я, даю вам слово, — пока резвилось большинство, — всю жизнь чего-то ждал такого, не ждал другого ничего. Я даже склонен улыбаться. А вдруг решением Москвы тут запретят хождение бакса? Кто возразит? Ни я, ни вы, поскольку в силу здешних правил политика запрещена. Концерн «Калашников» представил на днях оружие «Стена»: в Сети, конечно, ты аноним, но кто ты есть перед стальной, перенасыщенной ОМОНОм, в тебя стреляющей стеной? Что ты предъявишь, кроме всхлипа, почти неслышного в ночи? «Я тут вложил... отдайте, типа...» Они ответят: получи.

Ты только зря себя измучишь, России бедный старожил; ты, разумеется, получишь, но не того, чего вложил. И в том — закон России главный: коль лидер бабки отберет, не говори, что тут бесправный и несознательный народ, что виноваты в Центробанке, что это кризис и распил, что кое-кто присвоил бабки и где-то яхту прикупил, — ты до сих пор понять не можешь, смиряя внутреннюю дрожь, что если тут чего-то вложишь, то уж назад не заберешь.

Таков удел страны-изгоя, магическое решето: ты забережь совсем другое. Вложил одно, а взял не то. Виновны здесь не англосаксы, не агрессивный внешний мир: ты положил, допустим, баксы, а вынул мягенький папир¹. Припомни сам — давно когда-то на трон от ельцинских щедрот сажали вроде демократа, а вышел кто? А вышел — вот. **Идут загадочные годы, вокруг меняется среда — вошли свободные народы, а вышли злобные стада; ты, так сказать, старался с детства, пахал, вставая до зари, вложил таланты, силы, средства, а вынул — вот. Благодарю.** И ни один мыслитель-глыба не переменит жизнь твою: вложил себя? Скажи спасибо, что я хоть это отдаю. Ты изменить того не можешь, что от рождения дано, поскольку все, чего ни вложишь, — все превращается в оно. Послушай умного поэта, не нужно каяться вдогон: все конвертируется в это — зато уж этого — вагон.

---

¹ Неужели это нуждается в переводе?

Кто хочет честного покоя и справедливого труда — вложись во что-нибудь другое. Вложить, ей-богу, есть куда. Давно об этом догадались Стравинский, Дягилев, Шагал...

А копь вложил сюда хоть палец — прости. Ты знал, куда влагал.

Баллада о перевоспитании

В одном пространстве, где патриархат
Равно пассионарен и неистов,
Готовы взять российских футболистов
На перевоспитание в «Ахмат».
До этого — могуч, велик, богат, —
Патрон непобедимого «Ахмата»
Уже забрал безвестного фаната
На перевоспитание в «Ахмат».

Хабиб Нурмагомедов тоже рад
Уже публично с Тимати мириться.
Он друг, он брат — и взят, как говорится,
На перевоспитание в «Ахмат».
И если наш смиренный автократ
Смиряется расправ под нашим кровом, —
Послать бы и Баширова с Петровым
На перевоспитание в «Ахмат»!

Ахматову люблю я, не солгу.
Ее «Могу!»¹ звучит сильнее набата,
И кажется, из области «Ахмата»
Звучит все то же властное «Могу».
Пока мы спим, как только в детстве спят²,
Хамя сквозь сон партнерам и соседям, —
Мы даже и не чувствуем, как едем
На перевоспитание в «Ахмат».

Я думаю, «Ахмат» — грядущий строй.
Он воцарится тут в течение года —

---

¹ «И я сказала: — Могу» («Реквием»).

² Из «Второй баллады» Пастернака.

По мере совершенного развода
С бежавшей юго-западной сестрой.
Сначала для порядку поворчат,
Но коль Донбасс ему альтернатива, —
Все ринутся, как лемминги с обрыва,
На перевоспитание в «Ахмат».

Как учит нас историк Гумилев,
В России воцаряется химера¹.
Нимало не завися от размера,
В ней побеждает та из двух голов,
Где меньше ропщут, меньше говорят.
Кавказцы, европейцы, азиаты —
От Кушки до Парижа будут взяты
На перевоспитание в «Ахмат».

Все перешли в один видеоряд.
По мнению продвинутых авгуров,
Преемник утвержден, и вот Евкуров
Уже перевоспитан, говорят.
Российские верхи на этот ад
Пока еще любят из ложи,
Но если что, поехать могут тоже
На перевоспитание в «Ахмат».

Короче, весь российский маскарад,
Пропагандисты, лидеры протеста, —
Мы скоро все поедem, если честно,
На перевоспитание в «Ахмат».

Не трогаясь, боюсь, при этом с места.

---

¹ «Химера — форма сосуществования двух или нескольких несовместимых этносов разных суперэтнических систем, при котором исчезает их своеобразие. Выросшие в зоне контакта люди не принадлежат ни к одному из контактирующих суперэтносов, каждый из которых отличается оригинальными этническими традициями и ментальностью» (Валерий Демин).

Вручили «Новой» голову баранью, по умыслу неведомых трольчат. Я думаю, хреновому изданию подобную посылку не вручат. И вот я сплю, зане уже не рано, и в смутном сне — трагическом, увы, — я думаю про этого барана: а как он там живет без головы? Живет он ничего себе, не скрою. Он превратился в местный идеал. Ему труднее было с головою, она ему мешала, он страдал, на совести его зияли раны, он часто думал, выживет ли впредь, — тогда как бестолковые бараны в Отечестве способны преуспеть. Он горделиво принял этот вызов, он сам себе внушает — отожги! Читает прессу, смотрит телевизор — и лучше понимает без башки! Она ушла, но он не уничтожен: он не в котлете, он не в колбасе, и на работу взял его Пригожин — там у него, боюсь, такие все. С ним задружились остальная челядь, получше стало с жизнью половой... Читай: «В Россию надо только верить» — но это трудно делать с головой! Зато теперь, когда он безголовый, — он много здоровее, зуб даю; он с новым другом, он с подругой новой, он в большинстве, он в массе, он в строю, он в осажденной крепости, в оплоте духовности, духовность он сама, и радости освобожденной плоти не отравляет критика ума, хотя бы и бараньего. Европа ль постигнет нас или поддержит нас? Отныне никакой Константинополь его душе бараньей не указ, а в голове, ей-богу, проку нету, и лучше без особенных затрат ее подкинуть в «Новую газету», где тоже головастые сидят. Пусть там она лежит в стеклянной призме. Ему она без надобы пока. Ни при царизме, ни при коммунизме он не имел такого курдюка! Курдюк хотя и мыслит еле-еле, но чувствует родство и торжество, и он всего главней в бараньем теле, поскольку составляет большинство. Зато он не майданен, не оранжев, готов сражаться, если призовут...

Но и во сне я думаю: а как же? Без головы же вроде не живут! Ведь это смерть! Во сне я холодею и факт бараньей смерти признаю; но он же умер чисто за идею, поэтому он должен быть в раю! В раю, где иностранцев нет в помине и все как прежде, хоть не умирай: ведь раз его убили в русском мире, он после смерти забран в русский рай, парадоксальней всякого Эйнштейна. Он заперт в окружении

стальном, он в камуфляже весь, он чист идейно — и абсолютно грязен в остальном. Все прочие ютятся где-то рядом и санкционку хавают свою, — но прочий мир в раю считают адом. Нерусские не могут жить в раю. В раю текут загрязненные реки, все время носят ватное пальто и перемены не может быть вовеки, и вечно правит угадайте кто; там не война, но все к войне готово, там нет детей, а лишь сыны полка, — подобный рай возник в уме Стрелкова или иного адского стрелка; там любят пострадать — и все страдают. Немыслим там пиндос или еврей. Кто хочет жить — туда не попадают. Кто хочет жизнь отдать, и поскорей, за лидера, за Родину, за Бога (который позабыл весь этот бред) — тому туда кратчайшая дорога. И выхода, боюсь, оттуда нет.

И вот очнулся я, и как ни странно — хоть «Новую» пугают не впервой, мне как-то жалко этого барана, который так не дружит с головой. Ведь он не сам отдал ее, ребята. Ведь отняли какого-то рожна. Ведь он хоть курдюком поймет когда-то, что иногда она ему нужна, она не зря отягочала шею, не просто так попала под топор...

Когда-нибудь он явится за нею.

Мы сбережем ее до этих пор.

Новая песня о Родине

Выгнали пиндосы Меган Келли, выгнали, паскуды, с NBC. Хорошо б теперь ее пригрели, как сказал Клейменов, на Руси. Но Клейменов — человек опрятный, ничего не скажет от души. Пригласил — и сразу на попятный: мы шутили, Меган, не спеши! Ну а я скажу: какие шутки?! Заслужила, кажется, сполна. Перепреет еж у нас в желудке — значит, приживется и она.

Шум, скандал, ничтожная придирка — и звезда покинула экран: снять могла бы фильм не хуже «Цирка» пара Симонян — Кеосаян! И в финале, с нею маршируя посреди нацистских школяров, запевал бы после поцелуя Соловьев, как прежде Столяров: «Широка страна моя родная! Широка и в суше, и в воде. Я другие страны тоже знаю, даже дачи строю кое-где, — но увы, имеются примеры, в прессе освещенные не раз, что в другой стране такой ка-

рьеры не построить людям типа нас. Широка страна моя родная для таких, какие бьют с носка, — гопника, лгуна и негодяя. Для других зато она узка. Вот и пусть бегут куда пошире, дальше от таких, как я и ты! Мало ли осталось места в мире, где еще не любят гопоты?»

Я прошу: возьмите Меган Келли в логово останкинских волчат. Те, что раньше телик не смотрели, ради Келли вновь его включают. Ясно, что она не из монашек, что она не склонна льстить толпе, — ей теперь, конечно, мстят за наших, за ее беседы с ВВП. Повод для критического вала: «Ей по нраву русский произвол!» — да. Но ведь она и не скрывала: очень впечатленье произвел. Женщины, реднеки¹ и подростки ценят эти качества сполна: он такой дружинистый и жесткий! Было видно: таяла она. **Этого-то ей и не простили — явственной симпатии к Москве. Придрались в своем привычном стиле к шуточке о черном меньшинстве, ибо там свирепствует цензура, чуждая свободному уму, и ее отважная натура не вписалась в ихнюю тюрьму!** Власть магнатов никуда не делась, сплотка олигархов и ворья. Помнится, еще Анджела Дэвис сильно пострадала от нея.

Вообще Россию за наши годы, сколько ей диктатором ни грозят, я назвал бы островом свободы, словно Кубу сорок лет назад. Вон Альбац разводит трали-вали. Как о язве, ноет о прыще. Тоже мне — ее оштрафовали! Меган вон уволили вообще. Выгнали пинками, честь затронув, — вот он, вашингтонский их содом! — и зажали пятьдесят лимонов, честным заработанных трудом. Действуйте, Клейменов и Милонов, нравственности истинной редут: неужели пятьдесят лимонов беженке несчастной не дадут?!

Я и сам не верю, что дождался: хлынет к нам сочувствующих рать, потому что местное гражданство обещают за просто давать. Это ж, братцы, дважды два четыре, аксиома, Господи прости: хочет кто прижиться в русском мире — храбреца не думайте спасти. Пусть он едет в славный край единства, грабежа, забытого стыда, пусть он сам, на шкуре убедится, — на слово не верят никогда! А в порядке честного обмена — тех, кого в последние года русская отвергла

---

¹ Реднеки (англ. rednecks — красные шеи) — жаргонное название белых фермеров, сельских жителей а США.

ойкумена, можно бы как раз забрать туда: говорят же наши генералы — всех бы вас в Нью-Йорк и Голливуд, чтоб узрели наши либералы, как там безработные живут! Как бы их приветствовали, что ты! Тут бы им и вольницы, и труд... Но они ж не едут, патриоты. Все, как мыши, давятся, а жрут.

Требуется новейшая эпоха, ядерная русская весна, всех забрать, кому в Европе плохо, всех, кому Америка тесна, чтоб майдан от зависти запрыгал, чтоб борцы воспрянули везде, — посмотрите, как прижился Сигал, как расцвел в Саранске Депардьё! Оглядишься, планета, раскумекай, где духовность чистая жива. Мы ж в двадцатом веке были Меккой всем борцам за вольность и права. Штатовцы в раздоре и развале нашей исстрадавшейся земли нашу индустрию создавали! (Правда, мы рабами помогли.) От своей депрессии великой ехали под сень родных осин, — а сегодня, сколько их ни кликай, съехал только Сноуден один. Видимо, годимся в этот раз мы, в скрепно-послекрымской полосе, как альтернатива смертной казни; да и то еще хотят не все. Если не возьмете Меган Келли в нашу путинистскую бранжу — я скажу: вы просто опупели. Впрочем, это я и так скажу.

Вообще-то я надеюсь втайне: гости нам на пользу искони, так что это б выручило крайне, если б к нам поехали они. Может, эстафету нашу примут, ближе увидав Россию-мать? Может, оппозицию поднимут, как смогли промышленность поднять? Потому что, скажем, Меган Келли, увидавши местные дела где угодно, хоть в «Вестях недели», — многое бы сразу поняла, и она, в отличие от прочих, столь привычных к робкому шу-шу, непременно вышла бы на площадь...

Меган Келли! Милости прошу. Если все настолько опопсели нынешним унылым октябрем — пусть протест возглавит Меган Келли.

Мы ей денег лично соберем.

Попытка фарисейства

Думаю, сидеть не должен Хаски, бит-поэт, кумир
угрюмых дев.

Думаю, и без моей подсказки выйдет он, недолго просидев.

Тонкий лирик, мастер ассонанса, эхо злых окраин,
то да се...
Если он в сизо обосновался — будет хуже только для сизо.
Рэперу нельзя казаться милым: монстр, агрессор,
мальчик для бритья...
Говорят, он связан с «русским миром» и хотел заткнуть
таких, как я, —
Так и пусть его. Скажу без чванства, без обид: у нас
другой раён.
Должен же я чем-то отличаться от него и от таких, как он.

**Кое-кто, напрягши средний палец, троллит патриотов показательных:
Мол, они за наших не вступались — так и мы не вступимся за них.
Принципы — они себе награда: я вступлюсь, блистателен и смел,
Даже за кричавших «Так и надо!» в день, когда Серебренников сел.**

Пусть они и дальше дружно гадят в собственную смятую
кровать:
Если я дождусь, что их посадят, — все равно не буду
ликовать.
Буду защищать посредством слова, власть
о снисхождении моля,
Соловьева?! — да, и Соловьева. Киселева?! — да,
и Киселя.

Лгавших, истеривших, клеветавших, дружно исходивших
на говно,
Планку уронивших, причитавших, что сажают мало, —
все равно.
Ваши убеждения противны, но за ваше право тут вонять
Буду биться, хоть и неспортивный. Вам, боюсь,
такого не понять.

Подсчитавши строго, как тарифщик, все грехи и каждую
свинью,
Защищать я буду всех травивших, щедро отравивших
жизнь мою —
Не ее одну, а воздух в целом; весь наш необъятный регион
Тоже отравивших между делом, так что прежним вряд ли
будет он.

Буду защищать неумоимо, праведным сочувствием дыша,
Как моя соседка Антонина — своего родного алкаша.
С сочетаньем гнева и печали, привлекая телик и печать...
Только посадите их вначале.
А иначе фули защищать?

Баллада неприютности

Увы мне, вольному повесе!
Забудь давнишнюю мечту:
Я не прочту стихов в Одессе
И лекций тоже не прочту.
В приморский град и Киев дивный
Зимою, как заведено,
Я ехал не за длинной гривной,
Но не допущен все равно.
Я собирался по старинке,
Своих пристрастий не тая,
Читать о Лесе Украинке —
Но там теперь не до нея.
Понятно даже и ботинку,
Что я намерен под сурдинку,
Со скромной миной чудака
Среди бесед про Украинку
Создать в Одессе ЧВК¹.
Уже БГ с его командой
Свои концерты перенес:
Глядится он Вивеканандой,
Но что под маскою — вопрос
(Я лично с ним знаком, канальей,
И он в душе единоросс).
**Запретна сочная свинина
Для исламиста и раввина,
Баку закрыт для армянина
Уже неполных тридцать лет,
А мне закрыта Украина —
Не потому, что я вражина,
А потому, что я мущина
И мне шестидесяти нет.**

---

¹ Частная военная компания.

Да! Мы, простые менестрели, —
Чего мы, собственно, хотели?
Хоть мы не в соловьевском теле-,
Не в киселевском колесе,
Хоть не стремились изолгаться
В программе гордого афганца¹
Или в симоняновской тусе,
Хоть не привыкли обретаться
В программе гордого британца²,
Изысканного, как Мюссе,
Хоть мы слегка протестовали,
На власть проклятую кивали,
Хоть кое-где публиковали
Свои протестные эссе,
Писали резкие плакаты
И восставали против ваты,
Хоть мы ни в чем не виноваты —
Но отвечать мы будем все.
Допустим, в городе Берлине
Или в отчизне Муссолини
Один играл на клавесине,
Другой вытачивал весло,
Один исследовал натуру,
Другой любил соседку-дуру,
А третий изучал скульптуру
Или другое ремесло,
Четвертый сеял в поле чистом,
А пятый реял в небе мгlistом,
Шестой считался гуманистом —
Но их все это не спасло.

Я кони, так сказать, не двину.
Соседний край, не обессудь, —
Я сам не рвусь на Украину,

Вы там не ангелы отнюдь;
Увы, я слышу не впервые,

---

¹ Г-н Шейнин.

² Г-н Брилев.

Что мы рабы, а вы святые,
Что мы привычно клоним выи,
Что я сатрапа выбирал,
Что мы в полете и в разносе,
И под пятой рябого Оси,
И что на киевском вопросе
Сдыхает русский либерал;
Увы, давно меня не гложет
Ни эта злость, ни похвальба,
Ничто привлечь меня не может
На ваши пышные хлеба,
Но, черт возьми, меня тревожит
Моя грядущая судьба.

Помимо вольной Украины,
Бывают прочие края,
Но ныне в мире нет картины,
Какой бы мог прельститься я.
Европа есть — ее равнины,
Ее поляны и куртины,
Но там я сделался врагом,
Там тоже всюду карантин
И тоже санкции кругом;
Американцы все, скотины,
К нам поворачивают спины,
Канадцы с ними заодно,
А на просторах Аргентины
Кругом ужасные латины,
Они вдыхают кокаины
И смотрят скучное кино;
В голодной Африке — трихины
Холеры, СПИДа, скарлатины,
Неуязвимые для хины
И для обычной медицины;
Пираты, воры, ассасины,
Жара, наемники, лгуны,
И все враждебны, все едины,
Для всех мы данники вины,
Посланцы путинской путины,
Его приевшейся рутины

Его коварной паутины —
Шпионы, хакеры, скины...
А уж российские трясины
Для жизни вовсе не годны.
Боюсь, нас примут только льдины,
Пространство вечной холодины,
Где обитают лишь пингвины —
России верные сыны.

Памятник

В каком-то смысле это благо — не смею власти осудить — к столетию автора «ГУЛАГа» Пономарева посадить. Такой подарок к юбилею, наглядный памятник Солжу: Лев говорит — не сожалею, мы отвечаем — посажу! Мероприятия к столетию — не торжества и не печаль: нет, надо плетью, надо клетью такие вещи отмечать.

Чего там, он, конечно, гений, но инструмент его — кулак: среди его произведений всего талантливей «ГУЛАГ». Беда была не в коммунистах, убийцах нравственных и чистых, не в их картавом жожаке в его кургузом пиджаке, беда не в белых и не в красных, не в стукачах и несогласных, не в плюралистах и столпах, не в атеистах и попах, не в соблазнительных идеях, чей гнусный шарм непобедим, и не в коварных иудеях, с кем вместе двести лет сидим, с их социальным непокоем и жаждой матерьяльных благ, — а просто здесь, чего ни строим, все превращается в ГУЛАГ, и вся культурная Рассея, поняв, что он неисцелим, об этом пишет «Воскресенье», «На дне» и «Остров Сахалин».

Таких жаровен и коптилен не знали ни в каком аду, и врут, что он неэффективен: ГУЛАГ не сводится к труду. Исконный смысл его явления, как понимает большинство, был в сокращенье населения, оптимизации его — а то плодится и плодится, ползет и ширится пятном... И если в чем у всех единство — то разве в кодексе блатном: кругом закон и феня урок, бугры, терпилы, блатари, кто поумнее — тот придурок, кто не придурок — тот умри; конструктор, ядерщик, акустик¹ — в «шарашку», чтобы не скучал; кто не

---

¹ См. «В круге первом».

опущен — тех опустят, кого отпустят — тот стучал... Вожди любой известной масти, кто староват, кто моложав, для одного стремятся к власти: чтоб править, всех пересажав. Вся сила лидера — в оскале, в колымизации. Еще б! А тех, кто больше выпускал, — как Горбачев или Хрущев, — тех, слава богу, не сажали, точнее, сажали не в тюрьму, причем они не возражали, поскольку знали, что к чему.

На свете нет такого мага, чтоб изменить такой удел. Никто не вышел из ГУЛАГА, кто в нем хоть сутки просидел: ни Березовский, ни Гусинский, ни рус, ни немец, ни поляк, ни Подрабинек, ни Радзинский, ни автор романа «ГУЛАГ», пусть даже он не переломан и сохранил свой честный лик.

Но как прекрасен этот роман! Все хороши, а он — велик: хотя «Денисыч», «Круг» и «Корпус», отчасти даже «Колесо», — все хороши, но это компас. В нем воплотилось наше все. Он, как плита, стоит под нами, источник общей мразоты: все преходяще, он — фундамент, синоним вечной мерзлоты, он нам и армия, и школа, видеоряд и звуко-ряд... Стоят без праведников села, а без ГУЛАГа не стоят.

И никакая перестройка не станет угрожать ему: на свете нету солнца столько, чтоб растопило Колыму. Порой тут сокращают сроки, чтоб бабки Запада привлечь, порой печатаются строки из «Пыток» и «Бутырских встреч»¹, но дальше, собственно, ни шагу. Навек бессмертен наш барак: как лучший памятник ГУЛАГу стоит нетронутый ГУЛАГ, надежен, крепок, потрясающ. В нем злобный вой и дикий рев, на нем доска, на ней Исаич, внутри сидит Пономарев.

Суверенное

...Как живу — так пишу, полагая, что где
Нету жизни — там, может быть, нету и смерти.

Нонна Слепакова, 1995

Не хочу, чтоб было как в Париже,
Где поныне страсти не остыли,
Где горит — хотя и дым пожиге —

---

¹ В том же «Круге первом».

То же пламя, что во дни Бастильи.
Не хочу, чтоб было как в Европе,
Где меньшинства нагло офигели,
Где, давно сплеться в одном окопе,
Атакуют беженцы и геи.
Не хочу, чтоб так, как в Украине,
С дикостью почти что африканьей,
Где настолько планку уронили,
Что нельзя прикрыть автокефальей.
Не хочу, чтоб было как в Британье,
Что самостоятельностью бредит,
Но теперь попала в испытанье,
Ибо ей не разрешают «Брекзит».
Не хочу, чтоб было как при Трампе, —
Санкциями, твари, задолбали, —
Но еще страшней при этой тряпке,
Болтуне и чмошнике Обаме.
Не хочу, чтоб было как в Мадриде —
Воздух там горячий и соленый
И который год уже, смотрите,
Мучатся разводом с Барселоной.
Не хочу, чтоб было как в Дамаске,
Где ИГИЛ¹ досель не уничтожен
И от Штатов, действующих в маске,
Неповинный бедствует ... ².
Не хочу, чтоб было как в Италии,
Где полно скандалов и протеста,
Где у всех бывают генитальи,
А у нас давно пустое место;
Не хочу, чтоб было как в Алжире,
Не хочу, чтоб было как в Гаване,
Где на честь и совесть положили,
А Россию вечно предавали;
Где цветут циничные пороки,
Где в трущобах ад и хуже ада, —
Не хочу, чтоб так, как на Востоке,
Но и как на Западе — не надо,

---

¹ Он запрещен в России.

² Пропуск, потому что его там нет.

Где полно госдеповских печенек,
Где согласны слушать «Пусси Райот» —
Люди там не могут жить без денег,
Люди там живут и умирают.
Не хочу в Бейруте и Багдаде,
Не хочу в пустынном Эр-Рияде,
Не хочу в Суоми и в Пекине,
А хочу в соломе и в мякине,
В тех краях, где нет пучин и бедствий,
В тех краях, где нет причин и следствий,
Правых и языческих уклонов,
Права и физических законов, —
Где любой исход давно отыгран,
Где бессильны пафос и анализ,
Где и жизнь сама — смотри эпитаф —
Кончилась, не то не начиналась.

Из цикла «Песни славянских западников»

Итоговое

На итоги года виновато
Смотрит декабрьская Россия
И, почти не видя адресата,
Повторяет: спаси мя, спаси мя.

— Мы не можем унять твою кручину, —
Внешний мир отвечает устало, —
Нам спасти тебя как бы не по чину,
Это ты же нас обычно спасала.

Нас спасала, сдававшихся покорно,
То от фюрера, а то от Мамаея,
Потому что они в тебе по горло
Увязали, хребет себе ломая.

Да к тому же у нас свои напасти —
То жилеты, то беженцы, то бабы,
И не знаем, кто спас бы нас отчасти,
В том числе, дорогая, от тебя бы.

Потому что у нас тут после Крыма
Воцарился такой моральный климат,
Что тебя уже вычли из мейнстрима
И похоже, что обратно не примут.

Вообще же мы, как в печке поленья,
Что-то чувствуем вроде утомленья
От объятий твоих и от проклятий
И других однообразных занятий.

Да и бардам порядком надоело
Воспевать твоё бескрайнее тело,
Уважать твои ракеты и зоны
За балеты и русские сезоны.

Оставайся собою там, за буюм,
И хлещи своих умников по роже,
Мы же вмешиваться больше не будем,
Потому что оно себе дороже.

**— Русофобы поганые вам имя! —
Говорит она сурово и круто
И твердит свое «Спаси мя, спаси мя!» —
Обращаясь к незримому кому-то.**

Отвечает ей Спаситель Небесный:
— Ты бывала мне многих любезней.
Много раз я спасал тебя над бездной,
Иногда подхватывал и в бездне.

Я спасал тебя за целость и смелость,
За отвагу, широту и искусство,
Но теперь это все куда-то делось,
И смотреть на вас не тошно, а скучно.

На вершине — злодей неинтересный,
Оппозиция — сушеные смоквы,
И, по правде, твоих пресс-конференций
Ни в раю, ни в аду уже не смотрят.

На пространстве беззащитном, разверстом, —
Только злоба, тоска и благочинность.
Ты не можешь удивить нас злодейством,
А всему остальному разучилась.

Точно так же лоханулся и Триер,
Отличившийся усердием потным:
Он-то думал, что он снимает триллер,
А смешал снотворное со рвотным.

Замечаю задумчиво и скорбно:
Иссыкает и бездонная сися,
Я теперь повернусь к тебе не скоро.
Если хочешь спастись — сама спасися.

Но Россия, иссыхая от жажды,
Безнадёжно отвечает ему же:
— Я спасалась и однажды, и дважды,
Но не лучше получалось, а хуже.

— Значит, — молвит он, — таков приговор мой:
Раз ты так повторяешься упорно,
То приходится считать это нормой,
Хоть какая это, к дьяволу, норма.

Раз никто за множество столетий
До сих пор тебя не спас и не схавал —
Верно, правит тобою кто-то третий,
Не описанный, не Бог и не дьявол.

Одинокое Кощеево царство,
Ты для гунна чужда и для китайца...
Кто захочет — в одиночку спасайся,
Остальных выручать и не пытайся.

Так и будешь стоять среди трясины,
Бесконечной, великой и убогой,
Повторяя: «Спаси мя! Спаси мя!» —
А внутри умолая:
«Не трогай».

ОТ АВТОРА	7	Пятьдесят поросят	47
ОГОНЬКОВСКИЙ		Ода борьбе	48
ПЕРИОД.	9	Нулевой рэп.	50
Юбиляр	11	Корабль «Электрон».	51
Чрезвычайная ода	13	Развод.	53
Битва титанов	14	Московский марш	54
Наказанное корыстолюбие, или Блудный отец.	16	Хотят и могут	56
Разбор полетов	18	Кони привередливые.	57
Сдача	20	Родиться вновь!	59
Пара крутых	22	Моление о сале	60
Подавившиеся лимоном	24	Желание быть двойным	62
Тайна пола	26	Сам себе Горбачев	63
Послание к Ирине		Божий спирт	65
Хакамаде, как если бы она		Подражание	
домогалась моей любви	27	Вознесенскому	67
Какой ты!	29	Памятник	68
Юбилейный разговор		Отключенные	70
с товарищем		Козельо едет	71
Андроповым	31	За всех!	72
Песнь о вещем		Флаг в руки	74
Владимире	32	Девиантная рота.	75
Зеленый друг.	34	Анафема.	77
Инаугурант Буш	35	Грызуны.	78
Неправильная победа	36	Китайский синдром.	79
Присяга	38	Чуянка	81
Баллада о бедной армии	39	Даешь!	82
Кока-кома	41	По кругу.	84
Раздача осла	42	Некуршевель.	85
Пропавшая грамота.	44	Просьба о снеге.	87
Под спуном	45	Черта личности	88
		Не по лжи!	90

Понаезд	91	2010.....	153
Любовь и газ	93	Каникулярное.....	153
Большая элегия		Медвежий образ.....	155
Анатолию Чубайсу.....	94	Сейсмическое.....	156
Стихи о российском		Оттепельное	157
паспорте.....	96	Мартовское	159
Welcome!	97	Русский инвалид	161
Наша жена	99	Жалобная	
День левши	101	возвращенческая	162
Нянчить!	102	Альтернативное	164
Московская казачья.....	104	Подражание Галичу.....	165
Великий пост.....	105	Памяти сороковых	167
Парадиз	106	Распадское.....	169
Ода симметрии.....	108	Триумфальное.....	170
Баллада о клизме	110	Гурзуфское.....	172
Правоправила.....	111	Мечтательное	174
Читай!	113	Преведственное	175
Трудармия	114	Осьминогое.....	177
Маршеобразное	116	Температурное	178
Богатство.....	117	Грабительское.....	180
Махатматическое.....	119	Полицейское	182
Икона	120	Незнайческое	183
Подкупленные.....	122	Химкинская баллада	185
Нарру birthday!.....	123	Калиновое	186
Некрасовское	125	Полубюбилейное	188
Проплаченное.....	127	Глава и кепка.....	190
Разочарованный.....	128	Верность	192
		Фрикционное	193
НОВОГАЗЕТНЫЙ		Баллада о синяке	195
ПЕРИОД.....	131	Сносное	196
2009.....	133	Кинологическое	198
Синоптическое.....	133	Ваша честь.....	200
No escaragan	134	2011.....	202
Мадагаскарское	136	Первоканальное.....	202
Повапленное.....	138	Женское.....	204
Фальсификация	139	Природное.....	205
Наценочное.....	141	Никейское.....	207
Путеводительское	143	Люстрация.....	209
Десять лет спустя	145	Античное.....	210
Arosalypse now	147	Жирное	211
Тарифное.....	148	Богоданное	213
Пирамидальное	150	Чадолубивое	214

Тарасовское.....	215	2014.....	274
Август.....	217	Папуасское.....	274
Спутниковое.....	218	Боксерское.....	276
Безвыборное.....	219	Сочинское.....	278
Ящичное.....	220	Болотническое.....	279
Разногласное.....	222	Островное.....	280
Революционный этюд.....	223	Колонное.....	281
Копрофобическое.....	225	Бедное.....	283
Предновогоднее.....	226	Дождливое.....	285
2012.....	228	Разговорное.....	286
Лирическое.....	228	Миротворческое.....	287
Поздравительное.....	230	Футурологическое.....	289
Победоносное.....	232	Доказательное.....	291
Полпредное.....	233	Гомерическое.....	292
Большая Элегия		Теологическое.....	294
Джонни Деппу.....	235	На два адреса.....	295
Уходительское.....	236	Вовсе.....	296
Одно Предложение.....	238	Грубоватое.....	296
Мольба.....	239	Географическое.....	297
Баллада Сравнений.....	240	Памяти павших.....	299
Нобелевское.....	242	Звук.....	300
Объяснительное.....	243	2015.....	302
Календарное.....	245	Вражеское.....	302
Оправдание КС.....	246	Послание Шувалову	
Скрепляющее.....	248	о пользе ***ла.....	303
2013.....	250	Брачное.....	305
Сиротинушка.....	250	Преемническое.....	307
Сталинофильское.....	251	Сыновнее.....	308
Метемпсихическое.....	253	Самодовольное.....	310
Евразийское.....	254	Беременное.....	311
Некрасовское-2.....	256	Юбилейное.....	313
Благодарственное.....	257	Пожарное.....	314
Погодное.....	258	Беженское.....	315
Реакционное.....	260	Ассамблейное.....	317
Восточное.....	261	Мантра.....	319
Социологическое.....	262	Повесть о двух городах.....	320
Символическое.....	264	Вполголоса.....	321
Утешительное.....	265	Памятка.....	324
Акционистское.....	267	Заборное.....	325
Идеологическое.....	268	2016.....	327
Элегия.....	270	Хитростное.....	327
Обменная.....	271	Насильное.....	329

Минкультовое	331	Love story	388
Меняльное	333	Собаچه	390
Шекспировское	335	2018	392
Отдельное	336	Возвращенческое	392
Пограничное	338	Погруженское	393
Голодецкая баллада	339	Благодарственное	394
Полковничья баллада	341	Караванное	396
Answered prayers	342	Победоносцевское	398
Аксиологический вальс	344	Они	399
2017	346	Савченковское	402
Периодическая Баллада	346	Комплиментарное	404
Обрядовое	348	Понедельник	405
Не сдать	349	Разъяснительное	406
Последний срок	351	Гостеприимное	407
Сносное-2	353	Форумное	409
Обыскательное	354	Гостевое	411
На Трехлетие	355	Нешуточное	412
С обратной точки	357	Сборный марш	414
Сомнение	359	Двое	416
Тройка	361	Неюбилейное	418
Гамбургский счет	362	Санкционное	420
Иван Грозный		Искусительское	421
не убивает своего сына	364	Два бойца	423
Русское	366	Дуэльное	424
Ынская баллада	367	Конвертационное	426
Столичное	369	Баллада	
Ad fera gaudia	370	о перевоспитании	427
Открытка	372	Сон о баране	429
Бог из машины	374	Новая песня о Родине	430
Губернаторское	376	Попытка фарисейства	432
Поздравленческое	378	Баллада бесприютности	434
Быковое	380	Памятник	437
Мизантропическое	382	Суверенное	438
Домогательское	384	Из цикла «Песни	
Африканское	385	славянских западников»	
Сострадательное	387	Итоговое	440

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Быков Дмитрий Львович

ЗАРАЗНЫЕ ГОДЫ

Ответственный редактор *Э. Каленюк*

Выпускающий редактор *А. Сергеева*

Художественный редактор *С. Власов*

Технический редактор *О. Лёвкин*

Компьютерная верстка *М. Караматозян*

Корректор *Н. Хотинский*

В оформлении обложки использована иллюстрация:

[iku4 / Shutterstock.com](http://iku4/Shutterstock.com)

Используется по лицензии от Shutterstock.com

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Интернет-магазин : www.book24.ru

Интернет-магазин : www.book24.kz

Интернет-дүкен : www.book24.kz

Импортер в Республику Казахстан ТОО «РДЦ-Алматы».

Қазақстан Республикасындағы импорттаушы «РДЦ-Алматы» ЖШС.

Дистрибутор и представитель по приему претензий на продукцию,

в Республике Казахстан: ТОО «РДЦ-Алматы»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша арыз-талаптарды

қабылдаушының өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС,

Алматы қ., Домбровский көш., 3«а», литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 251-59-90/91/92; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сертификация туралы ақпарат сайтта: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ

о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Эксмо»

www.eksmo.ru/certification

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.04.2019. Формат 84x108¹/₃₂.

Гарнитура «Charter». Печать офсетная. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 2000 экз. Заказ 2689.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

16+

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
ОДНА КНИГА КАК КНИГ

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо», 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1, многоканальный тел.: 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru*

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел.: +7(495) 411-68-59, доб. 2261.
E-mail: Ivanova.ey@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс: +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

В Санкт-Петербурге: в магазине «Парк Культуры и Чтения БУКВОЕД», Невский пр-т, д. 46.
Тел.: +7(812)601-0-601, www.bookvoed.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
Москва. ООО «Торговый Дом «Эксмо». Адрес: 123308, г. Москва, ул. Зорге, д. 1.
Телефон: +7 (495) 411-50-74. E-mail: reception@eksmo-sale.ru

Нижегород. Филиал «Торгового Дома «Эксмо» в Нижнем Новгороде. Адрес: 603094,
г. Нижний Новгород, ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Глаза».

Телефон: +7 (831) 216-15-91 (92, 93, 94). E-mail: reception@eksmonn.ru
Санкт-Петербург. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Санкт-Петербурге. Адрес: 192029,
г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны,

д. 84, лит. «Е». Телефон: +7 (812) 365-46-03 / 04. E-mail: server@szko.ru
Екатеринбург. Филиал ООО «Издательство Эксмо» в г. Екатеринбурге. Адрес: 620024,
г. Екатеринбург, ул. Новинская, д. 2ш. Телефон: +7 (343) 272-72-01 (02/03/04/05/06/08).
E-mail: retova.ea@ekat.eksmo.ru

Самара. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Самаре.
Адрес: 443052, г. Самара, пр-т Кирова, д. 75/1, лит. «Е».
Телефон: +7(846)207-55-50. E-mail: RDC-samara@mail.ru

Ростов-на-Дону. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 А. Телефон: +7(863) 303-62-10. E-mail: info@rmd.eksmo.ru
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Ростове-на-Дону. Адрес: 344023,
г. Ростов-на-Дону, ул. Страны Советов, д. 44 В. Телефон: (863) 303-62-10.

Режим работы: с 9-00 до 19-00. E-mail: rostov.mgr@rmd.eksmo.ru

Новосибирск. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Новосибирске. Адрес: 630015,
г. Новосибирск, Комбинатский пер., д. 3. Телефон: +7(383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

Хабаровск. Обособленное подразделение в г. Хабаровск. Адрес: 680000, г. Хабаровск,
пер. Дзержинского, д. 24, литера Б, офис 1. Телефон: +7(4212) 910-120. E-mail: eksmo-khv@mail.ru
Тюмень. Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Тюмени.

Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Тюмени.
Адрес: 625022, г. Тюмень, ул. Алябьевская, д. 9А (ТЦ Перестройка+).
Телефон: +7 (3452) 21-53-96/97/98. E-mail: eksmo-tumen@mail.ru

Краснодар. ООО «Издательство «Эксмо» Обособленное подразделение в г. Краснодаре
Центр оптово-розничных продаж Cash&Carry в г. Краснодаре
Адрес: 350018, г. Краснодар, ул. Сормовская, д. 7, лит. «Г». Телефон: (861) 234-43-01(02).

Республика Беларусь. ООО «ЭКSMO АСТ Си энд Си». Центр оптово-розничных продаж
Cash&Carry в г. Минске. Адрес: 220014, Республика Беларусь, г. Минск,
пр-т Жукова, д. 44, пом. 1-17, ТЦ «Outlet». Телефон: +375 17 251-40-23; +375 44 581-81-92.

Режим работы: с 10-00 до 22-00. E-mail: extmoast@yandex.by
Казахстан. РДЦ Алматы. Адрес: 050039, г. Алматы, ул. Домбровскийого, д. 3 «А».
Телефон: +7 (727) 251-59-90 (91,92). E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Интернет-магазин: www.book24.kz

Украина. ООО «Форс Украина». Адрес: 04073 г. Киев, ул. Вервояк, д. 17а.
Телефон: +38 (044) 290-99-44. E-mail: sales@forsukraine.com

Полный ассортимент продукции Издательства «Эксмо» можно приобрести в книжных
магазинах «Читай-город» и заказать в интернет-магазине www.chitai-gorod.ru.
Телефон единой справочной службы 8 (800) 444 8 444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.book24.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

ISBN 978-5-04-101283-0

9 785041 012830 >

EKSMO.RU
НОВИНИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«Заразные годы» – новая книга избранных писем счастья Дмитрия Быкова за разные годы. Мало кто помнит, что жанр злободневной поэтической колонки начался еще в огоньковский период автора.

С тех пор прошло уже больше 20 лет: письма счастья перекочевали в «Новую газету» и стали ассоциироваться только с ней. За эти годы жанр не надоел ни автору, ни читателям – что еще нужно, чтобы подтвердить знак качества?

В книгу **«Заразные годы»** войдут колонки последних лет и уже признанные шедевры: троянский конь украинской истории, приезд Трампа в Москву, вечный русский тандем, а также колонки, которые многие не читали совсем или читали когда-то очень давно и успели забыть, – к ним будет дан краткий исторический комментарий.

Читая письма счастья, вспоминаешь недавнюю и самую новую историю России, творившуюся на наших глазах и даже с нашим участием.

ISBN 978-5-04-101283-0

9 785041 012830 >